

ВВЕДЕНИЕ

Данная книга является заключительной частью трилогии, посвященной общей теории глобализации, которая активно занимает меня два последних десятилетия. В двух предыдущих монографиях глобализация предстает как естественноисторический процесс, а глобальный мир как объективная реальность, составной частью которого стало глобальное человечество. При этом если в *первой* книге¹ проанализированы истоки глобальных процессов и основные этапы их развития в различных сферах общественной жизни, то во *второй*² — глобализация показана как бы изнутри общества, когда она выступает в неразрывной связи с культурным и цивилизационным развитием отдельных общественных систем и, таким образом, формирует глобальное человечество в целом как единую культурно-цивилизационную систему.

Теперь, опираясь на проведенные исследования, ставится задача *показать структуру и динамику изменений глобального мира с точки зрения того, как он эволюционирует в качестве целостной, стихийно регулируемой и совсем неуправляемой культурно-цивилизационной системы, а также проанализировать наиболее вероятные пути и сценарии его дальнейшего развития.*

Исследование начинается с выявления геополитических реалий XXI века и анализа взаимодействия основных субъектов на мировой арене, которые являются неотъемлемой частью глобального мира и которые по существу и в первую

¹ Чумаков А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира: монография. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. 448 с.

² Чумаков А. Н. Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст: монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: Проспект, 2017. 496 с.

очередь определяют характер современных международных отношений. На эту тему имеется множество всевозможных исследований и публикаций, но таких, которые исходили бы из *целостного понимания современного мира и единого человечества*, вкупе с *геосферой* и *биосферой* составляющего *триосферу* Земли¹, пока нет. Вместе с тем, время для такого анализа прошло. Более того, оно стремительно меняется не только под влиянием усиливающейся многоаспектной глобализации, но и по причине нарастающей информационно-технологической революции, когда все более совершенные технологии, средства связи и коммуникации делают не только страны и народы, но и всех жителей планеты единым сообществом, целостной системой. Как следствие — на мировой арене растет конкуренция, усиливается противостояние, обостряется борьба за доминирование и лучшие позиции в экономике, политике, культуре, идеологии. Такого рода проблемы, именуемые со времени их «открытия» во второй половине XX века глобальными, не могут быть решены без теоретического осмысления их природы, сущности и породивших причин, равно как и без объединения усилий и согласованных действий абсолютного большинства жителей Земли. Детали и отдельные факты позитивного или негативного взаимодействия различных сторон в деле преодоления общих для всех проблем не имеют принципиального значения, если стоит задача найти принципиальные решения для благополучного будущего планетарного человечества, каковым оно по сути уже является.

В этой связи хотел бы особо подчеркнуть, что данная книга изначально задумывалась не только и не столько для сообщения каких-то жизненно важных сведений и конкретной информации, сколько для обобщения и подведения итогов многих лет творческой работы. Она порождена размышлениями о современном мире и собственной судьбе, которая на конкретном историческом отрезке времени тесно переплелась с жизнью моей страны, да и человечества в целом, поскольку волею об-

¹ См.: *Чумаков А.Н.* Глобализация. Контуры целостного мира: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2014. С. 171–172.

стоятельств я был одним из солдат Холодной войны¹. Затем, обучаясь на философском факультете МГУ, работая в Правлении Всесоюзного общества «Знание» ученым секретарем секции «Общественных наук», Главным ученым секретарем Философского общества СССР и Первым вице-президентом Российского философского общества, объездил практически весь Советский Союз, посетил множество зарубежных стран и теперь меня не покидает ощущение того, что судьба каждого из нас — ныне живущих — так или иначе связана с судьбой всех людей, живших, живущих сейчас и тех, кто будет жить после нас на Земле. Отчасти этим объясняется тот факт, что на далеко незавершенное осмысление мировых процессов и современных общественных отношений ушла вся моя сознательная жизнь, а для непосредственного написания данной работы, где фиксируется мое нынешнее понимание рассматриваемых проблем, потребовалось более десяти лет. При этом главную цель этой книги вижу не столько в том, чтобы предложить готовые решения, пригодные к использованию и применению уже «здесь и теперь», а в том, чтобы побудить к размышлениям о прошлом, настоящем и будущем как всего человечества, так и отдельных культурно-цивилизационных систем, в том числе и России; а уже с этих позиций задуматься над наиболее оптимальными путями решения актуальных проблем современности, обусловленных глобализацией.

Не питаю иллюзий, что прожитые годы, накопленный опыт и многие годы творческой работы в области философии и глобалистики, положенные в основу сделанных в этой книге выводов и обобщений, привлекут пристальное внимание значительного

¹ Автор этих строк проходил срочную службу в Чехословакии с 1968 по 1970 г., когда туда были введены войска стран Варшавского договора. Затем, после окончания Хадыженского нефтяного техникума, с 1972 по 1975 г. был непосредственным участником испытания ядерного оружия (бурил скважины для подземных ядерных взрывов на Семипалатинском и Новоземельском ядерных полигонах). См.: *Чумаков А.Н., Нестеренко Н.Я.* История одного техникума. Хадыженский нефтяной. М.: Проспект, 2014; *Чумаков А.Н.* Солдаты Холодной войны: хроники оборонного предприятия «Гидромонтаж» (1955–1991 гг.) / под ред. А.В. Буренкова. М.: ИнфоВелт, 2016. С. 509–516; *Клочков И.Е.* Призванные «Холодной войной». Селятинцы 1955–1992 годов. Тамбов: ООО «ТПС», 2017. С. 202–204.

количества людей, по крайней мере сразу. И тому есть серьезные основания. Вряд ли Дидро был первым, кто высказал эту мысль, но, во всяком случае, именно он еще в XVIII в. хорошо сказал, что «вообще дитя, так же как и взрослый человек, и взрослый человек, так же как и дитя, предпочитают забавное поучительному»¹.

И теперь в этом отношении мало что изменилось, подтверждением чему являются слова основателя и первого президента Римского клуба Аурелио Печчеи, который со своими единомышленниками пытался привлечь внимание к глобальным проблемам современности, когда они еще не стали предметом всеобщего внимания. Подводя итоги таких усилий, он, в частности, не без горечи писал: «Наши упорные скитания по свету не привели, по сути дела, ни к каким осязаемым результатам — как будто бы глобальные проблемы, к которым мы стремились привлечь всеобщее внимание, касались вовсе не нашей, а какой-то совсем иной, далекой планеты. Создавалось впечатление, что большинство людей, которых мы встречали в наших странствиях, готовы были всячески приветствовать создание Римского клуба — при условии, однако, что он никоим образом не будет вмешиваться в их повседневные дела и не посягнет на их интересы. В общем, нам оставалось констатировать, что никто не только не выразил готовности уделить на благо будущего всего человечества хоть какую-то долю своего времени, денег или общественного престижа и влияния, но даже, по-видимому, и не верил, что подобные жертвы с их стороны могут привести хоть к каким-нибудь положительным результатам. Короче говоря, наши слова нашли не больше отклика, чем проповеди папы римского, увещевания Генерального секретаря ООН У Тана или, скажем, предостережения обеспокоенных ученых и мыслителей. Создавалось впечатление, что их забывали еще до того, как слышали»².

Дополнительным аргументом к сказанному являются и две мои упомянутые выше книги, предшествовавшие данной в ос-

¹ Дидро Д. Монахиня. Племянник Рамо. Жак-фаталист и его Хозяин. М.: Правда, 1984. С. 261.

² Печчеи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1980. С. 99.

мыслении процессов глобализации. Первая из них, наполненная содержательной информацией и опирающаяся на множество фактических данных и исторических примеров, за десять лет после выхода первого издания трижды переиздавалась, много раз допечатывалась и привлекла гораздо большее внимание, чем вторая книга, посвященная философским обобщениям культурного и цивилизационного развития общества — от локально устроенного до глобального состояния человечества. Требуемая, несомненно, больших познаний, определенной философской подготовки и интеллектуальных усилий для понимания сути ее содержания, она вышла годом позже первой книги и была переиздана только десять лет спустя. С учетом замечания Д. Дидро и слов А. Печчеи следует полагать, что эта, третья книга, истинный смысл которой может быть понят только в контексте первых двух, привлечет еще меньшее количество *вдумчивых* читателей, чем вторая книга, что вовсе не смущает меня и не является препятствием к тому, чтобы продолжать работу над давно начатым исследованием. Вижу в этом глубокий смысл и даже необходимость, поскольку вполне очевидно, что теоретическое осмысление глобализации без ее тесной связи с реалиями общественной жизни следует рассматривать как занятие хотя и весьма полезное, но далекое от насущных проблем современности.

В подведение итогов проделанной работы не могу не вспомнить легендарного античного философа Сенеку и его замечательные слова из первого письма к Луцилию, когда он пишет: «Все у нас, Луцилий, чужое, одно лишь время наше. Только время, ускользающее и текучее, дала нам во владенье природа, но и его кто хочет, тот и отнимает. Смертные же глупы: получив что-нибудь ничтожное, дешевое и наверняка легко возместимое, они позволяют предьявлять себе счет; а вот те, кому уделили время, не считают себя должниками, хотя единственно времени и не возвратит даже знающий благодарность»¹.

Именно поэтому и хочу выразить глубокую благодарность всем, кто прямо или косвенно принимал участие в обсуждении

¹ *Сенека Л.А.* Нравственные письма к Луцилию. М.: Ладомир; Наука, 1993. С. 5.

ключевых тем и содержания книги, кто уделил мне свое время для бесед и дискуссий. Это, конечно же, участники междисциплинарного семинара «Проблемы глобалистики», который мы совместно с А.В. Кацурой, И.К. Лисеевым и А.Д. Королевым с 2000 г. ежемесячно проводим на базе Президиума Российского философского общества и Института философии РАН. Особо ценными считаю многочисленные private беседы и дискуссии с А.В. Кацурой, что всегда является для меня серьезным стимулом к творческой работе. Считаю большой привилегией и хорошей школой вести острую полемику с И.А. Гобозовым по вопросам глобализации¹, с Х.А. Барлыбаевым по проблемам устойчивого развития, с А.Д. Королевым в оценке исторических и современных событий, что при всем несовпадении наших взглядов и подходов нисколько не мешает сохранять нам на протяжении десятилетий добрые и уважительные отношения.

Несомненно, что на структуру и содержание книги благотворно повлияла моя многолетняя работа на Факультете глобальных процессов МГУ, где я читаю курс «Теоретическая глобалистика» и имею удовольствие общаться с замечательными студентами и такими неординарными специалистами в области глобальных исследований, как А.Д. Урсул, И.В. Ильин, И.И. Абылгазиев, Ю.Н. Саямов, И.А. Алешковский и др. Постоянная переписка и периодическое личное общение с зарубежными коллегами: Ань Цинянем, Джан Байчунем, Ту Веймином, Эрвином Ласло, Иоанной Кучуради, Вильямом Гаем, Роландом Робертсоном, Михаилом Сергеевым, Лукой Скарантино, Голамрезой Авани, Виктором Гомез Пином, Гилбертом Ахамером и многими другими также сделали книгу более содержательной и взвешенной в оценках.

Не имея возможности назвать всех, кому хотелось бы сказать слова благодарности за уделенное время и внимание, считаю своим долгом выразить сердечную благодарность Л.Е. Гринину, истинному подвижнику в науке, с которым мы основали и уже

¹ См.: *Гобозов И. А.* Государство и национальная идентичность: Глобализация или интернационализация? М.: ЛИБРОКОМ, 2013; *Чумаков А. Н.* О глобализации с объективной точки зрения // Век глобализации. № 2(14). 2014. С. 39–51.

десять лет издаем журнал «Век глобализации», на страницах которого стремимся отразить все лучшее и наиболее важное в отечественной и зарубежной глобалистике.

Наконец, заслуженное признание выражаю коллективу издательства «Проспект» и, прежде всего, его основателю и директору — Леониду Владимировичу Рожникову, у которого многие годы нахожу неизменную поддержку своим творческим начинаниям, в том числе и в издании данной трилогии, посвященной общей теории глобализации.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Эта книга не для легкого и быстрого чтения. Она поднимает непростые и актуальные вопросы, которые по большей части составляют основу нашей повседневности и определяют будущее общественного развития. Исследование такой темы предполагает использование определенных методов, принципов и подходов как уже давно известных и доказавших свою эффективность, так и принципиально новых, имеющих особое значение в том или ином конкретном контексте.

Важно также подчеркнуть, что предлагаемая тема и рассматриваемые в ней вопросы требуют максимальной концентрации внимания на том, что является главным, существенным, основополагающим в жизни общества и отдельных людей. Особое значение имеет и корректная оценка действия как объективных сил и тенденций, так и роли субъективных факторов при рассмотрении социальных процессов и явлений. Все это определило содержание и стиль подачи материала данной книги, который ориентирован на то, чтобы сделать язык изложения как можно проще, «но не проще, чем можно», как справедливо подчеркивал Эйнштейн. В этой связи, как и прежде, в начале каждой главы приводятся ключевые понятия, основная цель которых — сделать позицию автора предельно ясной, а текст по возможности более доступным и легким для чтения; отчасти по этой же причине в конце каждой главы кратко формулируются основные выводы, вытекающие из содержания соответствующих глав. Хотелось бы думать, что все это будет способствовать также привлечению дополнительного внимания не только узких специалистов, но и более широкого круга лиц к продолжению исследований столь непростой темы.

Выводы и обобщения, представленные в книге, основаны в том числе и на проведенном до этого исследовании, а также на анализе множества фактов и конкретных данных, ссылки на которые приводятся лишь в тех случаях, когда это явно необходимо. Сегодня в условиях информационной перенасыщенности и доступности к бесконечному множеству информационных ресурсов нет смысла перегружать содержание книги конкретными цифрами, фактами, графиками, схемами, таблицами и т.п., которые, в случае надобности, легко можно получить через Интернет и другие источники информации. К тому же в стремительном информационном потоке такого рода данные быстро обновляются, изменяются, устаревают.

В ряде случаев суждения представлены в виде экспертных оценок и заключений и носят по большей части философский характер, отражая мировоззренческую и профессиональную позицию автора. Ценность же таких выводов состоит в том, что творческую работу подобного свойства, в немалой степени основанную на интуиции, способен выполнить только человек, поскольку такого рода творчество нельзя запрограммировать. К тому же здесь важно не только то, насколько точными окажутся те или иные прогнозы, но и то, как с точки зрения экспертной оценки при вполне конкретной и достаточно ясно выраженной мировоззренческой позиции автора выглядят тенденции мирового развития, предопределяющие будущее.

Подчеркнем также, что в данном исследовании встречаются суждения и исходные позиции, положенные в основу рассуждений и выводов автора без их дополнительного уточнения. Это имеет место в тех случаях, когда дело касается таких тем, как, например, «культура», «цивилизация», «глобализация», «триосфера», «культурно-цивилизационные системы», «рай на Земле» и т.п., которые уже специально рассматривались в двух моих предыдущих книгах. А поскольку настоящий том составляет с ними единое целое, и его содержание опирается, прежде всего, на итоги исследования и выводы двух предыдущих монографий, посвященных теории глобализации, то в данной работе по ходу изложения текста будут встречаться отсылки к уже полученным результатам и выводам. Иными словами, в случае необходимо-

сти уточнения позиции автора следует обращаться к содержанию предыдущих работ.

Предлагая определенную схематизацию истории, выделяя в ней различные этапы, периоды, поворотные пункты и т.п., следует иметь в виду, что таким образом предпринимается попытка реконструировать, систематизировать, упорядочить, соотнести исторические события, которые могут быть рассмотрены и с другой точки зрения, в ином ракурсе, с акцентом на другие обстоятельства. Тогда периодизация будет выглядеть иначе; при этом, не решая прежних, она может создавать возможности для решения новых задач. Как справедливо отмечает Д. Белл: «Наш мир отличается от прежнего масштабами и многообразием. И любая попытка сконструировать схему, которая адекватно описывала бы и прошлое, и настоящее, неизбежно разобьется об эти различия»¹. Таким образом, к любой схеме следует относиться с известной долей условности, упрощения, понимая, что живой исторический процесс на самом деле гораздо более сложное явление, чем это можно изобразить схематически. И, тем не менее, использование такого рода приемов вполне оправдано, поскольку позволяет сконцентрировать внимание на главном, абстрагируясь в каждом конкретном случае от несущественного, второстепенного.

Анализируя современный мир с позиции динамики и вектора его исторического развития, обусловленного глобализацией, а также уделяя внимание, прежде всего, основным субъектам международных отношений (т.е. наиболее крупным и значимым общественным системам, поддающимся управлению), будем учитывать то обстоятельство, что в реальной жизни нередко приходится иметь дело с явлением, которое следовало бы охарактеризовать как **«синдром доминирования одной темы»**. Его можно назвать еще **«синдромом заикленности»**. Как правило, это происходит тогда, когда в силу особой социально-политической, идеологической или экономической значимости то или иное событие оказывается в центре общественного внимания определенное, подчас продолжительное время, в первую очередь

¹ Белл Д., Иноземцев В.Л. Эпоха разобщенности: Размышления о мире XXI века. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2007. С. 212.

за счет постоянного присутствия и тиражирования в средствах массовой информации. Нередко такие ситуации политически или идеологически ангажированы и призваны определенным образом воздействовать на широкое общественное сознание. Примерами «синдрома доминирования одной темы» в недавнем прошлом или в настоящее время могут быть, в частности, выборы президента США, ситуация вокруг Сирии, резонансные террористические акты и т.п. Реальное значение такого рода событий для истории и дальнейшего общественного развития в полной мере проясняется, как правило, только с течением времени.

Наконец, обсуждая социальные проблемы, где сталкивается множество интересов, мнений, точек зрения и позиций, будем иметь в виду два непреложных правила (две извечные закономерности), которые, так или иначе, имеют место в любом обществе:

1. *В истории человечества еще не было сотворено или придумано такой ахинеи или беспросветной глупости, у которой не нашлось бы хотя бы одного последователя.*

2. *В истории человечества еще не было открыто или высказано такой даже абсолютно очевидной истины, у которой не нашлось бы хотя бы одного оппонента.*

Глава 1

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ XXI ВЕКА

*Топор зарыт в землю, но топорнице
на всякий случай под рукой.*

Генри Тизард

Основные понятия:

Геополитика — сфера международной деятельности, в рамках которой различные государства реализуют свои интересы, используя или ставя во главу угла географические факторы такие, например, как территория, географическое расположение страны, наличие ресурсов, транспортные коммуникации и т.п.

Гибридная война — новый вид осуществления насилия, основанного на силовой политике, в которой сочетаются и комплексно используются все доступные способы ведения боевых, разведывательных, идеологических, пропагандистских и иных действий.

Глобальные риски — потенциальные угрозы мировому сообществу, приходящие из нерешенных противоречий общественного развития на глобальном уровне.

Глобальный мир — совокупность естественных природных и общественных систем, образующих триосферу — единое целое, состоящее из гео- био- и социосферы планеты Земля.

Глобальный терроризм — особо опасная разновидность международной преступности, использующая технические достижения и коммуникационные возможности глобального мира для устрашения широких слоев населения и дестабилизации общественного положения посредством массовых убийств ни в чем не повинных людей.

Киберпреступность — разновидность противоправной деятельности, использующей возможности и достижения информатики, компьютерной и вычислительной техники в сфере виртуального пространства.

1.1. Витрины и задворки глобального мира

Мир общественных отношений всегда был соткан из противоречий и конфликтов. В различные эпохи он так или иначе пестрил контрастами во всех сферах жизни независимо от стран и народов. Не стало исключением и наше время, где соседствуют, сталкиваются, сосуществуют прошлое, настоящее и будущее, модерн и архаика, новации и традиции. Так, научно-технический прогресс и сопряженная с ним глобализация, сделали реальностью то, что еще вчера казалось фантастикой, подняв тем самым на небывалую высоту уровень и качество жизни определенной части человечества, именуемой «золотым миллиардом». Вместе с тем, большая часть населения Земли, пребывает в нищете и бедности. Испытывая нужду и голод, многие из них ведут каждодневную борьбу за свое выживание. Также, несмотря на грандиозные успехи цивилизационного развития, на нашей планете все еще проживают народы, которые ведут по существу первобытный образ жизни и до сих пор не ведают, что такое цивилизация.

В итоге в современном мире сложился колоссальный разрыв между избыточным богатством относительно небольшого меньшинства, буквально утопающем в непомерной роскоши, и вопиющей нищетой, убожеством существования большинства населения планеты. Все это сопровождается еще и такими контрастами как элитное образование и высокая культура одних и полная безграмотность, бескультурье других; чистота, порядок, изысканная архитектура ухоженных отдельных городов и населенных пунктов и грязь, трущобы, антисанитария других мегаполисов и поселений. Таким образом, все увеличивающийся разрыв между богатством и бедностью — одна из главных социальных проблем современного глобального мира. Люди пребывают в постоянной борьбе за лучшие условия жизни, но ситуация для абсолютного большинства из них не меняется к лучшему. Конечно, можно согласиться, что неравенство стимулирует развитие, но когда оно не регулируется, выходит из-под контроля общества и превышает разумные пределы, то становится уже не стимулом, а тормозом развития и источником всевозможных конфликтов, которые от локальных и реги-

ональных их проявлений теперь, в современную эпоху, вышли и на глобальный уровень. Как справедливо отмечает известный специалист по проблемам стран «третьего мира» А.А. Громыко: «Все мы сегодня — свидетели этого глобального социального конфликта. У него два полюса — богатый миллиард северян и бедные миллиарды южан»¹.

Таким образом, в современном мире под влиянием глобализации достаточно четко обнаружили себя две основные тенденции. С одной стороны, возрастает интеграция в различных сферах общественной жизни и, прежде всего, в экономике, образовании, науке. С другой стороны, все более усиливается дифференциация по таким параметрам как бедные и богатые, развитые и неразвитые, стабильные и нестабильные. Показательны в этом отношении актуальные и сегодня слова Фиделя Кастро, который еще в 1983 г., когда во всем мире стали активно обсуждать глобальные проблемы современности, писал, обращаясь к главам государств и правительств неприсоединившихся стран: *«Прежде всего общими для развивающихся стран являются... мучительные проблемы ужасающей нищеты и отсталости, огромная внешняя задолженность, которую большинство наших стран не в состоянии выплатить, все более несправедливые и неравноправные условия торгового обмена, страшная опасность ядерной войны, нависшая над всеми народами, в сочетании с небывалым расточительством средств на совершенно абсурдную гонку вооружений, ужасающее бремя эксплуатации наших народов, проявляющееся в самых разнообразных формах, и тяжелейшее историческое наследие — результат многовекового колониального и неоколониального грабежа наших стран, продолжающих и сейчас страдать от эксплуатации, которая стала как никогда изощренной, беспощадной и жестокой. Общими являются и горькое чувство беспомощности, которое испытывают многие правительства перед лицом подобных проблем, и озабоченность государственных деятелей политической нестабильностью, по-*

¹ Громыко А.А. Уроки мировой политики: порядок или правопорядок? М.; СПб.: Нестор-История, 2016. С. 142.

*рождаемой этими проблемами»*¹. С тех пор, как были сказаны эти слова, прошло более трех десятилетий, но принципиально практически ничего не изменилось. Об этом, в частности, говорит А.А. Громыко, когда пишет, что нищета и голод сопровождают человечество и сегодня. «Почти половина населения Земного шара, — отмечает он, — живет на 2 долл. в день, а более чем миллиард прозябает на 1 долл. и даже меньше... Нищета широко распространена не только в развивающихся странах, как правило, самых бедных, она есть и в странах состоявшихся, даже богатых, где ее, казалось бы, быть не должно»².

Можно привести множество и других доказательств бедственного положения в области социально-экономического неравенства, но и без того вполне очевидно, что не только реальное положение дел на планете не становится лучше, но и динамика их изменений не дает оснований для оптимизма. При этом дело не только в том, что нет соответствующих решений и действий. Куда более важным является то, как данная ситуация воспринимается на уровне массового сознания в целом, не говоря уже о правящих элитах и тех, кто принимает решения, от которых зависит судьба многих миллионов, если не миллиардов людей. К сожалению, и здесь ситуация не лучше. Как отмечает А.А. Громыко: «Нельзя не удивляться равнодушию, с которым все мы относимся к вымиранию от голода и болезней миллионов несчастных. — Но, говорит он далее, — кому какое дело до вымирания людей где-то там, «за горизонтом», если на Земле ведутся бесконечные войны, а милитаристы, запугивая сограждан друг другом, ходят в героях и увешаны, даже в мирное время, орденами и медалями?.. Стоит ли беспокоиться о какой-то глобальной нищете, если люди привыкли уничтожать друг

¹ *Кастро Ф.* Экономический и социальный кризис мира. Его последствия для развивающихся стран, его мрачные перспективы и необходимость бороться, если мы хотим выжить. Доклад, представленный VII Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран. Гавана, Отдел публикаций Государственного совета. 1983. С. 6–7.

² *Громыко А.А.* Уроки мировой политики: порядок или правопорядок? М.; СПб.: Нестор-История, 2016. С. 145.

друга миллионами? Такова жизнь. Такой ход мыслей становится для политических и государственных элит обычным делом»¹.

Итак, чтобы разобраться в том, что являет собою современный мир глобальных отношений, нужно иное восприятие действительности и новый язык для ее выражения. Тот понятийный аппарат, который используют сейчас в научном познании, не говоря уже об обыденном языке и средствах массовой информации, по большей части не пригоден для объективного анализа существующей реальности.

А она такова, что под влиянием глобализации, начало которой было положено в эпоху Возрождения Великими географическими открытиями, человечество вступило в принципиально новую фазу своего исторического развития, которая характеризуется переходом от раздробленности, разобщенности и фрагментарности мировых социально-политических и экономических связей к их единству, целостности, глобальности. С тех пор эти изменения постоянно нарастали и наиболее зримо проявились во второй половине XX в. Теперь же они происходят так быстро, что мировое сообщество не успевает на них адекватно реагировать, и даже не поспевает в достаточной степени теоретически осмысливать и осознать суть происходящего².

Основная причина такого положения дел в том, что ситуация глобальной взаимозависимости обнаружила принципиально новые, никогда в истории не существовавшие проблемы. Их смысл при всеобщем росте экономической и военной мощи и в то же время непрекращающейся конфронтации различных стран и народов, постоянных военных конфликтах, по существу сводится к вопросу — быть или не быть человечеству? Это обстоятельство становится очевидным все большему числу людей. Также все более очевидным становится и то, что буквально на глазах живущего ныне поколения окончательно сложилось

¹ Громыко А.А. Уроки мировой политики: порядок или правопорядок? М.; СПб.: Нестор-История, 2016. С. 144.

² Global Studies Encyclopedic Dictionary / Ed. by A. N. Chumakov, I. I. Mazour and W. C. Gay. With a Foreword by Mikhail Gorbachev. Editions Rodopi B.V., Amsterdam; New York, NY 2014. XI, 531 pp.

единое мировое сообщество, которое обрело и общую судьбу, и общую ответственность за то, что происходит в мире.

В то же время, с ростом понимания, что никто не может уклониться от участия в преодолении общих проблем, ширятся и обостряются споры о мере такого участия и доле ответственности различных сторон. Более того, разногласия множатся и становятся тем острее, чем дальше мир продвигается по пути глобализации и в то же время остается поделенным на отдельные суверенные государства, тогда как разрыв в уровне жизни и социально-экономическом развитии различных стран и народов только увеличивается. Все это не может не сказываться соответствующим образом на мировоззрении, общественном сознании и настроении людей.

В частности, весьма показательной в данном контексте является реакция людей, проживающих в различных культурно-цивилизационных системах, на трагедии, которые периодически происходят в современном мире. Так, в либерально-демократических системах, условно именуемых «Западный мир», превалирует эмоциональное сопереживание, которому соответствует восклицание — *«какая ужасная трагедия!!!»*. В странах Восточной Европы, Латинской Америки, Мексике, Индии, Южной Африке, Египте скажут — *«это печально!»*. Для населения России, Китая, Саудовской Аравии и Ближнего Востока, Венесуэлы, Кубы и стран Карибского бассейна характерна такая оценка — *«что ж, это жизнь»*. В Центральной и Средней Азии, Монголии и в Юго-Восточной Азии зададут уточняющий вопрос — *«подождите минуточку, где это?»*. Наконец, в большинстве стран Африки и в Северной Корее реакция на уровне полного безразличия — *«да пошли вы...»*¹.

Данное обстоятельство является серьезным препятствием в деле сохранения мира и устойчивого развития, к чему стремятся все люди. Но это является также препятствием и на пути становления глобального гражданского общества, которое в перспективе с необходимостью должно сформироваться в ре-

¹ См.: Tragic World Map. How terrible it is to the western world when a tragedy happens in... // <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=10208006472463680&set=a.1338066135762.50689.1354388445&type=3&theater>

зультате преодоления фрагментарности и складывания целостного мира, если говорить о «вечном мире», как об этом писал еще И. Кант, рассуждая о путях его достижения и гражданском устройстве в каждом государстве¹. Иными словами, единому человечеству нет альтернативы, а потому в интересах сохранения цивилизации на планете должны установиться общие для всех принципы и правила совместной жизни. К. Поппер, основательно рассуждавший об этом, в частности, писал: «...нам следует найти опору в ясном понимании того простого выбора, перед которым мы стоим. Мы можем вернуться в животное состояние. Однако, если мы хотим остаться людьми, то перед нами только один путь — путь в открытое общество»².

Но станет ли такое общественное устройство на нашей планете реальностью? Сумеет ли мировое сообщество от осознания своего единства перейти к реальному единению, стать при сохранении культурного разнообразия, национальной идентичности и разности частных интересов по сути обществом «открытого типа»? Ответы на эти вопросы вовсе не очевидны.

Современный мир представляет собой пеструю картину на относительно небольшом теле планеты, где отдельные государства не столько сотрудничают и конструктивно взаимодействуют, сколько конкурируют, противоборствуют и враждуют друг с другом. Они предпринимают титанические усилия, чтобы отстоять свой суверенитет и независимость, проводят узкоэгоистическую внешнюю политику, ориентируясь, в первую очередь, на собственные национальные интересы и сугубо прагматические цели. К тому же решение современных противоречий во многом упирается в многовековые нормы, принципы и стереотипы поведения людей, которые все больше перестают соответствовать реалиям начала XXI столетия.

Некоторые из этих норм, такие, например, как *национальный суверенитет, самодостаточность, независимость, право на самоопределение* и т.п., нуждаются в принципиальном переосмыслении и изменении, в то время как другие, например, *толерант-*

¹ Кант И. К вечному миру. Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1966. Т. 6. С. 267.

² Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. М.: Феникс, 1992. С. 248.

ность, ненасилие, космополитизм и др. следовало бы уточнить и максимально развить, даже абсолютизировать, поставив во главу угла общественных отношений, как во внутренней, так и во внешней политике различных государств. Те страны, которые смогут принять этот вызов и правильно на него отреагировать, выиграют. Как образно замечают в этой связи китайские ученые, авторы «Обзорного доклада о модернизации в мире и Китае (2001–2010)»: «Мир — это трасса, а модернизация — гонка. Знание, анализ, понимание мира — ключ к победе в этой гонке»¹.

Итак, мы уже почти два десятилетия живем не только в новом веке и новом тысячелетии, но и в качественно ином мире. Иными словами, вступление мирового сообщества в другую эпоху, это и открытие принципиально новой страницы в его истории. Теперь уже очевидно, что в отличие от прежних эпох, новая будет посвящена *другой теме* и написана *другим языком*.

Новая тема — это *завершение внешних процессов глобализации мира, становление его целостности и единства*, когда интеграционные процессы будут доминировать над всеми другими процессами, протекающими в обществе.

Другой язык — это не только новые средства коммуникации, например, Интернет, электронная почта, спутниковое телевидение, мобильный телефон и т.п., но и *приведенные в соответствие с глобальными изменениями мораль, этика, право*. А это означает, что требуется другая терминология, предполагающая переосмысление прежних ценностей и восприятие абсолютным большинством мирового сообщества тех из них, которые будут адекватны новым реалиям. Контуры же этих реалий явственно проступают уже сегодня и обусловлены многими обстоятельствами, среди которых выделим три наиболее важных.

Во-первых, *процесс глобализации* к началу XXI в. охватил не только всю планету, но и все сферы общественной жизни. Это означает, что экономические, политические, культурные информационные связи и отношения безвозвратно вышли за рамки отдельных стран и народов, перестав быть только их вот-

¹ Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010). М.: Весь Мир, 2011. С.134.

чиной и прерогативой. В то же время, *по существу* человечеству еще предстоит стать глобальным сообществом, что с необходимостью предполагает серьезную трансформацию мировоззренческих позиций, сложившихся культур, ценностных установок.

Во-вторых, после распада социалистической системы в мире сложилась новая расстановка сил, и сформировался новый взгляд на происходящие события. На какое-то время эта перестройка в мировых делах отвлекла внимание от процессов глобализации и порождаемых ею глобальных проблем. Но теперь интерес к этой теме еще больше усилился.

Наконец, в-третьих, объективные процессы глобализации культуры и формирования общечеловеческой цивилизации привели к тому, что различные сферы общественной жизни должны теперь рассматриваться в культурно-цивилизационном контексте. Иными словами, решая общественные проблемы, мы должны теперь учитывать, что культурное и цивилизационное развитие любого общества обусловлено глобализацией. Это означает, что как за «традиционными» угрозами (война, неравенство, голод), так и за новыми, такими как международный терроризм, конфликты и социально-политическая нестабильность на Ближнем Востоке, Украине, в Северной Африке, и других «горячих точках» планеты необходимо увидеть, в первую очередь, объективные основания и закономерности, чтобы успешно бороться не только с явлениями, но и с породившими их причинами.

В глобальном, культурно и цивилизационно взаимосвязанном мире серьезную опасность представляют теперь уже не только собственно глобальные проблемы, но даже изгой-индивиды, не говоря уже об изгоях-государствах. Поэтому так важно в таком мире не только действовать локально, но и мыслить глобально, целостно, системно, т.е. с учетом частных и общих интересов, ближайших и отдаленных целей.

В условиях, когда мир все больше становится взаимозависимым, целостным, глобальным, порождая все новые и новые противоречия и опасности, философия становится уже не только игрой ума, но и средством преодоления этих проблем. Заметим, что философия так или иначе всегда реагировала на угрозы человечеству и предпринимала попытки противостоять

этим угрозам. Достаточно вспомнить знаменитый манифест Рассела-Эйнштейна, появившийся после первых ядерных испытаний, или усилия американского философа Джона Соммервиля, создавшего в 80-е гг. международную философскую организацию (IPNO) «Международные философы против ядерного омницида», когда две антагонистические системы готовы были уничтожить друг друга в ядерной войне. Теперь ситуация несколько изменилась. И хотя угроза мировой ядерной войны, благодаря ослаблению идеологического противостояния между главными ядерными державами, не стоит так остро как прежде, мир в целом не стал более безопасным. И не только потому, что растет угроза со стороны международного терроризма, но и потому, что экологические проблемы, огромный разрыв в социально-экономическом развитии богатых и бедных стран, неравномерный и неконтролируемый рост народонаселения, другие глобальные проблемы поставили принципиально новую, никогда прежде не существовавшую тему в философии — глобализация всех сфер общественной жизни и опасности, которые она порождает.

Парадоксально, но факт — современный этап научно-технического прогресса, характеризующийся перерастанием научно-технической революции в революцию информационно-технологическую, с одной стороны, способствует единению человечества, формируя взаимозависимую экономику, сокращая расстояния и увеличивая коммуникационные возможности человека, а с другой стороны, ведет к общественной дифференциации и расслоению, порождая узкий слой сверхбогатых (в том числе и на уровне отдельных государств) и люмпенизируя остальное мировое сообщество. Слаборазвитые государства не могут оставаться безучастными к этому факту и равнодушно относиться к тому, что в условиях нарастания интеграционных процессов в мире резко возрастает диспропорция в социально-экономическом развитии между развитыми и слаборазвитыми странами, значительно ухудшается мировая экологическая ситуация, так как бедные страны, будучи озабоченными элементарным выживанием, оказываются не в состоянии проводить эффективную экологическую политику и поддерживать необходимый баланс с окружающей средой. Более того, бы-

стро растущее, но не обеспеченное достаточными средствами существования население таких стран, как правило, не только ускоряет деградацию окружающей среды, но и лишает себя возможности даже хотя бы замедлить негативные тенденции во взаимоотношении с природой. Отсюда и преодоление таких проблем требует особого подхода. Здесь необходим учет всех составляющих: экономических, социальных, политических, экологических, а также совместные и согласованные действия в условиях, когда становление глобального информационного общества наряду с позитивными имеет и негативные аспекты.

Так, например, современная политика в значительной степени строится на распределении информационных потоков, что дает огромные возможности для манипулирования общественным сознанием. Противоборство различных политических сил или экономических конкурентов нередко выливаются в «информационные войны», вторжение в жизненное пространство той или иной страны, ее политики и культуры становятся все более изощренным и обычным явлением, сама информация буквально обрушивается, давит на людей уже в такой мере, что впору ставить вопрос об «информационном загрязнении», «информационной экологии общества». И дело не только в том, что качество и направленность информации могут заведомо и далеко не с лучшими намерениями исказиться, а в том, что информация теперь — власть, реальная сила, что достаточно точно отражает ставшее в последнее время крылатым выражение — «кто владеет информацией, тот владеет миром».

В этой связи важно отметить, что информационно-технологическая революция придает тем более мощный импульс развитию общества, чем более высокий уровень культуры, науки, техники оно имеет. В итоге от информатизации выигрывают в первую очередь развитые страны, которые ведут активную борьбу за открывающиеся новые возможности и не упускают случая сполна использовать преимущества, которые вытекают из их заведомо выгодных позиций. В области экологии это проявляется наиболее ярко. Так, в то время, как в развитых странах общая экологическая ситуация стабилизировалась или даже улучшилась, на планете в целом она неизменно ухудшается. Здесь нет случайностей, и информационная революция в дан-

ном случае играет весьма важную роль. Она, как уже подчеркивалось, ведет еще к большей дифференциации бедных и богатых обществ, становясь неотъемлемой частью различных сфер человеческой жизни (политической, социальной, экономической) только тогда, когда они уже достаточно развиты. Мир стремительно структурируется как единое целое, прежде всего, в области коммуникаций и мировой торговли. Это, в свою очередь, еще больше усиливает специализацию отдельных стран и даже целых регионов в мировом разделении труда. Так в процентном отношении доля населения высокоразвитых стран, занятых в сфере обслуживания, в области науки, образования, искусства, а также легкой, обрабатывающей и электронной промышленности, то есть в экологически чистых производствах, несоизмеримо выше, чем в странах отсталых и даже развивающихся.

Под влиянием более жестких природоохранных законов, которые уже приняты в большинстве развитых стран Запада, экологически вредные производства и устаревшие технологии, например, добывающей или химической промышленности, все больше перемещаются в слаборазвитые страны. В предельно короткие сроки они нарушают складывавшийся там веками традиционный уклад жизни и создают, таким образом, серьезные диспропорции в отношениях природы и общества.

Информационно-технологическая революция принципиально изменила также и направление мировых финансовых потоков, что никак не способствует улучшению глобальной экологической ситуации. Если в условиях промышленной революции развитые государства в поисках более дешевой рабочей силы активно вывозили капитал в отсталые страны, развивая там добывающую и обрабатывающую промышленность и, создавая таким образом рабочие места для неквалифицированного и малограмотного населения, то теперь капитал направляется преимущественно в развитые страны, так как высокие технологии требуют образованных, высококвалифицированных специалистов, высокой культуры производства, развитой инфраструктуры. Эти же народы становятся и основными потребителями своей наукоемкой, высокотехнологичной продукции, все меньше нуждаясь в тех, кто беден и неплатежеспособен. Фактически единственной возможностью привлечь значительные инвести-

ции в экономику слаборазвитых государств остаются энергетические ресурсы.

Показательной в этом отношении является Центральная Азия и, в частности, Каспийский регион, который в геополитическом отношении занимает особое положение. Он обладает богатейшими запасами нефти и газа, что делает его особо привлекательным для транснациональных корпораций, которые, как хорошо известно, по природе своей не ориентированы на сохранение окружающей среды. Их капиталовложения ориентированы, как правило, на максимальную прибыль и не ставят своей задачей рациональное природопользование. С другой стороны, в этом регионе сходятся геополитические интересы множества стран, в том числе, и находящихся от него на значительном удалении, что привлекает к нему пристальное внимание не только политиков и бизнесменов, но и ученых. Так, известный американский политолог З. Бжезинский посвятивший свою книгу «Великая шахматная доска» именно этой теме, в частности отмечает, что «в недрах региона Центральной Азии и бассейна Каспийского моря хранятся запасы природного газа и нефти, превосходящие такие же месторождения Кувейта, Мексиканского залива и Северного моря.

В связи с доступом к этим ресурсам и участием в потенциальных богатствах этого региона возникают цели, которые будоражат национальные амбиции, мотивируют корпоративные интересы, вновь разжигают исторические претензии, возрождают имперские чаяния и подогревают международное соперничество. Ситуация характеризуется еще большим непостоянством вследствие того, что регион не только является вакуумом силы, но и отличается внутренней нестабильностью»¹. Все это делает данный регион «котлом этнических противоречий», который характеризуется Бжезинским как «Евразийские Балканы».

В итоге, важнейшей проблемой всех государств данного региона, в особенности тех, которые ориентированы на активное привлечение иностранного капитала, становится задача осуществлять такое экономическое развитие и природопользова-

¹ Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 1998. С. 151.

ние в подотчетной им части региона, которое не наносило бы ущерба окружающей среде и не вступало бы в противоречия с интересами сопредельных государств.

Это не столько настоятельное пожелание, сколько безусловное требование, так как дело касается неповторимости Каспийского региона, где сосредоточены уникальные биоресурсы и, прежде всего, крупнейшая популяция осетровых рыб нашей планеты. Осетровые по праву входят в золотой фонд мировой ихтиофауны, ибо существовали наряду с динозаврами, птеродактилями и бронтозаврами еще в Мезозойскую эру, более ста миллионов лет тому назад. И хотя все гигантские ящеры давно вымерли, осетровые, стойко перенесли бесчисленные испытания, дожили до наших дней, но теперь столкнулись с человеческим натиском на природу и оказались перед угрозой истребления. По оценкам специалистов экологический баланс в регионе стал принципиально меняться со второй половины 80-х годов, когда резко возросло многофакторное антропогенное воздействие на среду обитания в Каспийском регионе (загрязнение моря и рек сточными водами, нефтепродуктами и пестицидами, искусственное регулирование речного стока и т.п.).

Важно учитывать и то, что в постсоветский период оказавшись на линии, соединяющей Европу и Азию, Запад и Восток, Христианский и Исламский мир, прикаспийские страны в ситуации многоаспектной глобализации становятся важнейшим звеном современного мирового политического процесса. Как следствие, они попадают в зону повышенного интереса со стороны не только крупнейших государств и военно-политических союзов, но и религиозных конфессий, институтов, всевозможных организаций, в том числе и нелегальных, осуществляющих международную преступную деятельность. Здесь также кроется одна из причин усилившейся в последнее время политической активности в этой части планеты, которая заметно нарастает не только со стороны прикаспийских государств.

Пример Каспийского региона, где туго переплелись локальные, региональные и глобальные проблемы, а также интересы значительного количества стран, один из тех многих, которые также можно было бы привести в качестве доказательства целостности и взаимозависимости современного глобального

мира. Достаточно указать в этой связи на регион Ближнего Востока, где многие десятилетия, а в последние годы в особенности, не утихают социально-политические и культурно-религиозные распри, вооруженные конфликты и боевые действия, в которые втянуты многие государства. Характерным в данном отношении является и ситуация на Корейском полуострове, где туго завязан узел противоречий и геополитических интересов большого количества стран, включая и такие ведущие мировые державы как США, Китай и Россия. Во всех подобного рода регионах, где непосредственно сталкиваются жизненные интересы и, прежде всего, наиболее влиятельных стран, а также различных субъектов локальных, региональных и международных отношений, прямо или косвенно проявляются огромные диспропорции глобального мира. Формы их проявления разнообразны: от разговоров о стремлении к миру, которые сопровождаются по большей части принуждением, насилием, а то и военными действиями, до крайней бедности одних и чрезмерного богатства других, будь то отдельные группы людей, страны или даже целые регионы, которыми, собственно, и представлен современный глобальный мир во всем его многообразии.

1.2. Истоки и природа современных конфликтов

*Разруха — это не старуха с клюкой...
Разруха... в головах.*

М. Булгаков

Соперничество, противоречия и конфликты как между индивидами, так и всевозможными общественными организациями, структурами, системами сопровождают человечество на протяжении всей его истории, что дает основание рассматривать их как необходимую и неотъемлемую часть общественного бытия. И дело только в том, что и как менялось в этой области по мере исторического развития. Оставляя в стороне детали и различные разновидности конфликтов (мирные — военные, скрытые — открытые, острые, «горячие», политические, экономические, социальные, идеологические и т.п.), отметим лишь наиболее важные и очевидные изменения, происходившие с ними во вре-

мени, и которые принципиально отличают конфликты одних эпох от других.

Во-первых, это уровень развития научного и технического прогресса, который неизменно возрастая с присущим ему ускорением, в такой же мере синхронно увеличивает интеллектуальные и физические возможности человека воздействовать на окружающий его мир и себе подобных, а, следовательно, и принципиально влияет как на характер самих конфликтов, так и на способы и возможности их решения.

Во-вторых, проходя различные этапы исторического развития — от эпохи локальных связей и отношений через отношения регионального уровня до глобального¹, человечество также последовательно увеличивало и масштабы неизменно сопровождавших его конфликтов. В итоге, если в доисторические времена у локально устроенного человечества конфликты были не более чем местные, локальные, а в эпоху региональных связей и отношений они с необходимостью вышли уже на региональный уровень, то с наступлением глобализации конфликты обрели также и глобальный характер.

Именно эти два обстоятельства дали выдающемуся русскому ученому В.И. Вернадскому основание утверждать, что человек, стремившийся покорить природу и вступивший с нею в конфликт на этой почве, к началу XX века в своем взаимодействии с окружающей средой породил наряду с локальными и региональными теперь уже и мировые проблемы. «Человечество, взятое в целом, становится мощной геологической силой, — писал он. — И перед ним, перед его мыслью и трудом, поставлен вопрос о перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого»².

Таким образом, вполне очевидно, что по мере роста научно-технических достижений и усложнения общества, а также расширения его деятельности до глобальных масштабов соответственно менялся и характер конфликтов, сопутствующих

¹ См.: Чумаков А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира: монография. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. С. 174–175.

² Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере // Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. С. 504.

человеку. В результате таких изменений со второй половины XX века — на стадии многоаспектной глобализации — человечество вступило в эпоху глобального противостояния, причем как по линии его взаимоотношения с окружающей средой, так и по части противоборства между основными его структурными элементами, каковыми являются, прежде всего, национальные государства, всевозможные международные организации, транснациональные корпорации и т.п. Одной из главных причин такого положения дел, как уже отмечалось, явилось отсутствие у мирового сообщества какого бы то ни было управления, в то время как по всем основным параметрам общественной жизни оно к этому времени стало целостной системой. Поскольку ни теперь, ни на обозримую перспективу изменение ситуации с глобальным управлением не просматривается, то указанное противостояние имеет тенденцию к обострению и усилению, о чем еще будет сказано ниже¹. Как результат — мировое сообщество все больше втягивается в состояние «войны всех против всех».

По существу мы снова сталкиваемся с ситуацией, описанной еще в XVII в. английским философом Т. Гоббсом, с той лишь разницей, что изменился состав конфликтующих субъектов. В своем знаменитом труде «Левиафан», обращаясь к природе человека, философ исходит из принципа изначального равенства людей и акцентирует внимание на «естественном состоянии» людей, когда каждый руководствуется исключительно своими потребностями и интересами. Человек, говорит Гоббс, эгоистичен по своей природе, он наделен сильными страстями, жаждет власти, богатства и наслаждений. В стремлении любым путем, в том числе и покусением на жизнь другого человека, реализовать свои желания, люди стремятся получить как можно больше выгоды и избежать страданий. А поскольку изначально все, имея «право на все» и, будучи никем и ничем не ограничены, кроме «права сильного», поступают именно таким образом, то это ведет к постоянным конфликтам, бескомпромиссной борьбе за выживание и невозможности предотвратить зло и насилие, защитить от агрессии, обеспечив обществен-

¹ См.: Глава 5 настоящей книги.

ную безопасность. Такое состояние человеческих отношений в «естественных условиях» Гоббс охарактеризовал «войной всех против всех», утверждая, что, «пока люди живут без общей власти, держащей всех их в страхе, они находятся в том состоянии, которое называется войной, и именно в состоянии войны всех против всех»¹. В итоге, рассуждает далее автор книги, исторически возникает необходимость в переходе к цивилизованному жизнеустройству посредством образования государства на основе заключения «общественного договора», где цивилизованная жизнь регулируется на основе «золотого правила» морали: «Не делай другому того, чего ты не желал бы, чтобы было сделано по отношению к тебе»². При этом государство уподобляется им Левиафану — библейскому чудовищу, обладающему невероятной силой, которое только и способно положить конец анархии и «войне всех против всех» путем формирования общества на основе упорядоченных и регулируемых отношений между людьми. «Государство, — отмечает Гоббс, — есть *единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты*»³.

Прошли годы и столетия, но сущность государства, сформулированного таким образом, практически не изменилась. Зато появилось принципиальное отличие между тем, что было в те времена, которые описывал Гоббс, и современностью. Так, если тогда в условиях «войны всех против всех» враждовали между собой отдельные индивиды, и появление государства (Левиафана) смогло положить этому конец посредством принуждения людей к соблюдению определенных норм и правил, то теперь, в условиях глобального мира, на международной арене главными субъектами отношений выступают уже не индивиды, а национальные государства, их альянсы, транснациональные корпорации (ТНК), всевозможные международные структуры, организации, объединения. И точно также как и отдельные

¹ Гоббс Т. Избранные произведения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1965. С. 152.

² Там же. С. 183.

³ Там же. С. 196.

индивиды до появления государства они, преследуя свои цели и отстаивая собственные интересы, соперничают, конфликтуют, воюют, используя все имеющиеся у них ресурсы и силу.

В итоге, история снова повторяется, с той лишь разницей, что теперь она вышла на новый качественный и количественный уровень, когда противоборство «по праву сильного» ведется уже *не между индивидами, а между государствами, их альянсами* и так или иначе участвующими во всем этом всевозможными *международными структурами*. Относительно качественной стороны дела, имеется в виду колоссальное увеличение возможностей человека разнообразить формы своего участия в конфликтах, а также способы и методы их решения, благодаря беспрецедентным *научно-техническим достижениям*. Количественные же параметры характеризуются теперь, в отличие от прежних эпох, *глобальными масштабами*. При этом главная проблема заключается в том, что теперь нет такого «Левиафана» который заставил бы всех следовать общим правилам и положил бы конец стремлению непременно подавить, подчинить, уничтожить, истребить противоположную сторону. Более того и сами правила, единые для всех не сформулированы, поскольку национальные государства ориентированы на свой суверенитет и не спешат с ним расставаться. Единственное, что пока еще сдерживает противоборствующие стороны (с тех пор как было изобретено и в 1945 г. впервые применено ядерное оружие), — так это только страх перед всеобщим самоуничтожением.

Образно говоря, ситуацию в современном мире можно уподобить большой лодке в океане, пассажиры которой находятся в состоянии всеобщей вражды и перманентного противоборства. До тех пор пока отношения между ними выяснялись при помощи кулаков и даже с применением холодного оружия, серьезная опасность грозила более слабым и менее вооруженным, тогда как в целом весь этот дрейфующий среди волн ковчег имел шансы на относительно безопасное плавание, пока волны были не слишком большие. Теперь же не только ветер крепчает, но и несколько пассажиров обзавелись относительно недавно изобретенными гранатами. Находясь на разных концах лодки, они грозятся теперь применить это новое оружие друг против друга, не слишком осознавая тот факт, что после

применения даже одной гранаты, лодка получит такую пробоину, что пойдет ко дну со всеми пассажирами, включая и того, кто взорвал гранату...

В этих условиях периодически, но до сих пор без видимого результата то там, то здесь поднимается вопрос о Мировом правительстве, как источнике единой политической власти над всем человечеством, но тема эта заслуживает особого разговора, которого мы коснемся несколько позже¹. Что же касается политики как таковой, то в глобальном мире она также с необходимостью становится глобальной. При этом глобализация политики берет свое начало практически с первых этапов становления реальной глобализации. Так, открытие Х. Колумбом Америки в 1492 г. вдохновили испанцев на организацию новых экспедиций, создав тем самым конфликтную ситуацию с их главными конкурентами — португальцами, которые к тому времени были впереди испанцев и по опыту, и по количеству сделанных открытий. Отстаивая свои интересы, португальцы обратились к папе римскому с просьбой подтвердить их исключительное право на открытия в Новом Свете. После длительных дипломатических переговоров, в 1494 г. в испанском городе Тордесильясе (Кастилия), при посредничестве папы Александра VI, выступившего в роли третейского судьи, состоялась встреча представителей Испании и Португалии. Она завершилась подписанием Тордесильяского договора — первого в истории человечества политического и правового документа, по которому испанцы и португальцы разделили Новый свет на сферы влияния. В нем говорилось о политическом влиянии в Атлантике, «о разделе открытых там земель, о судьбе будущих открытий». Также определялся 10-месячный срок, в течение которого договорившиеся стороны должны были снарядить специальные судна, чтобы уточнить демаркационную линию и установить морскую границу между своими владениями. И хотя эта совместная экспедиция так никогда и не состоялась, значение данного договора, с точки зрения развертывания процесса политической глобализации, является не только знаковым, но и принципиальным, поскольку подписанный документ стал

¹ См.: Глава 5, п. 8 настоящей книги.

по существу первым международным правовым актом действительно глобального характера¹.

Именно с этого момента мы вполне можем говорить о первых шагах на пути глобализации политической сферы, а по существу, о начале эры геополитики в международных отношениях. Речь идет о двух сторонах одной медали — *политической глобализации и глобальной политике*, в контексте которых только и развивается геополитика, будучи их производной. К настоящему времени реалии глобального мира поставили все страны и народы, отстаивающие свои национальные интересы, в ситуацию планетарного противоборства, когда геополитические воззрения и настроения с необходимостью оказались тесно связанными с глобализацией различных сфер общественной жизни. Иными словами, геополитические интересы, как и прежде, тесно связаны с экономическим развитием отдельных стран и народов, но теперь имеют ту особенность, что на планете не осталось государств, не вовлеченных в систему мировых связей и отношений. В то же время эта ситуация характеризуется еще и жестким информационным противоборством различных сторон, их стремлением к культурному влиянию и идеологическому доминированию, что делает современную геополитику серьезным инструментом в жесткой борьбе на мировой арене.

Другая особенность нашего времени заключается в том, что после распада социалистической системы принципиально изменился расклад сил на международной арене, но накал внешнеполитической борьбы не снизился. В основе нового мирового порядка, да и современных военных конфликтов, как и прежде, лежит, прежде всего, борьба за сферы влияния на мировой политической арене и за обладание энергетическими и сырьевыми ресурсами. Подтверждение этому находим и у директора американской национальной разведки Джеймса Клэппера, который считает, что геополитическая конкуренция США с Россией и Китаем неизбежна, поскольку эти страны не согласны

¹ Глобалистика: Международный междисциплинарный энциклопедический словарь / гл. ред.: И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. М.; СПб.; Н.-Й.: ИЦ «ЕЛИМА», ИД «Питер», 2006. С. 96–98; Харенберг Б. Хроника человечества. М.: Слово, 2000. С. 374.

с американским вмешательством в дела государств евразийского региона. «Россия в особенности, но также и Китай, — говорит он, — добиваются большего влияния на сопредельные с ними регионы и хотят, чтобы Соединенные Штаты воздерживались от действий, которые они рассматривают как вмешательство в их интересы. Это сделает постоянным продолжающуюся геополитическую конкуренцию и конкуренцию в области безопасности по периферии России и Китая, включая крупные морские коридоры»¹.

В последние десятилетия сфера глобального противоборства значительно расширилась, а само противоборство обострилось за счет интенсивной милитаризации и более активного использования космоса, а также за счет вовлечения в борьбу новейших киберресурсов и использования других возможностей киберпространства. Как отметил уже упоминавшийся Дж. Клэппер: «Угрозы нашим военным, гражданским и коммерческим космическим системам повысятся в последующие несколько лет по мере того, как Россия и Китай добиваются прогресса в разработке противокосмических систем оружия, направленных на помехи, ослабление или затруднение работы космических систем США. Иностранные военные лидеры понимают преимущества, которые базирующиеся в космосе системы дают Соединенным Штатам. Высшее руководство России, вероятно, считает противостояние космическому преимуществу США в качестве критического компонента ведения боевых действий»². В конце XX века в США для выражения военной стратегии, объединяющей в себе как единое целое обычную войну, малую войну и кибервойну, появился даже новый термин «гибридная война» (англ. *hybrid warfare*), который приобрел значительную популярность в последние годы.

В современных международных отношениях все более активным инструментом сдерживания, принуждения и оказания

¹ Нацразведка США считает неизбежной геополитическую конкуренцию с Россией // Опубликовано 16 февраля 2016 г. URL: http://www.infox.ru/authority/defence/2016/02/10/Nauczvyedka_SSHA_sc.phtml?ntvk1_source=sem_recommend

² Там же.

давления при появлении тех или иных конфликтных ситуаций становятся санкции. Их возникновение и относительная эффективность, о чем еще будет отдельный разговор в заключительной — шестой главе, обусловлена тем, что мир глобальных отношений стал целостным, взаимозависимым, и потому санкции оказываются достаточно ощутимыми как для государств, так, и еще больше, для отдельных организаций и конкретных лиц, принимающих государственные решения или участвующих в международном бизнесе, деловых отношениях и т.п.

Таким образом, уяснение сути и тенденций развития современной глобализации, ее последствий, а также адекватная оценка проводимой на ее фоне геополитики теми или иными странами, становятся теперь не только велением времени, но и условием наиболее оптимального преодоления конфликтов и достижения успехов в современном мире.

1.3. Глобальные проблемы современности: основные угрозы XXI века

Как предмет всеобщей озабоченности и активного теоретического осмысления глобальные проблемы человечества впервые оказались в центре внимания на рубеже 1960-х — 1970-х годов. Тогда на волне резкого обострения разросшихся до глобального уровня проблем взаимодействия природы и общества, усилиями различных структур и организаций ООН, а также в значительной мере усилиями созданного в 1968 г. Римского клуба, тема «глобальных проблем современности» прочно вошла в научный и политический лексикон практически всех стран мира. Сами по себе такого рода проблемы корнями своими уходят в эпоху Великих географических открытий, когда впервые в истории человечества стали сталкиваться различные интересы отдельных стран и народов в планетарном масштабе. Иными словами, они стали порождением процессов глобализации, которые подняли извечные и наиболее злободневные социальные противоречия с регионального на глобальный уровень. Изначально такого рода трансформации носили эпизодический характер и не привлекали к себе внимания в качестве серьезных угроз всему человечеству. Таковыми они стали впоследствии, когда

не только количество, но и качество таких проблем, обусловленное взрывным развитием научно-технического прогресса, достигло критических значений. Прежде всего, это проявилось во взаимодействии природы и общества, где человек, по словам В.И. Вернадского стал «мощной геологической силой», способной кардинально изменять лик Земли и естественное состояние биосферы; а также в военной сфере, которая в XX в., после двух Мировых войн, изобретения ядерного оружия и выхода человека в космос, в полной мере обрела глобальные очертания.

В последние десятилетия в мировой системе безопасности произошли кардинальные изменения, в результате которых ситуация становится еще более сложной, динамичной и трудно предсказуемой, поскольку мир не только стремительно меняется, но и обрастает все новыми противоречиями и проблемами. Среди них: *высокотехнологичная гонка вооружений, терроризм, наркоторговля, киберпреступность, диспропорциональный рост населения, неконтролируемая миграция, транснациональные схемы незаконных финансовых операций, радикальный национализм, антропогенное влияние на климат, накопление космического мусора* и другие. Самые большие угрозы представляют те проблемы, которые порождены враждебными отношениями, злым умыслом, агрессивной сущностью человека (*гонка вооружений, терроризм, международная преступность* и т.п.), поскольку в отличие от тех проблем, которые являются результатом объективного хода событий, эти проблемы, в силу доминирования в них субъективного фактора, непредсказуемы в плане их обострения и нарастания степени опасности даже на обозримую перспективу.

Итак, нынешний век не стал исключением из общего списка предшествующих ему столетий, у каждого из которых были свои отличительные черты и присущие только ему угрозы. Особенностью же нашего времени, и это вполне очевидно, является многоаспектная, тотальная глобализация всех без исключения сфер общественной жизни, а также информационно-технологическая революция с невероятной и все возрастающей скоростью изменяющая окружающий мир и общественную жизнь людей во всех ее деталях. Разумеется, не вдруг и не сразу появились эти отличительные черты нашего века. Так, предыдущее — XX столетие уже называли и «веком глобальных проблем», и веком «на-

учно-технической», «информационной» революции. Но тогда эти явления и процессы еще не были главным и определяющим фактом общественной жизни, во всяком случае до тех пор, пока они впервые не обнаружили себя со всей очевидностью во второй половине прошлого столетия и не стали предметом все более серьезного изучения и всеобщего внимания по мере того, как набирали обороты. Теперь же ситуация принципиально иная.

То, что современный мир под влиянием процессов глобализации кардинально изменился и столкнулся с опасностями, никогда прежде не существовавшими, уже не требует специального доказательства. На уровне общественного сознания и, тем более, научного сообщества, это воспринимается сегодня как аксиома, что, с одной стороны, хорошо, а с другой, плохо. Хорошо потому, что теперь нет необходимости доказывать актуальность такой постановки вопроса и отстаивать объективность глобальных процессов, лишь одним из которых является глобализация¹. Тем самым, наряду с новыми возможностями для расширения междисциплинарных исследований и углубленного анализа данных явлений в области практической глобалистики открывается путь для поиска конструктивных решений и обоснованных практических действий.

Плохо же то, что даже серьезные специалисты в области глобалистики со временем начинают смотреть на происходящее привычным, устоявшимся взглядом; если можно так выразиться, в одной плоскости, т.е. только с позиции уже сложившихся, растиражированных, а то и вовсе укоренившихся в подсознании представлений. В таком случае основное внимание сосредотачивается, как правило, на очевидном, общепринятом, тогда как иные сопутствующие или нарождающиеся проблемы (риски, угрозы, препятствия общественного развития) остаются вне поля зрения или попросту игнорируются.

¹ См.: *Чумаков А.Н.* Глобализация. Контуры целостного мира: монография. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. С. 171–172; *Ильин И. В., Урсул А. Д.* Эволюционная глобалистика (концепция эволюции глобальных процессов). М.: Изд-во МГУ, 2009.

Так, например, хорошо известное утверждение о том, что мировое сообщество за всю историю своего существования еще никогда не подвергалось такой опасности как теперь, в XXI в., соотносится, как правило, с угрозами ядерной войны, «демографическим взрывом», экологическим кризисом. Однако, хотя это и так, суть проблемы лишь к таким опасностям не сводится. В конечном счете дело не только в наличии ядерного оружия, которое плохо контролируется и грозит человечеству реальной возможностью самоуничтожения, или во все возрастающей численности населения Земли и его влиянии на окружающую среду. В последние десятилетия к этому, да и ко всему комплексу глобальных проблем современности добавились новые риски и вызовы. И важнейший из них заключается в том, что мы являемся свидетелями *кардинального и быстрого изменения архитектуры мировых связей и отношений, в то время как мировое сообщество демонстрирует свою неспособность адекватно реагировать на эти изменения.*

Иными словами, глобализация привела к тому, что к концу XX в. мировое сообщество полностью стало глобальным, а отношения, коммуникации, информационные потоки — трансграничными. Все это сделало человечество по существу единым организмом, единой системой, как минимум, по главным параметрам общественной жизни. К тому же национальные государства, которых насчитывается уже около 200, перестали быть единственными субъектами международных отношений. В таком же качестве теперь выступают и появившиеся во множестве транснациональные корпорации, международные организации, в том числе и криминальные, связанные с наркоторговлей, международным терроризмом, нелегальной эмиграцией и т.п. И вот весь этот мир со множеством взаимозависимых и противоборствующих субъектов, как и прежде, лишь только стихийно саморегулируется, но абсолютно лишен какого бы то ни было управления (в чем он теперь так нуждается). В итоге, он стал полем борьбы различных интересов, где «право сильного», преступность и терроризм оказываются закономерным явлением.

Ситуация усугубляется еще и тем, что биосоциальная природа человека по сути своей весьма консервативна, она про-

сто не поспевает за теми темпами изменений, которые диктует современная жизнь. На это, в частности, указывает известный теоретик глобализации Э. Ласло, который говорит: «Культура и общество изменяются быстро, тогда как гены изменяются медленно: не более полупроцента генетически обусловленных способностей человека имеют вероятность измениться за целое столетие. Следовательно, большинство наших генов ведет свою историю с каменного века или с еще более раннего периода; они могли бы помочь нам жить в первобытных джунглях, но не в дебрях цивилизации»¹. И в самом деле, сегодня, как и много веков назад, в человеке неизменно присутствуют и в зависимости от обстоятельств так или иначе проявляются: хорошее и плохое, любовь и ненависть, добро и зло, миролюбие и агрессивность и т.п. И хотя культура, воспитание, образование, просвещение конечно же, делают его более терпимым, гуманным, толерантным, в нем все же сохраняется и то, что предопределено естественной природой: борьба за выживание, агрессивность, стремление к доминированию, решение проблем с позиции силы т.п. Все это в полной мере проявляется также и в поведении отдельных сообществ, и в политике национальных государств.

Важно подчеркнуть при этом, что лидеры отдельных стран и иные лица, принимающие решения на государственном уровне, обычно избираются на определенный срок и непосредственно зависят от своих избирателей, а потому, как правило, проводят политику, ориентированную, в первую очередь, на их интересы, которые в значительной степени расходятся с общечеловеческими интересами. Иными словами, руководители национальных государств не мыслят глобальными, стратегически выверенными категориями, тем более, интересами всего человечества, и в этом заключается одно из самых главных противоречий глобального мира и неустойчивость современного международного порядка.

Немаловажно и то, что общая численность населения Земли, уже превысившая семь с половиной млрд человек, продол-

¹ Ласло Э. Макросдвиг. К устойчивости мира курсом перемен. М.: Тайдекс Ко, 2004. С. 199–200.

жает возрастать, тогда как ресурсы планеты, необходимые для обеспечения жизнедеятельности людей, ограничены. К тому же распределены они, как и население Земли, неравномерно, а многие из них, будучи невозобновимыми, быстро иссякают или сокращаются. За доступ к ресурсам идет ожесточенная явная и скрытая борьба, и есть все основания полагать, что на этом пути кроется множество потенциальных конфликтов. О потенциальных угрозах человечеству можно судить и по двум разнонаправленным тенденциям: *интеграции* и *дифференциации* мирового сообщества, которые вносят серьезный дисбаланс в общественное развитие.

Интеграция заключается в том, что человечество в силу объективных и субъективных причин стремительно глобализируется, становится целостной системой, в которой растет число взаимодействующих элементов, а их взаимосвязь и взаимозависимость неизменно усиливается.

Дифференциация же связана с нарастанием противодействия интеграции как со стороны не вписывающихся в глобальные процессы национальных государств, так и со стороны широкого общественного мнения, базирующегося на традиционных культурах.

В итоге, конфликт интересов в глобальном мире усиливается, чему способствуют также:

- мировой экономический рост, для обеспечения которого требуется все больше энергетических и сырьевых ресурсов;
- усиливающаяся борьба за рынки сбыта и сферы политического влияния;
- увеличение мобильности широких слоев населения и нарастание миграционных потоков (преимущественно из бедных и развивающихся стран в развитые), что ведет к столкновению различных культур и традиций;
- идеологическое противостояние, проистекающее из различных экономических и социально-политических укладов, религиозных систем и мировоззренческих ориентаций;
- все большая открытость и доступность информации, которая становится важнейшим ресурсом и эффективным

инструментом управления общественными процессами, в том числе, и дистантно. Здесь одна из причин столь слаженных действий разрозненной оппозиции, которая в разных странах свергает правительства или дестабилизирует общественно-политическую ситуацию в так называемых «цветных», «твиттерных» и т.п. революциях.

В итоге, *глобальный мир, оказавшийся перед лицом принципиально новых вызовов, все больше втягивается в ситуацию нарастания противоречий и неопределенности.* На этом фоне особенно тревожным выглядит ситуация с возможностью возобновления испытаний ядерного оружия, поскольку процесс подписания соответствующего договора остался незавершенным, что создает угрозу нового витка гонки вооружений в области самого разрушительного вида оружия. Обращаясь к истории вопроса, отметим, что 26 октября 1991 г. Россия объявила о закрытии полигона на острове Новая Земля и провозгласила годичный мораторий на ядерные испытания, который затем был продлен¹. В конце 1991 г. к мораторию присоединилась Великобритания, через год США, а через пять лет — Франция и Китай. В итоге, 24 сентября 1996 г. в Нью-Йорке был подписан Договор о всеобщем запрещении ядерных испытаний, к которому затем присоединилось еще 154 страны. Среди тех, кто до настоящего времени Договор не подписал: Индия, Пакистан, а также КНДР. В США договор хотя и действует, но работы в данном направлении не прекращаются². В итоге, несколько, казалось бы, ослабшая после окончания «холодной войны» угроза применения ядерного оружия вновь выходит на первый план наиболее серьезных опасностей для человечества.

В этой связи не прекращаются попытки найти хотя бы какие-то решения проблем мирового значения. Как отмечает А.Д. Урсул: «Поскольку стихийная эволюция глобальных процессов ведет к усилению негативных последствий и даже угрожает катастрофами, то появилась идея ряд из этих процессов, зависящих

¹ Солдаты Холодной войны: хроники оборонного предприятия «Гидромонтаж» (1955–1991 гг.) / под ред. А.В. Буренкова. М.: ИнфоВелт, 2016. С. 5–20.

² США провели испытания двух ядерных бомб В61-12 // Московский комсомолец. 2017. 29 авг.

от антропогенной деятельности, постепенно трансформировать в желаемом позитивном направлении. А это требует формирования принципиально нового типа управления — глобального управления социальной и социоприродной деятельностью»¹. Но как же эта проблема решается? К сожалению, она еще даже не осмыслена в полной мере, а потому и не находится в центре внимания, как того, несомненно, заслуживает. Отсюда и реальное положение дел оставляет желать лучшего. Достаточно сказать, что сегодня половина жителей планеты живет за чертой бедности. При этом разногласия и противоречия на международном уровне решаются как и прежде, — по большей части, с позиции силы, а риски усиления преступности и терроризма неизменно возрастают.

Важно принять во внимание и то, что сила не обязательно выступает в грубой и неприкрытой форме. Нередко, особенно в экономике, принуждение происходит посредством косвенного воздействия, получившего название «мягкой силы» (soft power). Если же очевидного перевеса сил нет, то разногласия стараются решить путем переговоров и гораздо реже на основе совпадения интересов. Когда же и это не получается, переходят, как правило, к выяснению отношений силовым путем. Если своих ресурсов не хватает, то в стремлении преодолеть соперника, пытаются заручиться поддержкой дополнительных сил, вступают в союзы, идут на уловки и т.п. Но, как бы то ни было, в выигрыше оказывается тот, кто сильнее, хитрей, коварнее, кто имеет соответствующие преимущества, а потому действует, преследуя собственные интересы, эгоистично и безнаказанно, игнорируя усиливающиеся риски в обеспечении мирного сосуществования.

В итоге, конфликт интересов в современном мире расширяется и усиливается, тогда как преступность обретает все новые формы и очертания. Способствует же этому быстрыми темпами растущая мобильность все большего числа людей и отсутствие границ для распространения информации. По этой же причине в последние годы возросла частота антиобщественных деяний,

¹ Урсул А. Д. Глобальное управление: эволюционные перспективы // Век глобализации. № 1(13). 2013. С 17.

составной частью которых является транснациональная преступность и международный терроризм.

Насилие — постоянный спутник человечества, а преступность, как феномен общественной жизни, существует столько, сколько существует правовое регулирование общественных отношений. Иными словами, о ней можно говорить только начиная с того времени, когда появилось государство, которое, прежде всего, посредством введения правовых норм и требованием их беспрекословного соблюдения положило конец «войне всех против всех». До этого человек также совершал насильственные действия, обманывал, грабил, убивал, но поскольку это было, по словам Т. Гоббса, его «естественное состояние», то он в этом случае никаких норм, правил или запретов, в силу отсутствия таковых, не преступал, т.е. преступления (в буквальном смысле этого слова) не совершал. И в самом деле, преступить — значит перейти, переступить определенную черту; самовольно нарушить что-либо, например, закон, правило, запрет, заповедь. Отсюда вполне очевидно, что любое общество, основанное на законах, за неисполнение которых предусмотрено уголовное наказание, не может быть свободно от преступности, если понимать ее как «исторически преходящее социальное явление», представляющее собой систему определенных противоправных действий, совершенных в той или иной сфере или на конкретной территории в определенный период времени¹.

Дело тогда сводится к тому, чтобы определить, какой характер и уровень развития имеет преступность в конкретной ситуации. К тому же необходимо иметь в виду и субъективный аспект данного явления. Как отмечает известный правовед Я.И. Гилинский: «Преступление и преступность — понятия релятивные (относительные) “как договорятся” законодатели. То, что в одной стране — преступление, в другой — не признается таковым. То, что преступным было вчера, не преступно сегодня, и наоборот... Постмодернизм в криминологии не без основания рассматривает преступность как порождение власти в целях ограничения иных, не принадлежащих власти, индивидов в их стремлении преодолеть социальное неравенство,

¹ Юридический энциклопедический словарь. М., 1984. С. 294.

вести себя иначе, чем предписывает власть. Ясно, что правовые (в том числе уголовно-правовые) нормы и их реализация ... непосредственно зависят от политического режима»¹. Отсюда вполне очевидно, что уровень преступности является показателем качества организации общественной системы, а сама она ничто иное как оборотная сторона добропорядочной жизни, тень легальных процессов.

В современной юридической литературе нет какой-либо одной точки зрения, общей позиции, объясняющей происхождение преступности во всем ее разнообразии, но можно отметить три основных подхода в понимании природы данного явления: 1. *Антропологический* — согласно которому причины преступности кроются в природе человека. 2. *Социологический* — когда преступность объясняется социальной дезорганизацией общества. 3. *Метафизический* — в соответствии с которым преступление — это нарушение природных законов бытия. Суммируя, можно сказать, что при любых подходах преступность воспринимается как данность, и ее следует понимать, прежде всего, как объективное общественное явление. С нею можно и необходимо бороться, но ее нельзя устранить, элиминировать из жизни общества в принципе.

Возвращаясь к мировому контексту, в частности, к глобальному терроризму, заметим, что данная угроза сегодня вышла на одно из первых мест в системе глобальных проблем современности. И это не случайно, поскольку, в отличие, например, от ядерной угрозы или истощаемости невозобновимых энергетических и сырьевых ресурсов, терроризм представляет не только потенциальную, но и реальную опасность своей агрессивностью и периодическим проявлением в виде чудовищных актов насилия в отношении мирного населения.

Термин «терроризм» (от лат. *terror* — страх, ужас) появился в годы Великой французской революции XVIII в. для обозначения спланированного мотивированного насилия, преследующего, прежде всего, политические цели посредством устрашения, запугивания и создания атмосферы ужаса среди широких слоев

¹ *Гилинский Я.* Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб., 2004. С. 91–94.

населения. Как социальное явление террор на всех уровнях (от бытового до государственного) существовал и раньше, будучи одним из средств борьбы за власть, влияние, контроль и т.п. Так, например, еще в I в. нашей эры в Палестине действовала секта сикариев, которая истребляла представителей еврейской знати, выступавших за мир с римлянами. Это был социальный протест экстремистски настроенных националистов, стремившихся к свержению ненавистного им режима. Позже, в XI в., на Востоке действовала мусульманская секта ассошафинов, члены которой твердо верили в наступление нового миропорядка и сознательно шли на мученичество и смерть во имя своих идей, убивая высших представителей власти. Можно также привести примеры терроризма из истории многих стран, но для нас важнее отметить то обстоятельство, что именно с конца XVIII века он стал еще и инструментом революционной борьбы за переустройство общества, обретая в этой связи новые формы и черты, обусловленные набиравшими тогда оборотами буржуазными преобразованиями и усиливавшейся глобализацией. Так, капиталистические отношения инициировали появление массового общества и массового сознания, а глобализация значительно увеличивала мобильность населения и расширяла географию социальных контактов. Все это создавало подходящую почву и открывало новые возможности для воздействия на общественные процессы, посредством реализации преступных замыслов, направленных на людей, различные общественные институты, природные и социальные объекты.

В XIX в., в особенности во второй его половине, когда анархисты взяли на вооружение «пропаганду делом» (саботаж и террористические акты), террористические акции обрели иной масштаб и систематический характер. Анархизм, видными идеологами которого на различных этапах его развития были П. Прудон, М. Штирнер, П.А. Кропоткин, отвергал государственную власть, общественный порядок и проповедовал ничем не ограниченную свободу каждого человека. Будучи по сути своей интернациональным явлением, анархизм, в основе которого лежали стратегия и тактика терроризма, впервые вывел данное явление на международный уровень в полном смысле этого слова. Его сторонники, движимые идеей уничтожения государства,

провели в конце XIX века серию террористических актов в России, Франции, Италии, Испании, Соединенных Штатах. Так, в 1887 г. террористы из партии «Народная воля» совершили покушение на императора Александра III. В 1894 г. итальянский анархист убил президента Франции С. Карно. В 1897 анархисты совершили покушение на императрицу Австрии Елизавету Баварскую. В этом же году был убит испанский премьер-министр Антонио Канова.

XX век был отмечен еще более масштабными и резонансными актами террора. Так, в 1900 жертвой покушения стал король Италии Умберто I. В 1901 американский анархист убил президента США Уильяма Маккинли. В этом же столетии от рук террористов погибли такие известные политические и государственные деятели, как Джон и Роберт Кеннеди, Альдо Моро, Индира и Раджив Ганди, Мартин Лютер Кинг и другие. Жертвами террора оказались тысячи простых граждан в разных странах мира. А убийство наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца Фердинанда и его жены герцогини Софии Гогенберг, совершенное 28 июня 1914 г. в Сараево сербским гимназистом Гаврилой Принципом, входившим в группу из 6 террористов, и вовсе спровоцировало начало Первой мировой Войны. Можно также указать на революционные события 1917 г. в России, породившие в небывалых прежде масштабах «белый» и «красный» террор, или, например, на множество всевозможных радикальных националистических группировок разных стран, которые использовали террористические методы борьбы за национальную независимость. Преступления фашизма или, например, репрессии сталинского режима также следует квалифицировать как особую форму государственного терроризма, который только к этим примерам не сводится, поскольку он широко распространен и в современном мире.

Последние десятилетия террористическая деятельность была тесно связана с экстремистскими сепаратистскими движениями в Испании, Северной Ирландии, Индии, проявлением экстремизма на Северном Кавказе, в отдельных странах Латинской Америки, Азии, Африки. Среди террористических организаций, получивших широкую известность, следует упомянуть сепаратистское движение басков ЭТА (Испания), «Ирландскую

республиканскую армию», «Красные бригады» (Италия), «Аум-Синрике» (Япония), «Революционное движение Тупак Амару» (Латинская Америка), «Хамас» и «Хезболлах» (Ближний Восток), «Мировой фронт джихада», «Аль-Каида» и многие другие. Примером подобных организаций регионального масштаба является радикальная исламистская группировка «Боко Харам», действующая преимущественно в Нигерии, боевики которой выступают против западной модели образования и добиваются введения шариата по всей стране. Против группировки, регулярно совершающей террористические акты, ведется направленная военная кампания, в которой участвуют также Нигер, Камерун и Чад.

Итак, в международном плане, пожалуй наибольшую опасность представляет исламский фундаментализм, поскольку во многих странах сегодня существуют экстремистские религиозные течения, которые проповедуют идеи возврата «исконных» (в их понимании) ценностей ислама. Такие настроения нередко сопровождаются крайней агрессивностью по отношению к иноверцам, в особенности, к западной культуре и ее ценностям и даже к представителям традиционного ислама. Это та основа, на которой получила широкое распространение международная террористическая деятельность последнего времени. Характерными примерами подобного рода являются беспрецедентные террористические акции, совершенные исламскими экстремистами в США 11 сентября 2001 г., когда захваченные и управляемые террористами-самоубийцами авиалайнеры были направлены на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке и здание Пентагона в Вашингтоне. Кровавые события последних лет на Ближнем Востоке и волна террористических актов в Европе, сопряженная с массовым переселением туда беженцев из районов боевых действий — деяния того же плана.

Если принять во внимание, что мы живем в эпоху высоких технологий, ядерного оружия и других средств массового поражения, то абсолютно очевидно, что угроза международного терроризма становится предельно острой проблемой для всего человечества. Особенно большую обеспокоенность в этой связи вызывает так называемый технологический терроризм, который с точки зрения реальной и потенциальной опасности может

быть ядерным, радиационным, химическим, биологическим, информационным и т.п.

Итак, терроризм — это сложное противоречивое и губительное для общественной стабильности социальное явление, которое имеет различные истолкования, в зависимости от того, кем они даются. Так, в российском законодательстве терроризм определяется как «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий»¹. В других определениях акцент может смещаться в иную, например, социальную или экономическую сферу. Однако важно подчеркнуть, что в основе своей данное явление обязательно имеет соответствующие социально-политические концепции и установки (религиозно-экстремистские, националистические, неофашистские, левоэкстремистские и т.п.). Для осуществления насильственных и устрашающих действий террористы используют современные средства связи и коммуникации, а также организации, формирования и иные структуры преступных сообществ, действующие на нелегальной, легальной или полуполюгальной основе. Таким образом, истоки современного терроризма следует искать в многочисленных социальных, экономических и политических противоречиях современного мира. Здесь и социально-экономическое неравенство различных народов, сопровождаемое безработицей и нищетой в развивающихся странах, и противоречия духовных ценностей Запада и Востока, нередко замешанные на религиозной нетерпимости, и многие другие факторы несовпадения в культурном и цивилизационном развитии отдельных стран и народов.

Принципиальная же и самая важная особенность современного терроризма заключается в том, что наряду с *локальными* и *региональными* проявлениями, имевшими место до этого, он стал теперь еще и *глобальным*. Можно ли было избежать этого? К сожалению, нет, поскольку ровно в той степени, в какой ми-

¹ Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму».

ровое сообщество, начиная с эпохи Великих географических открытий, проходило стадии *реальной*, *фундаментальной* и *многоаспектной* глобализации, в такой же мере и терроризм все более четко обозначался и на глобальном уровне. Теперь же, когда мировое сообщество по основным параметрам общественной жизни являет собою целостную систему, не только терроризм, но и преступность в целом, составной частью которой он является, выросла до глобальных масштабов, и не быть такой она уже просто не может по определению. Иными словами, у локально устроенного человечества и проблемы были локальные. С выходом на региональный уровень появились также и региональные проблемы. Аналогично обстоит дело и с глобальным социумом, которому объективно и с необходимостью сопутствуют теперь угрозы глобального масштаба.

Все это означает лишь одно — эффективная борьба с негативными и социально опасными явлениями предполагает адекватное их понимание и восприятие, а именно, если конкретизировать, то следует признать, что *окончательно* и безусловно победить глобальную преступность (равно как и глобальный терроризм) невозможно. Еще ни одному обществу не удалось победить преступность не только на региональных и локальных, но даже и на местных уровнях. Дело здесь в той же природе, био-социальной сущности человека, о чем говорилось выше, когда люди в тех или иных обстоятельствах проявляют как лучшие, так и отрицательные свои качества. Вот почему уничтожить одного или нескольких главарей терроризма или даже ту или иную сеть, организацию — это еще не решение проблемы. С уничтожением, например, Бен Ладана проблема терроризма несколько не ослабла. Также и с разгромом той или иной террористической организации или самопровозглашенного исламского государства (ИГИЛ), что в принципе возможно при определенных обстоятельствах, международный терроризм не прекратится.

Одной из разновидностей современной международной преступности являются *незаконные транснациональные финансовые махинации*. Речь идет об отмывании полученных незаконным путем средств, суммы которых измеряются триллионами долларов. Мировой столицей по отмыванию денег сегодня является

Лондон. Как пишет газета «The Times», по мнению владельца британских изданий «The Independent» и «Evening Standard» А. Лебедева, «лондонские компании помогают коррумпированным чиновникам и преступникам по всему миру скрывать триллионы долларов, полученных незаконным путем», что сделало британскую столицу «эпицентром» всемирной «олигархии финансовых услуг»¹. Отмечается также, что с 2000 г. банки и финансовые компании Лондона за определенную плату помогли коррумпированным чиновникам и предпринимателям отмыть более 6 триллионов долларов. Имеются доказательства и того, что таким же образом проходили деньги наркокартелей и террористов. Для борьбы с этой разновидностью международной преступности требуется объединение усилий многих стран мира, поскольку ни одно государство в одиночку не справится с этой проблемой.

В последние годы все более активно обсуждается вопрос о развязывании новой мировой войны, которую именуют *кибернетической, электронной, сетевой*. В этой связи вполне уместно говорить о — «гибридной войне», в которой наряду с применением обычных вооружений и традиционных способов ведения войны, используются также высокие технологии, средства массовой коммуникации, глобальные социальные сети, а также идеологические, информационные и иные ресурсы. При этом основными целями таких действия является уже не столько уничтожение живой силы противника и разрушение его материальных объектов, сколько воздействие на массовое сознание и принятие решений важными государственными лицами, включая министров, депутатов, президентов, посредством внушения им определенных идей, теорий, ценностных позиций и т.п.

Также, с учетом новейших достижений информационно-технологической революции, вполне правомерно говорят и о *кибертерроризме*, который рассматривается в качестве разновидности терроризма, управляемого через информационные сети,

¹ Times: Бизнесмен Лебедев нанес удар по репутации Лондона / ИНО TV. 02.09.2014. URL: <http://russian.rt.com/inotv/2014-09-02/Biznesmen-Lebedev-nanes-udar-po>

телекоммуникации и Интернет. В данном контексте все более актуальной становится еще одна тема — *информационной, кибернетической безопасности*. По этим вопросам уже опубликована масса специальной литературы, проходят научные и практические конференции, написаны учебники. И в самом деле, тема предельно актуальная, поскольку кибернетическая война по существу уже идет, причем полным ходом. А закономерность ее обусловлена тем, что с началом информационно-технологической революции, набирающей обороты с последней четверти XX века, мы вступили в новую техногенную эпоху, где киберпреступность, кибертерроризм, кибервойны и другие угрозы, связанные с информатикой и электроникой, попросту не могут не быть.

Во-первых, это вытекает уже из самой противоречивой природы человека и конфликтной сущности общественных отношений, где каждое новшество, если появляется такая возможность, обязательно используется не только в мирных, но и военных, противоправных целях. Как справедливо замечает Н. Ковалев: «Увы, определенным категориям людей патологически свойственна тяга к насилию. Как только проклюнутся новые технологии и технические продукты, тут же начинается их примерка к использованию в качестве боевого оружия, инструмента политического давления»¹.

Во-вторых, данные явления уже стали вполне очевидными и активно проявляются, например, в виде создания вредоносных и все более изощренных программ, способных нелегально проникать в закрытые базы данных, считывать информацию, выводить из строя компьютеры и электронное оборудование независимо от уровня их защищенности, места расположения и т.п. Так, например, одну из первых масштабных кибернетических операций провели американцы еще в 80-е годы прошлого столетия. Согласно их собственным признаниям, они «впервые

¹ Ковалев Н. Началась новая техногенная эпоха — с кибервойнами, кибертерроризмом, киберпреступностью // Интернет-газета «Столетие». 03.09.2014. URL: http://www.stoletie.ru/rossiya_i_mir/nikolaj_kovalov_nachalas_novaja_tehnogennaja_epoha_s_kibervojnami_kiberterrorizmom_kiberprestupnostju_477.htm

применили разрушительное кибероружие против Советского Союза»¹. В 1998 г. была произведена еще одна крупная кибернетическая атака на правительственные сайты Индонезии. С тех пор попытки проникнуть в главные компьютерные сети, принадлежащие различным государственным структурам, оборонным ведомствам, средствам массовой информации и т.п. стали регулярными и происходят практически ежедневно. Большая часть таких компьютерных взломов имеет целью похищение секретных данных, ценной информации или промышленный шпионаж.

Главной же особенностью кибернетических баталий является то, что они разворачиваются не на конкретном поле боя, как то характерно для обычных войн, а в виртуальном пространстве — в электромагнитной среде, которая охватывает весь мир: сушу, море, воздух, космос. Именно в этой глобальной среде, где происходит обработка и передача информации посредством таких способов ее распространения как интернет, телерадиовещание и иные средства телекоммуникации, и ведется электронная мировая война. Важным обстоятельством при этом является то, что сегодня практически ни одна сфера общественной жизни не может функционировать без компьютеров и информационных технологий. Это же относится и к жизни отдельных людей. Достаточно сказать, что на почти *семь с половиной* миллиардов населения Земли сегодня приходится около *шести* миллиардов сотовых телефонов, как правило, с доступом в Интернет и в среднем по одному персональному компьютеру на каждые четыре-пять человек. При этом, как следует из данных Евромиссии, в Сети циркулирует не менее 150 тыс. компьютерных вирусов разной модификации, а минимум 1 млн пользователей Интернета каждый день подвергаются кибератакам. Совокупный же ущерб для бизнеса от деятельности киберпреступников составляет, по разным оценкам, €85-290 млрд в год².

¹ Ларина Е. Кибервойна США против России уже началась / Информационное агентство REGNUM. 24.02.2015. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1898308.html>

² См.: Ковалев Н. Началась новая техногенная эпоха — с кибервойнами, кибертерроризмом, киберпреступностью // Интернет-газета «Столетие». 03.09.2014. URL: http://www.stoletie.ru/rossiya_i_mir/nikolaj_kovalov_nacha

Как отмечается в Стратегии национальной безопасности США — 2015: «Будучи родиной Интернета, США несут особую ответственность за сетевой мир... Наша экономика, безопасность и здоровье связаны сетевой инфраструктурой, против которой работают злонамеренные государства, преступники и отдельные личности, пытающиеся остаться неопознанными... Мы будем бороться с кибератаками и наказывать злонамеренных участников киберпространства, в том числе, преследуя их в уголовном порядке за незаконную деятельность»¹. При этом в качестве актуальной задачи ставится обеспечение национальной безопасности в информационной среде и говорится о создании «мощных боевых средств для проведения наступательных и оборонительных операций в киберпространстве электромагнитного спектра». К 2013 г. вооруженные силы и разведка США провели уже более 200 таких операций, которые по числу и масштабам с тех пор значительно выросли. При этом наступательные кибероперации, определяются ими как деятельность, направленная на «манипуляцию, стирание, подмену и уничтожение информации резидентов в компьютерах или компьютерных сетях, или осуществление этих действий в отношении непосредственно аппаратных средств и их сетей в целях установления контроля или разрушения военных и гражданских объектов и инфраструктур»².

Отмечается также, что по своим последствиям применение кибернетического оружия может принести урон, сопоставимый с применением такого оружия массового поражения как ядерное, химическое, биологическое. Что характерно при этом, электронные способы борьбы легко маскируются под техногенные катастрофы, системные сбои в работе компьютерных сетей, серверов и т.п. Весьма существенно, что серьезные хакерские атаки, которые все больше становятся предметом громких меж-

las_novaja_tehnogennaja_epoha__s_kibervojnami_kiberterrorizmom_kiberprestupnostju_477.htm

¹ Ларина Е. Кибервойна США против России уже началась / Информационное агентство REGNUM. 24.02.2015. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1898308.html>

² Там же.

дународных скандалов, как правило, проходят при поддержке того или иного государства, что однако весьма затруднительно доказать, поскольку хакерские группы высокого уровня первым делом обеспечивают себе легенду прикрытия. Так, например, согласно документам, рассекреченным Эдвардом Сноуденом, стало широко известно, что «американские спецслужбы только в 2011 г. осуществили 231 кибератаку против России, Китая, КНДР и Ирана. На кибервойну в секретном бюджете американских спецслужб, были выделены \$652 млн!»¹. Вряд ли необходимо доискиваться специальных подтверждений и доказательств, чтобы удостовериться, что подобная работа ведется и в других странах. Как отмечает экс-директор ФСБ России Н. Ковалев, за рубежом конкуренция между специалистами по киберпространству высочайшая... «Непосредственно в российские силовые структуры отбор специалистов еще жестче. Профессионалами высочайшего класса создаются сценарии кибератак и математические модели их отражения, анализируется международный и зарубежный опыт, отслеживаются глобальные и частные тенденции в этой области... Киберподразделения функционируют уверенно, нередко прорывными темпами, и в ФСБ, и в ФСО, и в МВД, в других правоохранительных органах и спецслужбах»². Очевидно не долгов тот час, когда в различных армиях мира начнут формироваться не только особые подразделения, но и специальные кибервойска. Заметим при этом, что кибервойна – это перманентное сражение, в котором трудно определить не только ее начало и конец, но и противника, тем более, доказать факт умышленного нанесения вреда или осуществления шпионской деятельности.

Еще одной разновидностью противоборства, навязывания взглядов и достижения своих целей в современном мире стали *информационные войны*. Они ведутся в глобальном масштабе между субъектами международных отношений, но не сводятся только к этому. Внутренние информационные баталии порой

¹ Ковалев Н. Началась новая техногенная эпоха — с кибервойнами, кибертерроризмом, киберпреступностью // Интернет-газета «Столетие». 03.09.2014. URL: http://www.stoletie.ru/rossiya_i_mir/nikolaj_kovalov_nachalas_novaja_tehnogennaja_epoha_s_kibervojnami_kiberterrorizmom_kiberprestupnostju_477.htm

² Там же.

не уступают международным. Фактически в каждой стране так или иначе, идет массированная атака на массовое сознание посредством теле- и радиовещания, Интернета и иных средств массовой информации. Журналисты теперь выступают, по большей части, в роли бойцов информационных войн, а некоторые, не слишком обремененные совестью, и вовсе становятся телекиллерами, для которых искажение фактов, использование приемов внушения, пропаганды и дезинформации становится привычным делом.

Еще одной из наиболее серьезных угроз современному миру является *глобальное потепление*, которое сегодня активно обсуждается на международном уровне. Почему эта проблема привлекает столь пристальное внимание и стоит в ряду острейших угроз мировому сообществу, требующих коллективных действий в планетарном масштабе? Сначала обратимся к истории вопроса. О глобальном потеплении как очень опасной угрозе человечеству впервые заговорили на рубеже 60-70-х годов прошлого столетия. На основе многолетних наблюдений ученые пришли тогда к выводу, что за последние 100 лет температура воздуха у поверхности Земли повысилась в среднем от 0,3 до 0,6 градуса. При этом основной причиной глобального изменения климата называлось увеличение концентрации в атмосфере «парниковых» газов, в первую очередь углекислого газа, что несколько позже было экспериментально доказано и признано научным фактом.

Однако, как отмечают специалисты, сводить климатические изменения лишь к потеплению климата неверно, поскольку наряду с этим растет также количество и сила стихийных бедствий и погодно-климатических аномалий: засух, наводнений, ураганов, смерчей, резких колебаний температуры и т.п. Само же повышение температуры приводит к усилению таяния ледников и вечной мерзлоты, занимающей около 24% площади суши в Северном полушарии. Таяние льдов чревато значительным повышением уровня Мирового океана с катастрофическими последствиями для территорий и городов, расположенных на отметках близких к уровню океана. А содержащийся в толще вечной мерзлоты метан, являющийся сильнейшим парниковым

газом, при таянии вечной мерзлоты уйдет в атмосферу, что будет способствовать ее еще большему разогреву.

Следует заметить, что у данной проблемы есть и другие, в том числе, и положительные аспекты, что делает ее не только комплексной, но и привлекающей дополнительное внимание многих стран по иным основаниям. Так, например, повышение температуры атмосферы и таяние льдов открывает возможности развития транспортных коммуникаций в Арктике. И хотя прогнозы по изменению ледового покрова разнятся, все указывает на то, что уже в текущем столетии Северный Ледовитый океан потеряет значительную его часть, а то и вовсе может освободиться ото льда. По данным Национального центра США по слежению за состоянием снежного и ледового покрова, площадь Северного Ледовитого океана, покрытого льдом, по состоянию на сентябрь 2012 года сократилась до рекордной величины — 3,52 миллиона квадратных километров, что является подтверждением долгосрочной тенденции к снижению на 12 процентов за десятилетие площади ледяного покрова.

Но как бы то ни было, путь по Северному морскому пути уже сегодня становится все более доступным для коммерческого судоходства. Достаточно сказать, что в 2009 г. два немецких крупнотоннажных судна осуществили этим путем коммерческий рейс из южнокорейского порта Ульсан в Роттердам. В следующем году по трассе прошли уже четыре судна, в 2012-м — 46, а в 2013-м — около 60. Причина интереса к Арктике вполне объяснима. Путь из Китая в Западную Европу по Северному морскому пути составляет около 8,1 тысяч морских миль. Через Суэцкий канал он будет длиннее на 2,4 тысячи миль. А маршрут вокруг Африки еще на 4000 миль больше. Для растущего грузопотока из Европы в Восточную Азию использование северного пути «сулит существенные прибыли — порядка одного миллиона долларов в расчете на один рейс крупного контейнеровоза»¹. Если принять во внимание также стратегическое значение Арктики для России, а также все увеличивающийся грузопоток ее товаров и оборудования для северных регионов, не говоря

¹ Ходаренок М. Схватка за Арктику / Военное обозрение. 30.12.2013. URL: <https://topwar.ru/37915-shvatka-za-arktiku.html>

уже о транспортировке по северным морям углеводородов, то вполне очевидно, что арктические территории становятся объектом особого внимания и ареной глобальной конкуренции за транспортные потоки и природные ресурсы мирового значения. Достаточно сказать, что помимо стран, непосредственно прилегающих к данному региону, свои исследовательские станции в Арктике уже открыли Китай, Германия, Индия и Швеция. И нет сомнения в том, что вокруг Северного морского пути и Арктики в целом основная борьба еще впереди, и в истории XXI века она, несомненно, оставит яркую страницу.

Принципиальную роль во всем этом, как следует из вышесказанного, играют атмосферные температурные параметры, относительно причин изменения которых мировое научное сообщество и сегодня все еще не пришло к согласованному мнению. Одни ученые делают акцент на естественных колебаниях природных процессов под воздействием гелиокосмических и иных естественных факторов. Они ссылаются на циклический характер климатических изменений, зафиксированный в истории Земли, когда более теплые сезоны периодически сменялись ледниковыми периодами и наоборот.

Другие говорят о чрезмерном влиянии на атмосферу негативных последствий человеческой деятельности. В этой связи ссылаются на данные о не менее чем пятикратном увеличении за последние 200 лет концентрации в атмосфере CO_2 и иных парниковых газов. При этом подчеркивается, что увеличение содержания в атмосфере таких газов особенно усилилось в последнее десятилетие XX века, и связывается все это непосредственно с хозяйственной деятельностью человека. Также отмечается, что резкое потепление глобального климата на рубеже XX и XXI вв., является беспрецедентным явлением, аналогов которому не было на протяжении последнего тысячелетия. Как отмечает В.И. Данилов-Данильян: «В прошлые эпохи всегда имелось соответствие состояния климата и состояния биоты, оно достигалось благодаря сопоставимости скоростей эволюции и климатических изменений. Сейчас такого соответствия нет, скорость биологической эволюции, определяющая регулятивные и адаптационные возможности биоты, существенно уступает темпам климатических изменений, на которые ока-

зывают влияние скорости роста численности населения Земли, экономического развития и научно-технического прогресса, неведомые для процессов биологического развития»¹. В итоге, теперь на Земном шаре практически везде обнаруживаются следы человеческой деятельности, проявляющейся в изменении химического состава атмосферы, вод суши и океана, а также почвенного покрова Земли.

Мировое сообщество, обеспокоенное сложившейся ситуацией, провело в 1992 г. в Рио-де-Жанейро Конференцию ООН по окружающей среде и развитию, где, в частности, была принята Рамочная Конвенция об изменении климата. Она вступила в силу 21 марта 1994 г. после ратификации ее 50 странами — членами ООН. К началу 2002 г. конвенцию ратифицировали уже более чем 160 государств, а 10 декабря 1997 г. в городе Киото (Япония) страны поддержавшие конвенцию, подписали международно-правовой акт — Киотский протокол, основной целью которого является снижение скорости роста (а в последующем и его остановка) концентрации парниковых газов в атмосфере. В этом документе содержится норма, что промышленно развитые страны и страны с переходной экономикой берут на себя конкретные обязательства по ограничению или сокращению выбросов парниковых газов. Важно подчеркнуть, что Киотский протокол, поддержанный практически всеми странами мира, стал по существу первым глобальным документом, направленным на защиту окружающей среды с использованием рыночных механизмов регулирования, в котором предусмотрена международная торговли квотами на выбросы парниковых газов.

И все-таки, правительства не спешат предпринимать необходимые действия. В первую очередь, это объясняется тем, что любое государство, принимая законодательство об ограничении вредных промышленных выбросов, делает свою экономику менее конкурентоспособной, а также подрывает инвестиции и создает предпосылки для перемещения рабочих мест в другие страны. Как откровенно заметил Тони Блэр в своем коммента-

¹ Данилов-Данильян В.И. Климатические изменения // Глобалистика: Энциклопедия / гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков; Центр научных и прикладных программ «Диалог». М.: Радуга, 2003. С. 447.

рии газете «Гардиан», (03.11.2005): «Суровая правда о политике изменения климата заключается в том, что ни одна страна не хочет жертвовать своей экономикой для того, чтобы ответить на этот вызов». Таким образом, остается констатировать, что мировое сообщество не готово к тому, чтобы сократить негативное воздействие на атмосферу. А поскольку антропогенные факторы климатических изменений весьма инерционны, то при любых, даже самых оптимистичных сценариях развития мирового сообщества, не только негативные воздействия на климат, но и накопление их потенциала будут продолжаться еще несколько десятилетий. Однако главный вопрос в том — есть ли у человечества такой запас времени?

Среди множества угроз современному человечеству укажем еще на одну проблему планетарного значения, актуальность решения которой со временем будет лишь нарастать. Речь идет о *космическом мусоре*, становящемся все больше уже не только потенциальной, но и реальной угрозой для человечества. Разговоры о такой опасности ведутся уже долгое время, и то, что данная проблема представляет собою пока еще по большей части потенциальную опасность, несколько не снижает уровень ее актуальности. Вступив в космическую эру в середине прошлого столетия, человечество к настоящему времени оказалось целиком и полностью связанным с космическими технологиями, когда уже трудно назвать сферу человеческой деятельности, свободную от освоенного человеком космического пространства. Это не только Интернет, телекоммуникации и средства связи, народное хозяйство и военная сфера, это еще и уникальные научные эксперименты, навигационные системы, мониторинг и многое другое. А спутникам на земной орбите, которые все это обеспечивают, стал серьезно угрожать космический мусор. Как показало проведенное по просьбе NASA исследование, чем дольше будет откладываться решение данной проблемы, тем дороже будет обходиться защита этих спутников в дальнейшем. Так, по данным доклада, с момента начала освоения космоса на орбите Земли появилось около 20 тыс. различных объектов, габариты которых превышают размеры футбольного мяча. И только около тысячи из них являются действующими спутниками или функционирующими станциями, тогда как

все остальное — это космический мусор, который образовался в результате различных удачных и неудачных пусков, взрывов и других происшествий¹.

Проблема усугубляется тем, что, по мнению ученых, «точка невозврата» по уровню загрязнения уже пройдена, и вероятность возникновения внештатных ситуаций будет только нарастать. Так, в начале 2012 г. из-за обломка американского телекоммуникационного спутника «Iridium 33» пришлось корректировать орбиту международной космической станции (МКС), а двумя месяцами позже членам экипажа этой станции пришлось эвакуироваться в пристыкованные к ней корабли «Союз», так как возникла угроза столкновения с обломком старого российского спутника «Космос».

Наконец, еще одной сферой, где уже в обозримом будущем может развернуться серьезная борьба и ожесточенное противостояние в глобальном масштабе, являются глубины мирового океана. Здесь свою роль, несомненно, сыграют новейшее оборудование и современные технологии, которые становятся все более совершенными, благодаря беспрецедентным достижениям научно-технического прогресса. Так, например, Китай уже сегодня строит подводные дроны для защиты своих рубежей в Южно-Китайском море, а Соединенные Штаты и вовсе нацелены на абсолютное глобальное доминирование в этой области. «Контроль морских глубин для США не самоцель, а часть системы, которая в перспективе объединит космические, воздушные, морские и наземные силы для осуществления любых операций в онлайн-режиме»². Таким образом, новые технологии освоения океана, с одной стороны, открывают дополнительные возможности для морской навигации, исследования морских глубин и добычи недоступных ранее полезных ископаемых, а с другой стороны, создают риски глобальной нестабильности. Будут ли достижения научно-технического прогресса служить во благо или во вред

¹ *Азаев А.* Орбита навсегда стала большой помойкой / Utro.ru. 28.09.2012. URL: <http://www.utro.ru/articles/2012/09/28/1074662.shtml>

² *Козюлин В.* Беспилотная война за Мировой океан // Известия. 13.04.2017. URL: https://iz.ru/news/681674?utm_source=finam

человечеству, зависит, в первую очередь, от того, какой будет в перспективе мировая политика, и как будут выстраиваться международные отношения в планетарном масштабе. От этого же будет зависеть и результативность всевозможных усилий в деле решения и снижения опасности со стороны глобальных проблем современности.

1.4. Природные ресурсы как фактор мировой политики

В основе мировой политики лежит множество различных факторов, определяющих ее характер и направление. Наиболее существенными из них, несомненно, являются противоборство национальных интересов и сохранение политическими элитами власти в отдельных государствах. Однако достижение этих целей сопряжено с наличием у субъектов международных отношений экономических, политических, военных, технологических и иных возможностей проводить соответствующую политику. Отсюда непрекращающаяся борьба за природные, финансовые, информационные и иные ресурсы, территории, рынки сбыта и т.п. Природные ресурсы, которые делятся, с одной стороны, на энергетические и сырьевые, а с другой — на возобновимые и невозобновимые, играют в этой связи особую роль, поскольку они лежат в основе экономического развития любой страны, но распределены по планете неравномерно. Среди всех природных особо выделим энергетические ресурсы и остановимся именно на них и их роли в мировой политике по ряду причин:

Во-первых, вся техносфера, без которой немыслимо современное общество, во всяком случае, в той части, что в ней движется, функционирует, работает, основана на потреблении всевозможных энергоресурсов.

Во-вторых, социальная сфера, бытовые условия и в целом жизнедеятельность людей непосредственно зависят от обеспеченности их тепловой и электрической энергией.

В-третьих, запасы абсолютного большинства используемых сегодня энергетических ресурсов ограничены, и добыча их становится все более трудоемкой и дорогостоящей из-за эксплуа-

тации истощающихся или расположенных в менее доступных и удаленных регионах новых месторождений.

Отсюда вполне очевидно, что независимость и безопасность любой страны непосредственно связаны с энергетической безопасностью, которая включает в себя, прежде всего, нефть и природный газ. Во всяком случае, сегодня это именно так и на обозримую перспективу останется так, пока не будут разработаны альтернативные источники энергии, прежде всего, возобновляемые, к тому же, в достаточном количестве¹.

Следует также заметить, что обращение к другим видам природных ресурсов, не говоря уже о множестве иных факторов, влияющих на мировую политику, усложнило бы восприятие существа дела, но мало бы добавило к пониманию того, что на международной арене идет острейшая борьба без правил, в которой задействуются все способы и возможности противоборствующих сторон.

Наконец, это отвлекло бы наше внимание от основного замысла книги — *показать глобальный мир с точки зрения того, как он развивается, будучи неуправляемым и проанализировать наиболее вероятные сценарии его дальнейшего развития.*

Итак, какую роль в истории человечества играют нефть и газ, которые были знакомы людям еще издревле? Мы найдем немало примеров того, что еще задолго до появления цивилизации они были для наших предков «горючей водой», «каменной смолой», «священным» огнем, «горящими фонтанами» и т.п. И так было вплоть до Нового времени, пока начало промышленной революции не изменило ситуацию в отношении углеводородов. Сначала уголь, затем нефть, в особенности, с конца XIX века, а потом и газ со второй половины XX столетия стали главными источниками энергии и определяющим фактором экономического развития как отдельных стран, так и мира в целом. Достаточно сказать, что мировая добыча нефти, которую теперь нередко именуют «кровью» мировой экономики, за XX столетие выросла в 175 раз — с 20,5 млн т. в 1900 г. до 3601 млн т. в 2000 г. А мировая добыча газа за это время увеличилась и того боль-

¹ Чумаков А.Н., Нестеренко Н.Я. История одного техникума. Хадыженский нефтяной. М.: Проспект, 2014.

ше — почти в 222 раза — с 11 млрд м³ в 1900 г. до 2436 млрд м³ в 2000 г.¹.

На потребление энергии существенно влияет численность населения Земли, но еще в большей степени темпы индустриального развития. Так, например, в XX в. население мира выросло в 3,6 раза, тогда как мировой энергобаланс увеличился более чем в 10 раз. «Глобальный спрос на энергию увеличивается стремительно (около 3% в год). При сохранении такого темпа к середине XXI века мировой энергобаланс может возрасти в 2,5 раза, к концу века — в 4 раза»². Но многократное увеличение объема добычи углеводородов неизбежно ведет к значительному истощению природных ресурсов и требует ввода в эксплуатацию все новых месторождений, в том числе и в труднодоступных регионах.

Одним из таких регионов является Арктика, где сосредоточены значительные природные ресурсы, вокруг которых издавна возникали конфликты разной степени интенсивности. И в самом деле, там есть за что бороться — согласно данным геологической службы США, в Арктическом регионе может находиться до четверти потенциальных мировых ресурсов нефти и газа. «Только разведанные запасы арктических месторождений нефти составляют более 100 млрд тонн (что соответственно в 2,4 и 2,1 раза превышает разведанные ресурсы России и Саудовской Аравии)»³. К настоящему времени в Арктике выявлено более 20 крупных нефтегазовых месторождений. Перспективность разработки 10 из них уже доказана.

При этом, как уже отмечалось выше, таяние арктических льдов может сделать северные морские пути судоходными уже к середине XXI века, что существенно облегчит добычу полезных ископаемых и удешевит транспортировку углеводородов. Но здесь необходимо принять во внимание международно-

¹ Нефть и газ. Мировая история. М.: Изд. дом «Земля и человек XXI век»; ИЦ «Елима», 2004. С. 697.

² Мазур И.И. Глобальная энергетическая безопасность // Век глобализации. 2008. № 1. 2008. С. 58.

³ Мазур И.И. Арктика — точка бифуркации в развитии глобального мира // Век глобализации. 2010. № 2(6). С. 95–96.

правовой статус пространств Северного Ледовитого океана, который во многом определяется его особым географическим положением, резко отличающимся от положения других морских территорий. В 1920-х гг. океан разделили на пять полярных секторов между прибрежными государствами: СССР, Канадой, США, Норвегией и Данией. При этом все острова и земли, оказавшиеся в пределах того или иного полярного сектора, вошли в состав соответствующих государственных территорий. Самый большой сектор — размером около трети всей площади шельфа Арктики, оказался под юрисдикцией СССР. Однако это не стало окончанием борьбы за контроль над Арктическим регионом, которая, напротив, лишь усиливается. В ней участвуют уже не только страны бассейна Северного Ледовитого океана, но и державы иных регионов, например КНР.

Не трудно предположить, что и вокруг Антарктиды, которая в силу ее сурового климата и труднодоступности до начала XIX века не была известна человечеству, а теперь все больше привлекает внимание своим не слишком прочным статусом, также закипят страсти, как только обнаружатся для этого дополнительные стимулы и возможности. Например, открытие там значительных месторождений углеводородов, залежей природных ресурсов, а также появление новых технологий или изобретение средств для осуществления эффективной деятельности в экстремальных условиях могут и наверняка станут спусковым крючком, детонатором нового витка международной борьбы и противостояния. Характерно и символично, что этот континент по форме своей напоминает запятую, которая указывает на незаконченность предложения. В данном случае Арктика станет, пожалуй, последней запятой, после которой предложение под названием «история человечества» пойдет дальше или мирным путем, или закончится.

В 1982 г. ООН приняла Конвенцию по морскому праву, в соответствии с которой суверенитет прибрежных государств распространяется на их исключительные экономические зоны, расположенные в 200 морских миль от побережья. В пределах своих зон прибрежные государства имеют право разведывать и разрабатывать природные ресурсы, залегающие на морском дне. Недра морей и океанов за пределами экономических зон

являются общим достоянием человечества, и любое государство мира имеет право подать заявку на разработку того или иного участка дна моря. В итоге, если еще столетие тому назад мировой океан был свободен на 90%, то сегодня он уже на 40% подпадает под юрисдикцию прибрежных стран. Данная Конвенция внесла определенный порядок во взаимоотношения стран по вопросам использования морских ресурсов, но не решила всех проблем мирового океана, который, как и прежде, остается острой конкурентной борьбой за его богатства. При этом он все в большей степени превращается не только в мировую свалку из промышленных и бытовых отходов, радиоактивных и химических захоронений, но и в «сточную канаву», куда все реки мира несут несметное количество вредных отходов человеческой деятельности.

Не меньшую угрозу для людей и живых организмов создает загрязнения водного пространства нефтью и нефтепродуктами. В связи с интенсивным развитием добычи углеводородов на морских месторождениях серьезную опасность представляют аварийные ситуации на буровых скважинах и плавучих платформах, где время от времени случаются пожары, внезапное разрушение оборудования и трубопроводов, разливы нефти и т.п. Одним из примеров таких техногенных катастроф является та, что произошла 20 апреля 2010 г. в Мексиканском заливе, когда на нефтяной платформе *Deepwater Horizon* (компания *British Petroleum* — BP) произошел взрыв. В результате платформа затонула и произошел масштабный разлив нефти из скважины на дне океана. Мексиканский залив оказался катастрофически загрязненным, а прилегающим к нему штатам Луизиана, Миссисипи и Алабама был нанесен колоссальный ущерб. В итоге, общая утечка нефти составила 5 млн баррелей, при этом лишь десятая ее часть была собрана или утилизирована. Значительный же объем нефти остался лежать на глубине. Стоимость всех мер, предпринятых компанией BP, которая взяла на себя полную ответственность за последствия аварии, составила 8 млрд долл.¹.

¹ Мазур И.И. Арктика — точка бифуркации в развитии глобального мира // Век глобализации. 2010. № 2(6). С. 99.

Серьезной угрозой для человека и окружающей среды является и транспортировка углеводородов, которая в значительной степени осуществляется на трансграничном пространстве. Можно сослаться в этой связи на множество техногенных катастроф, связанных с разрушением нефте- и газопроводов, а также с авариями нефтеналивных танкеров, когда огромные прибрежные территории становятся безжизненными из-за разлива нефти. Примером подобного рода является разлив нефти связанный с аварией на трубопроводе бразильской компании «Петробраз» в 2000 г., когда в бухту Рио-де-Жанейро попало свыше 1,3 миллиона литров нефти, что привело к крупнейшей за всю историю мегаполиса экологической катастрофе. Другая катастрофа связана с крупнейшим в истории разливом нефти, вызванным столкновением в Карибском море в 1979 г. танкеров «Atlantic Empress» и «Aegean Captain». Тогда в результате аварии в море попало почти 290 тыс. тонн нефти.

Все это, как правило, становится предметом серьезных международных споров и разногласий в определении виновных и ответственных за ликвидацию последствий. Однако это еще не самые острые противоречия, обусловленные транспортировкой углеводородов. Куда более сложные баталии разворачиваются вокруг уже построенных и проектируемых нефте- и газопроводов, соединяющих месторождения, расположенные в Сибири, на Ближнем Востоке и в Средней Азии с основными потребителями углеводородов — европейскими странами. «Газовая война», развязанная между Россией и Украиной с 1 января 2009 г., — яркий пример таких противоречий и новый виток столкновения множества интересов не только этих государств, но и таких, как США, европейских, закавказских, Ирана, Турции. Именно разногласия и противоборство этих стран, вызванные их геополитическими целями и интересами лежат в основе того, что построенные и проектируемые международные проекты, такие, например, как нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан, газопроводы «Набукко», «Южный поток», «Северный поток», «Турецкий поток» и др. оказываются в центре не столько экономических, сколько политических баталий.

В последние годы политическая напряженность вокруг энергоресурсов значительно усилилась за счет поставки на рынок

так называемых «сланцевой нефти» и «сланцевого газа», добыча которых стала рентабельной в силу развития новых технологий получения углеводородов. Это позволило сделать Американские компании, ставшие лидерами в таких технологиях, вполне конкурентоспособными. В итоге, увеличение добычи нефти и газа в совокупности со снятием санкций с Ирана и выходом его на международные торговые площадки привело к обрушению на мировых биржах сырьевых котировок на эти продукты. За полтора года цена на нефть упала более чем в 3 раза — со 113,3 \$ за баррель в июне 2014 г. до 34.73 за баррель в январе 2016 г. На усугубление ситуации серьезное влияние оказала и реализация геополитических интересов ведущих мировых держав на Ближнем Востоке, в основе которых ведущее место занимает доступ к углеводородным ресурсам этого региона. Закономерным следствием такой ближневосточной политики стали многочисленные и непрекращающиеся до сегодняшнего дня конфликты и боевые действия в этом регионе, начало которым было положено начавшейся в 2003 г. Иракской войной. В итоге, контролировавшие в 1970-е гг. большую часть нефтяного рынка Саудовская Аравия и страны ОПЕК сегодня поставляют лишь треть от всей потребляемой в мире нефти.

Итак, вполне очевидно, что при растущем населении Земли и ориентации на постоянный рост мировой экономики, энергетические и сырьевые ресурсы, в особенности невозобновляемые, все больше будут становиться предметом серьезных разногласий, источником международных конфликтов и одним из самых важных факторов мировой политики.

1.5. Национальное и общечеловеческое: конфликт интересов

То, что «миром правит интерес», кажется трудно оспорить. Это известное выражение указывает на одну из наиболее важных характеристик не только межличностных, но и иных общественных отношений, которые сопровождают человека на протяжении всей его истории — от первобытного состояния до наших дней. Интересы субъектов любых уровней, даже если они имеют множество совпадений, тем не менее, всегда раз-

няться в своих деталях, что, как минимум, потенциально содержит в себе источники конфликтов. Они-то и лежат в основе тех противоборств, которые обусловлены частными интересами, и которыми всегда была переполнена жизнь людей и их сообществ. Однако теперь, в условиях глобального мира и всеобщей взаимозависимости, единичное, частное и общее в социальной сфере выступают уже не только как самодостаточные сущности, но и как единое целое. Сегодня уже нельзя рассчитывать на долгосрочный, тем более, стратегически оправданный положительный результат, если, с одной стороны, не принимать во внимание интересы частные и даже единичные, а с другой, игнорировать общие. Как соблюсти баланс общих и частных интересов? Это принципиально важный вопрос, и решается он в каждом конкретном случае отдельно. Однако в реальности все не так просто. Характерным в данном отношении является утверждение известного биолога В.С. Савельева, который, в частности, отмечает: «Как показала история, люди действительно разные. И как ни бился Макаренко за светлое будущее беспризорников, в его колонии выявилась масса невоспитуемых, которых легче было изолировать от «идеального» сообщества. Чуть позже ученые подтвердили: мозговые извилины, борозды так же индивидуальны, как отпечатки пальцев. **И нельзя всех заставить думать и жить одинаково. Как и достигать одних и тех же высот**»¹.

Но, как заметил еще В.О. Ключевский: «История ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков». Наглядным примером тому является и опубликованная летом 1989 г. статья американского философа Ф. Фукуямы «Конец истории?», где он вполне откровенно, полностью игнорируя взгляды и интересы отдельных людей, стран и народов, фактически не принимая во внимание иных подходов, пишет; «Мы не будем разбирать все вызовы либерализму, исходящие в том числе и от всяких чокнутых мессий; нас будет интересовать лишь то, что воплощено в значимых социальных и политических силах и движениях и является частью мировой истории. Неважно, какие там еще

¹ Красильщиков А. Сенсация. Все умрем! // krass.cc. 12.04.2016. URL: http://a.kras.cc/2016/04/blog-post_531.html

мысли приходят в голову жителям Албании или Буркина-Фасо; интересно лишь то, что можно было бы назвать общим для всего человечества идеологическим фондом»¹. Позиция силы, неизменная уверенность в своей правоте и непогрешимости, излишняя прямолинейность в решении сложнейших международных проблем были тогда, — на излете распада социалистической системы, популярными не только в среде западных политиков, но и определенной части научного сообщества. Все это не только не способствовало становлению действительно справедливого нового международного порядка, к чему, как тогда казалось, поворачивалась история, но и в последующем не дало возможности предотвратить серьезные социальные конфликты. Более того, казавшееся поначалу, после распада СССР, снижение всеобщей напряженности таило в себе зародыши конфликтов намного более острых и масштабных. Не потому ли, что мысли албанцев, африканцев и иных «аутсайдеров» мировой политики не представляли для американцев и их союзников никакого интереса? НАТО, например, при лидирующей роли американцев, вмешалось в 1999 г. в Югославский конфликт в предельно грубой форме, не вникая в «тонкости» сепаратизма, исламского фундаментализма, территориальных притязаний и т.п. Затем последовали войны в Ираке, Ливии, Сирии, Украине в основе которых лежали те же благие намерения планетарного масштаба — привнесение демократии и свободы, при полном игнорировании местных условий, исторически сложившегося уклада жизни, традиций, настроений различных слоев населения и т.п.

Как справедливо замечает в этой связи Э. Ласло: «Культурное разнообразие современного мира часто недооценивают. Люди в Соединенных Штатах Америки и в Европе имеют обыкновение думать, будто все хотят жить, как они, и походить на них, а все остальное — изыски и претензии»². В таком же духе высказывается и Ю.А. Замошкин, когда в своем послесловии к статье Ф. Фукуямы пишет: «Полная удовлетворенность своей идеологией и идеологией нынешнего руководства своей страны мне

¹ Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 139.

² Ласло Э. Макросдвиг. К устойчивости мира курсом перемен. М.: Тайдекс Ко, 2004. С. 75.

представляется благоприятной почвой для развития национального или регионального снобизма, для мессианских притязаний на роль «Авангарда цивилизации»..., для потери интереса к уникальным и цивилизационно-поучительным элементам в опыте других стран, наконец, для формирования чисто апологетического отношения к действиям собственного государства — даже и в случае ввода им войск в другие суверенные страны, конечно же, «во имя благородных идеалов»¹.

Последующий ход исторических событий в очередной раз подтвердил, что в мире, разделенном на самоуправляемые «национальные квартиры», от острейшей межгосударственной борьбы без ущерба своим интересам никому не уклониться; не избежать противоборства и в обозримом будущем. Вопрос лишь в том, по каким правилам будет идти такая борьба, кто будет формулировать и диктовать эти правила, выступая в роли арбитра? После распада социалистической системы на роль такого арбитра свои претензии заявили США, самоуверенность которых возростала пропорционально успехам Америки в экономической, а затем и других сферах, породив в конечном счете, их уверенность в свою историческую миссию. Достаточно сослаться в этой связи на вышедшую во второй половине 1990-х годов книгу американского политолога З. Бжезинского «Великая шахматная доска», где он, очевидно под впечатлением недавно выигранной «холодной войны», выражал господствовавшие тогда в США взгляды по созданию однополярного мира. «Америка в настоящее время является единственной супердержавой, — писал он, — а Евразия — центральной ареной мира... Америка в настоящее время выступает в роли арбитра для Евразии, причем нет ни одной крупной евразийской проблемы, решаемой без участия Америки или вразрез с интересами Америки»². Подводя общие итоги своего небесспорного труда, Бжезинский пришел к следующему выводу: «Короче говоря, цель политики США должна без каких-либо оправданий состоять из двух частей: необходимости

¹ *Замошкин Ю.А.* «Конец истории»: идеологизм и реализм // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 155.

² *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Господство Америки и ее геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 1998. С. 230.

закрепить собственное господствующее положение, по крайней мере на период существования одного поколения, но предпочтительно на еще больший период времени»¹. Наконец, отмечая особую роль Америки в создании геополитической структуры, призванной «смягчать неизбежные потрясения и напряженность, вызванные социально-политическими переменами», он подчеркнул, что «эта деятельность обеспечит и дополнительное историческое преимущество *использования в своих интересах* [выделено мной, — А. Ч.] вновь создаваемой сети международных связей, которая заметно развивается вне рамок более традиционной системы национальных государств... Геостратегический успех, достигнутый в этом деле, — сказал он в заключение всей книги, — надлежащим образом узаконит роль Америки как первой, единственной и последней истинно мировой сверхдержавы»².

Вполне очевидно, и постсоветская история это уже убедительно показала, что ни одна страна, будь то Россия, Китай, Бразилия, Индия или даже Западная Европа, не говоря уже о других странах и регионах, ревностно отстаивающих свой суверенитет и самобытность, добровольно никогда не согласится с такой позицией одной страны, сколь бы сильной и влиятельной она ни была. Не может быть приемлемым в целом и такой подход к формированию нового мирового порядка. А принимая во внимание, что в мире, начиненном оружием, в том числе и ядерным, опасности возрастают многократно, силовой вариант в отношении хотя бы одной страны, к тому же связанной договорами и соглашениями с другими странами, чреват цепной реакцией втягивания в него все новых участников. Альтернативой этому в современных условиях может быть только путь переговоров, соглашений, взаимных уступок и договоренностей во имя общих интересов. В данном отношении весьма показателен и поучителен пример Китая, который мирным путем, последовательно, терпеливо и небезуспешно решает свои проблемы, касающиеся целостности государства и возвращения отторгнутых ранее территорий.

¹ *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Господство Америки и ее геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 1998. С. 254.

² Там же.

Итак, поскольку подлинно единым и эффективно управляемым глобальный мир может стать только по взаимному согласию всех субъектов международных отношений, а такого согласия нет и пока даже нет условий для его появления, то вполне очевидно, что перед лицом нерешенных глобальных проблем, в интересах выживания и стабильности, мировое сообщество должно оставаться многополярным. Конечно, в таких условиях конфликт и борьба интересов, в особенности между частным и всеобщим, национальным и общечеловеческим никуда не денется. Многим, тем более, старшим поколениям, непросто адаптироваться к быстрым переменам на открытой арене сталкивающихся в свободном соревновании идей, парадигм и ценностей; еще труднее изменить мировоззрение, сменить платформу устоявшихся идеологий мифов и мнений. Но в этом направлении необходимо двигаться уже сегодня, во всяком случае, в качестве первого шага неизбежно признание необходимости таких перемен, поскольку мы находимся накануне еще одного «осевого времени», когда со все большей очевидностью проявляются аргументы в пользу *эры диалога*, а это предполагает глубинную трансформацию сознания, схожую с трансформацией гусеницы, становящейся бабочкой.

Показательным в данном отношении является, например, процесс унификации образования и пересмотр сложившихся в различных странах собственных образовательных систем. Введение в высшей школе магистратуры и бакалавриата, как бы непривычно это не звучало в отдельных случаях, не есть дань моде или самоуправство чиновников — это попытка привести к общему знаменателю образовательные стандарты, иными словами, это веление глобализирующегося мира, в котором унифицируются не только схемы и каналы перемещения по странам и континентам трудовых ресурсов, но и способы их подготовки, на что в значительной мере и ориентирована вся система профессионального образования. Конечно, этого пока еще можно и не делать сегодня, но с необходимостью придется сделать завтра, когда в условиях глобальной взаимозависимости с очевидностью обнаружится пагубность автаркии и самоизоляции от мирового сообщества.

Другими примером малоперспективной самоизоляции может служить конфликт между частными и общими интересами, когда дело касается международных правовых вопросов принципиальной важности. Так, государства, подписавшие определенные международные правовые документы, могут отказываться от их выполнения в силу значительного ущерба, который они должны понести в силу тех или иных своих решений. Но такие действия в силу всеобщей экономической, экологической, технологической и т.п. взаимозависимости ставят под серьезный удар завоевание доверия инвесторов и улучшение инвестиционного климата в данной стране, что чревато свертыванием экономических и деловых отношений со всем миром, когда с таким непредсказуемым партнером мало кто захочет вести дела.

В условиях растущих экономических и социальных проблем, отсутствия должного и эффективного законодательства или их неисполнение, как внутри отдельных государств, так и на международном уровне создает и другую угрозу, а именно, в многополярном мире это благодатная почва для роста национализма, сепаратизма, коррупции, криминала, проявления различных форм насилия и экстремизма. В результате усиливаются нигилизм и упадничество, растут пессимистические настроения и уровень деморализации общества и, как следствие, нередко звучат голоса о том, что *общечеловеческие ценности, права человека, общая судьба человечества* и т.п. — это лишь «ширма для Запада», под прикрытием которой он проводит агрессивную политику, защищая свои интересы. Отсюда некоторые общественные деятели выступают за изоляционизм и свертывание переговорных процессов, учитывающих многополярность мира и культурное разнообразие. Так, например, в России есть силы, которые полагают, что не следует принимать и даже поддерживать «ценности западной цивилизации», а альтернативу они видят в самобытности и переориентации на Восток (который в этом случае противопоставляется Западу).

Примеры подобного рода во множестве найдутся в любой стране. Однако, соглашаясь с тем, что каждому государству необходим поиск собственного пути развития на основе на-

ционально ориентированных ценностей, следует сказать и об опасностях на этом пути. В условиях глобальной взаимозависимости большие системообразующие (в мировом масштабе) страны, такие, например, как Россия, Китай, Индия, Бразилия или Иран, должны проявлять большую гибкость, чтобы не стать на путь конфронтации не только с развитым Западом, но и остальным миром. При этом следует иметь ввиду и то, что лимит на крупномасштабные социальные эксперименты практически исчерпан, ибо нельзя исключить, что в случае неудачного эксперимента у «загнанного в угол» руководства такой страны не возникнет желания прибегнуть к последнему «аргументу» в споре с несговорчивым противником — к «ядерной дубинке». Отсюда встает вопрос принципиальной важности — какие возможности и приемлемые пути разрешения конфликтов при сосуществовании различных интересов имеются сегодня в современном мире? Ответом на этот непростой вопрос будет значительная часть последующего содержания книги, но уже теперь вполне очевидно, что каждая нация и государство, поддерживая и развивая свои традиции, культуру, обычаи, в то же время просто обязано поставить общечеловеческие интересы и ценности выше национальных, корпоративных, религиозных или этнических, чтобы обеспечить выживание и благополучие, в том числе и самих себя.

1.6. Риски и последствия неадекватного восприятия глобального мира

Вся история общественного развития дает основание утверждать, что риски являются неотъемлемой частью бытия как отдельных людей, так и всевозможных общественных систем. В то же время в каждую историческую эпоху характер и острота рисков определялись в первую очередь основными противоречиями соответствующей эпохи. Иными словами, менялись только масштабы и степень угроз, которые становились тем больше, чем быстрее мировое сообщество приближалось к своим естественным глобальным пределам. А поскольку мы живем теперь в эпоху многоаспектной глобализации, то и риски сегодня связаны, в первую очередь, с глобализацией и ее

последствиями¹. При этом дело касается не только реальных угроз со стороны глобальных процессов и их негативного влияния на общественную жизнь, но и того, насколько адекватно мы воспринимаем происходящие события и можем ли в соответствии с имеющимися знаниями реагировать на вызовы современности.

Понятие «риск» изначально возникло как ассоциация с неопределенностью, скрытыми, неявными угрозами или опасностью, и предполагает такую деятельность людей, которая ориентирована на перспективу и строится на осознании и учете всевозможных опасностей. Термин же появился достаточно поздно, лишь где-то в XVI—XVII веках и пришел он из португальского языка, где им обозначали плавание в незнакомых водах, не нанесенных на карту. Как отмечает известный специалист в этой области, английский социолог Энтони Гидденс: «Риск — это не то же самое, что опасность или угроза. Понятие риска связано с активным анализом опасности с точки зрения будущих последствий. Оно широко используется лишь в обществе, ориентированном на будущее... Концепция риска предполагает наличие общества, активно пытающегося порвать с собственным прошлым, — а это главная характеристика индустриальной цивилизации нового и новейшего времени»². И это действительно так, ибо современные технологии, да и научно-технический прогресс в целом, ориентированы на прорыв в будущее, а следовательно, по определению увеличивают число и степень опасности всевозможных рисков.

Заметим, что проблема риска — особая и весьма интересная тема, где можно говорить как о положительном, так и об отрицательном значении данного явления. В частности, готовность идти на оправданный риск является одним из факторов успеха, например, в современной экономике. В то же время, по большей части, понятие «риск» ассоциируется с негативны-

¹ Общество: пространство, риски, ценности: монография / Устьянцев В. Б. [и др.]; под ред. А. Н. Чумакова; Саратовский гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского, Саратовское региональное отделение Российского филос. общества. Саратов, 2012.

² Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь Мир, 2004. С. 39.

ми явлениями, в особенности, в свете процессов глобализации и порождаемых этими процессами глобальных проблем современности.

Так, в силу появления и все большего распространения ядерного оружия и других средств массового уничтожения возрастают риски военных столкновений с непредсказуемыми последствиями, вплоть до самоуничтожения человечества. Не менее рискует мировое сообщество и тогда, когда оказывается не в состоянии принять программу согласованных действий в области, например, экологии, демографии или преодоления бедности. Достаточно вспомнить принятую еще в 1992 г. в Рио-де-Жанейро концепцию устойчивого развития, до сих пор остающуюся скорее декларацией, чем Программой конкретных действий для отдельных государств и всего мира, на что она изначально была ориентирована, но так и не уменьшила опасность риска нарастающей дисгармонии в отношении природы и общества как в глобальном, так и в локальных масштабах. Другим примером подобного рода может служить многострадальный Киотский протокол, не подписывая который, человечество значительно увеличивает риск глобального потепления, со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями. Примеры подобного рода, как и обсуждение их содержания заслуживают специального внимания, что было бы весьма интересным, но увело бы нас в сторону от основного вопроса — каковы риски и последствия неадекватного восприятия глобального мира?

Помимо приведенных примеров общественной практики, сопряженной с непредсказуемыми вызовами, особого внимания заслуживает экономическая деятельность человека. В этой сфере риски являются обычным делом, которыми, как правило, сопровождаются не только деловые решения, финансовые сделки, те или иные экономические проекты, сопряженные с распределением как ресурсов частных компаний, так и государственных инвестиций. Нередко они не достигают поставленных целей и заканчиваются не тем результатом, на который изначально делался расчет. Характерным в этом отношении является комментарий лауреата Нобелевской премии в области экономики Джеффри Сакса, который, отвечая на вопрос об эффективности антикризисных мер администрации Б. Оба-

мы, выделившей 878 млрд долларов на поддержку экономики, в частности, сказал: «Я думаю, что никто в Белом доме не знает наверняка, как такая огромная сумма скажется на финансовой стабильности и доверии к курсу доллара. Антикризисные меры основаны на все той же философии, видящей панацею в потребительской активности. Это огромный вброс ресурсов, который может дать лишь слабый всплеск. Такие гигантские правительственные инъекции можно рассматривать как раздувание очередных пузырей. Дальновиднее было бы вложение столь огромных инвестиций в долгосрочные проекты — как то: создание инфраструктуры, разработка новых видов энергетики, борьба с глобальными климатическими изменениями. Да, у Обамы есть все эти идеи в его программе, но они носят фрагментарный характер, не подкреплены системным стратегическим видением»¹. Подобного рода примеров можно привести множество из различных экономик современного мира.

Суммируя, отметим, что риски, неизменно сопровождающие жизнь человека, и проблемы с которыми он постоянно сталкивается — категории подвижные и динамичные. Они изменялись и всегда будут изменяться как в процессе развития самого человека, так и роста уровня социальной организации, а также степени освоения людьми территориальных пространств. Это означает, что у глобального человечества теперь и проблемы, и риски соответствующие — *глобальные*, а потому любые попытки справиться с ними окончательно и бесповоротно — дело бесперспективное. В конечном же счете, еще и не такое уж безобидное, поскольку вместо положительных результатов можно лишь потерять драгоценное время, получив к тому же разочарование и утрату веры в собственные силы².

Итак, необходимо принять как данность тот факт, что современное человечество постоянно находится в зоне явного или потенциального риска. Развивая, например, ядерную энергетику, которая имеет свои существенные плюсы, люди рискуют получить такие катаклизмы как, например, Чернобыльская ка-

¹ Газета «Россия». 2009. 5 марта. № 8(640).

² См.: Чумаков А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира: монография. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. С. 34–39; 45–50.

тастрофа 1986 г. или авария на атомной электростанции Фукусима-1, случившаяся в 2011 г., не говоря уже о постоянном риске террористической угрозы для ядерных объектов. Более того, с серьезными рисками связаны практически все значительные проекты, осуществляемые людьми в масштабах, соотносимых с планетарными. Это и добыча углеводородов на шельфе морей и океанов, и прокладка трансграничных нефте- и газопроводов, полеты в космосе, испытание ядерного и других видов оружия массового поражения, совершенствование новейших технологий, в особенности в военной сфере, и многое другое. Именно поэтому любые сценарии развития человечества в XXI в., равно как и на отдаленную перспективу, должны учитывать фактор неопределенности и связанные с этим многочисленные риски.

Выводы

1. Современный мир, вступивший со второй половины XX века в эпоху многоаспектной глобализации, все больше становится целостным, взаимозависимым, глобальным, где к нерешенным прежним проблемам и противоречиям постоянно добавляются новые. Социальное расслоение и огромная пропасть между нищетой большинства населения планеты и избыточным богатством абсолютного меньшинства является наиболее характерной чертой этого мира.
2. В мировом сообществе нарастает глобальное противостояние, в котором национальные государства и всевозможные международные структуры, отстаивая свои эгоистические интересы, руководствуются по большей части собственной выгодой, порождая тем самым ситуацию нестабильности и, вступая по сути в «войну всех против всех».
3. Глобальные проблемы современности, не потерявшие своей актуальности с тех пор, как они стали предметом всеобщего внимания, дополнились в последние годы принципиально новыми угрозами: международного терроризма, «ползучей» миграцией, киберпреступностью и т.п.
4. Энергетические и сырьевые ресурсы, а также освоение мирового океана и околоземного космического пространства все больше становятся предметом острой транснациональной борьбы и важным фактором современной международной политики.

5. По мере нарастания процессов глобализации обостряются противоречия между национальными и общечеловеческими интересами, а также усиливается конфронтация между локальными, региональными и глобальными отношениями и тенденциями общественного развития.
6. Неадекватное восприятие глобального мира существенно увеличивает риски нестабильности и неустойчивости общественного развития как внутри отдельных государств, так и в масштабах мирового социума.

Глава 2

АРХИТЕКТОНИКА ГЛОБАЛЬНОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Основные понятия:

Глобальное человечество — планетарная социосистема, сформировавшаяся под влиянием глобализации в единую целостную структуру и охватывающая в таком качестве все страны, народы и иные общественные системы.

«*Мир замкнулся*» — выход на глобальный уровень и полноценное функционирование в планетарном масштабе тех или иных процессов определенной сферы общественной жизни (например, «мир замкнулся информационно»).

Единство мира — целостное восприятие нашей планеты, с точки зрения гипотетического внешнего наблюдателя, когда имеется в виду триосфера Земли, т.е., все три ее основные сферы (гео, био- и социосфера), которые рассматриваются в их неразрывной связи и единстве в контексте глобализации. Многозначное понятие «мир» в данном случае ограничено в своем содержании лишь планетой «Земля».

Культурно-цивилизационный контекст — рассмотрение того или иного вопроса, проблемы, задачи, ситуации и т.п. с учетом их культурной и цивилизационной обусловленности.

Мировое сообщество — совокупное множество людей планеты, все население Земли, мыслимое как одно целое, и выступающее в качестве единого субъекта во взаимоотношениях с биосферой и геосферой.

«*Третий мир*» — термин, появившийся в эпоху «холодной войны», для обозначения совокупности развивающихся и слаборазвитых стран, стремившихся проводить самостоятельную политику на международной арене, где доминировали страны развитого капитализма и социализма. В постсоветский период термин стал использоваться для обозначения той части мирового сообщества, которая исключается из понятий «Восток» и «Запад».

2.1. Современные контуры мирового сообщества

Говорить о современном человечестве как мировой культурно-цивилизационной системе можно лишь с определенной долей условности, поскольку в полном смысле этого слова все мировое сообщество цивилизованным назвать пока еще не представляется возможным. Отдельные страны и народы и теперь, во втором десятилетии XXI века, являют собою пеструю картину контрастов и противоречий. Находясь на разных уровнях цивилизационного развития, когда разница между этими уровнями достигает весьма внушительных значений, различные страны объективно оказываются в неравных условиях, которые являются благодатной почвой для перманентной борьбы и конфронтации. Вполне естественно, что в такой ситуации нельзя выстроить равноправные отношения и взаимовыгодное сотрудничество, что, собственно, и является главной причиной неравномерного социально-экономического развития и дифференциации мирового сообщества.

Если принять во внимание также обеспеченность ресурсами одних и отсутствие таковых у других, географическое расположение, способствующее или, наоборот не способствующее развитию торговых путей и сообщений, благоприятные или неблагоприятные условия для ведения сельского хозяйства и т.п., то картина становится еще более пестрой. В итоге, на одном полюсе «золотой миллиард», на другом — нищета и отсталость большей части семи с половиной миллиардного населения планеты; мирная, ухоженная и защищенная жизнь меньшинства и сплошные войны, конфликты, потрясения, сопровождающие существование большинства жителей Земли.

Таким образом, современное человечество являет собою своеобразную двуединую субстанцию. С одной стороны, не только по отношению к окружающей среде, или, например, с точки зрения потребления природных ресурсов, но и по таким параметрам общественной жизни как экономическая, экологическая, информационная и др., оно в условиях глобального мира выступает в качестве единой, целостной системы. С другой стороны, разделенное на почти две сотни независимых государств, мировое сообщество — это разрозненный и разноплано-

вый конгломерат, каждый структурный элемент которого, в конечном счете, представлен самому себе и сам за себя отвечает.

В этой связи многочисленные разговоры о многополярности, биполярности или однополярности мира затрагивают очень важную проблему — реальный расклад сил основных субъектов международных отношений на мировой арене. Однако такой подход заключает в себе значительную долю условности и по существу не столько проясняет суть дела, сколько запутывает и без того непростые вопросы взаимодействия на глобальном уровне, что способно лишь множить малосодержательные дискуссии. На самом же деле, мировое сообщество с тех пор, как появились самостоятельные государства, всегда было и теперь остается разноплановым, полифоничным и полицентричным. Это означает, что центров принятия политических, идеологических, экономических и иных решений много, если исходить из содержания понятия «центр», в соответствии с которым оно определяется как «важный пункт, место сосредоточения чего-нибудь»¹. При этом они неравнозначны и, с точки зрения их возможностей и реального влияния на ход исторических событий, находятся в определенной иерархии. Разумеется, среди многочисленных центров такого рода какой-то из них в тот или иной период времени занимает доминирующее положение, тогда как остальные выстраиваются за ним в определенной последовательности. Но это не может быть основанием для рассуждений об однополярности в их отношениях, поскольку даже при десятках, не говоря уже о почти двух сотнях таких центров, ни один из них, сколь сильным и влиятельным он бы ни был, не может противопоставить себя всем остальным без катастрофических для себя последствий. Неправильно считать доминирующий центр «одним полюсом» и по лингвистическим основаниям, поскольку полюсом именуется «одна из двух крайних точек воображаемой оси вращения Земли, а также принадлежащая к этой точке местность; один из двух противоположных концов электрической цепи или магнита; нечто противоположное чему-нибудь другому»². С этой точки зрения, некорректным яв-

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1981. С. 777.

² Там же. С. 494.

ляется и понятие «многополярный мир», довольно часто встречающееся в научной литературе последнего времени.

С определенной долей условности оправдано использование термина «биполярный мир» применительно ко временам великого противостояния в XX в. двух антагонистических социально-экономических систем — капитализма и социализма. Но и тогда весь мир реально был поделен не на два противостоящих лагеря, а, как минимум, на три, поскольку так называемый «третий мир», «неприсоединившиеся страны» составляли весьма значительную, если не большую часть планетарного человечества. Принимая же во внимание, что различные субъекты международных отношений для усиления своих позиций постоянно вступают во всевозможные союзы, объединения, коалиции, создавая тем самым альтернативные центры принятия решений, следовало бы говорить о полицентричности на мировой арене.

Еще одним обстоятельством, определяющим современные контуры мирового сообщества, является его ограниченность планетарным масштабом. Выход человека в космос в середине XX века с этой точки зрения ничего принципиально не меняет за исключением того, что сфера его деятельности увеличилась за счет околоземного космического пространства. Но вот что принципиально важно, так это то, что с выходом в космос человек полностью «замкнул» территориальное пространство Земли посредством тотального мониторинга 100% ее поверхности в режиме реального времени. Также за счет беспрецедентного развития телекоммуникационных средств связи и технологий, в том числе и, прежде всего, космических, к настоящему времени окончательно «замкнулось» и информационное пространство планеты.

Другие сферы общественной жизни, важнейшими из которых являются *экономика, политика, идеология, культура*, испытывая серьезное влияние глобализации, так или иначе унифицируются, но полностью «замкнуться», стать едиными для всего человечества не могут. В особенности это касается идеологии и культуры. Не могут они полностью выйти и за рамки человеческой колыбели, т.е. нашей планеты, которая и есть ничто иное, как микроскопический Рай во Вселенной для зем-

лян, о чем я уже писал более подробно¹. Все это означает лишь одно — люди обречены быть единым целым на этой мизерной песчинке в мировом океане, и чем быстрее они осознают безальтернативность своего положения и именно такого изначально предзаданного существования на планете, которую они сами не выбирали, тем больше у них будет шансов если не творить и дальше своими руками Ад на Земле, то хотя бы свести его к реально возможному минимуму.

2.2. Единство и многообразие глобального мира

В развитие идей универсального единства мирового сообщества, о чем говорилось в предыдущем исследовании², теперь, в целях лучшего понимания места и роли человека в глобальном мире, необходимо расширить эту тематику до уровня триосферы; т.е. до всех трех имманентно связанных между собой сфер планеты (гео-, био- и социосферы), где человек, превратившись в «мощную геологическую силу», стал ключевым фактором и активным субъектом планетарных преобразований. Во многом такие действия продиктованы интересами, выходящими за рамки социума, поскольку зачастую обусловлены претензиями на обладание ресурсами живой и неживой природы планеты, которые сами являются составной частью куда более масштабных систем. О них и скажем вначале.

Известный современной науке мир во всех его проявлениях поражает своим многообразием, что легко подтверждается даже на уровне непосредственного восприятия и вряд ли нуждается в особом доказательстве. Не столь очевидно другое качество этого мира — его единство, но и оно, с научной точки зрения, вполне доказуемо. Многообразие и единство мира находятся в диалектическом соотношении и проявляются на всех его трех известных нам уровнях: *неживом*, *живом* и *социальном*. При этом если относительно неживой природы данный тезис обосновывается с философской позиции *онтологией*; касательно живой

¹ Чумаков А.Н. Глобализация. Контуры целостного мира: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2014. С. 38–40.

² Чумаков А.Н. Метафизика глобализации: культурно-цивилизационный контекст. М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2006. С. 428–434.

природы ответы лежат в области *биологии*; а на социальном уровне ответственность за решение такой задачи ложится на весь комплекс *гуманитарных наук*, то вопрос о единстве и многообразии глобального мира, включающего в себя человека, взаимодействующего с естественной природой в качестве составной части биосферы, может быть решен только в рамках новой междисциплинарной области научного знания — *глобалистики*. Человек в этом случае оказывается в центре внимания, поскольку глобализация — это только один из глобальных процессов, и отличается он от всех остальных тем, что наряду с геосферой и биосферой, глобализация протекает, прежде всего, в социосфере, которая в этой триаде, касательно данного контекста, является доминирующей.

Итак, рассматривая человека как «живое разумное общественное существо, субъект общественно-исторической деятельности и культуры»¹, мы должны признать безусловное единство всех нас, обладающих данными качествами, уже только по этим основаниям. Но перечислением подобного рода особенностей людей их единство не ограничивается, и можно было бы продолжить этот ряд такими понятиями как «труд», «творчество», «познание» или общим для всех стремлением к удовольствию, счастью, благополучию. Однако и это не все. Теперь, когда мировое сообщество освоило всю территорию и водные просторы планеты, активно задействовало ее всевозможные природные ресурсы и даже околоземное космическое пространство, оно выступает уже как единое целое и по отношению к окружающей среде — естественной природе. В такой же мере единство глобального человечества проявляется и перед лицом природных стихий: ураганов, наводнений, землетрясений, не говоря уже о возможности всеобщего самоуничтожения в результате ядерной войны или, например, столкновения нашей планеты с кометой или астероидом. Если же обратиться к различным сферам общественной жизни современного человека, то и здесь обнаружится множество интегрирующих факторов — от транснациональ-

¹ Человек / Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия, 1997. С. 1408.

ных торгово-экономических, финансовых отношений и глобальной сети транспортных коммуникаций до межкультурных взаимобменов и всеобщей информационно-технологической взаимозависимости. Спорт, наука, образование в условиях глобализации также унифицируются, становятся объединяющим началом, выходя за рамки отдельных сообществ, стран и континентов. Таким образом, говоря о единстве мира, будем иметь в виду, прежде всего, его целостность, неразрывную взаимозависимость различных его частей, которые явились результатом глобализации.

Но это только одна сторона медали. При всем своем природно и социально обусловленном единстве, человечество по этим же основаниям остается в то же время гетерогенным, разделенным на отдельные фрагменты и составные части. Конкретной же единицей такого множества и конечным структурным элементом деления любого сообщества выступает отдельный человек как индивид и вполне определенная личность. В этом качестве он всегда уникален и неповторим. Являясь носителем различных как положительных, так и отрицательных свойств, таких, например, как миролюбие и агрессивность, доброта и жестокость, сострадание и безразличие, честность и плутовство, человек, в зависимости от настроения, обстоятельств и конкретной ситуации, творит добро или зло, созидает или разрушает, поступает принципиально или беспринципно, ответственно или безответственно. Проявляя себя таким образом, к тому же будучи разными по расовым и биометрическим параметрам, все люди Земли обнаруживают множество всевозможных типов поведения, стилей жизни и т.п., что создает бесконечное многообразие глобального мира, которое является оборотной стороной его единства. Также обстоит дело и с социальными общностями любых форматов. Они, от локальных групп и местных коллективов до государственных образований и всевозможных объединений ведут себя аналогичным образом: дружат и воюют; созидают и разрушают; демонстрируют миролюбие и агрессивность, проявляют взаимопомощь и безучастность. Таким образом, не говоря уже о множестве различных форм организации общественных систем, даже с этой точки зрения, многообразие глобального мира нет предела.

А как обстояли дела в прошлом? Всегда ли человечество характеризовалось такой двойственностью — единством и многообразием одновременно? Отметим в этой связи то обстоятельство, что в своем историческом развитии оно прошло ряд этапов эволюционного развития — от первых шагов формирования общественных отношений и последующего «взреления», вплоть до достижения «зрелости», если можно так выразиться, касательно его современного состояния. Конечно, применение понятия «зрелость» ко всем имеющимся в настоящее время общественным системам вряд ли правомерно, поскольку они слишком отличаются друг от друга. Но нас в данном случае интересует наибольшая степень продвижения тех или иным сообществ по пути общественного прогресса, о критериях которого скажем немного ниже. Заметим также, что сама история никаких конкретных границ между различными промежутками времени в развитии общества не задает. Эволюция с переменным успехом идет по нарастающей. Выделение же тех или иных этапов такой эволюции — дело субъективное и всегда зависит от мировоззрения и установок исследователя, решаемых задач, и целей исследования.

Отсюда, если смотреть на общество со стороны его качественных трансформаций, когда изменялся тип отношений между людьми, то можно взять за основу хорошо известные три этапа такого развития: ДИКОСТЬ — ВАРВАРСТВО — ЦИВИЛИЗАЦИЯ. Основным критерием выделения этих этапов является уровень развития культуры и, прежде всего, культуры взаимоотношения людей, что в свое время стало поводом для французских просветителей, как будет показано ниже, ввести понятие «цивилизация». Сегодня мы живем сразу в двух неразрывно связанных контекстах: культурном и цивилизационном, т.е. в *культурно-цивилизационном*. Но так было не всегда.

На первом этапе человеческой истории, именуемом *дикостью*, имела место культура первобытного человека, в которой он был составной частью, фрагментом естественной природы, пребывая в полной зависимости от нее. Этот контекст зарождавшегося тогда общественного бытия с полным на то основанием можно именовать *культурно-дикарским*, в котором ни моральных, ни, тем более, правовых норм как таковых не су-

ществовало, а взаимоотношения между людьми определялись исключительно «правом сильного». Доминировал личный интерес, личная выгода, гипертрофированный индивидуализм.

На втором этапе общественного прогресса, когда эпоха *дикости* сменилась эпохой *варварства*, индивидуальное уступило пальму первенства коллективному. Варвары, в отличие от дикарей, уже ценили культуру, но только свою, легко разрушая чужую, поскольку не видели в ней никакой пользы и ценности. Такой контекст общественного бытия правомерно назвать *культурно-варварским*.

Наконец, с Нового времени, когда черед буржуазно-демократических революций изменила формат взаимоотношения людей, поставив их на правовую основу, с опорой на естественные права человека, можно говорить о начале эпохи *цивилизационного* развития общества. Иными словами, варварство, пришедшее в свое время на смену дикости, теперь уступило место цивилизации, а контекст общественного устройства стал *культурно-цивилизационным*.

Конечно, необходимо с определенной долей условности относиться к такого рода схематизации исторического процесса, поскольку в реальности различные общественные системы находятся на разных ступенях социально-экономического и культурно-цивилизационного развития. Как следствие этого, мы имеем сегодня такое смешение различных контекстов социальной организации, что в глобальном человечестве легко обнаружим и дикость, и варварство, и цивилизацию. Причем порою практически невозможно провести границу между ними и не только потому, что отсутствуют необходимые для этого достаточно четкие критерии, но и в силу известной мимикрии как отдельных людей, так и социумов, общественных систем, которые в одних обстоятельствах ведет себя цивилизовано, а в других — как варвары или дикари. Иными словами, от рудиментов прошлых эпох, а точнее — предыдущих этапов общественного прогресса, мы и теперь не избавились. И хотя одни в большей, другие в меньшей степени несут на себе печать непреодоленного прошлого, сути дела это не меняет.

Критериями же общественного прогресса в контексте данных рассуждений является то, в какой степени мораль и право

задействованы в регулировании общественных отношений. Конечно, это не поддающийся количественному измерению и потому недостаточно четкий критерий, но суть дела он выражает вполне определенно. Чем более развитыми и ориентированными на защиту основных прав человека (право на жизнь, свободу, собственность и др.) являются моральные принципы и правовые нормы того или иного общества, тем на более высокой ступени исторического развития оно находится. Определяющим здесь, несомненно, является уровень цивилизационного развития, который изменялся по мере поступательного движения истории. В этой связи можно выделить три таких существенно отличающихся друг от друга уровня, которые сопутствовали становлению и проявлению цивилизованных отношений. *Первый* из них берет начало в то время, когда обнаруживаются зачатки государственности. Для *второго* характерна уже сформировавшаяся правовая система. Наконец, *третий* уровень характеризуется разделением властей на законодательную, исполнительную и судебную; свободой слова (независимость прессы и средств массовой информации); отделением церкви от государства; свободой вероисповедания; признанием и защитой прав человека.

Таким образом, можно сказать, что *единство глобального мира* задается цивилизацией. Она выступает интегрирующим, объединяющим началом общественных отношений, поскольку унифицирует общественную жизнь посредством права и основополагающих моральных принципов. При этом в условиях глобализации национальные и международные правовые нормы имеют тенденцию к унификации и движению в направлении общего знаменателя. В то же время, вполне очевидно, что в основе *многообразия глобального мира* лежит культура. Именно она дифференцирует все мировое сообщество, выделяя и обособляя его составные части уже хотя бы по той причине, что на планете имеет место множество стран и народов, говорящих на разных языках, исповедующих различные религии, придерживающихся несопадающих ценностных норм и находящихся в сложных взаимоотношениях. Фактическая же реальность такова, что мы имеем дело не с культурами или цивилизациями отдельных сообществ, включая и человечество в целом, а с их синтезом и неразрывным единством или, другими словами, с культурно-

цивилизационными системами, каковыми любые сообщества только и являются на самом деле, что уже было детально показано в предыдущем исследовании¹.

Заметим при этом, что процессы глобализации перманентно вступают в противоречие с культурно-цивилизационным многообразием мира, порождая опасные социокультурные коллизии. Но обусловлено это, в первую очередь не цивилизационными нормами и принципами, а культурным разнообразием. Так, например, порою жестко отстаивая свои ценности и национальные культуры, народы Востока и Запада в то же время вынуждены в гораздо большей степени и более динамично корректировать свое законодательство, приводя его в соответствие с нормами международного права и сотрудничества. Тогда, суммируя можно сказать, что основная причина бед современного человечества в целом и отдельных стран и народов, в особенности, заключается в их *недоцивизованности*. Стоит ли рассуждать о времени постцивилизационного развития? С философской точки зрения, почему бы и нет? Но вот что вполне очевидно уже теперь, так это то, что до серьезного укрепления цивилизационных основ в мировом сообществе пока еще слишком далеко.

2.3. Структурные элементы планетарной социосистемы

Под влиянием процессов глобализации мировое сообщество к началу XXI века, как это следует из предыдущих моих исследований, в полной мере сформировалось в качестве целостной культурно-цивилизационной системы планетарного масштаба. Эта система содержит структурные элементы, которые имеют вполне определенные контуры, границы, статус, сферу деятельности и выступают основными субъектами международных отношений. Таковыми являются национальные государства, спорные, непризнанные или не получившие государственного статуса отдельные территории, транснациональные компании и корпорации, международные правительственные и неправительственные организации.

¹ См.: Чумаков А. Н. Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст: монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: Проспект, 2017. С. 369–423.

тельственные организации. Это, если можно так выразиться, элементы первого порядка, достаточно очевидные и постоянно напоминающие о себе своей активностью и целенаправленной деятельностью.

Вместе с тем, мировое сообщество можно рассматривать и в другом ракурсе, с иных позиций, когда структурные элементы данной целостности не столь очевидны и определяются конкретными целями исследования или характером решаемых задач. Так, например, анализируя или выстраивая логистику перемещения товаров, ресурсов или рабочей силы в масштабах планеты, все мировое социальное пространство можно разделить на континентальные блоки, которые будут выступать в качестве элементов составляющих целостную (планетарную) систему. И в самом деле, население любого из континентов, будь то Европа, Азия, Африка, Австралия, Северная или Южная Америка, имеет нечто общее, характерное и присущее ему и только ему. Такого рода особенности отражаются в содержании таких, например, понятий как «европейцы», «азиаты», «африканцы», «австралийцы», «североамериканцы», «латиноамериканцы».

Вполне логичным будет выделение и более масштабных структурных элементов, когда их число может быть сведено к двум или трем. В частности, с точки зрения смены времен года или климатических изменений, а также перед лицом возможных планетарных катастроф, космического или антропогенного происхождения, вся мировая социосистема может рассматриваться поделенной на северное и южное полушарие. Подчеркивая базовые социокультурные различия и особую специфику организации общественной жизни у многих народов, нередко используют дихотомию Восток — Запад. А различия в социально-экономическом и политическом развитии отдельных стран лежат в основе выделения таких структурных элементов мировой социосистемы как «развитой мир», «развивающиеся государства» и «отсталые в социально-экономическом развитии страны». При всей условности подобного деления и порой недостаточной четкости в определении границ между отдельными структурными элементами целостной системы, подобные подходы вполне оправданы, поскольку позволяют решать тео-

ретические и практические задачи, требующие решений соответствующего масштаба.

Еще одну дихотомию мирового социума можно и даже необходимо проводить по культурно-цивилизационным основаниям, если мы хотим лучше понимать природу современных международных конфликтов и пути их преодоления. В этой связи следует отталкиваться от цивилизационного единства и культурного разнообразия человечества, о чем говорилось выше, и что является отличительной чертой современного мирового общественного развития. Важно также иметь в виду, что цивилизационное единство в перспективе с необходимостью будет нарастать, тогда как культурное разнообразие будет сохраняться, несмотря на определенную трансформацию под влиянием различных тенденций, направленных на унификацию общественной жизни. Данная дилемма решается введением синтетического понятия «культурно-цивилизационные системы», что позволяет воспринимать тот или иной общественный организм целостно в его динамике, а мировое сообщество в качестве единого целого, состоящего из таких структурных элементов.

В моем ранее проведенном исследовании культурно-цивилизационных систем выделялось 18 таких образований, именуемых ойкуменами, и отдельный ряд структур, названных конгломератами¹. Все они в контексте данного анализа могут и должны рассматриваться как подсистемы предельно большой, планетарной системы, коим является мировое сообщество. Детальное же исследование такого рода структурных элементов социосферы следовало бы начать с наиболее значимых из них, которые в первую очередь определяют динамику и характер современного общественного развития. При самом общем взгляде на архитектуру глобального человечества и, исходя из экспертной оценки в определении основных векторов противоречий современного мира, отметим два наиболее известных подхода, в соответствии с которыми все планетарное сообщество делится на составные части. С известной долей условности их можно назвать: *конфессиональный* и *политологический*.

¹ Чумаков А. Н. Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст: монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: Проспект, 2017. С. 419.

Первый из них связан с тем, что большинство жителей Земли являются верующими, т.е. исповедуют ту или иную форму религии. Отсюда весьма распространенным является подход, при котором в качестве основания деления выступает *конфессиональный признак*. С этой точки зрения, все человечество делится на религиозные сообщества, которые, если рассматривать их без детализации и в самом общем плане, представлены так называемыми «мировыми религиями», всевозможными традиционными религиями и верованиями, а также агностиками и атеистами. Согласно Энциклопедии «Религии мира», крупнейшей по числу последователей является *христианство* — доля христиан в общем населении Земли на начало XXI века составляла около 33%. На втором месте находится *ислам*, приверженцы которого составляют 23% населения мира. Третье место занимают *индуисты* с примерно 14-15%. За ними следуют *агностики* и *атеисты*, которых по разным оценкам насчитывается в пределах 11-15%. На пятой позиции — *буддисты*, представленные 7% населения мира. *Иудеи, сикхи, даосы, бахаи, конфуцианцы, джайны, синтоисты, зороастрийцы и другие* составляют порядка 1%. Такой подход дает основание говорить о «христианском», «исламском», «буддийском» и т.п. мирах, которые точнее было бы именовать соответствующими культурно-цивилизационными системами.

Так, христианская культурно-цивилизационная система — это, прежде всего, мир Запада, которому христианство дало определенное мировоззрение, идею личности и соответствующую систему ценностей. Все это в значительной степени предопределило не только социокультурное развитие западных стран с их приоритетом индивидуального начала, но и экономическую (капиталистическую) систему хозяйства, а также политическое устройство общественной жизни, в основе которой гражданское общество и принципы демократии. С учетом этого (конфессионального) признака со странами Запада много общего в мировоззрении и духовной жизни общества обнаруживают народы Восточной Европы и в целом Россия, Армения, Грузия, а также страны Южной Америки. Другие культурно-цивилизационные системы, выделяемые по конфессиональному признаку (исламская, буддийская, индуистская, даосская и т.п.), базируются также на собственных мировоззренческих, ценностных, духов-

ных основаниях и, с этой точки зрения, практически никак не стыкуются (не сливаются) друг с другом. Каждая из них имеет также и свою территориальную «нишу». Так, исламский мир — это преимущественно Ближний и Средний Восток, Северная Африка и Юго-Восточная Азия. Буддийская культурно-цивилизационная система охватывает отчасти Индию, Юго-Восточную Азию, Китай, Дальний Восток. Индуизм — это, прежде всего, Индийский субконтинент. И, тем не менее, территориальные границы между всеми такого рода системами можно провести разве что с большой долей условности, поскольку имеется немало отдельных христианских, мусульманских, буддийских и т.п. районов, «вкраплений» («анклавов»), разбросанных буквально по всему миру.

В соответствии с другим подходом — *политологическим*, весь мир делится на три основные части: Запад, Восток и Третий мир, что, конечно же, следует рассматривать как существенное упрощение реального положения вещей, но вполне оправданное, поскольку позволяет посмотреть на все человечество с точки зрения неравномерности его развития, предельно крупным планом. В этом случае важной характеристикой развития той или ной страны выступает такой показатель ее богатства как валовой внутренний продукт (ВВП) — макроэкономический параметр, отражающий рыночную стоимость всех конечных товаров и услуг, произведенных на территории определенной страны в течение года. Абсолютный показатель ВВП говорит об общем уровне развития экономики страны и ее доле в мировом валовом продукте, что будет использовано нами в дальнейшем при определении места и степени влияния различных стран в современном мире.

2.4. Запад — Восток — Третий мир

Широко распространенное деление всего мира на Запад, Восток и Третий мир сложилось исторически и требует уточнений данных понятий, во всяком случае, в контексте обсуждаемой темы. Основная цель такого шага не в том, чтобы добавить еще какие-то новые определения ко множеству уже существующих, а в том, чтобы зафиксировать содержание этих терминов при-

менительно к данной теме, сняв таким образом не относящиеся к делу вопросы и сделав позицию автора вполне определенной, ясной и непротиворечивой.

Итак, уточним понятие «Запад». В буквальном смысле этого слова данный термин непосредственно обусловлен географическим фактором и определяется как «закат», место, где Солнце заходит за горизонт. Он истолковывается также как направление в сторону одной из четырех точек линии горизонта, противоположной востоку и равноудаленной от точек горизонта, именуемых «юг» и «север». Однако в сфере общественных наук понятие «Запад» активно употребляется в переносном смысле для обозначения западной части Старого Света, т.е. пространства, населенного народами, представляющими культуру, идущую от греко-римской античности и христианства. Такое значение понятия «Запад» сложилось к концу XIX в., придя на смену употреблявшемуся ранее словосочетанию «христианский мир», «христианское сообщество». Изначально смысловое значение нового термина соотносилось с Европой, которая таким образом противопоставлялась Азии, а в более широком контексте — Востоку. Затем, после колонизации европейцами Северной Америки и Австралии, к странам *западного мира* стали причислять США, Канаду и Австралию. После Второй мировой войны этот список расширился за счет Японии и Южной Кореи. В период «холодной войны» в странах социализма под *западными* обычно подразумевались страны НАТО и их союзники. В настоящее время к числу так называемых *западных стран* относят, в зависимости от той или иной интерпретации или экспертной оценки, также Новую Зеландию, ЮАР, Израиль и некоторые другие страны.

При всем различии и непохожести друг на друга указанных стран и, прежде всего, по культурно-историческим основаниям, всех их, так или иначе, объединяет приверженность нормам и принципам цивилизационного обустройства общественной жизни, в определении и признании которых между ними нет принципиальных разногласий. Важнейшими из таких принципов являются идеалы светского и демократического либерализма, основанные на признании основных прав человека, разделении властей и равенства всех перед законом. Значительное

внимание придается также развитию гражданского общества. Поскольку страны Запада связывают экономические, финансовые, военные, политические и цивилизационные узы, они относительно тесно взаимодействуют между собой. Нередко западные страны именуют еще *цивилизованными, демократическими, развитыми*.

Ядром Западного мира является «Группа семи» (англ. *Group of Seven, G7*) — международный клуб, объединяющий Великобританию, Германию, Италию, Канаду, США, Францию и Японию. Такое же название носит и неофициальный форум лидеров этих стран (с участием Еврокомиссии), в рамках которого вырабатываются согласованные подходы к актуальным международным проблемам. По негласному правилу саммиты группы проходят ежегодно по очереди в каждом из государств, входящих в это объединение. «Большая семерка» не основана на международном договоре, не имеет устава и секретариата, а потому не является официальной международной организацией, а ее решения не имеют обязательной силы. Как правило, речь идет о фиксации намерения сторон придерживаться согласованной линии поведения или о рекомендациях другим субъектам международных отношений применять определенные подходы в решении тех или иных вопросов.

В противоположность «Западу» употребляется понятие **«Восток»**. В своем первоначальном значении он ассоциируется со стороной света, в направлении которой вращается Земля. С географической точки зрения — это направление в сторону одной из четырех точек линии горизонта, которая противоположна *zapadu* и равноудалена от точек горизонта, именуемых «юг» и «север».

Однако уже в I тысячелетии до н. э. в античной Греции географический смысл понятия «Восток» дополнился новым содержанием и стал использоваться применительно к социальной сфере в качестве дихотомии понятию «Запад». Это было обусловлено тем, что уже тогда греки стали обращать внимание на существенные отличия своего образа жизни от того, как устроена жизнь за их пределами и, прежде всего, на Востоке. Народы, которые они воспринимали как «варварские», явно отличались от них по культурно-историческим, политико-экономическим,

социокультурным и цивилизационным основаниям. С тех пор в европейской традиции светский, «рационально устроенный» Запад обычно противопоставляется ориентированному на традицию «архаичному» Востоку. Против такого искаженного образа Востока выступали многие ученые, такие, например, как К. Леви Стросс, М. Мосс, Э. Саид и другие, которые, как и все большее число современных образованных людей во всем мире, критически воспринимали ангажированные идеи «евроцентризма» и «западоцентризма». В этой связи следует отметить и противоположную тенденцию, которая проявляется на Востоке в виде, например, идущей из веков традиции именовать Китай «Поднебесной», когда он воспринимается, прежде всего, самими китайцами центром мира. Также в Японии, Китае и ряде других восточных государств является популярным лозунг «Модернизация без вестернизации», в соответствии с которым эти страны стремятся сохранить свою культурную идентичность, специфику восточных традиций и образа жизни.

Хотя формально термин «страны Востока» получил широкое распространение, точного значения у этого понятия нет, поскольку его содержание недостаточно определено. В самом широком смысле этого слова Востоком именуют макрорегион, который включает в себя всю Азию и Северную Африку. При этом выделяются такие составные части данной целостности, как *Ближний Восток*, охватывающий регион в Западной Азии и Северной Африке; *Средний Восток*, расположившийся на азиатской территории от Ирана до Китая; и *Дальний Восток* — регион, включающий Восточную, Северо-Восточную, и Юго-Восточную Азию, т.е. весь «Азиатско-Тихоокеанский регион». Все так называемы «страны Востока» при всем их различии имеют соответствующие традиции, культуру, философию, религиозные верования и т.п., которые с известной долей условности можно выразить общим для всех населяющих их народов понятием «восточный менталитет». Следует также отметить, что в условиях нарастающей глобализации интерес к недооцененному Востоку значительно усиливается, поскольку все народы оказываются перед лицом одних и тех же глобальных проблем и вынуждены искать пути совместного сотрудничества и взаимодействия, чтобы противостоять таким угрозам.

Важно подчеркнуть и то обстоятельство что, с точки зрения культурно-цивилизационной идентичности, практически невозможно провести четкую границу между Востоком и Западом, если рассматривать их в социально-культурном и политико-экономическом контексте. Так, например, Восточная Европа, а тем более, Россия, занимающая значительную часть восточной Европы, не будучи частью Западного мира, зачастую воспринимаются как «мост», «нейтральная полоса» между Востоком и Западом, а то и вовсе как «страна Востока».

Еще один термин — «Третий мир», получивший широкое распространение, в контексте рассматриваемых нами вопросов представляет особый интерес. По сути своей он не может быть поставлен в один ряд с такими терминами как «Восток» и «Запад», поскольку, с точки зрения содержания данных понятий, он с Западом явно не пересекается, тогда как с Востоком все обстоит гораздо сложнее. Это обусловлено тем что, согласно терминологии ООН, к странам *третьего мира* (их еще называют *развивающимися странами*), принято относить большинство государств мира, за исключением развитых индустриальных стран. То есть речь идет о тех странах, которые нельзя причислить к развитому индустриальному миру, но тогда абсолютное большинство стран Востока должны быть причислены, а они и в самом деле причисляются к странам третьего мира. Это довольно субъективный и весьма аморфный подход, зачисляющий в одну категорию слишком разные в социально-экономическом развитии государства такие, например, как Гватемала, Сомали или Бангладеш, с одной стороны, и Бразилия, Алжир, Египет, Малайзия, с другой стороны.

К тому же следует принять во внимание этимологию понятия «Третий мир», поскольку «третьим» он может быть только при наличии (и при сопоставлении с ними) еще двух миров — «первого» и «второго», под которыми подразумеваются так называемые «развитые страны», именуемые также «индустриальными» или «индустриально развитыми». В современном значении термин «Третий мир», этимологией которого является «развивающиеся страны», появился в середине XX века. Им обозначали страны, изначально не относившиеся ни к «первому миру», т.е. к развитым капиталистическим странам, в большинстве своем

входившим в военно-политический блок НАТО, ни ко «второму миру» — странам социалистического лагеря, ударной военно-политической силой которого была Организация Варшавского договора (ОВД). Хотя страны Третьего мира, инициировавшие так называемое «движение неприсоединения» с целью превратить Третий мир в самостоятельную международно-политическую силу, непосредственно не участвовали в холодной войне и сопутствующей ей гонке вооружений, тем не менее, они всегда были ареной и предметом жесткого непримиримого соперничества двух других миров.

Итак, изначально к странам третьего мира причисляли те государства, которые не приняли какую-то одну сторону в холодной войне. Таковыми были страны Центральной и Южной Америк, Африки, многие государства Азиатского континента. После окончания холодной войны в качестве определяющего признака таких стран стали понимать экономическую отсталость и низкий уровень доходов на душу населения. С позиции сегодняшнего дня, с известной долей упрощения можно сказать, что все эти страны имеют несколько общих характеристик, которые позволяют рассматривать их как определенную систему, как нечто единое и целое.

Прежде всего, это касается колониального прошлого абсолютного большинства стран Третьего мира, последствия которого до сих пор, так или иначе, обнаруживаются в их экономике, политике и культуре. Другое характерное отличие заключается в социально-экономическом развитии этих стран. В них, как правило, имеет место дисбаланс отдельных отраслей народного хозяйства, обусловленный тем, что там, на фоне подавляющей части необразованного бедного населения и архаичных типов производства, плохо работают или совсем не работают рыночные механизмы. Достаточно сказать, что в странах Третьего мира сегодня проживает 75% населения Земли, которые потребляют только 20% используемых всем человечеством ресурсов. При этом средний доход на душу населения в Северном полушарии в конце XX века составил 12 500 долларов в год, что оказалось в почти в 18 раз выше, чем в Южном полушарии. Наконец, еще одной «ахиллесовой пятой» стран Третьего мира является неразвитость в них гражданского общества и институтов демократии,

что является благодатной почвой для проявления там различных форм деспотизма и авторитарных стилей правления.

С учетом сказанного, а также принимая во внимание то, что в развивающихся странах проживает большинство населения планеты, которое в условиях глобальной взаимозависимости все больше осознает свое несправедливо бедственное положение и активизируется, конфликт интересов различных структур мирового сообщества будет только возрастать. В этой связи важно отметить, что мир общественных отношений, как и мир живой природы в целом, по сути своей не может быть бесконфликтным. Такова природа жизни вообще и любого социума, в частности. Формы же борьбы, разновидности противостояния и типы конфликтов бесконечно разнообразны. Это положение также не нуждается в особом доказательстве в силу своей очевидности, и дело заключается лишь в том, о каких конфликтующих элементах идет речь. С точки зрения данного исследования, нас будут интересовать подобного рода отношения, присущие культурно-цивилизационным системам, которыми представлено все мировое сообщество. Именно они, а не другие структурные элементы этой целостности должны быть, прежде всего, в центре внимания, если мы хотим исследовать суть современных международных противоречий.

Итак, рассматривая тектонику современного мира, будем иметь в виду, что природа конфликтов изначально заключена в культурных основаниях, а их острота или, напротив, смягчение, сглаживание противоречий зависят от степени цивилизованности того или иного социума. С этой точки зрения, выделим несколько форм противостояния различных культурно-цивилизационных систем.

1. *Жесткие формы противостояния.* Они характерны для антагонистических противоречий между культурно-цивилизационными системами, в которых и культурные основания, и имманентно связанные с ними принципы цивилизационных отношений практически не имеют точек соприкосновения. Таковыми являются, например, общественные системы: Запад — Незапад, Восток — Невосток, Капиталистическая система — Некапиталистическая система, Социалистическая система — Несоциалистическая система, Ислам — Неислам.

2. *Смягченные формы противостояния.* Такие отношения возникают тогда, когда между различными культурно-цивилизационными системами существуют некоторые культурные совпадения и взаимообмены или, как минимум, нет агрессивного противостояния культур, тогда как по присущим им цивилизационным основаниям они способны вести более или менее конструктивный диалог. В качестве примера таких систем могут быть названы: Христианский мир — Нехристианский мир, Буддийский мир — Небуддийский мир, Русский мир — Нерусский мир, Китайский мир — Некаитайский мир.

3. *Слабые формы противостояния.* Они проявляются в пределах близких по содержанию и весьма сходных культурно-цивилизационных систем, примерами чего могут быть: Западная Европа — Северная Америка; США — Япония; Россия — Белоруссия — Казахстан.

Выделяя данные формы противостояния, и соотнося те или иные общественные системы с одной из выделенных форм, следует учитывать определенную условность такого деления. Это означает, что в конкретных условиях все три формы противостояния нередко пересекаются, взаимно дополняют друг друга. Именно так обстоит дело, когда все мировое сообщество по давно установившейся и распространенной схеме также с определенной долей условности рассматривается с позиции деления его на три составные части: *Запад — Восток — Третий мир*, о чем было сказано выше.

В этой триаде в полной мере проявляется все многообразие различных целей, стилей поведения, интересов и противоречий современного мира, которые проявляются во всех сферах общественной жизни от экономики и политики, до культуры и идеологии. Укажем в качестве примера только на самые очевидные из них, наиболее ярко проявляющиеся, как правило, в экономике и политике. Так, под влиянием информационно-технологической революции и процессов глобализации баланс отношений между Европой и Азией, а в более широком смысле между Западом и Востоком обнаружил явную тенденцию к перераспределению функций между ними. В частности, динамика ВВП в последние десятилетия в таких крупнейших странах Востока как Индия и Китай, не говоря уже о других не столь боль-

ших, но не менее успешных странах этого региона, по темпам роста существенно опережала страны Западного мира. Сегодня Восток активно интегрируется не только в мировую экономику, но и в целом стремится вписаться в основные тренды развития глобального мира.

Характерными в данном отношении являются опасения, которые высказывают, в частности, отдельные канадские исследователи, полагая, что в обозримой перспективе Канада может стать колонией Китая. Такой сценарий имеет все предпосылки осуществиться, причем не в результате военных действий, а посредством мирной колонизации за счет интенсивного потока переселенцев и внедрения их в различные сферы общественной жизни при сохранении китайской ментальности, культурной идентичности и стилей поведения. А вот насколько различаются Восток и Запад по такого рода основаниям, хорошо демонстрирует разговор, приведенный канадским бизнесменом Д. Бартоном: «В свои первые две недели в Китае человек из компании АВВ нарисовал линии электропередач, идущие с юга на север. Министр сказал ему: что вы рисуете эти линии? Мы делаем иначе, сказал министр, и нарисовал по-другому. Человек из АВВ сказал: но там же живут люди? Министр ответил: уже нет, мы их переселим»¹. Аналогичные мировоззренческие и культурно-цивилизационные различия лежат в основе и таких противоречий, которые буквально захлестывают Европу в связи с потоками мигрантов с Востока.

Дистанция между Третьим миром и Востоком, не говоря уже о его разнице с Западом, также весьма значительная. Так, еще в 80-е гг. XX в. А.А. Громыко в своей статье «Глобальные проблемы современности и Африка», опираясь на обширный фактический материал и конкретные данные, прогнозировал, что «африканский континент войдет в новое тысячелетие самым отсталым и самым бедным районом мира... Перенаселение и связанные с ними безработица, нищета и голод будут

¹ *Чекмарева Е.* Если не будет развиваться инфраструктура, то мы не сможем рассчитывать на рост производства / Slon. 05.04.10. URL: https://slon.ru/economics/esli_ne_budet_razvivatsya_infrastruktura_to_my_ne-348941.xhtml#comments

держат Африку на положении района бедствия в мировом масштабе», — отмечал он, указывая на то, что преодоление отсталости освободившихся от колониальной зависимости стран «предстает как одна из важнейших задач современного этапа развития человечества»¹. Прошли годы. За это время было написано множество работ, касающихся проблем преодоления социально-экономической отсталости и в целом мирового порядка в условиях глобализации. Но тема остается далеко не исчерпанной. Более того, в контексте современных мировых событий и тенденций она обретает еще большую актуальность.

2.5. Колыбель Западного мира

Колыбелью Западного мира, с точки зрения его социокультурной, экономической и политической идентичности, как это было определено выше, несомненно, является *Европа*; причем не вся, а та ее часть, которая именуется Западной. С географической точки зрения, она представляет собою часть Европейского континента, где выделяются также: *восточная*, *северная*, *южная* и *центральная* части. В каждой из них располагаются страны отчасти схожие и в то же время с достаточно большой разницей между ними в культурно-историческом и социально-экономическом развитии. В буквальном смысле этого слова Западная Европа включает в себя Австрию, Бельгию, Андорру, Великобританию, Ирландию, Германию, Лихтенштейн, Монако, Люксембург, Нидерланды, Швейцарию и Францию. Поскольку, начиная с конца XV века, страны Южной и Западной Европы были пионерами в открытии и колонизации новых территорий — «Нового света», прежде всего, Американского континента, то в противоположность ему Европу с тех пор именуют еще и «Старым светом». Идущая отсюда и все еще критически не переосмысленная установка и мировоззренческая позиция *евроцентризма* заключается в том, что Европа рассматривается как символ и синоним культуры, науки, искусства, цивилизованности и просвещения. Вместе с тем, нужно согласиться

¹ Громыко А.А. Глобальные проблемы современности и Африка / В кн.: Марксистско-ленинская концепция глобальных проблем современности. М.: Наука, 1985. С. 140, 145.

с М.М. Наринским, что Европа — это «прежде всего культурно-историческая и цивилизационная общность»¹.

По сложившейся традиции, в особенности в свете противостояния различных культурно-цивилизационных систем, весь континент нередко делят на две части «Восточную» и «Западную» Европу, граница между которыми строго не определена и устанавливается каждый раз условно в зависимости от подходов и целей такого деления. При этом в понятие «Западная Европа» при таком делении включаются, как правило, страны Южной, Северной и Центральной Европы, которые отличаются от восточноевропейских стран не только географическим расположением, но и высоким уровнем развития интеграции, основанной на общих принципах организации общественной жизни и сходном уровне научно-технических и экономических достижений. Такой раздел и начало формирования Западной Европы относится к распаду Римской империи, хотя основы европейской цивилизации зарождались еще в Древней Греции. Главный же поворот к тому, что теперь именуется западной цивилизацией, произошел в эпоху Возрождения и в Новое время. Возрождение поставило в центр внимания человека, его достоинство и всестороннее, гармоничное развитие, что предопределило революционные преобразования общественной жизни в Новое время. Именно тогда впервые были четко сформулированы и приведены в систему основные принципы общественных отношений, основанные на правах человека, разделении властей и равенстве всех перед законом. В практическом плане эти принципы были узаконены чередой буржуазно-демократических революций. Наиболее ярким примером такого рода социальных потрясений того времени является Великая французская революция конца XVIII века, проходившая под лозунгами: «свобода», «равенство», «братство».

Теоретические же основы мировоззрения западного человека и в целом Запада, как особой культурно-цивилизационной системы, были сформулированы усилиями многих мыслителей, общественных деятелей и просветителей того времени, среди

¹ *Наринский М.М.* Европейская цивилизация и европейская идентичность / Будет ли Европа существовать без России? М., 1995. С. 20.

которых такие выдающиеся имена как Дж. Локк, Т. Гоббс, М. Вольтер, Ж.-Ж. Руссо, Д. Дидро, И. Кант, Г. Гердер, Т. Джефферсон, Т. Пэйн и мн. др. Своими идеями, трудами и практической деятельностью они не только заложили фундамент, но и определили пути построения современного гражданского общества, опирающегося на соблюдение прав человека и общечеловеческие ценности, каковыми, кроме *права на жизнь, свободу и собственность*, являются также *равенство всех перед законом, справедливость, свобода совести* и т.п. В последующем эти принципы общественных отношений и организации общественной жизни были конкретизированы и дополнены во Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г., а также подтверждены в «Заключительном Акте» Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, которое состоялось в 1975 г. в Хельсинки. С тех пор страны западного мира, выстроившие на таких основаниях свои политические, экономические и социальные институты, стремятся распространять их как можно шире по всему миру. Зачастую это встречает достаточно резкое неприятие и противодействие, в особенности со стороны тех стран и регионов, где культурно-цивилизационные системы значительно отличаются от западных, как то имеет место, например, в странах исламского мира, Африки или Юго-Восточной Азии.

В последние годы ситуация кардинально изменилась. С усилением глобализации и расширением миграционных потоков, в том числе и за счет беженцев из зон военных конфликтов, Западная Европа столкнулась с такого рода конфликтами уже и на своей территории. Это принципиально отличается от расклада сил и отношений, которые имели место в Европе до распада социалистической системы. Тогда основные противоречия проходили по таким линиям противостояния как: *идеологическое* (между капиталистической и социалистической системами); *военно-политическое* (между НАТО и Организацией Варшавского договора); *экономическое*, когда с одной стороны было Европейское экономическое сообщество, а с другой — Совет экономической взаимопомощи. Теперь большинство стран «восточного блока» переориентировались на Запад. Ряд из них уже вошли в состав Европейского союза и НАТО, другие пред-

принимают усилия, чтобы вступить в эти организации. И хотя усилившаяся неоднородность состава Европейского союза не способствует консолидации при выработке общих позиций по тем или иным вопросам, Западная Европа в целом существенно укрепилась в качестве одного из главных субъектов международных отношений в современном глобальном мире. При этом, хотя лидирующие позиции в сообществе европейских государств занимают: Германия, Франция и Великобритания, другие страны, в особенности, такие как Италия, Испания, Бельгия или скандинавские страны также играют весьма заметную роль в осуществлении внутрисоюзной и международной политики.

Важнейшими организациями и объединениями, скрепляющими в настоящее время Западную Европу экономическими и политическими узами являются: Европейский союз (ЕС), Совет Европы, Шенгенская зона, Еврозона, Европейская экономическая зона и другие. Некоторые из этих структур выходят за рамки собственно Западной Европы, даже в ее новом, расширенном составе, что, тем не менее, не меняет их западноевропейской сущности. Так, например, в Совете Европы представлено 47 стран. Это практически все европейские государства, которые в рамках данной организации решают вопросы законодательного характера в таких сферах, как права человека, гражданство, сохранение культурного наследия, охрана прав национальных меньшинств, защита окружающей среды и т. п. Более четкие границы в рамках Западной Европы в ее новом формате имеет другая наднациональная организация — Европейский союз, объединяющий 28 государств. Помимо экономической сферы, где действует единый рынок, включающий в себя таможенный и валютный союзы, посредством этой организации осуществляется также общая политика в области сельского хозяйства и рыболовства; координируются действия стран-членов в области внутренней и внешней политики, включая вопросы безопасности и обороны.

2.6. Авангард Западного мира

Западный мир, воспринимаемый в качестве целостной системы и выступающий, с этой точки зрения, макросубъектом

в глобальном мире, не имеет строго определенных границ и включает в себя страны, существенно отличающиеся по культурно-историческим основаниям. В то же время контуры его вполне просматриваются, но не столько в географическом, сколько в политическо-экономическом и идеологическом плане. Он скрепляется едиными для всех этих стран нормами и принципами организации общественной жизни, то есть примерно одинаковым, во всяком случае, вполне сопоставимым уровнем их цивилизационного развития. Таким образом, достаточно разные культурно-цивилизационные системы, которыми представлены страны западного мира, сосуществуют и взаимодействуют относительно согласованно, в особенности на фоне жесткого противоборства различных субъектов глобального социума. В то же время, между ними постоянно проявляются конфликты интересов и идет достаточно жесткая, по большей части скрытая деловая и позиционная борьба, где позиции разных стран не являются раз и навсегда данными.

Так, уже на начальных этапах формирования западного мира, когда глобализация, прежде всего экономическая, а также череда буржуазно-демократических революций в Европе не только сделали реальностью капиталистический тип отношений, но и задали ему вектор глобального направления, лидирующие позиции среди стран, ставших на такой путь развития, оказались у тех, кто к тому времени уже пережил подобную революцию и обладал наиболее развитыми возможностями для проведения экспансионистской политики в мировом масштабе. Это были страны с развитым промышленным и военным потенциалом, к тому же с большими морскими границами и традициями. Именно они могли позволить себе иметь военный и торговый флот, который вплоть до середины XX века только и был способен обеспечить господство на морских просторах, а также гарантировал успешное ведение бизнеса далеко за пределами метрополии. Явное преимущество по такого рода параметрам на протяжении почти четырех веков сохранялось за Великобританией, которая, захватив лидерство в Великих географических открытиях, создала к началу XX века крупнейшую за всю историю человечества империю, раскинувшуюся на всех обитаемых континентах планеты. Достаточно сказать, что к середине 30-х годов XX в. площадь

Британской империи составляла около 22% земной суши, а численность проживающего на ней населения составляла примерно одну четвертую часть всего человечества.

Ситуация начала существенно меняться с наступлением XX столетия, когда глобализация, ставшая к тому времени фундаментальной, в полной мере захватила уже не только экономику, но и политику, а также военную, информационную и научно-техническую сферы. Великобритания, будучи островной державой и дистанцированная от континентальной Европы как морскими просторами, так и особой, присущей только ей изоляционистской ментальностью, в этих условиях все меньше подходила на роль авангарда и консолидирующего начала для западного сообщества. Франция или Германия, будучи наиболее значимыми европейскими странами, с такой задачей тем более не могли бы справиться, поскольку ни та, ни другая не имела для этого ни должного культурного и политического влияния в мировом масштабе, ни соответствующих коммуникаций и технических возможностей для осуществления такой политики. К тому же они все больше втягивались в ситуацию острых внутриевропейских противоречий, которые очень скоро вылились сначала в Первую, а затем и Вторую мировую войну. Таким образом, чаша весов на роль лидера и авангарда Западного мира все больше склонялась в сторону Соединенных Штатов Америки, которые хотя и отделялись океаном от колыбели западной цивилизации, по духу и принципам организации общественной жизни изначально были «европейской» страной и в то же время все увереннее становились мировой державой. Обретению этого нового качества США в значительной степени способствовала и набиравшая обороты фундаментальная глобализация, которая предоставляла все больше возможностей для трансграничных коммуникаций и межнациональных взаимодействий.

Вступление США в 1917 г. в Первую мировую войну, впервые за время существования данного государства сделало эту страну одним из ключевых игроков на мировой арене уже не только в экономическом, но и военном, политическом, а к концу века и в культурном отношении. Важным шагом на этом пути стала Вторая мировая война и участие в ней Америки. За годы этой войны США удвоили свой национальный доход и на фоне ис-

тощенных войной Англии и Франции, а также разгромленной Германией не только оказались в авангарде Западного мира, но и стали реально претендовать на место лидера в планетарном масштабе. Создание атомного оружия и удержание определенное время лидерских позиций в этой области только подогрело глобальные амбиции американцев. В итоге, американизм все больше становился идеологией западного сообщества, оттесняя на периферию иные европейские проекты, которые были или могли быть связаны с Англией, Францией или восстанавливающейся Германией. Лидерские позиции США среди стран западного мира еще больше возросли, когда успехи в освоении космоса сделали эту страну единственным серьезным конкурентом СССР, активно развивавшим тогда свою космическую программу. А изобретение в США Интернета и выход их в последней четверти XX века на передовые позиции в начинавшейся тогда информационно-технологической революции только усилили отрыв США от потенциальных конкурентов. Наконец, распад социалистической системы и победа в «холодной войне» окончательно закрепили авангардную роль Америки в западном мире и послужили дополнительным импульсом для ее претензий на роль мирового жандарма.

Таким образом, к началу XXI века именно США оказались той безальтернативной державой, которая только и была способна сыграть консолидирующую роль для западного сообщества, предложив ему новую идеологическую платформу, основанную на общих принципах внутренней и внешней политики, определяющих стратегию социально-экономического и политического развития. В итоге, понятие «Западный мир» получило более широкое толкование и сегодня используется для обозначения не только европейского и североамериканского альянса, но и таких примкнувших к нему культурно-цивилизационных систем как Австралия, Япония, Южная Корея, Новая Зеландия, Сингапур, Израиль.

2.7. Форпосты Западного мира

Уже с самого начала своего формирования Западный мир обнаружил тенденцию к постоянному расширению и пополне-

нию этого неформального альянса все новыми членами. При этом, поскольку объединяющим началом для всех них является принципиальное сходство социально-экономического и политического устройства, а также совместимость культурно-цивилизационных систем, прежде всего, по цивилизационным основаниям, то отношения между ними изначально выстраивались вокруг колыбели западного мира, а политический курс каждого из них, как правило, серьезно детерминирован той культурно-цивилизационной системой, которая находится в авангарде данного конгломерата. В итоге, к настоящему времени вокруг основной оси, соединяющей ядро западного мира (Западную Европу) и его авангард (США), сложились высокоразвитые очаги капиталистической системы, которые, будучи ее составными частями, занимают важные геополитические позиции и, с географической точки зрения, являются по существу форпостами западного мира в различных регионах планеты. Наиболее значимые из них: Канада, Австралия, Япония.

Канада, занимающая второе место в мире по размерам территории, является также технологически и промышленно наиболее развитым государством с одним из самых высоких уровней по доходу на душу населения. Она имеет многоотраслевую экономику, обеспеченную богатыми сырьевыми и энергетическими ресурсами, в которой важное место занимают лесное и сельское хозяйство, а также нефтегазовая промышленность. Канада имеет обширные исторически и географически обусловленные политико-экономические и торговые отношения, прежде всего, с США и Европой, с которыми она больше всего совпадает по культурно-цивилизационным параметрам. Базируясь на принципах рыночной экономики, она активно сотрудничает также с Японией, ведет активную торговлю с Китаем, Мексикой и др. Принадлежность к Западному миру делает Канаду активным участником не только экономических, но и политических, идеологических, культурных отношений на мировой арене. Так, вместе со своими союзниками она принимала непосредственное участие в Первой и Второй мировых войнах, в Корейской войне. Являясь членом-основателем Организации Северо-Атлантического договора (НАТО), а также членом многих международных организаций, блоков и союзов западного мира,

Большой семерки, Большой двадцатки и др., Канада активно проявляет себя как в миротворческих операциях и иных международных миссиях под эгидой ООН, так и в различных акциях западной коалиции, например, в зонах военных конфликтов в Персидском заливе, бывшей Югославии, Афганистане и др.

Еще одним активным и стабильно надежным членом западного альянса является *Австралия*. Занимая шестое место в мире по размеру территории и, будучи одной из наиболее развитых капиталистических стран, с высоким уровнем ВВП на душу населения, она объективно выступает в роли главного форпоста западного мира в южном полушарии. И культурно, и цивилизационно Австралия непосредственно примыкает к Великобритании, с которой она тесно связана историческими и социально-политическими узами. Так, например, главой государства формально продолжает оставаться королева Великобритании, хотя ее власть и влияние проявляются совершенно по-разному на территории двух стран. И хотя в 1986 г. верховенство британского парламента над парламентами отдельных австралийских штатов и верховенство британского суда были отменены, тесные связи Австралии с Англией так же, как и с традиционными союзниками и торговыми партнерами, сохраняются. Все это делает весьма существенной и лишь относительно самостоятельной роль Австралии в международных делах. Иными словами, Австралия в полной мере интегрирована в орбиту западного мира, и в этом качестве представлена во множестве международных организаций таких, например, как ООН, G20, Всемирная торговая организация (ВТО), Содружество наций, Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС) и др. В качестве составной части западной коалиции, Австралия принимала непосредственное участие в Первой мировой войне на стороне Британской империи. Во Второй мировой войне она выступала в тесном союзе с Великобританией и США. В последующем австралийские вооруженные силы использовались в решении внутренних проблем стран своего региона, а также в миротворческих, спасательных и военных операциях далеко за его пределами, в частности, в Ираке и Афганистане, действуя, как обычно, в тесном содружестве с США и другими странами запада.

Особое место в коалиции западных стран занимает *Япония*, что обусловлено не только ее социокультурными особенностями, весьма отличными от европейских норм и традиций, но и исключительно важной геополитической ролью, в силу ее значительного экономического потенциала и особого географического положения. Являясь островным государством и не обладая большими территориями и серьезными природными ресурсами, Япония, тем не менее, занимает (по состоянию на 2016 г.) десятое место в мире по численности населения — 127 миллионов; третье место по номинальному ВВП; третье место по паритету покупательной способности (после США и Китая); четвертое по экспорту и шестое по импорту различных товаров и ресурсов. При этом, хотя Япония активно торгует с Китаем и другими странами Тихоокеанского региона, важнейшим торговым партнером для нее являются США.

После поражения во Второй мировой войне Япония в военном отношении оказалась полностью в орбите западного мира, в частности, США. Так, конституция Японии запрещает ей иметь свою армию и участвовать в войнах, тем не менее, у нее есть вооруженные силы, которые используются в целях самообороны и в миротворческих операциях. В 1951 г. между Японией и США был подписан «Договор безопасности» о военном союзе и сотрудничестве, в соответствии с которым США получили исключительные права на размещение военных сил на территории Японии. При этом всякое нападение на Японию считалось нападением на вооруженные силы США. В 1960 г. между Японией и США был подписан «Договор о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности» сроком на 10 лет. В этом договоре Япония рассматривалась как «особый партнер» США в Юго-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе. В 1970 г. договор был продлен на неопределенное время. К началу XXI века Силы самообороны превратились в уже достаточно крупные профессиональные вооруженные силы. В 2015 г. парламент Японии разрешил использовать Силы самообороны для участия в военных конфликтах за рубежом. В итоге, к настоящему времени Япония обрела достаточно крупные и вполне современные вооруженные силы, способные решать серьезные задачи, причем не только в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Япония активно участвует в международных отношениях, выступая на стороне и в тесном альянсе с развитыми странами запада. С 1956 г. она входит в состав ООН, а также является непостоянным членом Совета Безопасности ООН. Кроме того является членом «Большой семерки», «Большой двадцатки», АТЭС и других международных организаций, что делает ее не только активным проводником идей, но и поистине ключевым форпостом западного мира в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Принимая во внимание, что критерии отнесения той или иной страны к западному миру имеют в определенной мере условный характер, к числу таких стран, помимо уже упоминавшихся выше, можно отнести также *Новую Зеландию*, *Южную Корею*, *Сингапур*, *Тайвань*, *Израиль* и, с большой долей условности, *Южную Африку*. Они в силу тех или иных конкретных причин исторического развития и сложившихся в этих странах к настоящему времени социально-экономических и политико-идеологических укладов общественной жизни с отдельными оговорками могут быть отнесены к культурно-цивилизационной ойкумене западного мира. Помимо достаточно развитой рыночной экономики и внешнеполитического курса, согласующегося с политикой ведущих западных держав, эти страны, несмотря на значительные различия национальных культур, так или иначе, ориентированы на построение гражданского общества, основанного на таких принципах цивилизационного развития, как развитие демократии и защита основных прав человека, разделение властей, равенство всех перед законом и т.п. Военно-политические, экономические, торговые и иные союзы, в которых они участвуют, как правило, также делают их прямыми или косвенными союзниками стран Запада.

Так, *Новая Зеландия* — англоязычная, развитая страна с рыночной экономикой, тесно связанная историческим узами с Великобританией и наиболее активно взаимодействующая по всем направлениям с США, Австралией, Японией, европейскими странами, является важным региональным форпостом западного мира в южной части Тихого океана. Занимая уникальное региональное и геополитическое положение в Тихоокеанском регионе, Новая Зеландия в тесном взаимодействии с западными странами активно участвует в международных программах

и военно-политических акциях. В частности, в составе вооруженных сил Великобритании она принимала непосредственное участие в Первой и Второй мировых войнах. Усиление влияния США и ослабление роли Великобритании в баталиях на Тихоокеанском театре военных действий в период Второй мировой войны предопределили соответствующую корректировку внешнеполитического курса Новой Зеландии. Вместе с американской армией она принимала участие в оккупации Японии, а в послевоенные годы, хотя с Великобританией и сохранились традиционно дружеские отношения, тем не менее, основным экономическим, политическим и военным партнером для нее стали США. В настоящее время Новая Зеландия входит во многие военно-политические, экономические и культурные организации, союзы, соглашения, объединяющие страны западного мира, примером чего является действующий с 1952 г. бессрочный «Тихоокеанский пакт безопасности» (АНЗЮС), в который вошли Новая Зеландия, Австралия и США.

Еще одним форпостом западного мира в Азиатско-Тихоокеанском регионе стала в последние десятилетия *Южная Корея* — динамично развивающаяся на основе рыночных отношений и тесно связанная с западными странами торгово-экономическими отношениями. Будучи вовлеченной в военно-политический союз с США, сложившийся еще со времен Корейской войны (1950—1953 гг.), Южная Корея продолжает оставаться местом дислокации значительного контингента американских вооруженных сил и сама имеет достаточно большую армию. Достаточно сказать, что страна занимает второе место по количеству военнослужащих на душу населения в мире после КНДР. Время от времени она направляет свои войска за границу, как правило, для помощи американским войскам, вовлеченным в военные конфликты, например, на Ближнем Востоке, а также для усиления миротворческих сил ООН, в частности, в Ливане.

Относительно небольшими по территории и численности населения, но очень важными в геополитическом отношении форпостами западного мира на Ближнем Востоке является *Израиль*, а в Юго-Восточной Азии — *Тайвань* и *Сингапур*. При этом, если Тайвань после окончания китайской гражданской войны в 1949 г. своим цивилизационным развитием по пути либе-

рально-демократических и рыночных преобразований обязан США, в фарватере которых он остается и в настоящее время, то Сингапур на такой путь развития встал в значительной степени благодаря усилиям и личностным качествам архитектора «сингапурского экономического чуда» и первого премьер-министра независимого Сингапура Ли Куан Ю. Его мировоззрение сформировалось под сильным влиянием либерально-демократических идей, поскольку Сингапур, где он родился и получил начальное образование, был британской колонией; затем он окончил Лондонскую школу экономики и Кембриджский университет, что, в конечном счете, и предопределило направленность последующих реформ, которые он проводил в Сингапуре на рыночных и либерально-демократических основаниях.

Что касается *Южно-Африканской Республики* (ЮАР), то это одна из самых крупных стран африканского континента, которую можно лишь с большой долей условности причислить к странам Западного мира. Можно было бы сказать и так, что это, как и ряд других стран в Восточной Европе или Южной Америке, периферия Западного мира. Будучи колониальной территорией, страна сформировалась как особая культурно-цивилизационная система под сильным влиянием со стороны Великобритании и, прежде всего, в плане организации государственного управления и построения экономики на рыночных отношениях. Она имеет наибольшую долю белого, азиатского и смешанного населения на африканском континенте, использующего английский язык в качестве одного из официальных и наиболее распространенных языков межкультурного общения. ЮАР обладает самой развитой экономикой в Африке, занимая 38 место в мире по уровню ВВП. В то же время социально-экономическая ситуация в стране характеризуется предельно высоким уровнем бедности, высокой хронической безработицей и чрезмерным неравенством доходов. Ведущей отраслью экономики ЮАР является добыча и экспорт минерального сырья, золота, алмазов, металлов платиновой группы, угля, а основными торговыми партнерами ее как по импорту, так и по экспорту являются крупнейшие страны мира — Китай, Германия, Великобритания, Япония и США. Все это придает ЮАР значительный вес в мировых делах и позволяет ей быть

единственной африканской страной в «Большой двадцатке». С этих позиций ЮАР в наибольшей степени и с определенной долей условности подходит на роль стратегически важного форпоста западного мира на африканском континенте.

2.8. Евразийский левиафан

В архитектонике современного мира особое место принадлежит *России*. Она занимает выгодное географическое и важное геостратегическое положение на планете. По площади Россия является самым большим государством в мире, к тому же, раскинувшись на огромных просторах сразу двух континентов: 22% ее территории находится в Европе и 78% — в Азии. При этом население евразийской части российского государства составляет 23%, тогда как в европейской части проживает 77% от общего числа жителей страны. Горные массивы и раздольные равнины, плодородные поля и обширные леса, полноводные реки и бесчисленные озера, моря и океаны, омывающие эти бескрайние просторы, наконец, высокообразованное, с богатым культурным наследием и творческим потенциалом население России делают ее уникальной и во многом самодостаточной державой.

Но территория, география и качественные характеристики относительно не маленького населения — это только некоторые из факторов, которые характеризуют Россию как евразийскую и мировую державу. Другими, не менее важными параметрами такого же порядка, являются: *мощный военный потенциал страны, статус ключевой ядерной и ведущей космической державы, обладание колоссальными природными сырьевыми и энергетическими ресурсами*. Достаточно сказать, что Россия занимает 1-е место в мире по величине национального богатства; по добыче и экспорту природного газа, нефти, алюминия; по запасам каменного угля, торфа, лесных ресурсов, питьевой воды, поваренной соли, олова, цинка, титана, никеля, железных руд, алмазов, серебра; 1-е место в мире по числу ежегодных запусков космических аппаратов, по протяженности электрифицированных железных дорог, по поставкам на экспорт средств ПВО, самолетов-истребителей; 1-е место в мире по запасам минтая, крабов, осе-

тровых. 2-е место в мире по запасам золота, платины, калийной соли; 2-е место в мире по поставкам вооружения всех видов, по величине подводного флота. 3-е место в мире по разведанным запасам меди, свинца, вольфрама, молибдена¹. Но и это еще не все. Как отмечает В.Б. Кувалдин, важнейшим преимуществом России является ее особое геостратегическое положение, которое должным образом еще не учитывается. «К сожалению, — пишет он, — в нашей стране ни власть, ни общество в должной мере пока не оценили уникальность положения России как **евротихоокеанской державы**, единственной европейской страны с широким, беспрепятственным выходом на величайший океан планеты. Эта объективная данность сама по себе является большим конкурентным преимуществом России в глобальном мире»².

Все сказанное выше касательно России вызывает ассоциации по существу с неподъемной безразмерной глыбой, возлегающей между Востоком и Западом, или с пребывающим в полудреме гигантом, левиафаном, распластавшимся на огромной площади всего северного сегмента Азиатского и восточной части Европейского континентов.

Не считаться с такой Россией — мощным «евразийским конгломератом», как бы кто к ней не относился, не может позволить себе ни один из субъектов международных отношений эпохи многоаспектной глобализации. Но что это означает для самой России? Значит ли это, что она может проводить внутреннюю и внешнюю политику, преследуя свои цели, без должного учета мнения других субъектов международных отношений, не говоря уже о соседях или наиболее сильных и влиятельных представителях мирового сообщества, их союзов, альянсов, объединений? Ответ на это может быть только один — категорически отрицательный. И дело не только в том, что современный этап развития глобализации делает всех проживающих на пла-

¹ Черкасская М. Какой потенциал и какой толк?! Статистика ЮНЕСКО потрясает! / Ришоним. Новостной портал. 07.09.2016. URL: <https://rishonim.info/kakoy-potencial-kakoy-tolk/>

² Кувалдин В.Б. Глобальный мир. Политика. Экономика. Социальные отношения. М.: Весь Мир, 2017. С. 224.

нете жителями одной большой «коммунальной квартиры», где любые действия, ущемляющие права других, порождают соответствующее противодействие. Не менее важно и то, что *большое* и *много* — это не обязательно хорошо, тем более, когда речь идет о безопасности, благополучии и достойной жизни всего населения страны.

Так, Россия, обладающая богатейшими запасами сырьевых, энергетических, биологических и иных ресурсов, не может не привлекать к себе внимание менее обеспеченных и живущих на более густонаселенных территориях соседей, равно как и всего мира. Но разумно ли, целесообразно и насколько эффективно Россия использует свои преимущества, большие возможности и огромные богатства? История дает множество примеров, когда, казалось бы, изначально выгодные позиции и реальные преимущества отдельных стран в итоге оборачивались для них своею противоположностью. В частности, богатые залежи серебра в Перу, открытые в свое время испанцами, не принесли им благополучия; поступление золота и серебра подорвали систему традиционного хозяйства в Испании. Фактически ту же судьбу разделила и Португалия, после того как на волне Великих географических открытий хлынувшие в нее потоки золота и серебра лишили ее на историческую перспективу внутренней силы развития и сделали в итоге заурядной Европейской провинцией. Иными словами, золотой дождь, легкодоступные богатства сделали названные страны неконкурентоспособными на длительную перспективу. Для России это хороший исторический урок, если иметь в виду ее современную масштабную торговлю нефтью, газом и другими природными ресурсами.

Поскольку противоборство и конкуренция в глобальном мире не ослабевают, и в обозримой перспективе нарастания противоречий и межгосударственной борьбы явно не избежать, то адекватно вписаться в мировой процесс в таких условиях можно только сделав соответствующие выводы из истории, а в международных делах руководствуясь холодным расчетом и прагматизмом.

Прошедшие четверть века после распада социалистической системы вполне достаточный срок, чтобы сделать соответствующие выводы и признать — СССР был обречен на поражение

ние в «холодной войне» задолго до ее начала. Истоки же этого следует искать еще в 1917 г., когда в основание государственного устройства были заложены первые краеугольные камни в принципе неэффективной системы, устранившей частную собственность, личный интерес, гарантии персональной свободы и здоровой конкуренции. Такие преобразования породили немало негативных последствий, и это, пожалуй, главное — сделали социалистическую систему недостаточно гибкой и менее адаптивной в быстро меняющемся мире, т.е. по существу подорвали ее конкурентоспособность в жестком противостоянии с капитализмом. В итоге, пройдя почти все XX столетие через невероятные испытания и, в конечном счете, проиграв «холодную войну», Россия, ставшая на путь возвращения к рыночным отношениям, но пока еще не слишком далеко продвинувшаяся в этом направлении, вновь втягивается в ожесточенную борьбу за право влиять на ход исторических событий в новом тысячелетии. При этом остаются нерешенными не только вопросы стратегии социально-экономического развития, оттока капиталов или «утечки мозгов», но и куда более важные проблемы, связанные с преодолением духовного кризиса, достижением общественного согласия в выборе путей дальнейшего развития, формированием (взамен прежней) системы ценностей, наконец, с определением приоритетов национальных интересов. Такой фон вкупе с серьезными экономическими и социальными проблемами, все увеличивающимся имущественным расслоением и отсутствием эффективного законодательства создает условия для роста национализма, сепаратизма, коррупции, криминала, проявления различных форм насилия и ограничения прав личности, в том числе, и со стороны государства. В таких условиях, как правило, усиливается уровень агрессии, растут пессимистические настроения и, как следствие, все громче звучат голоса о том, что *демократия, общечеловеческие ценности, права человека, общая судьба человечества* и т.п. — это лишь ширма для Запада, под прикрытием которой он проводит агрессивную политику, защищая свои интересы. Отсюда нередко делается вывод, что России не следует принимать и даже поддерживать «ценности западной цивилизации», а альтернативой выступает самобытность, переориентация на Восток (который в этом

случае противопоставляется Западу) и поиск собственного пути развития на основе национально ориентированных ценностей.

Такая позиция в условиях всеобщей глобальной взаимозависимости ставит огромную системообразующую (в мировом масштабе) страну на путь конфронтации не только с развитым Западом, но и остальным миром. И это притом, что лимит на социальные эксперименты в стране, к тому же обладающей ядерным оружием, практически исчерпан, а возможность развязывания третьей мировой войны с применением оружия массового уничтожения не поддается никакому объяснению и оправданию. И, тем не менее, «мир балансирует на грани крупнейшего в истории конфликта. Как показал опрос компании YouGov, большая часть жителей западных стран живет в предчувствии апокалипсиса. Как уточняет The Independent, в ходе анализа были опрошены девять тысяч человек в девяти странах, включая США, Великобританию, Германию и Францию. Респонденты заявили, что, по их мнению, установление мира на Земле в ближайшие годы маловероятно. А вот крупный международный вооруженный конфликт может начаться уже скоро. В частности, среди американцев мировую войну предсказывают 64% опрошенных, среди англичан — 61%»¹.

Надо, однако, принять во внимание, что само понятие войны в условиях многоаспектной глобализации и информационно-технологической революции существенно расширилось; при этом прежняя формула: «война — это продолжение политики иными средствами», как и прежде, сохраняет свою актуальность. Так противоборство сегодня проходит далеко не только в виде вооруженных столкновений. Порою не менее ожесточенные баталии (разве что без непосредственного кровопролития) разворачиваются в результате ведения экономических, финансовых, информационных, кибернетических и т.п. войн. Их последствия подчас не менее, а то и более разрушительны, чем непосредственные военные столкновения. Такого рода войны в своей совокупности, стали сегодня обыденным явлением,

¹ Третья мировая война. Военно-политическое обозрение. URL: <http://3mv.ru/73524-zapad-v-predchuvstvii-apokalipsisa.html>

и мировое сообщество балансирует по существу на грани «горячей войны» и мира.

Что все это означает для России? Должна ли она, не принимая во внимание поведение других субъектов международных отношений, уже сегодня действовать с позиции исключительно общечеловеческих интересов? Вряд ли такая политика существенно изменила бы мировую ситуацию, тогда как внутреннее положение дел и интересы страны явно пострадали бы. Сегодня в России следует придерживаться в первую очередь здравого смысла и трезвого расчета в дополнение к вселенским идеям «космизма», «ноосферы», равно как и в истолковании широко обсуждаемой концепции «устойчивого развития».

Рассуждая о перспективах мирового развития и, тем более, предлагая программу конкретных действий для страны, не плохо было бы соотносить теоретические положения с конкретным раскладом сил на международной арене. При этом с реализацией концептуальных идей нелишне проявить и определенную осторожность, поскольку в современном мире глобальные интересы всего человечества сплошь и рядом приходят в противоречие с интересами региональными, национальными, клановыми, корпоративными и т.п. Иными словами, реальность такова, что все мы живем в условиях перманентной борьбы между государствами и иными субъектами международных отношений, которые выступают как заинтересованные стороны, отстаивающие, прежде всего, свои национальные и корпоративные интересы. Таким образом, вполне очевидно, что в ближайшей перспективе любая страна, которая станет действовать, опираясь на призывы мирового сообщества и руководствуясь в первую очередь его интересами в ущерб национальным, непременно окажется в проигрыше в пользу других. Очевидно и то, что ни одно государство и даже группа стран не могут решить общечеловеческие проблемы в одиночку, а потому главной задачей становится не собственный путь преодоления таких проблем, а поиск совместных решений.

Суммируя можно сказать, что евразийскому левиафану не помешало бы больше прагматизма. И вряд ли можно согласиться с распространенным мнением, что либеральные идеи на российской почве не заработают. «Ахиллесова пята» современной

России — слабое гражданское общество. А слова, сказанные А.Н. Яковлевым в начале нашего века, обретают еще большую актуальность теперь, когда мир быстро и динамично меняется, к тому же, когда ошибок никто не прощает. «Утверждал, утверждаю и буду утверждать, — говорил он, — что пора нам перевернуть пирамиду власти и порядок подотчетности общегосударственного характера. Не Государство — Общество — Человек, а Человек — Общество — Государство. Вот тогда все и встанет на свои места»¹.

2.9. Взлетающий дракон

С последней четверти XX столетия все возрастающее влияние в мире обретает *Китай*. Начало этому процессу было положено в 1978 г., когда 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва объявил о проведении в жизнь политики «реформы и открытости». С этого времени одна из самых древних цивилизаций, насчитывающая порядка четырех тысяч лет своей истории, стала, образно выражаясь, поднимать паруса, улавливая в них усиливающиеся ветра современной глобализации. Сохраняя многовековые традиции и национальную культуру, коммунистическую идеологию и централизованный стиль управления и на этой основе проводя рыночные реформы, прежде всего, в области сельского хозяйства, малого и среднего бизнеса, градостроительства, транспортных коммуникаций, инфраструктурных преобразований, Китай стал очень быстро наращивать свой экономический, финансовый и политический капитал. На достижение этих целей работали также активно создававшиеся особые экономические зоны, политика «открытых дверей», мощная поддержка науки и образования, что уже к началу XXI в. вывело Китай в число самых значительных и наиболее влиятельных субъектов международных отношений. Этот высокий статус Китая поддерживается также тем, что он обладает ядерным оружием и является космической державой. К тому же, как и Россия, Китай имеет ряд уникальных преимуществ геополитического и геостратегического свойства, что дает основание считать его

¹ Яковлев А.Н. Омут памяти. М.: Вагриус, 2001. С. 295.

«главными воротами», «сердцем» Востока и проводить ассоциации с драконом — одним из отличительных и наиболее значимых символов страны¹.

Так, располагаясь в Восточной и Центральной Азии, Китай занимает четвертое место в мире по территории, которая, однако (по причине обширных горных и пустынных регионов), почти наполовину плохо приспособлена или вовсе не пригодна для проживания и ведения хозяйственной деятельности. В то же время примыкающая к Тихому океану и имеющая внушительную береговую линию равнинная восточная часть страны, с ее полноводными реками и благоприятными условиями для жизни и хозяйственной деятельности, заселена предельно густо. Здесь проживает абсолютное большинство населения Китая, которое по состоянию на начало 2017 г. составило более 1 миллиарда 380 миллионов человек. Это самое большое население одной отдельно взятой страны в мире и означает, что почти каждый пятый житель нашей планеты — китаец. Данное обстоятельство создает для Китая не только дополнительные преимущества, но и проблемы. Так, после окончания Второй мировой войны произошел по существу «демографический взрыв», когда всего за три десятилетия население страны фактически удвоилось, достигнув к началу 1980-х гг. одного миллиарда человек, что породило серьезные социальные напряжения и серьезные экономические трудности.

Реакцией на это, помимо провозглашения уже упомянутой политики «реформы и открытости», стало принятие в 1979 г. еще одной официальной доктрины — «Одна семья — один ребенок». Решив таким образом проблему неконтролируемого роста населения и обеспечив на определенное время избыток дешевой рабочей силы, Китай, спустя три десятилетия после начала реформ, столкнулся с новыми вызовами, в том числе и экономического характера, обусловленными возрастными

¹ Сродни библейскому чудовищу *левиафану*, другое мифическое существо — *дракон* в Китае символизирует энергию, силу, величие, лидерство и является олицетворением мудрости. С древних времен дракон воспринимается китайцами также как символом счастья, удачи, процветания и непрекращающегося успеха.

диспропорциями в составе населения страны, ростом иждивенчества и эгоизма в среде молодых людей, чье воспитание проходило без братьев и сестер. В итоге, 37 лет спустя после принятия решения о рождении в семье одного ребенка, а именно с 1 января 2016 г., такая политика была окончательно отменена. Здесь следует принять во внимание и то обстоятельство, что к этому времени на волне многоаспектной глобализации во всем мире значительно возросли эмиграционные потоки, в которых китайцы, следуя политике «открытости» и активно расселяясь по странам и континентам, занимают явно лидирующие позиции. Китай такое положение дел вполне устраивает и, более того, оно является для него выгодным, поскольку тем самым снижается острота демографической проблемы и занятости населения в своей стране. С другой стороны, в отличие от того как это было еще относительно недавно, когда в отдельных наиболее крупных городах Запада встречались особые китайские кварталы (*chinatowns*), теперь в многочисленных странах мира и практически на всех континентах быстрыми темпами растут и усиливают свое влияние многочисленные сообщества, диаспоры, лоббистские группы китайских переселенцев.

Все это стало прямым следствием масштабных и многоплановых китайских реформ, в разработке которых ключевую роль сыграл Дэн Сяопин, выдвинувший ключевой принцип «социализма с китайской спецификой» и сформулировавший в 1978 г. восемь тезисов китайской стратегии: «1) *хладнокровно наблюдать*; 2) *укреплять позиции*; 3) *уверенно реагировать на изменения*; 4) *скрывать свои возможности*; 5) *выигрывать время*; 6) *не привлекать к себе внимания*; 7) *никогда не становиться лидером*; 8) *заниматься конкретными делами*»¹.

То, что китайские реформы оказались успешными, не вызывает сомнения, но встает вопрос — в чем их специфика? Как отмечают специалисты: «За годы реформ в Китае кардинально изменилось многое — принципы действия экономики, степень участия в ней государства, соотношение планового и рыночного начал, социально-классовая структура общества, политические

¹ *Бажанов Е.* Лучше дружить с Китаем, а не против него // Независимая газета. 14.02.2011. URL: http://www.ng.ru/dipkurer/2011-02-14/10_china.html

формы и «надстроечные» механизмы. Однако это не означает, что идеалы социализма и сама социалистическая перспектива в Китае подлежат сомнению и тем более — пересмотру»¹. И в самом деле, сегодняшний «социализм с китайской спецификой» весьма активно используется руководством Китая в качестве идеологического ориентира и достаточно отчетливо проявляется в различных сферах общественной жизни. В частности, в *экономике* это выражается в том, что использование рыночных механизмов осуществляется вкуче с централизованным управлением народным хозяйством; расширяется участие Китая в международном разделении труда; активно используется иностранный опыт и привлечение капиталов. Во *внутренней политике* за государством (при руководящей роли коммунистической партии) сохраняются основные рычаги управления социально-экономическими процессами и долгосрочное планирование.

Наконец, во *внешней политике* отчетливо просматриваются: присущий китайцам прагматизм, рациональность и стратегический стиль мышления; приоритет, отдаваемый «мягкой силе», политическим средствам и дипломатии в решении конфликтных ситуаций; последовательность, неспешность, а при необходимости и проявление жесткости в отстаивании своих национальных интересов. На этих базовых принципах Китай строит свои отношения как с развитыми странами, так и с развивающимися, как со своими соседями, так и с другими государствами, на каких бы континентах они не находились. Иными словами, интересы Китая в последние десятилетия значительно расширились и вышли за рамки сугубо экономических отношений. При этом исторически насыщенные и по большей части непростые отношения Китая с соседними странами: Японией, Индией, Вьетнамом, Россией теперь, хотя и несколько в смягченном виде (с учетом сформулированных Дэн Сяопином принципов), воспроизводятся уже не только на просторах прак-

¹ Мигунов Н.И., Мигунова О.В. О теоретических основаниях китайской концепции «геоцивилизационного континуума» // Век глобализации. 2017. № 2(22). С. 21.

тически всей Азии, но и в глобальном масштабе — в Европе и Америке, в Австралии и Африке.

Так, в 2013 г. Китай объявил о новой стратегии экономического развития «Один пояс — один путь», направленной на создание инфраструктуры и налаживание взаимосвязей между странами Евразии. Целью инициативы является создание торгового коридора для прямых поставок товаров с Востока на Запад на льготных условиях. Стратегия включает два ключевых направления развития: экономический пояс Шелкового пути и морской Шелковый путь.

Данный проект ориентирован на то, чтобы обеспечить Китаю более тесные и надежные торгово-экономические связи с государствами всего Евразийского пространства. В этой связи китайцы активно лоббируют и рассматривают различные варианты создания сухопутных и морских трансконтинентальных транспортных коридоров, призванных способствовать развитию китайского экспорта и увеличению спроса на китайскую продукцию. В то же время, это и фактор появления дополнительных стимулов для привлечения иностранных инвестиций в китайскую экономику, а также новые возможности для экспорта китайского капитала за рубеж. Для продвижения данного проекта Китай создал Азиатский банк инфраструктурных инвестиций с капиталом 100 млрд долл. США, выделив на реализацию только первого этапа данного проекта 40 млрд долл. США¹. Через разные источники (региональные банки развития, региональные фонды инфраструктурных инвестиций и т.п.) Китай «предоставляет странам-получателям льготные кредиты на строительство ж/д магистралей при условии использования китайских технологий. Далее, китайские промышленные предприятия поставляют свою продукцию в страну осуществления проекта... Предполагается, что вслед за китайскими железными дорогами в страну-получателя придет китайский бизнес»².осу-

¹ Нурсеитов А.А. Новый международный финансовый институт: Азиатский банк инфраструктурных инвестиций // Государственный аудит. 2015. № 3. С. 39—43.

² Россия и мир: 2015. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз. Рук. проекта: А.А. Дынкин, В.Г. Барановский. М.: ИМЭМО РАН, 2014. С. 90.

шествление идеи Шелкового пути является приоритетной задачей китайского правительства во внешней политике и включает в себя широкий круг целей и задач. «Географический приоритет мегастратегии на первом этапе реализации — страны Центральной Азии, далее Восточная, Центральная и Западная Европа. Соответствующее предложение было сделано и России — проект строительства высокоскоростной магистрали «Москва — Казань», а также участие китайских компаний в создании транспортного коридора «Владивосток — Москва»¹.

Важной отличительной особенностью внешнеэкономической стратегии Китая является то, что в реализации своих глобальных интересов он не придает большого значения особенностям политических режимов, правам человека или, например, вопросам экологической безопасности своих партнеров. Более важным для него является создание благоприятных условий для ведения китайского бизнеса за рубежом и обеспечение доступа к ресурсам в различных точках и регионах планеты. При этом китайцы активно предлагают собственные проекты и разработки, стремятся к участию в акционерных капиталах компаний, владеющих месторождениями и недвижимостью, заключают прямые долгосрочные контракты, задействуют иные средства и механизмы для достижения своих целей.

Именно так сложились, например, отношения Китая с постсоветскими республиками Средней Азии. В условиях, когда после распада СССР бывшие связи и отношения этого региона с Россией существенно ослабли, среднеазиатские республики существенно сблизились с Китаем в реализации таких взаимовыгодных проектов, как прокладка трубопроводов, строительство трансграничных автомобильных и железных дорог, возведение необходимых экономике этих стран инфраструктурных объектов и т.п. Вновь образованные страны, в особенности на начальном этапе определения пути своего развития, нашли в лице Китая оптимального финансово-экономического и торгового партнера, который направил значительные ресурсы в этот регион, демонстрируя в то же время свое нейтральное от-

¹ Россия и мир: 2015. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз. Рук. проекта: А.А. Дынкин, В.Г. Барановский. М.: ИМЭМО РАН, 2014. С. 90.

ношение к вопросам идеологии, религии и социально-политического устройства новых государств. Таким образом, о прочном экономическом фундаменте китайского присутствия в Средней Азии сегодня можно говорить как о свершившемся факте. «Торговый оборот Пекина со странами региона за последние 20 лет вырос в 100 раз»¹. Нефтегазовая отрасль *Казахстана* обрела к настоящему времени достаточно ярко выраженные «китайские» черты. *Узбекистан* только в 2005 г. подписал с Китаем сразу 20 инвестиционных соглашений, кредитных договоров и контрактов на сумму около 1,5 млрд долларов, из которых 600 млн приходились на нефтегазовую отрасль. Китайский капитал активно инвестируется также в ведущие отрасли *таджикской* экономики, в особенности, в капиталоемкие проекты, окупаемость которых имеет долгосрочный характер. А *Киргизия*, примерно на 40% формирует свой бюджет от доходов, получаемых за счет транзита китайских товаров через свою территорию. Внушительным является и совокупный объем китайских инвестиций в экономику *Туркмении*, который на конец 2008 г. составил 1 млрд 153 млн долларов. «В 2009 г. Туркменистан заключил с КНР долгосрочное соглашение о поставках газа, а еще через год при китайской финансовой поддержке был построен трубопровод «Центральная Азия — Китай», проходящий через Узбекистан и Казахстан»². Поскольку импорт энергоресурсов представляет для Китая особый интерес, он активно работает в этом направлении также с Россией, нефтедобывающими странами Африки, Юго-Восточной Азии, Южной Америки, например, Венесуэлой. Вполне объяснимы и тесные связи китайцев со странами Ближнего Востока, в особенности, с Ираном, в нефтяную промышленность которого они инвестирует большие средства.

Активно наращивая свое присутствие в Австралии, Америке, Европе и азиатском регионе, Китай все отчетливее обнаруживает свои внешнеэкономические интересы в Африке, где все

¹ Панкратенко И. Пекин в Средней Азии: «желтая угроза» или стратегический партнер Москвы // Интернет-газета «Столетие». 02.09.2014. URL: http://www.stoletie.ru/rossiya_i_mir/zhdet_li_nas_kitajskoj_igo_862.htm

² Там же.

больше природных ресурсов переходит под контроль китайских компаний. В середине 1990-х гг., когда китайское правительство впервые заинтересовалось природными богатствами Африки, «объем торговли Китая со всем Черным континентом был в районе 5–6 млрд долларов. В 2003 г. эта цифра выросла до 18 млрд, а к 2008 г. достигла 100 миллиардов. Сегодня практически во всех африканских странах отмечается заметное экономическое присутствие Китая»¹. При этом китайцы не только интенсивно наращивают торговлю с африканскими странами, но и развивают их инфраструктуру, создают условия для более широкого доступа к природным ресурсам, активно инвестируя в строительство дорог, морских терминалов, создание производственных мощностей и развитие социальной сферы. Как следствие такой политики, все больше китайцев переселяется на африканский континент, где быстрыми темпами растут обособленные городские китайские районы (чайнатауны).

Используя различные пути и средства усиления своих позиций, Китай не ограничивается только сферой экономики, решая одновременно и другую свою глобальную задачу — наращивание военного потенциала и укрепление границ по всему периметру. В последнее время Китай разместил на своей территории, в том числе и вблизи российской границы, новейшие баллистические межконтинентальные ракеты собственного производства Dongfeng-41 (DF-41), демонстрируя тем самым, в том числе и самим китайцам, что страна является мощной военной державой, способной оказывать давление на любого противника. Вместе с тем, традиционно уделяется большое внимание и тому, что в последние годы стало именоваться «мягкой силой».

Так, созданный в 2004 г. в Сеуле первый институт Конфуция, целью которого было изучение китайского языка и ознакомление с китайской культурой, стал лишь началом масштабного культурного проекта. Только за последующие 6 лет (на конец 2010 г.) такие институты были открыты уже в 96 странах мира, где действовало 322 института и 369 классов Конфуция, а число зарегистрированных слушателей составило 360 тыс. чело-

¹ Кокшаров А. Ресурсный пылесос // Эксперт. 2009. 19 окт. № 40(677). URL: http://expert.ru/expert/2009/40/resursnuy_pylesos

век¹. Теперь это разветвленная глобальная сеть международных культурно-образовательных центров (институтов Конфуция), которые активно работают при непосредственной поддержке китайского государства. С другой стороны, налаживая связи с развитыми и развивающимися странами, все больше китайцев овладевают иностранными языками, прежде всего английским. Примечательно в этой связи, что еще недавно лишь незначительное число китайцев владело такими языками, как арабский, фарси или, например, казахский, узбекский; теперь же ряд университетов специализируется на том, чтобы покрыть спрос на переводчиков. В немалой степени усиление китайской культурной составляющей в мире связано и со все увеличивающимся числом китайских студентов, обучающихся за рубежом, в том числе и в лучших западных университетах, а также с постоянно возрастающими потоками туристов из Китая. С началом реформ весьма активно продвигается за пределами страны и традиционная китайская медицина, которая позиционируется правительством как национальное достояние и один из символов Китая.

Истоки современного китайского экономического и социокультурного экспансионизма имеют глубокие исторические корни, тесно связанные с национальной культурой, мировоззрением и особым стилем мышления китайцев. Так, уже предположительно в 6 — нач. 5 в. до н.э. в Древнем Китае «была сформулирована идея «окультуривания» так называемых «территорий «должного» подчинения», то есть территорий, находящихся за пределами собственно китайских земель, и населенных, в представлении китайцев, «варварами»... Оппозиция «варварство-цивилизация» изначально мыслилась китайцами как географическая, и лишь впоследствии наполнилась культурными смыслами. Расширение географической зоны влияния китайской культуры воспринималось как естественный результат цивилизаторской политики Поднебесной, — миссии, как утверждалось, возложенной на нее самим Небом... Осущест-

1 Яньдун Л. Совместная работа для устойчивого развития институтов Конфуция: Программная речь на V съезде Институтов Конфуция // Институт Конфуция (русско-кит. версия). 2011. № 1 (янв.). С. 10.

вление такой миссии мыслилось через расширение своего цивилизующего влияния на сопредельные территории *путем их культурной ассимиляции*. В тенденции, то был прообраз превращения китайской цивилизации-государства в узком смысле слова (совокупности китайских царств и позднее — империи) в Поднебесную в значении «весь мир» (в глобальную, планетарную, но все же китайскую (по содержанию), цивилизацию). Но эта интенция ничем не сдерживаемого культурного георасширения, а, напротив, подпитываемого чувством цивилизационной исключительности и миссионизмом, отнюдь не стимулировала становления и признания цивилизационного полицентризма. Ибо, повторим, древний китайский цивилизационный монизм не допускал возможности существования иных форм цивилизованности, кроме китайской»¹.

Минули века и тысячелетия, но психология и мироощущение китайцев не сильно изменились. При этом сегодня Китай столкнулся с двумя фундаментальными проблемами, которые делают нарастание эмиграции, а то и вовсе массовый исход населения из страны практически неизбежным явлением. Этими проблемами являются *предельно высокая плотность населения и экологические барьеры*, в которые уперлось экстенсивное экономическое развитие Китая. Именно такой — экстенсивный — характер модели экономического развития и ее высокая ресурсоемкость, с одной стороны, и запредельно большое население, оказывающее колоссальное давление на окружающую среду, с другой стороны, привели к тому, что «в последние годы Китай сталкивается с огромным количеством экологических проблем, проблем масштабных, затрагивающих политические, экономические и социальные стороны жизни общества. Причем эти проблемы нарастают, как снежный ком. С подобным, пожалуй, не сталкивалась ни одна страна мира»².

¹ Мигунов Н.И., Мигунова О.В. О теоретических основаниях китайской концепции «геоцивилизационного континуума» // Век глобализации. 2017. № 2(2). С. 22–23.

² Ушаков И.В. Экологический лабиринт. Социально-экономические аспекты природопользования в Китае. М.: ИД «ФОРУМ», 2008. С. 171.

Остро стоит также вопрос и о пределах хозяйственной емкости природной среды, иными словами, речь идет о способности естественной природы нейтрализовывать отрицательные последствия столь быстрого экономического роста. Другой аспект экологической проблемы связан с загрязнением окружающей среды и, прежде всего, атмосферного воздуха и водных ресурсов. Эта проблема усугубляется тем, что главным источником энергии в Китае все еще остается самый экологически «грязный» энергоноситель — уголь, за счет которого получают около $\frac{2}{3}$ энергии, вырабатываемой в стране. «В результате по объему выбросов в атмосферу двуокиси серы страна лидирует в мире, а по выбросам двуокиси углерода занимает 2-е место... Между тем двуокись серы является причиной возникновения так называемых «кислотных дождей», которым подвержено около трети территории страны и половина городов Китая»¹. Как следствие, уже не только над китайскими городами, но и над плотно заселенными территориями, практически постоянно висит густой, редко рассеивающийся смог, а чистых водных ресурсов практически не осталось.

Таким образом, экологическая проблема в Китае становится не только все большим тормозом экономического развития, но и фактором дестабилизации общественной жизни, поскольку подавляющая часть населения страны вынуждена жить в условиях, когда предельно допустимые концентрации загрязнения окружающей среды многократно превышают допустимые нормы, вызывая дискомфорт, повышенную заболеваемость и увеличение смертности населения. Иными словами, состояние природной среды и отношение к ней, а также экологическая политика государства и экологическое поведение людей являются теперь одними из главных показателей, которые позволяют судить о перспективах развития страны. «Экологическая проблема — это та капля воды, в которой отражаются все проблемы и противоречия развития КНР. Она позволяет судить о не видимой глазу подводной части айсберга проблем, стоящих перед Китаем... Проблема эта становится самой острой не только потому, что она оказывает нарастающее влияние на

¹ Там же. С. 42.

развитие и рост экономики Китая, но и потому, что она оказывается той областью, где затрагиваются глубинные, системные проблемы»¹. В итоге, Китай оказался на переднем крае в решении столь сложного комплекса масштабных экологических проблем, и это серьезный знак для всего человечества, которому, при существующей динамике глобального развития, придется, по всей видимости, столкнуться с аналогичной ситуацией уже в не столь отдаленном будущем.

2.10. Реперные ойкумены современного мира

Наряду с ведущими мировыми державами, обладающими высокоразвитой экономикой и новейшими технологиями, ядерным потенциалом и военной мощью, наконец, развивающимися собственными космическими программами, в современном мире имеется ряд достаточно крупных государств, относительно неплохо социально-экономически развитых, имеющих достаточно большие территории, внушительное население, богатые природные ресурсы, наконец, космические амбиции и значительные вооруженные силы. К таковым, несомненно, относятся Индия, Бразилия, ЮАР, которые занимая ключевые позиции в своих регионах (в Юго-Восточной Азии, Южной Америке и Африке соответственно), являются в то же время весьма авторитетными и влиятельными субъектами современных международных отношений, сложившихся в условиях всеобщей глобальной взаимозависимости. В этом качестве они, с определенными уточнениями и оговорками, вполне могли бы именоваться современными ойкуменами², поскольку каждая из названных стран обладает необходимой самодостаточностью и проводит вполне самостоятельную политику, ориентированную на собственные интересы. Конечно, достаточно четкие критерии, по которым и другие страны, кроме упомянутых выше, можно

¹ Ушаков И. В. Экологический лабиринт. Социально-экономические аспекты природопользования в Китае. М.: ИД «ФОРУМ», 2008. С. 172.

² Изначально понятие «ойкумен» возникло в Древней Греции для обозначения известной грекам части Земли с центром в Элладе. Позже оно стало использоваться в качестве географического, исторического и культурного термина, обозначающего обитаемый мир.

было бы именовать ойкуменами, не разработаны. Да в этом и нет особой необходимости, поскольку для целей нашего исследования вполне достаточно экспертной оценки, по которой с определенными допусками называются те ойкумены, которые могут быть признаны таковыми на основании вполне очевидных параметров, которыми они обладают. Важнейшими из них является размер территории, численность населения, размер ВВП и степень интеграции в мировую политику и экономику.

Несомненно, именно такого рода ойкуменой является **Индия** — вторая по численности населения страна (культурно-цивилизационная система) мира, где по состоянию на начало 2017 г. проживало более 1,3 млрд человек, и седьмая по площади занимаемой территории. Проводимая в Индии с начала 1990-х гг. политика реформ превратила ее в одну из наиболее активно развивающихся стран мира. Значительный приток инвестиций и расширение экспортных возможностей страны в последние годы выдвинули индийскую экономику на лидирующие позиции в Азии и вывели ее в десятку крупнейших экономик мира. В определенной мере этому способствовало и то, что Индия — одна из тех культурно-цивилизационных систем азиатского континента, где при всей специфике социально-экономического уклада и несхожести с Западным миром, политическая и правовая жизнь страны, использующей английский язык как второй государственный¹, обнаруживает определенные сходства с западными общественными системами. То же относится и к научно-образовательной сфере, и в целом к относительно более развитым, чем в других странах азиатского региона, формам демократии, что в условиях многоаспектной глобализации и глобальной взаимозависимости дает Индии определенные преимущества.

После проведения в 1974 г. подземного ядерного испытания, Индия стала новым членом «ядерного клуба». С этого же времени начинается и ее космическая программа, которая к настоящему времени успешно реализуется в виде ряда амбициозных проектов.

¹ С XVIII в. вплоть до обретения независимости в 1947 г. Индия была колонией Британской империи.

Являясь членом таких международных организаций, как ООН, G20, ВТО, БРИК, ШОС и др., Индия проводит активную международную политику, что делает ее авторитетным и весьма влиятельным субъектом международных отношений. В то же время, помимо чрезмерной перенаселенности, страна испытывает особые трудности, вызванные отсутствием всеобщего среднего образования, малограмотностью значительной части населения, высоким уровнем бедности и плохой экологической ситуацией. Улучшение качества образования и распространение его на широкие слои населения является одним из самых срочных приоритетов Индии, поскольку, хотя страна и имеет ряд университетов, технологических институтов и иных учебных заведений высокого класса, общее качество образования остается низким. Иными словами, современная Индия — это страна контрастов: с одной стороны, она вошла в число мировых лидеров в информационных технологиях и услугах по аутсорсингу бизнес-процессов, с другой стороны, более трети населения страны продолжают жить ниже крайней черты бедности.

Важным преимуществом Индии, в отличие от других лидеров развивающегося мира, следует признать то, что элитные корпорации Индии весьма тесно интегрированы в глобальные инновационные сети. Крупнейшие IT-компании Индии непосредственно конкурируют с мировыми гигантами, такими как IBM, Hewlett Packard. Важным партнером передовых западных компаний на Евразийском континенте стала фармацевтическая промышленность Индии. Считается, что в кратко- и среднесрочной перспективе на повышение темпов экономического роста в Индии будут положительно влиять такие факторы, как «демографический дивиденд»: половина из 1,3-миллиардного населения Индии — это лица моложе 25 лет. Будучи экономически активной, эта часть населения, в особенности занятая в городском сегменте хозяйства, рассматривается в качестве основной движущей силы экономического роста в стране¹.

¹ Россия и мир: 2015. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз. Рук. проекта: А.А. Дынкин, В.Г. Барановский. М.: ИМЭМО РАН, 2014. С. 92–98.

Бразилия — крупнейшая по площади и населению страна в Южной Америке, культурно-цивилизационная система которой сформировалась под влиянием португальской культуры, прежде всего, португальского языка и христианской (католической) религии. Бразилия занимает пятое место среди всех стран мира по площади, такое же место по численности населения и входит в первую десятку государств планеты по величине номинального ВВП.

Обладая самым большим экономическим потенциалом среди стран Латинской Америки, Бразилия в последние годы находится в кризисном состоянии. Прогнозы большинства экспертов относительно ближайшего будущего бразильской экономики далеки от оптимизма. Они предсказывают Бразилии самую продолжительную рецессию за последние сто лет. Сегодня страна занимает второе место в мире по экспорту кукурузы и железной руды, на долю которых приходится около 60% от общего объема экспорта. Она также является крупнейшим в мире экспортером мяса, сои, сахара и кофе. Падение цен на сырье и продукцию сельского хозяйства привело к резкому уменьшению экспортной выручки и сокращению инвестиций в экономику страны, которая нуждается в глубоких структурных реформах, чтобы адаптироваться к низким ценам на биржевые товары.

Основные проблемы, препятствующие устойчивому экономическому росту Бразилии и ее вхождению в группу развитых стран: *предельно высокое неравенство доходов*, которое продолжает оставаться источником массовых социальных протестов и политической нестабильности, а также *низкий уровень образования и инновационного научно-технологического комплекса*.

Бразилия проводит активную внешнюю политику, будучи членом таких международных организаций, как ООН, G20, ВТО, БРИКС, Союз южноамериканских наций и др. В последние годы она наладила плодотворные торгово-экономические отношения с Китаем, активно участвовала в работе по объединению БРИКС. Большую роль страна играет в интеграционных процессах в Южной Америке. Она выступает центром кристаллизации единого южноамериканского полюса силы в XXI в. Экономическая и геополитическая интеграция южноамериканского континента, под руководством самой крупной

и передовой страны этого региона делает Бразилии одним из наиболее влиятельных и авторитетных субъектов международных отношений современного глобального мира.

Южно-Африканская Республика (ЮАР) уже была охарактеризована нами с определенными оговорками в качестве одного из условных форпостов Западного мира¹. Теперь мы могли бы с достаточным на то основанием отнести эту культурно-цивилизационную систему и к одной из наиболее заметных ойкумен глобального мира, поскольку это самая развитая и наиболее влиятельная страна, представляющая африканский континент на мировой арене (при условии, что африканские страны исламского мира будут рассматриваться нами в отдельном аспекте). ЮАР является членом более 50 международных организаций, в том числе ООН с 1946, Большой двадцатки (G-20), Движения неприсоединения, Организации африканского единства (ОАЕ) с 1994, а с 2002 ее преемника — Африканского союза (АС), Сообщества развития Юга Африки (САДК) и многих других, где играет весьма заметную роль.

2.11. Исламский конгломерат

«Исламский конгломерат» — довольно условное понятие, неологизм, который в данном исследовании предлагается использовать для обозначения совокупности весьма разнородных в социокультурном отношении стран, объединяющим началом для которых выступает ислам — одна из современных мировых религий. Близким по значению к данному термину являются такие понятия как «*исламский мир*», «*мусульманский мир*», обозначающие ту часть мирового сообщества, которая исповедует ислам, а в более узком смысле этого слова — те страны, в которых господствующей религией является одна из форм ислама.

«Исламский конгломерат» следует рассматривать как самую обширную и относительно компактно расположенную ойкумену на планете, являющую собой особую культурно-цивилизационную систему — единый сплав множества национальных культур с религией и идеологией ислама. Как отмечает Л.М. Ефимова: «В религиозно-культурном отношении мусульманский мир —

¹ См.: п. 2.7.

это мировое сообщество единоверцев, связанных общими религиозными и культурными ценностями, образом жизни. Для этого аспекта употребляется термин «умма» — мусульманская община, неразрывное единство всех верующих, где бы они ни проживали... Концепция уммы базируется на кораническом постулате, гласящем, что все мусульмане — братья»¹. В настоящее время мусульмане, составляющие порядка 23% жителей Земли, представляют собой мусульманскую умму, или, если смотреть на данное явление с точки зрения нашего исследования, мусульманскую культурно-цивилизационную систему.

Поскольку умма и ислам не принимают во внимание различия по национальным или этническим признакам, то для них государственные границы не более чем условность. Мусульмане по своему мировосприятию ориентированы на помощь единоверцам, где бы они ни находились. Отсюда концепция уммы играет важнейшую интегративную роль и придает исламу особую мобилизующую силу², что в условиях многоаспектной глобализации дает основание рассматривать исламский мир в качестве обособленного конгломерата мирового социума, который если и не выступает в качестве отдельного субъекта международных отношений, тем не менее, может и должен рассматриваться как единое целое в структуре глобального человечества. Интегрирующим началом для всех мусульман выступает, прежде всего, исторический опыт и основополагающие ценности, сложившиеся под влиянием ислама, который к настоящему времени обеспечил свое присутствие в 120 странах мира, располагающихся на всех континентах, и считается одной из наиболее динамично распространяющихся мировых религий. И, тем не менее, распределено исламское население по странам и континентам неравномерно. Так, например, в 2010 г. из 1,6 млрд мусульман всего мира, составлявших на тот момент около 23,4% от общего числа населения Земли, около 62% жили в Азии и Тихоокеанском регионе, 20% на Ближнем Востоке и Северной Африке, 15%

¹ *Ефимова Л.* Ислам в мировой политике в начале XXI века / Islamtoday: Исламский мир в XXI веке. 02.11. 2016. URL: http://islam-today.ru/islam_v_mire/islamskij-mir-v-hhi-veke/

² Там же.

в Центральной Африке, около 3% в Европе и 0,3% в Америке¹. Особенно быстрыми темпами население исламского мира стало расти с начала XX в. и к его концу выросло почти в 5,5 раз, тогда как за предыдущее столетие — только в 2 раза. Это связано с тем, что исламские страны лидируют по темпам роста населения, к тому же существенно превосходят по данному показателю другие крупнейшие религии мира².

Примерные границы исламского конгломерата или регион земного шара, где преимущественно компактно проживают мусульмане, охватывает огромную территорию, протянувшуюся широкой полосой от Западной Африки до Юго-Восточной Азии, включая Ближний Восток и Северную Африку, Центральную Азию и значительную часть стран Южной и Юго-Восточной Азии. В настоящее время насчитывается 46 стран, в которых мусульманское население составляет большинство. Самыми крупными и наиболее влиятельными из них являются *Иран, Турция, Индонезия, Египет, Пакистан, Нигерия, Саудовская Аравия* и др., которых объединяет не культурная, а прежде всего религиозная традиция и исламские ценности. Таким образом, мусульманская культурно-цивилизационная система на своих границах контактирует со множеством других культурно-цивилизационных систем: на западе — с западноевропейской и восточноевропейской, на севере — с православной, на юго-востоке — с индийской, на востоке — с китайской, на юге — с африканской. Такое геополитическое расположение мусульманского конгломерата предполагает наличие разнообразных контактов между ним и соседними принципиально отличными культурно-цивилизационными системами, что порождает многочисленные противоречия и конфликты, в том числе территориальные и этноконфессиональные.

Ярким тому подтверждением является напряженная ситуация, сложившаяся к настоящему времени в Европе. Там в на-

¹ The Future of the Global Muslim Population / WebCite. 27.01.2011. URL: <http://www.webcitation.org/6Ff0eLs8f>

² *Горохов С.* Исламский мир: пространство, люди, экономическая мощь / Демоскоп Weekly № 587–588. 24.02 — 09.03.2014. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0587/demoscope587.pdf>

чале XX в. проживало порядка 50 тыс. мусульман. Теперь же многочисленные исламские общины существуют во всех без исключения западноевропейских государствах, и общее число приверженцев ислама по примерным подсчетам оценивалось в 2010 г. примерно в 30–35 млн человек, что составляло около 7% населения региона¹. Следует отметить при этом, что реального количества мусульман в Европе не знает никто, так как наряду с легальными иммигрантами и их потомками здесь проживает множество нелегалов, сведения о которых отсутствуют в официальной статистике. Наиболее крупные мусульманские общины, насчитывающие от одного до более 5 млн человек, проживают сегодня во Франции, Германии, Великобритании, Италии, Голландии. При этом значительная часть этой группы населения, в том числе молодежь, не сумели интегрироваться в европейские реалии и стали по существу инородными элементами в европейских культурно-цивилизационных системах. Проблему адаптации мусульман в западном обществе, по мнению известного отечественного востоковеда В.В. Наумкина, во многом осложняет тот факт, «что ислам исторически утвердился как религия большинства и в нем не заложен инструмент приспособления мусульманской уммы к роли группы меньшинства»².

В современных условиях исламский мир все активнее позиционирует себя в качестве одного из ведущих и наиболее влиятельных игроков в глобальном мире, поскольку ареал распространения ислама, а также демографический и экономический потенциал мусульманских стран беспрецедентно возросли за последнее столетие. Этому же способствует и то, что Международная межправительственная организация стран-экспортеров нефти (ОПЕК), где ключевую роль играют такие исламские страны как Иран, Ирак, Саудовская Аравия, Кувейт, Катар, Ливия, Объединенные Арабские Эмираты, Алжир и Нигерия,

¹ *Kettani H.* Muslim Population in Europe: 1950–2020 // *International Journal of Environmental Science and Development (IJESD)*. 2010. Vol. 1. № 2. P. 154–164.

² *Наумкин В.В.* Западная цивилизация и мусульманская диаспора: дифференциализм, конвергенция или гибридизация? // *Что догоняет догоняющее развитие: сб. статей / отв. ред. и составитель А.М. Петров. М.: Институт востоковедения РАН, 2011. С 31.*

контролирует около $\frac{2}{3}$ мировых запасов нефти. На долю членов этой организации приходится около 35% от всемирной добычи и половина мирового экспорта нефти. Это, несомненно, важный фактор усиления позиции исламских государств в международных делах. В то же время имеется и немало препятствий для их согласованных действий, чему в значительной степени способствует и глобализация. Проникая в исламский мир, глобализация «обостряет внутренние противоречия: усиливает деградацию политических систем, крах моральных ценностей, распад семьи. Она нигде не производит столь деструктивного эффекта, как в исламском мире»¹. В итоге, несмотря на то, что мусульманские лидеры постоянно призывают последователей данной религии к единству и братству, продолжают сохраняться серьезные распри и разногласия, в частности, между шиитами и суннитами, радикальными и умеренными направлениями ислама. Все это делает вовсе не очевидным ответ на вопрос, стоящий перед исламским миром, — станет ли XXI в. для него временем реальной консолидации и активизации с еще более широким выходом на авансцену мировой политики?

2.12. Значительные региональные социосистемы

Помимо рассмотренных выше основных субъектов международных отношений и наиболее влиятельных альянсов, союзов и иных структур современного мира, глобальное человечество представлено также рядом региональных культурно-цивилизационных систем, весьма значительных по своим территориальным, экономическим и человеческим ресурсам. Они расположены в различных частях света и по совокупности своих основных характеристик (территория, население, ВВП), а также в силу отдельных, присущих им исторических, географических, социокультурных и политико-экономических особенностей, заметно выделяются на фоне других стран в своих регионах. К таковым, с определенными оговорками и допущениями, можно отнести *Аргентину* в Южной Америке, *Мексика* в Северной Америке, *Вьетнам* в Юго-Восточной Азии, *Казахстан* в Централь-

¹ Федотова В. Г. Хорошее общество. М.: Прогресс Традиция, 2005. С. 299.

ной Азии, *Эфиопию* в Африке, *Польшу* в Центральной и *Украину* в Восточной Европе.

Аргентина — крупнейшая региональная держава в Южной Америке, занимающая второе место после Бразилии по территории и третье место по численности населения (после Бразилии и Колумбии). Она также занимает второе место в Южной Америке (после Бразилии) и 21 место в мире по ВВП. Основу экономического развития страны в значительной мере составляют богатые земельные ресурсы и благоприятное сочетание климатических и географических условий для ведения сельского хозяйства, прежде всего, животноводства. Аргентина не только полностью обеспечивает себя продовольствием, но и экспортирует его. Она принадлежит к числу самых значительных производителей и экспортеров мяса, в основном говядины, и является одной из ведущих стран мира по сбору зерновых и табака, что приносит ей свыше 50% экспортных доходов. Страна также полностью обеспечивает себя энергетическими ресурсами и не только входит в десятку ведущих стран мира по запасам урана, но и хорошо известна своими научными разработками в области ядерной энергетики и урановой промышленности.

Аргентина входит в число 20 крупнейших национальных экономик мира («Большая двадцатка»), является членом ООН с момента ее основания и играет заметную роль во множестве международных организаций таких, например, как ЮНЕСКО, ВТО, ВОЗ, ФАО, МАГАТЭ, МБРР, МВФ, Интерпол и др. Она участвует практически во всех основных межамериканских структурах и интеграционных объединениях латиноамериканского региона. Придерживаясь в своей политике многосторонности в решении ключевых региональных и международных проблем, Аргентина является одним из наиболее активных участников миротворческих операций под эгидой ООН.

Мексика явно выделяется среди стран Центральной и Северной Америки уже хотя бы потому, что по совокупности основных параметров она занимает прочное место в ряду наиболее крупных региональных культурно-цивилизационных систем. Так по площади территории она находится на 13-м месте в мире, по численности населения (около 125 млн чел.) — на 11-м, и на 15-м месте в мировом рейтинге по размеру ВВП. Мексика —

одна из наиболее экономически развитых стран на Американском континенте, как в индустриальном, так и в аграрном отношении, что по праву дает ей основание быть членом Большой двадцатки (G-20). Она занимает одно из ведущих мест в Америке по добыче нефти, природного газа, железной руды, серы, руд сурьмы, ртути, графита; имеет хорошо развитую черную и цветную металлургию, машиностроение, нефтехимическую, хлопчатобумажную и пищевую отрасли. В сельском хозяйстве преобладает растениеводство – кукуруза, пшеница, рис, соя, бобы, хлопчатник, кофе, фрукты. Хорошо развита лесопромышленность. Мексика принимает активное участие в системе международных экономических отношений, являясь членом почти всех международных и латиноамериканских межгосударственных и общественных организаций таких, например, как ООН, Организация американских государств (ОАГ), Международный банк реконструкции и развития (МБРР), Международный валютный фонд (МВФ), Всемирная торговая организация (ВТО), Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Организация по сотрудничеству в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТЭС), Центральноамериканский общий рынок (МсСау), Агентство по запрещению ядерного оружия в Латинской Америке и Карибском бассейне (ОПАНАЛ), Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и мн. др.

Вьетнам занимает важное геостратегическое положение в Юго-Восточной Азии, что в значительной степени повлияло на его непростую историю и во многом драматическую судьбу. С античности вплоть до Нового времени Вьетнам стремился противостоять притязаниям Китая, периодически попадая под его зависимость. Со второй половины XIX в. начинается колонизация Вьетнама Францией, которая сменяется японской оккупацией в период Второй мировой войны. В послевоенный период вплоть до середины 50-х годов Вьетнам ведет войну с Францией, пытающейся восстановить свои прежние колониальные позиции. В 1953 г., к французам присоединяются США, которые затем с 1965 по 1973 год ведут там полномасштабную войну, ставшую одним из крупнейших военных конфликтов второй половины XX в. Эта война оставила глущо-

кий след в новейшей истории Вьетнама, а также США и СССР, сыгравших в ней немаловажную роль. После объединения Северного и Южного Вьетнама в 1975 г., произошла еще одна — китайско-вьетнамская война, окончание которой в 1979 г. еще почти десятилетие сопровождалось военными столкновениями.

И только в последние три десятка лет, после того как в 1986 г. вьетнамское руководство объявило о начале проведения «политики обновления», произошла частичная либерализация экономической системы и значительное расширение контактов с зарубежными странами. Поскольку в политической сфере такой курс предусматривал постепенную и осторожную либерализацию социально-экономической жизни под строгим контролем государства и коммунистической партии, многие иностранные компании, особенно работающие в сфере бытовой электроники и высоких технологий, стали переносить свои производственные и научно-исследовательские структуры из соседнего Китая во Вьетнам. Основные причины таких тенденций заключаются в более дешевой рабочей силе, налоговых льготах и близости к уже существующим заводам и логистическим центрам в Китае, Корее, Японии. Среди крупнейших инвесторов выделяются такие всемирно известные фирмы как Samsung (производство смартфонов), Panasonic (производство бытовой электроники), LG Electronics (производство телевизоров), Intel (производство микросхем) и др.

Являясь аграрной страной с развивающейся промышленностью, Вьетнам к настоящему времени вышел на 49 место в мире по ВВП; при этом занимает 14-ю позицию в мире по численности населения, которое составляет почти 100 млн человек, и 66-ю позицию по размеру территории. Страна состоит полноправным членом в 63 международных межправительственных организациях, таких, например, как ООН, АСЕАН, ВТО и еще в 650 неправительственных организациях. Столь внушительные показатели делают Вьетнам достаточно влиятельным членом международного сообщества и видным субъектом международных отношений.

Казахстан — постсоветское государство, расположенное на границе Европы и Азии, большая часть которого находится в Азии, меньшая — в Восточной Европе. Страна с населением

около 18 млн человек (62 позиция в мире), занимает 9 место в мире и 4 в Азии по площади территории. Имея достаточно высокоразвитую экономику, она находится на 53 месте в мире по размеру ВВП. Казахстан обладает многочисленными полезными ископаемыми, занимая первое место в мире по разведанным запасам цинка, вольфрама, барита, второе по запасам серебра, свинца и хромитов, третье — по меди и флюориту, четвертое — по молибдену, пятое — по золоту. Обладая 21% от мировых разведанных запасов урановых месторождений (2-е место в мире), и занимая 3-е место среди всех стран по объему добычи урана, Казахстан в 2009 г. вышел на первую позицию по поставкам концентрата урана на мировой рынок. Важной составляющей экономики страны являются также нефть и газ. Так, объем только доказанных запасов нефти составляет 3,2% от уровня мировых запасов, а по газу этот показатель составляет 1,7%.

Казахстан поддерживает дипломатические отношения со всеми государствами ООН; а его основными геополитическими партнерами являются: Россия, Китай, Япония, Европейский союз, США и др. Казахстан участвует во многих миротворческих операциях и оказывает финансовую помощь и прочее содействие соседним менее развитым странам. Является членом ООН, ОБСЕ, СНГ, ЕАЭС ШОС, ОДКБ, ВТО, Совета тюркоязычных стран, и др., страна по праву признается важной стабилизирующей силой в центральноазиатском регионе.

Польша располагается в Центральной Европе, занимая 69 место в мире и 9 в Европе по территории. С населением около 40 млн, она находится на 35 позиции среди других стран. Являясь индустриально-аграрной страной с развивающейся экономикой, Польша занимает 25 место в мире по объему ВВП. Наиболее развито машиностроение, в особенности, судостроение, производство железнодорожных вагонов, строительных машин, станков, двигателей, промышленного оборудования и др. Достаточно хорошо развито сельское хозяйство, где преобладает растениеводство, в частности, зерновые, сахарная свекла, овощи, фрукты. Значительные экономические выгоды страна извлекает из членства в Европейском союзе, что обеспечивает ей финансовую поддержку и зону свободной торговли.

В этническом отношении современная Польша — одно из самых мононациональных государств мира; коренное население насчитывает более 95%. Значительная часть поляков — около 20 миллионов человек, проживает за рубежом, в основном в США и Германии. Польша — активный член многих международных организаций, в частности, ООН, Европейского союза, ВТО, МВФ, Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), ОБСЕ, Совет Балтийских Государств, НАТО и др. В 2007 г. вошла в Шенгенскую зону.

Украина — восточноевропейское государство, образованное в 1991 г. после распада СССР. В составе Советского Союза Украина была одной из наиболее развитых союзных республик, с точки зрения развития промышленности, сельского хозяйства, военно-промышленного комплекса и наличия научно-инженерных и управленческих кадров. Первые годы существования государства ознаменовались резким падением производства, в особенности в области высоких технологий и машиностроения. Сегодня Украина, обладающая самой большой территорией из государств, целиком находящихся в Европе, занимает 44 место в мире по этому показателю. С населением около 43 млн человек, она находится на 32 позиции в мире и занимает 63 место в мировом рейтинге по объему ВВП. В мировом рейтинге ведения бизнеса *Doing Business* — 2016 Украина заняла 83-е место из 189. Являясь индустриально-аграрной страной, а также располагая богатыми сельскохозяйственными угодьями и минеральными ресурсами, Украина имеет потенциальные возможности стать ведущей европейской экономикой. Однако этому препятствует политическая нестабильность и слабость государственного управления, острое противостояние с Россией и военный конфликт на востоке страны.

После провозглашения независимости Украина приступила к созданию вооруженных сил на основе доставшихся ей огромного военного потенциала и армейских соединений, оснащенных современным оружием, в том числе и ядерным. Наследие было впечатляющим: до 5500 танков, более 4000 боевых машин пехоты и бронетранспортеров, большое количество реактивных систем залпового огня и артиллерии. «Также Украине достались в наследство огромные и мощные военно-воздушные

силы — около 1100 боевых самолетов, представленные самыми современными на тот момент бомбардировщиками, истребителями и транспортниками... Огромными были и запасы ядерного оружия и стратегических носителей — 176 межконтинентальных баллистических ракет (правда, к 1996 г. все ядерное оружие и его носители были либо переданы РФ, либо уничтожены, зачастую на средства предоставленные США)¹. На 1 июня 1996 г. на территории Украины не осталось ни одного ядерного боезаряда или боеприпаса.

С 1992 г. вооруженные силы Украины участвуют в международных миротворческих операциях ООН, в частности, направляли свои подразделения в такие страны как Ангола, Косово, Македония, Гватемала, Таджикистан, Афганистан, Хорватия, Кувейт, Сьерра-Леоне, Грузия, Ирак, Ливан и др. Украина достаточно широко представлена в международных организациях; в частности, она является членом ООН, МВФ, ОБСЕ, ВТО, МАГАТЭ, Совета Европы и др. В 2014 г. Украина подписала Соглашение об ассоциации с Европейским Союзом, включающее положения о создании углубленной и всеобъемлющей зоны свободной торговли.

Эфиопия — одно из самых древних независимых государств Африки, возраст которого составляет около 2000 лет. Сегодня это вторая по демографическому показателю (после Нигерии) страна в Африке, которая с населением более 100 млн человека занимает 13 место в мире по численности населения и 26 место по площади территории. Хотя Эфиопия и относится к числу наименее развитых стран мира, где главную роль в экономике до сих пор играет натуральное сельское хозяйство, а уровень урбанизации один из самых низких на африканском континенте, тем не менее, в ряду других крупных африканских стран, таких как Ангола, Кения, Конго, Танзания, Намибия и др. она явно выделяется². И не только потому, что эта густонаселенная

¹ *Нерсиян Л.* Военное наследие СССР оказалось чрезмерным для Украины / Информационное агентство REGNUM. 29.06.2013. URL: <https://regnum.ru/news/polit/1677927.html>

² ЮАР и исламские государства Африки уже рассматривались в другом контексте выше, поэтому не учитываются в данном сравнительном анализе.

и с богатой историей страна занимает сравнительно высокое — 71-е место в мире по объему ВВП, но и потому, что является одной из самых быстрорастущих экономик в Черной Африке. Так, согласно исследованиям Немецкого банка (Deutsche Bank), с 2004 по 2010 год ежегодный рост ее ВВП составлял 10% и более, а за последние пять лет в среднем равнялся 8,7. Страна далеко ушла от голодных 1980—1990-х гг., а население все больше урбанизируется, появляется средний класс. Доля бедного населения сократилась с 56% в 2000 г. до 31% в 2010-м.¹ В 2013 г. Правительство Эфиопии объявило об открытии крупнейшей обсерватории в Восточной Африке и развитии собственной космической программы. Вместе с тем, в Эфиопии все еще один из самых низких в мире ВВП на душу населения и большая зависимость от финансовой помощи со стороны МВФ и других кредиторов.

Экономика страны почти полностью зависит от состояния сельского хозяйства, основу которого составляют земледелие и скотоводство. При этом $\frac{2}{3}$ всего дохода поступает от экспорта кофе, по производству которого страна занимает одно из ведущих мест в мире. При этом промышленность, в частности, горнодобывающая и обрабатывающая развиты слабо; активно работают в основном предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции и легкой промышленности. Экономическому развитию Эфиопии мешают периодические засухи, нехватка энергетических ресурсов и огромные военные расходы, поглощающие значительную долю ресурсов страны. Вместе с тем, благодаря облегчению таможенных режимов, уровень инвестиций в экономику страны в последние годы значительно вырос. Среди главных инвесторов: Китай, Индия, Саудовская Аравия, которые активно скупают, в том числе и сельскохозяйственные земли, чтобы использовать их, прежде всего, в своих интересах.

¹ *Schaffnit-Chatterjee C.* Ethiopia: The African tiger / Deutsche Bank Research. 14.10.2013. URL: [http://www.dbresearch.com/servlet/reweb2.ReWEB?document=PROD000000000322096&rwnode=DBR_INTERNET_EN-PROD\\$NAVIGATION&rwobj=ReDisplay.Start.class&rwsite=DBR_INTERNET_EN-PROD](http://www.dbresearch.com/servlet/reweb2.ReWEB?document=PROD000000000322096&rwnode=DBR_INTERNET_EN-PROD$NAVIGATION&rwobj=ReDisplay.Start.class&rwsite=DBR_INTERNET_EN-PROD)

Эфиопия — активный участник многих международных организаций. Она была в числе членов Лиги наций и является одним из государств-основателей ООН, а также Организации африканского единства. В 1963 Аддис-Абеба стала местом проведения Первой Конференции Африканского саммита. Эфиопия является также членом МВФ, МАГАТЭ, МБРР, Африканского банка развития, Движения неприсоединения, Международной организации по вопросам миграции и мн. др.

2.13. «Лоскутное одеяло» планетарного социума

Мировое сообщество, представленное сегодня почти двумя сотнями национальных государств, а также еще дюжиной самопровозглашенных и непризнанных территориальных и этнических образований, являет собою поистине «лоскутное одеяло» на теле планеты. Оно покрывает всю поверхность Земли, за исключением, пожалуй, международных вод морей и океанов, да Антарктиды, территориальные претензии на которую были лишь бессрочно заморожены, но не ликвидированы как таковые, согласно Договору об Антарктике, действующему с 1961 г. Таким образом, на относительно небольшом пригодном для жизни пространстве планеты сосуществует множество всевозможных государств и иных структур, организаций, объединений — субъектов международных отношений, которые не столько сотрудничают и конструктивно взаимодействуют, сколько конкурируют, соперничают, противоборствуют и враждуют друг с другом. Преследуя, в первую очередь, свои национальные и корпоративные интересы, они предпринимают титанические усилия, чтобы отстоять суверенитет, независимость, автономию, проводя при этом, как правило, эгоистическую внешнюю политику. И это противоборство проявляется уже не только в противостоянии «богатого Севера — бедному Югу», но и в столкновении культур, ценностей, религиозных верований, традиций Востока и Запада, на что еще в начале 1990-х гг. обратил внимание С. Хантингтон в своей нашумевшей книге «Столкновение цивилизаций»¹. Прошедшее с тех пор почти четверть века, хотя и характеризуется

¹ См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.

тем, что единое мировое пространство еще больше сомкнулось благодаря спутниковым средствам связи Интернету, современным телекоммуникациям и развившимся транспортным средствам передвижения, тем не менее, это не дает оснований говорить о таком же, или хотя бы пропорциональном сближении мировоззренческих позиций Востока и Запада; как не наблюдается и роста взаимопонимания между богатыми и бедными странами.

Выше мы уже рассмотрели наиболее значительные культурно-цивилизационные системы, которые, прежде всего, и определяют мировую политику в различных сферах общественной жизни. Вместе с тем, было бы неправильно оставить без внимания множество других общественных систем, каковыми являются страны, менее значительные по своему влиянию в мировом масштабе, а также всевозможные общественные структуры и образования, претендующие на статус субъектов международных отношений. К ним с полным на то основанием можно отнести непризнанные «государства», территории с неопределенным статусом и зависимые территории. Не имея официального статуса государств, такие территории все же имеют все признаки, характерные для отдельных стран. В этой связи важно подчеркнуть, что *страна* — это, прежде всего, социально-экономическая и культурно-историческая общность людей, проживающих на определенной территории, которая может изменяться в своих границах, но всегда сохраняет свою целостность в пределах указанных параметров. *Государство* же — страна с той или иной политической организацией общества, где при наличии верховной власти имеется многоуровневая система органов управления как страную в целом, так и различными сферами общественной жизни. Иными словами, государство — это не столько территория и проживающее на ней население, сколько границы этой территории и структуры управления обществом. Таким образом, страна может быть или не быть государством, тогда как государство — это всегда страна с тем или иным политическим режимом, формой правления и территориально-экономическим устройством. Таким образом, поскольку понятие «страна» более широкое, чем понятие «государство», то и реальное количество стран превышает ко-

личество официально признанных государств. По состоянию на 2017 г., в мире насчитывалось около 250 стран, из которых только 195 имели статус независимых государств (193 государства-члена ООН и 2 наблюдателя — Ватикан и Палестина).

В условиях многоаспектной глобализации отмеченная детализация общественных систем современного мира имеет принципиальное значение, так как теперь сколь могущественными и развитыми не были бы ведущие страны мира, все они многими узлами (экономическими, политическими, информационными, экологическими и т.п.) так или иначе, прямо или косвенно тесно связаны с любым субъектом международных отношений. Образные выражения специалистов в области глобалистики, что все мы теперь «жители одной большой деревни по имени Земля» или «пассажиры одной лодки, плывущей в просторах мирового океана» как нельзя лучше выражают суть этой всеобщей взаимозависимости современного человечества. В таких условиях даже, казалось бы, одной небольшой страны, оказавшейся в ситуации «изгоя» в среде мирового сообщества может быть вполне достаточно, чтобы все это сообщество ощущало периодическое, а то и постоянное напряжение и беспокойство по поводу сохранения всеобщего мира и безопасности. Ситуация вокруг Северной Кореи далеко не единственный пример подобного рода. Если принять во внимание также «горячие точки» планеты и множество иных источников международной напряженности, о чем будет сказано ниже, то вполне очевидно, что настоящее и будущее мирового сообщества не может быть благополучным без учета интересов абсолютно всех участников международных отношений. Насколько это реально и возможно, рассмотрим в следующих главах; теперь же до полной картины архитектоники глобального человечества назовем наиболее острые источники напряжения современного мира.

2.14. Зоны нестабильности и «горячие точки» планеты

Вся история человечества буквально пестрит примерами различных форм противоборства, насилия, противостояния и столкновения интересов как отдельных индивидов, так и всевоз-

можных общественных структур, от небольших организованных групп и коллективов вплоть до национальных государств и их всевозможных альянсов. Все это неизменно сопровождается многочисленными проблемами, напряжениями, конфликтами, рисками и кризисами. Если обратиться к современности то, казалось бы, она в этом отношении не слишком отличается от прошлых времен — вокруг все та же борьба, противостояние, зоны нестабильности и «горячие точки», где отстаивание интересов сопровождается насилием и применением оружия. Но это сравнение было бы неполным. Конечно, противоречивая и агрессивная природа человека, даже смягченная под воздействием цивилизованных форм воспитания и образования, как показывает реальная практика, так или иначе проявляется, как только для этого складываются определенные обстоятельства. А вот что действительно менялось с течением времени — так это масштабы и степень угроз, которые становились тем больше и тем сильнее проявлялись, чем быстрее мировое сообщество продвигалось по пути научно-технического прогресса, и чем скорее оно приближалось к своим естественным глобальным пределам. Иными словами по мере перехода человечества от локально организованных очагов общественной жизни до образования региональных структур, связей и отношений, а затем и до глобального уровня соответственно росли и масштабы проблем и противоречий, с которыми сталкивался человек.

Теперь, на исходе второго десятилетия XXI в., мы с полным на то основанием можем сказать, что человечество практически по всем параметрам своего бытия живет уже в ситуации глобальных проблем и глобальных рисков. При этом как локальные, так и региональные конфликты и противоречия никуда не делись. Только теперь они сосуществуют все вместе, буквально наслаиваясь друг на друга, переплетаясь, а то и вовсе завязываясь в тугой узел на всех уровнях организации общественной жизни (от локального до глобального), усложняя при этом и без того непростую ситуацию. Для ее описания теперь используется даже специальный термин — «глокализация». И нет достаточных оснований полагать, что для людей когда-нибудь наступит безоблачное, беспроблемное будущее, ибо противоречива сущность самого человека, общественных отношений, наконец, законов

функционирования биосферы. Так из чего же следует исходить в нашей повседневной практике, и что мы должны учитывать сегодня в первую очередь?

Во-первых, необходимо признать, что начавшийся еще в эпоху Великих географических открытий процесс территориальной глобализации к началу XX в. практически завершился, а к началу XXI в. глобализация достаточно четко проявилась уже практически по всем параметрам общественной жизни. Это означает, что на Земле теперь уже не осталось мест, свободных от антропогенного воздействия, и абсолютно вся территория планеты, включая сушу и водные просторы, становится единым полем борьбы, на котором сталкиваются всевозможные интересы несметного количества различных субъектов общественных отношений. При этом экономические, политические, культурные, информационные потоки, связи и отношения безвозвратно вышли за рамки отдельных стран, тех или иных народов, перестав быть только их вотчиной и прерогативой. На это обратил внимание В.И. Ленин еще в начале XX в. когда писал: «Характерной чертой рассматриваемого периода является окончательный раздел земли, окончательный не в том смысле, чтобы не возможен был передел, — напротив, переделы возможны и неизбежны, — а в том смысле, что колониальная политика капиталистических стран закончила захват незанятых земель на нашей планете. Мир впервые оказался уже поделенным, так что далее предстоят лишь переделы, т.е. переход от одного владельца к другому, а не от бесхозяйности к хозяину. Мы переживаем, следовательно, своеобразную эпоху всемирной колониальной политики, которая теснейшим образом связана с “новейшей ступенью в развитии капитализма”, с финансовым капиталом»¹.

Прошло более ста лет с тех пор, как были сказаны эти слова, но и теперь по социокультурным, политическим и идеологическим основаниям человечество, как и прежде, остается гетерогенным. Может ли оно реально стать согласованно действующим глобальным сообществом? Это большой вопрос, поскольку положительный ответ на него с необходимостью предполагает

¹ Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма // В.И. Ленин. ППС. 5-е изд. Т. 27. М., 1962. С. 374.

серьезную трансформацию мировоззренческих позиций, сложившихся культур, ценностных установок, что в обозримой перспективе, вне революционных перемен и потрясений представляется маловероятным.

Во-вторых, последнее десятилетие XX в. сопровождалось как фундаментальными структурными изменениями в странах бывшего социалистического лагеря, так и тектоническими сдвигами в мировых делах, что повлекло и новую расстановку сил на мировой арене, и новый взгляд на происходящие события. На какое-то время разрушение мировой социалистической системы отвлекло внимание от процессов глобализации и порождаемых ею глобальных проблем. Но теперь, спустя более двух с половиной десятилетий, эти события все больше рассматриваются как звенья одной цепи.

Мировое сообщество уже практически полностью сформировалось в единую, целостную систему, раздираемую различными противоречиями, которые порождают принципиально новые проблемы и угрозы, в то время как прежние по большей части остаются нерешенными и никуда не делись. В итоге, при непрекращающихся военных конфликтах и жесткой экономической, культурной, конфессиональной конфронтации, международной напряженности усиливается, а человечество, как и прежде, балансирует на грани самоуничтожения. И было бы большим заблуждением полагать, что с распадом СССР и некоторым временным ослаблением противостояния ядерных держав, эта угроза стала менее актуальной, чем прежде. К оружию массового поражения теперь добавились неограниченные возможности техногенной цивилизации. Они вкуче с глобализацией сделали международным, глобальным явлением проблемы и опасности, которые до этого оставались региональными, локальными, частными. Например, отдельные акты и формы проявления террора всегда имели место в истории человечества, но только современные средства связи и передвижения, технические достижения и новейшие технологии делают его глобальным феноменом и опаснейшим явлением для всего человечества.

Также и с неконтролируемой миграцией населения, которое под влиянием глобальных процессов во все больших масштабах перемещается из зон военных конфликтов, слаборазвитых

и перенаселенных территорий в места более благоприятные для проживания. В этой связи, за новыми угрозами, в том числе и за беспрецедентными террористическими актами насилия с участием международной преступности необходимо увидеть, в первую очередь, объективные основания и закономерности, чтобы успешно бороться не только с явлениями, но и породившими их причинами, рассматривать которые теперь уже нельзя вне контекста глобализации. Именно совокупность всех указанных выше факторов и накладывающиеся на них интересы наиболее влиятельных сил и субъектов международных отношений, как раз и становятся по большей части источником и питательной средой для большинства локальных и региональных конфликтов, наиболее острые из которых заслуживают особого внимания.

В этом отношении Северная Африка и, в особенности Ближний Восток, где авторитарные режимы, столкнувшиеся с современными технологиями проведения «цветных революций» при наличии серьезных межэтнических и религиозных разногласий, породили хаос и беспорядок, являются, пожалуй, наиболее показательными¹. Поскольку в этом арабо-мусульманском регионе и, в первую очередь на Ближнем Востоке, тесно переплелись также геополитические интересы Турции, Ирана, России, США, Саудовской Аравии и ряда европейских государств, то *Ирак, Сирия, Сектор Газа, наконец, Курдистан, Палестина* стали не только зонами нестабильности, но и очагами «горячих точек», театрами военных действий. В последние годы регион захлестнули гражданские войны, и началась по существу полномасштабная война, в частности, с самопровозглашенным исламским государством «ИГИЛ».

Ирак после свержения в 2003 г. авторитарного режима Саддама Хусейна, так и не ставший зоной стабильности и мирного развития, оказался в центре событий на Ближнем Востоке. В стране началась гражданская война, которая идет и по сей день. Наиболее драматический сценарий конфликтной ситуации стала обретать с 2013 г., когда террористы ИГИЛА заявили

¹ Топ 10 горячих точек в современном мире // dictat. 11.05.2016. URL: <http://dictat.net/top-10-goryachix-tochek-v-sovremennom-mire>

о том, что собираются создать на территориях Ирака и Сирии исламское государство — халифат и вступили с правительственными войсками в масштабные вооруженные действия. В итоге им удалось захватить огромные территории от границ Багдада до сирийского города Алеппо, в том числе и богатые нефтяные районы, что позволило им получить значительные материальные ресурсы.

Сирия стала еще одной страной, в которой противостояние между правительственными и оппозиционными силами вылилось в полномасштабную гражданскую войну, осложнившуюся еще и вовлечением в военные действия ИГИЛ и множества террористических группировок — радикально настроенных исламистов, а также значительного количества иностранных государств, которые выступают по разные стороны баррикад. В итоге, горячие точки, изначально разбросанные по всей стране, превратили Сирию в настоящий полномасштабный театр активных военных действий.

Сложной обстановкой в данном регионе воспользовались **курды**, которые являются самым большим народом без собственного государства, и которые добиваются установления такового еще с тех времен, когда после Первой мировой войны в результате раздела бывших территорий Османской империи их интересы были проигнорированы. Теперь они, разделенные и проживающие на территориях сопредельных государств (Ирака, Сирии, Турции и Ирана), стремятся к созданию независимого курдского государства.

В число горячих точек уже давно входит **Сектор Газа**, где на протяжении десятилетий то затухает, то вновь разгорается конфликт между Израилем и палестинской группировкой Хамас. Стороны не воспринимают аргументы друг друга, поскольку Хамас требует убрать экономическую блокаду сектора Газа и освободить заключенных, тогда как Израиль не идет на это, считая Хамас террористической организацией.

С тех пор как в 2011 г. в **Ливии** начались народные волнения, повлекшие затем гражданскую войну и свержение режима М. Каддафи, страна продолжает оставаться одной из самых горячих точек на карте мира. Результатом гражданской войны, в которую с самого начала на стороне повстанцев вмешались

Франция, Великобритания и силы НАТО, стал фактический развал Ливии как единого государства, когда реальная власть перешла к множеству военных группировок, организовавшихся по территориально-племенному принципу. После проникновения в Ливию в 2014 г. ИГИЛ и вступления его в конфликт в качестве «третьей стороны», гражданская война получила новый импульс в виде противостояния между исламскими силами с одной стороны, и правительственными войсками с другой.

Из-за военных действий в Ливии, на территорию соседнего государства **Мали** хлынули массы вооруженных людей и беженцы — тауреги, которые в северной части этой страны образовали самопровозглашенное квазигосударство «Азавад». Меньше чем через год там произошел военный переворот, и в ситуацию вмешалась Франция, которая ввела свои войска на территорию Мали с целью борьбы с радикально настроенными исламистами. И хотя «Азавад» перестал существовать, изменений в лучшую сторону не наступило: военные действия между правительством, французами, туарегами, сопровождаемые постоянными террористическими актами стали повседневной реальностью этой страны.

Но Мали это только одна из стран **региона Сахель** — африканской территории шириной порядка 400 км, разделяющей Сахару на севере и более плодородные земли на юге континента. В этот регион, превратившийся в оплот беззакония, наркотрафика и сбыта оружия помимо других стран входят также Судан, частично Нигерия. В **Судане**, после окончания британского владычества и провозглашения в 1956 г. независимости начались вооруженные конфликты, которые дестабилизировали страну на многие годы. Отделение в 2011 г. **Южного Судана** не принесло мира и процветания этой земле. Затяжная война между севером и югом Судана привела к гуманитарной катастрофе, которая, усиленная засухой, голодом и пришедшей в упадок социальной сферой вынудила огромные массы людей стать беженцами.

В **Нигерии**, где с 2002 г. действует террористическая исламская организация под названием «Боко Харам», выступающая за установление на территории всей страны законов шариата, также большая степень напряженности, в особенности там, где целые регионы страны находятся под властью исламской

группировки. Правительство предпринимало неоднократные попытки договориться с террористами, но пока не в состоянии справиться со сложившейся ситуацией.

Помимо рассмотренных выше, в исламском мире немало и других стран, где нестабильность, терроризм и война стали обычным явлением. Среди таких стран особо выделяются *Афганистан*, *Йемен*, *Сомали* и др. Так, история **Афганистана** — это по существу история постоянных войн. А с тех пор как в 1978 г. там произошел очередной переворот, в стране не прекращается военное противостояние, усугубившееся тем, что Афганистан стал ареной борьбы между СССР и США. После ухода советских войск к власти в стране пришла исламская группировка «Талибан», правление которой сопровождалось радикальной исламизацией страны, разрушением памятников архитектуры мирового значения и рекордным ростом производства наркотиков. После террористических актов 2001 г. и ввода в Афганистан войск США, начался новый виток обострения и продолжение гражданской войны. Длительное пребывание в Афганистане военного контингента США и сил НАТО никак принципиально не повлияло на снижение напряженности в стране, а вывод в 2014 г. основных оккупационных сил только обострил обстановку, придав дополнительный импульс активности движению Талибан и боевикам из различных группировок.

Не менее сложная ситуация и в **Сомали**, где с 1988 г. идет гражданская война, начавшаяся как протест против авторитарной власти. В итоге, на фоне противостояния правительства и радикальных исламистских групп в стране начались межклановые распри и расцвет пиратства, а на севере появилась самопровозглашенная республика Сомалиленд. В 2011 г. революционные события развернулись и в **Йемене**, которые вылились в вооруженный конфликт между шиитской группировкой «Ансар Аллах» и правительственными силами. В конфликте на стороне правительства приняла участие коалиция арабских государств во главе с Саудовской Аравией. Так появилась еще одна горячая точка, теперь уже на юге Аравийского полуострова.

Названные страны и регионы составляют далеко не полный список тех из них, где сегодня происходят столкновения интересов в наиболее острой форме, с применением оружия и иных

форм и методов насильственной борьбы, включая и терроризм¹. Так, в **Мексике**, где при попустительстве коррумпированных властей десятки лет имело место противостояние между местными наркокартелями, попытки нового правительства изменить существующую ситуацию силовым путем привели к тому, что вся страна оказалась в состоянии войны и нестабильности, а мафия приобрела еще большую власть и значительно расширила зону своего влияния.

Колумбия еще одна страна, где начавшийся еще в 1964 г. затяжной, сопровождаемый военными столкновениями конфликт, продолжался более 50 лет — вплоть до 2016 г. В эту гражданскую войну были вовлечены: правительство, марксистские партизанские группировки, Армия национального освобождения, а также ультраправые военизированные формирования, в результате чего погибли десятки тысяч мирных граждан. Другой источник конфликта в данном регионе — незаконный оборот наркотиков, который был чрезвычайно широко распространен в стране и за ее пределами в период между 1993 и 1999 гг. В то время Колумбия стала основным производителем коки и кокаина в мире, а также одним из основных экспортеров героина².

В других регионах планеты также не все благополучно. Так, например, потенциальной зоной вооруженных конфликтов будущего является Южно-Китайское море, а то и вся западная часть Тихого океана, где сходятся интересы многих стран на фоне значительного количества спорных неурегулированных вопросов. Основная проблема здесь в том, что государства, чьи территории прилегают к Южно-Китайскому морю, бурно развиваются и решительно настроены использовать свою растущую силу и потенциал для защиты национальных интересов. США также всегда рассматривали этот район как имеющий важное стратегическое значение. А для Китая Южно-Китайское море и вовсе естественное направление его экспансии, что вполне

¹ Мельниченко А. Самые горячие точки на карте мира // HYSER, 17.10.2015. URL: <http://hyser.com.ua/politics/samye-goryachie-tochki-na-karte-mira-29493>

² Колумбия: кокаин всему голова // Свободная Пресса. 05.02.2015. URL: <http://svpressa.ru/post/article/111941/>

объясняет ту активную и даже агрессивную политику, которую он все настойчивее проводит в данном регионе в последнее время¹.

Значительную угрозу для стабильного развития Дальнего Востока и мира в целом представляет собою Северная Корея, которая провела уже несколько испытаний ядерного оружия и средств его доставки, тогда как ее предельно идеологизированный и авторитарный режим придерживается агрессивной внешней политики, используя методы шантажа и угрозы.

Серьезное беспокойство вызывают и многие зоны нестабильности, а также горячие точки, появившиеся на постсоветском пространстве после относительно мирного распада Советского Союза. Одним из первых такого рода противоречий стал военный конфликт в **Приднестровье** 1989–1992 годов, в результате чего была провозглашена непризнанная и по настоящее время Приднестровская Молдавская Республика. Затем в 1991–1994 гг., разразилась еще одна локальная война — в **Нагорном Карабахе**, где после объявления независимости этой территории ситуация и по сей день остается весьма напряженной, а нерешенные противоречия в любой момент могут обернуться новыми боевыми действиями.

В 1992–1993 гг. разгорелась **Грузино-абхазская война**, в результате чего сотни тысяч гражданских лиц, в основном грузин, были вынуждены покинуть свои дома и стать беженцами, а обширные районы некогда благодатного края почти полностью опустели. **Республика Абхазия**, провозгласившая свою независимость в 1994 г., как и **Южная Осетия**, вступившая в острый конфликт с Грузией и принявшая в 1991 г. Декларацию о независимости, получили в 2008 г. от России признание в качестве самостоятельных государств. Однако в документах ООН, а также Парламентской ассамблеей Совета Европы, США и Европейской комиссией они и сегодня рассматриваются в качестве грузинской территории, что сохраняет вокруг них соответствующую напряженность и потенциальную возможность возобновления новых военных действий. Именно таковые и произош-

¹ Думаете, что мир нестабилен? Это еще цветочки // InoPressa. 17.03.2017. URL: <https://www.inopressa.ru/article/02Sep2011/foreignpolicy/2025.html>

ли в августе 2008 г., когда начавшийся вооруженный конфликт между Южной Осетией и Грузией закончился пятидневной Российско-Грузинской войной.

После распада СССР наиболее серьезным испытанием для России стала **чеченская война**, начало которой было положено в 1991 г., вооруженным переворотом во главе с отставным генералом Д. Дудаевым, в результате чего образовалась самопровозглашенная **Чеченская республика Ичкерия**, заявившая о своей независимости. Эта, по сути своей гражданская война, продолжавшаяся фактически до 2009 г., имела две острые фазы, именуемые Первой (1994–1996) и Второй (1999–2002) чеченскими войнами. Российская армия вела боевые действия против сепаратистов. И хотя первая фаза войны закончилась подписанием в 1996 г. Хасавюртовского соглашения, никакого мира и спокойствия после этого в регионе не наступило. Как и прежде продолжались убийства и похищения людей, а за пределами мятежной республики проводились террористические акты, что привело ко второму этапу активных военных действий, начавшихся в 1999 г. Во Второй чеченской войне вооруженные силы России вели активные боевые действия до 2000 г., после чего, по мере установления контроля над республикой, дальнейшую борьбу с бандформированиями и наведение порядка взяли на себя местные власти.

Постсоветская **Центральная Азия** также стала зоной серьезных конфликтов, в которые из-за территориальных претензий ввязались Узбекистан, Таджикистан и Киргизия. Другая причина нестабильности в регионе — наркотрафик в Восточном полушарии, из-за которого постоянно сталкиваются местные преступные группировки.

Наконец, еще один, вышедший далеко за пределы региона и получивший широкий международный, поистине глобальный резонанс конфликт, разгорелся на **Украине**. Кризис, начавшийся в ноябре 2013 г., привел к политическому перевороту и смене власти в Киеве, что послужило поводом для присоединения в марте 2014 г. полуострова Крым к России. В апреле 2014 г. начались боевые действия на территории Донецкой и Луганской областей Украины, где были провозглашены непризнанные до настоящего времени Донецкая Народная Республика (ДНР) и Луганская Народная Республика (ЛНР). Несмотря на

подписанные в 2014 и 2015 гг. Минские мирные соглашения, они не положили конец военным действиям, которые продолжаются и по сей день, вызывая каждый раз после очередного обострения громкий резонанс во всем мире.

В данной главе на основе экспертной оценки автора были обозначены наиболее важные и активно взаимодействующие субъекты международных отношений, а также названы основные, но далеко не все конфликтные зоны и конкретные места военных действий на планете. Но и сказанного вполне достаточно, чтобы сделать неутешительные выводы относительно современного человечества — оно еще очень далеко от того будущего, когда на планете установится взаимопонимание и мир между народами. Да и этот оптимистичный взгляд на историческую перспективу пока что не больше, чем благое пожелание, вероятность осуществления которого следовало бы поставить под большой вопрос.

Выводы

1. С тех пор, как появились самостоятельные государства, вначале фрагментарно, а затем и глобально устроенное мировое сообщество всегда было и теперь остается разноплановым и полифоничным, где множество неравнозначных центров принятия экономических, политических и т.п. решений составляет вполне определенную структуру.
2. Под влиянием процессов глобализации мировое сообщество к началу XXI в. в полной мере сформировалось в качестве целостной культурно-цивилизационной системы планетарного масштаба. При этом ставшее единым целым, человечество остается в то же время гетерогенным, разделенным на отдельные фрагменты и составные части, а в мировом сообществе легко обнаруживаются одновременно и высокий уровень цивилизационного развития, и рудименты прошлого: варварство и даже дикость.
3. Цивилизационное единство глобального человечества в перспективе с необходимостью будет нарастать, тогда как культурное разнообразие будет сохраняться.
4. В условиях нарастающей глобализации и перед лицом единых для всех глобальных проблем интерес к недооцененному Востоку значительно усилился. При этом в триаде Запад — Восток — Тре-

тий мир в полной мере проявилось все многообразие различных целей, стилей поведения, интересов и противоречий современного мира, которые проявляются во всех сферах общественной жизни от экономики и политики, до культуры и идеологии. Как результат – множество всевозможных государств и иных структур, организаций, объединений, которые являются субъектами международных отношений, не только сотрудничают и конструктивно взаимодействуют, но и конкурируют, соперничают, противостоят и враждуют друг с другом.

5. Сколь бы развитыми и самодостаточными или, наоборот, отсталыми не были бы те или иные страны мира, все они многими узами так или иначе тесно связаны со всеми остальными субъектами международных отношений. Образное выражение о том, что все мы теперь «пассажиры одной лодки, плывущей в просторах мирового океана» как нельзя лучше выражает суть этой всеобщей взаимозависимости мирового сообщества.

Глава 3

МАКРОСДВИГИ В МИРОВОЙ СОЦИОСИСТЕМЕ

В вечной борьбе наций и государств за превосходство главное — понять, на чьей стороне сегодня время и история.

Патрик Бьюкенен

Основные понятия:

«Демографическое цунами» — масштабная волна переселения значительных человеческих масс, угрожающая захлестнуть планету в результате неравномерного социально-экономического развития отдельных стран, и нарастающей глобализации, снимающей прежние барьеры на пути миграционных потоков.

Макросдвиг — структурные и необратимые изменения планетарного масштаба в системе международных отношений, обусловленные многоаспектной глобализацией.

Мегатренды — экономические, политические, социокультурные, технологические, экологические и т.п. тенденции глобального развития, изменяющие транснациональные отношения под воздействием глобальных процессов.

Социокультурные разломы — принципиальные противоречия, возникающие в результате соприкосновения и взаимодействия различных культурно-цивилизационных систем, имеющих значительную разницу в уровнях социокультурного и экономического развития.

Трансформация (от позднелат. *transformatio* — превращение) — модификация или изменение формы, структуры чего-нибудь.

3.1. На пороге фундаментальных трансформаций

Современное человечество стоит на пороге серьезных испытаний, ибо под воздействием процессов глобализации оно

по всем основным параметрам общественной жизни все больше становится единой, целостной системой, в то время, как механизмов управления этим качественно изменившимся миром нет, как нет и предпосылок появления их в обозримой перспективе. Но без создания такой системы управления мировое сообщество, как целостный организм, не имеет шансов на благополучное будущее. При этом неправильное понимание реальности, в частности в вопросах современного экономического и политического миропорядка, чревато серьезными последствиями, поскольку может повлечь принятие неверных решений. Избежать этого, а тем более сделать желаемые изменения реальностью, можно только посредством серьезных долговременных усилий и затрат. Иными словами, объективные тенденции глобальных изменений с необходимостью предполагают также глобальную перестройку не только в области экономики и международных отношений, но и во взаимоотношении общества с природой.

В данном контексте важно подчеркнуть, что заметно усилившийся в последнее десятилетие дисбаланс и турбулентность международных отношений — явление вполне закономерное, поскольку обусловлено, прежде всего, объективными процессами глобализации. При этом мы имеем дело с уникальной ситуацией, и все попытки провести аналогии или исторические параллели между нарастающим современным кризисом и предыдущими масштабными потрясениями такими, например, как Великая депрессия 1929—1933 гг., разразившаяся в США, — не конструктивны, так как современные процессы имеют по сути своей иную природу и иной масштаб. Америка тех времен экономически и политически была тесно связана преимущественно со странами Западного полушария, но далеко не со всем миром, когда за пределами таких отношений оставались СССР, Китай, Индия, и множество других стран. Сегодняшний же мир принципиально иной. Любое социально-политическое или финансово-экономическое не то что потрясение, а даже нестабильность в какой бы то ни было достаточно крупной стране мира порождает волну последствий практически везде. Иными словами, тогда кризис был региональный и усилий одного государства (США) в конечном счете было достаточно, чтобы его преодо-

леть. Теперь (и это впервые в истории человечества) — кризис *глобальный*, когда многоаспектная глобализация не оставляет никаких шансов какой бы то ни было стране или народу безучастно наблюдать со стороны за происходящими событиями.

По сути первой «ласточкой» наступления действительно глобального кризиса стал Азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг., когда существующие механизмы воздействия на мировую финансовую систему обнаружили свою неэффективность. Тогда ситуация выправилась, но, как видим, ненадолго. Теперь все сложнее. И если опять на какое-то время обнаружится тенденция к улучшению положения дел, то обольщаться не стоит, ибо пока еще никто не готов к кардинальной перестройке международных отношений, чтобы создать систему управления, как минимум, мировым хозяйством (не говоря уже обо всех важнейших сферах общественной жизни). Такая задача не под силу ни одному государству (будь то США или иная страна) и даже нескольким из них, объединившимся, например, в «Большую семерку», «Двадцатку» и т.п. наиболее развитых стран. В конечном счете, это может быть делом только абсолютного большинства человечества. Такой вывод становится вполне очевидным, если обратиться к реалиям современного мира.

В этой связи весьма показательным является очередной пятый по счету доклад американского Национального совета по разведке «Глобальные тенденции 2030: Альтернативные миры»¹. В нем, в частности, говорится, что увеличение населения Земли до 8,3 миллиардов человек, а это, по прогнозам авторов доклада, произойдет менее чем за 20 лет, приведет к увеличению спроса на продукты питания на 35% и почти на 100% на воду и энергоносители. При этом прогнозируется, что новые технологии добычи углеводородного сырья существенно повлияют на их цену, что приведет к сильнейшему негативному эффекту для экономик, зависящих от экспорта нефти и газа. Высказывается также предположение, что США потеряют роль ведущей мировой сверхдержавы, хотя и сохранят за собой центральную роль в мировой политике благодаря тому, что являются един-

¹ Global Trends 2030: Alternative Worlds. A publication of the National Intelligence Council. December, 2012. URL: <http://www.intelros.ru/pdf/globaltrends-2030.pdf>

ственной страной, способной создавать коалиции по решению значимых для мирового сообщества проблем. А вот экономики Европы, Японии и России, по мнению авторов доклада, ожидает упадок, тогда как самыми нестабильными регионами в предстоящие два десятилетия будут Ближний Восток и Южная Азия. Что касается развитых стран, то ведущее положение будет ослабевать, тогда как стремительно развивающиеся экономики Китая, Индии, Бразилии, Колумбии, Индонезии, Нигерии, Южной Африки, Турции будут усиливаться. При этом экономика Китая к 2030 г., весьма вероятно, обойдет экономику США, а Азия обойдет Северную Америку и Европу вместе взятые по глобальному влиянию. Также говорится о стремительном развитии коммуникационных технологий, что позволит будущим интернет-магнатам контролировать огромное количество данных, когда объемы информации, которыми они будут владеть в режиме реального времени, превысят возможности любого мирового правительства. Возрастет и опасность кибервооружений, которые будут усугубляться террористическими атаками, совершаемыми с применением биологического и кибероружия.

Насколько точными и безупречными в конечном счете окажутся приводимые выше конкретные цифры и прогнозы, покажет время, но для нас это не имеет принципиального значения, поскольку отмеченные тренды и тенденции общественного развития вполне вытекают из анализа современной ситуации, и именно они заслуживают первостепенного внимания в нашем анализе. К тому же, как подчеркивается в докладе, его авторы стремятся не «предсказывать будущее», а сформулировать «основы для размышлений о возможных сценариях будущего и их последствиях». При этом они выделяют четыре глобальных тенденции мирового развития, которые формулируются следующим образом:

1. Возрастание влияния индивидуумов;
2. Усиление многополярности в мире;
3. Серьезные демографические сдвиги;
4. Рост спроса на еду, воду и энергию.

В осмыслении и преодолении глобальных вызовов мировому сообществу ключевую роль, несомненно, играет наука, где в последние десятилетия сложилась особая сфера междисци-

плинарного знания о целостности мира и глобальных процессах — *глобалистика*. С позиции этой новой дисциплины под влиянием глобализации кардинально меняется не только мир, в котором мы живем, но и наука, образование. В частности, посредством беспрецедентно возросших возможностей телекоммуникационных и интернет-технологий они становятся все более массовыми, глобальными и открытыми, приходя в противоречие с закрытыми границами национальных государств. Как отмечается в масштабном исследовании ЮНЕСКО «Доклад по науке: на пути к 2030 г.», в 2013 г. на планете насчитывалось 7,8 млн ученых, что на 20% превысило число ученых в 2008 г. Столь быстрый рост всего за пять лет, говорится в докладе, это очень много; при таких темпах в каждом поколении количество ученых будет удваиваться. Еще более быстрыми темпами идет накопление новых знаний и фактических данных, за которыми просто не успевают создавать адекватные инструменты анализа. Достаточно сказать, что только за четыре года, с 2008 по 2013 г. число научных статей, опубликованных во всем мире, увеличилось на 23%.

Определяющим фактором современных научных исследований становится легкость установления творческих контактов и создания совместных исследовательских групп с коллегами по всему миру. Другое важнейшее завоевание последних десятилетий — открытый доступ к публикациям и содержащимся в них данным. Отсюда широкая доступность онлайн-учебных курсов, все более массовое так называемое открытое образование. Иными словами, «академические исследования и высшее образование быстро интернационализируются, что оказывает серьезное влияние на соответствующие традиционные национальные системы»¹. Вместе с тем, неуклонно растет и роль университетов, деятельность которых приобретает все более глобальный характер благодаря небывалой мобильности студентов и интернациональному сотрудничеству. Наибольшее число студентов, обучающихся сегодня за границей, это представите-

¹ См.: *Константинов А.* Состояние науки. Как живут ученые на планете Земля // «Кот Шредингера» № 01–02 (15–16) за январь-февраль 2016 г. URL: <http://kot.sh/statya/1221/sostoyanie-nauki>

ли из арабских, азиатских, африканских государств, которые едут за знаниями, прежде всего, в Европу и Северную Америку. Так, только Соединенные Штаты принимают половину всех иностранных студентов мира. В докладе также подчеркивается, что большая часть когда-либо живших ученых приходится на наше время и «большинство из них работает в Евросоюзе, Китае и США»¹. Ниже будет показано, как такого рода явления, тесно связанные с применением так называемой «мягкой силы», все больше становятся фактором существенных перемен на международном уровне и, прежде всего, в позициях противоборствующих сторон и различных сил влияния.

Отметим только некоторые наиболее важные черты и основные противоречия современного мира, указывающие на уже свершившиеся в нем перемены и предвещающие его грядущие трансформации:

- ориентация на постоянный экономический рост и, как следствие, обострение экономических противоречий, сопряженных с социально-политической нестабильностью в планетарном масштабе при стихийном регулировании и отсутствии какого бы то ни было управления на этом уровне;
- все увеличивающийся разрыв в тесно взаимосвязанном мире между глобальным характером социально-экономических процессов и локальными действиями на уровне национальных государств, когда они решают задачи, выходящие за пределы их культурно-цивилизационных пространств и юрисдикций;
- колоссальный разрыв между избыточным богатством немногих и вопиющей бедностью большинства населения планеты на фоне продолжающегося роста материального потребления «золотого миллиарда»;
- фетишизация потребительского бума как экономической и жизненной философии развитых стран и сопряженная с этим безудержная эксплуатация сырьевых, энергетических и иных природных ресурсов.

¹ См.: *Константинов А.* Состояние науки. Как живут ученые на планете Земля // «Кот Шредингера» № 01–02 (15–16) за январь-февраль 2016 г. URL: <http://kot.sh/statya/1221/sostoyanie-nauki>

- увеличение разрыва между сложившимися формами государственного управления и вызовами нарастающей глобализации;
- диктат портфельных инвесторов в глобальной экономической системе, когда решения принимаются наднациональными структурами (транснациональными корпорациями, Международным валютным фондом, Всемирным банком и т.п.), а конечная ответственность за социальные последствия таких решений ложится на плечи национальных правительств и налогоплательщиков;
- социальная и национальная безответственность «топ менеджеров», принимающих ключевые экономические и социально-политические решения, но фактически не зависящих ни от общества, ни даже от результатов своей управленческой деятельности;
- перемещение и концентрация капиталов в направлении высокотехнологичных экономик и стран экспортеров нефти и газа;
- беспрецедентный рост мегаполисов, промышленных зон, транспортных и инфраструктурных объектов, усугубляющих экологическую ситуацию и кардинально изменяющих облик Земли;
- усиление, в том числе, и нерегулируемых миграционных процессов в основном из слаборазвитых в развитые страны;
- формирование транснациональных структур и окончательный выход на глобальный уровень организованной преступности (международный терроризм, торговля наркотиками, незаконный оборот оружия) и т.п.

3.2. Современный мир в философском измерении

*Тучи приходят и уходят,
а небо остается.*

(Восточная мудрость)

В контексте указанных масштабных перемен и вытекающих отсюда глобальных вызовов возникают вопросы принципиальной важности. Как ведет себя сегодня мировое сообщество?

Насколько приблизилось к пониманию того, что оно уже непосредственно столкнулось с опасностями общечеловеческого масштаба и будет вынуждено жить с ними столько, сколько будет существовать глобальное человечество?

Целесообразно посмотреть в этой связи на тенденции изменения общественного сознания на уровне мирового сообщества. А наиболее подходящий способ сделать это — обратиться к *философии*, в которой наилучшим образом отражается сущность и дух любой культуры и которую следует рассматривать как квинтэссенцию общественной мысли. В самой же философии характерным показателем ее состояния являются Всемирные философские конгрессы, где достаточно четко просматривается вектор общечеловеческого сознания, направленного на осмысление наиболее важных проблем современного мира. Заметим, что проводятся такие конгрессы один раз в 5 лет и проходят они в разных странах с 1900 г., а в их работе принимает участие, как правило, от 2 до 3 тыс. человек из большинства стран мира. Последний из них — XXII Всемирный философский конгресс — состоялся 5-10 августа 2013 г. в Афинах (Греция).

Однако прежде, чем по результатам данного конгресса будем судить о том, как современная общественная мысль и философия, в частности, реагируют на вызовы глобального мира, что они могут предложить для их осмысления и решения, посмотрим на *динамику* изменения интереса к данной проблематике, сравнив этот конгресс с предыдущими. При этом возьмем последние 25 лет (с 1988 по 2013 гг.) и проанализируем научные Программы всех шести Всемирных философских конгрессов, состоявшихся в указанный период¹. Выбор этот не случаен, так как еще 20 годами раньше указанного срока (в 1968 г.) был создан получивший затем широкую известность Римский клуб, заложивший своими исследованиями основы современной глобалистики и впервые показавший человечеству контуры глобального мира с его неизвестными прежде опасностями и проблемами. Таким образом, к концу 1980-х гг. глобальная проблематика прочно закрепилась на уровне широкого общественного сознания, в том числе

¹ Автор данной монографии был непосредственным участником всех шести упомянутых конгрессов.

и философского. С тех пор внимание к данной теме не ослабевало и даже продолжало нарастать, о чем говорят не только количество соответствующих секций, круглых столов, симпозиумов, но и основные темы Всемирных философских форумов. Заметим, что работа всех конгрессов проходит обычно в режиме нескольких пленарных заседаний, симпозиумов и специальных сессий, а также порядка 50–100 секций и примерно такого же количества круглых столов.

Итак, XVIII конгресс, состоявшийся в 1988 г. в Брайтоне (Англия), именовался «*Философское понимание человека*», и именно там по существу впервые, спустя два десятилетия с момента создания Римского клуба, глобальная проблематика нашла свое отражение на:

- *пленарном заседании*, проходившем под девизом «Настоящее и будущее человечества»;
- *двух секциях*: «Глобальные проблемы экологии и будущая жизнь Земли», «Глобальные проблемы в свете системного анализа»;
- а также на *трех круглых столах*: «Философия в постановке мировых проблем», «Философия и новая проблема ядерного самоуничтожения», «Человек и природа: проблемы коэволюции».

Сопоставление названных заседаний с остальными, дает возможность увидеть, хотя еще и не слишком распространенную, но уже явную обеспокоенность мирового философского сообщества глобальными проблемами и будущим человечества.

Следующий — XIX конгресс, проходивший в 1993 г. в Москве, назывался «*Человечество на переломном этапе: философские перспективы*», где к глобальной проблематике прямо или косвенно имели отношение:

- *два пленарных заседания*: «Судьба технологической цивилизации» и «Новое мышление: традиции и инновации»;
- *симпозиум* «Возможна ли единая философия?»;
- *коллоквиумы*: «Человек и природа», «Проблема единства человечества в русской философии»;
- *секция* «Экология и будущее жизни на Земле»;
- *три круглых стола*: «Этика окружающей среды и устойчивое развитие в глобальных условиях», «Будущее третьего

мира в глобальном веке», «Этические проблемы конфликта Севера и Юга».

*На примере этого конгресса уже хорошо видно как нарастает тревога за будущее жизни на Земле и растет обеспокоенность за все увеличивающийся разрыв в социально-экономическом развитии различных стран и регионов. Не трудно заметить также, что до 1993 г. мировая философская мысль еще не употребляла термин «глобализация», а концентрировала внимание на **глобальных проблемах современности**, к тому же, с явным акцентом на экологию.*

На **XX конгрессе**, состоявшемся в 1998 г. в Бостоне (США) под названием **«Философия в воспитании человечества»**, произошло заметное усиление внимания к вопросам глобального характера, которые обсуждались на:

- *открытии конгресса* в докладе «Этика, религия и будущее человечества»;
- *пленарном заседании* «Философия и будущее образования»;
- *симпозиуме* «Глобальные вопросы преподавания философии»;
- *секции* «Философия и окружающая среда»,
- *круглых столов*: «Критические размышления о состоянии глобального сознания», «Возможна ли глобальная философия?», «Возможна ли глобальная этика?», «Философия природы и общества: проблемы теории и практики»; «Самоиндификация в интерсубъективных и глобальных отношениях»;
- *наконец, на специальных сессиях*: «Философия в глобальном контексте: Индия и Тибет», «Философия в глобальном контексте: Япония и Китай», «Проблемы демократии в эпоху глобализации».

На этом Всемирном философском форуме обнаруживается уже не только значительно возросший интерес к глобальной проблематике по достаточно широкому спектру вопросов (от проблем окружающей среды до образования, этики и глобального сознания), но и впервые в научной программе конгресса встречается официальное употребление термина «глобализация».

Однако по-настоящему философы всего мира повернулись к **глобализации** на следующем — **XXI Всемирном философском**

конгрессе, — который проходил под девизом *«Философия лицом к глобальным проблемам»* в Стамбуле (Турция) в 2003 г., т.е. 35 лет спустя после того, как Римский клуб призвал мировое сообщество объединиться, чтобы совместными усилиями противостоять глобальным проблемам современности. Поскольку основная тема этого конгресса была целиком посвящена глобальной проблематике, то уже не только отдельные пленарные и секционные заседания, круглые столы и специальные сессии были посвящены данной теме, но и многие другие заседания, обсуждавшие, например, проблемы философии науки, техники, образования, социальной и политической философии, рассматривались в связи с процессами глобализации, диалогом культур, появлением принципиально новых средств коммуникации.

Такой подход был инициирован также пленарными заседаниями, симпозиумами и специальными сессиями, тематика которых говорит сама за себя:

- «Глобализация и культурная идентичность»;
- «Права человека, государство и международный порядок»;
- «Насилие, война и мир»;
- «Глобальная федерация: предложение для XXI в.» и т.п.

Примечательно, что наряду с активным употреблением термина *«глобализация»*, множество заседаний было посвящено темам, в названии которых использовались такие понятия как: «Глобальная система», «Глобальная ответственность», «Мировые проблемы», «Глобальные институты», «Глобальная справедливость», «Глобальный капитализм», «Глобальный век» и т.п.

Вместе с тем, стоит отметить, что *философский анализ (по сравнению с предыдущими конгрессами) хотя и сместился в гуманитарную сферу, тем не менее, в немалой степени еще базировался на конкретных данных естествознания и точных наук. Философы также активно (хотя уже и в меньшей степени, чем прежде) использовали эмпирический материал, оперировали цифрами и фактами, подкрепляя ими для большей убедительности свои теоретические позиции и выводы.*

Очередной — **XXII Всемирный философский конгресс**, состоявшийся в августе 2008 г. в Сеуле (Южная Корея) был посвящен теме: *«Переосмысливая философию сегодня»*¹.

Такое название было выбрано не случайно. На это обратил внимание уже Президент Корейского организационного комитета проф. Мьюн-Хьун Ли, который, открывая Конгресс, сказал: «Сегодня человечество находится перед лицом грандиозных перемен. Именно поэтому Конгресс проходит под названием “Переосмысливая философию сегодня”, чтобы отразить на философском уровне состояние философской мысли перед лицом глобальных проблем и опасностей для будущего цивилизации. Новая эра требует новой философии, новой грамматики мышления»². Он также обратил внимание на то, что Первый Всемирный философский конгресс прошел в центре Европы (в Париже), в 1900 г. и вот теперь, спустя 108 лет, он впервые состоялся в Азии — в Сеуле. Это отчетливо выражает тот факт, что западные и восточные философы наконец-то встретились лицом к лицу для проведения философского форума на интеллектуальном уровне, — подчеркнул докладчик и добавил, что азиатская философия до последнего времени не включалась в понятие «западная философия», а сам термин «философия» рассматривался как синоним термина «западная философия». Однако XXII Всемирный Философский Конгресс обеспечил возможность для сосуществования западной и восточной философии под одним зонтом — «Мировая философия».

Выступившие затем Премьер-министр Республики Корея Сеун-Су Хан, Президент Национальной Академии наук Кореи Тэ Кил Ким и Президент Сеульского Национального Университета (где проходил конгресс) с разных сторон так или иначе, отмечали беспрецедентное влияние глобализации на современный мир и подчеркивали особую роль философии в осмыслении, как природы глобальных процессов, так и порожд-

¹ Итоги XXII Всемирного философского конгресса // Вестник РФО. 2008. № 3(47); Вопросы философии. 2009. № 1.

² Мантатов В.В., Фунтусов В.С., Чумаков А.Н. XXII Всемирный философский конгресс // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2008. № 4(53). С. 229.

даемых ими последствий. Однако в нашем контексте особого внимания заслуживает обращение к участникам конгресса Генерального директора ЮНЕСКО Коичиро Мацууры, который, в частности, сказал: «Глобальные проблемы современности подступили вплотную к человечеству и требуют незамедлительного решения. Философы как никто другой в состоянии увидеть эти проблемы и должны попытаться выработать методику их решения. Задача эта не из легких. И философы, и ученые отдельных государств разрозненно не в состоянии решить ее, — отметил он и выразил надежду, — что методологические, теоретические и практические разработки, которые будут выработаны на Всемирном Философском Конгрессе в Корее, помогут определить развитие человеческой цивилизации на ближайшие пять лет»¹.

Отмеченные выступления задали соответствующий тон работе всего конгресса. Однако, чтобы увидеть перемены, которые за время после предыдущего конгресса произошли в осмыслении процессов глобализации и ее последствий, следует обратиться к тематике различных заседаний сеульского конгресса.

Так, на одном из *пленарных заседаний* обсуждалась тема: «Переосмысливаемая мораль, социальную и политическую философию: демократия, справедливость и глобальная ответственность».

Два из 4 *симпозиумов* также рассматривали глобальную проблематику. Один из них назывался «Глобализация и космополитизм», другой — «Биоэтика, этика окружающей среды и будущие поколения».

Еще одна *специальная сессия* была названа «Космополитизм».

Традиционной была *секция* «Философия природы».

Среди *круглых столов* следует выделить: «Контурсы мира: глобализация, космополитизм и мировое гражданство», «Ценности и вера в Азии в условиях глобализации», «Культурный диалог между Востоком и Западом: прошлое и будущее», «Теория Ролла и глобальная справедливость», «Индийская философия и глобализация» и др. Можно было бы отметить и ряд других

¹ Шермухамедов С., Шермухамедова Н. Размышляя об итогах конгресса // Вестник РФО. 2008. № 3(47). С. 25–26.

мероприятий, где, казалось бы, далекие от глобализации проблемы во многом, так или иначе, увязывались с ней.

Итак, вполне очевидно, что во второй половине первого десятилетия XXI в. глобальная проблематика прочно вошла в круг основных вопросов, которые достаточно серьезно стали волновать мировое философское сообщество.

Обобщая итоги данного конгресса, следует отметить, что и по составу участников, и по характеру обсуждавшихся проблем он заметно отличался от предыдущих тем, что на этот раз соотношение философов из стран Запада и Востока явно сместилось в сторону последних, а тематика многих заседаний была пронизана идеей возрастающей роли Востока. Несомненно, такому положению дел способствовало и то, что среди участников помимо большого числа корейцев и китайцев было много индусов, японцев, а также представителей едва ли не всех азиатских и многих африканских стран.

Также следует заметить, что по сравнению с предыдущими конгрессами разговор о современных проблемах человечества, оказался связанным в первую очередь не с конкретными цифрами, фактами и графиками, позаимствованными у естествознания и точных наук, а с их собственно философским осмыслением, когда на первый план вышли темы глобализации и космополитизма, гражданского общества и мировой цивилизации, национальной идентичности и глобального мировоззрения. При этом проблема *космополитизма* впервые была сформулирована в контексте современных глобальных тенденций, а ее обсуждение было разносторонним и обстоятельным. Все это указывало на явный поворот в глобальных исследованиях от естественнонаучных и технологических подходов к гуманитарным, когда в центре внимания оказывался человек и общественные отношения.

Прошло еще пять лет. **XXIII Всемирный философский конгресс** состоялся 5–10 августа 2013 г. в Афинах (Греция) и был посвящен теме «Философия как познание и образ жизни». Уже из самого названия конгресса видно, что основное внимание международного философского сообщества сместилось к философии как предмету и инструменту осмысления жизненно важных для человека проблем. Здесь уже глобальная проблематика хотя и не была поставлена в центр внимания, тем не менее,

современный мир в его динамике и основные его противоречия активно обсуждались на многих заседаниях. Наиболее характерным в этом отношении был доклад крупнейшего философа современности Ю. Хабермаса, который посвятил свое выступление сложным экономическим и политическим проблемам Европейского Союза и предложил пути решения этих проблем на основе превращения национальной демократии в ее наднациональную форму. Он также рассмотрел космополитизм как средство цивилизованного управления политической властью при помощи юридических законов, полагая, что политическую власть можно изложить юридическими терминами. Но космополитизм выходит за рамки национальных государств и потому происходит постепенный переход от координации между ними к их сотрудничеству в рамках таких организаций как ООН, «Семерка», «Двадцатка» и др. Соответственно, по мнению Хабермаса, должно быть конституировано международное право, так как происходит синтез политической власти отдельных государств. Международное право позволяет быстрее добиться консенсуса. Однако существуют трудности с легитимностью международного права. Принятие решений международными организациями не сопровождается принятием демократического права. Легитимация демократии не достигается. Государства ЕС стремятся создать наднациональную демократию. Но кризис ЕС показывает, как тяжело создать единую европейскую конституцию. Это является результатом отсутствия политической солидарности, что обусловлено структурной неравномерностью стран. Следует, подчеркнул в этой связи докладчик, перейти «красную черту» суверенитета. Солидарность — один их кирпичиков построения единой демократической Европы. В истории США первоначально, например, были граждане Калифорнии, затем они стали гражданами США. Подобный процесс можно организовать и в Европейском Союзе. Этому может способствовать постдемократическая эрозия суверенитета, сказал в заключение Ю. Хабермас. Как этот доклад, так и общий анализ других выступлений и итогов работы различных заседаний конгресса¹

¹ См.: Чумаков А.Н., Королев А.Д. Философия как познание и образ жизни // Вопросы философии. 2014. № 5. С. 3–15.

вполне позволяют сделать вывод, что *в осмыслении глобальной проблематики мировая философская мысль к настоящему времени окончательно повернулась к вопросам мировоззренческого, этического плана*¹.

Анализ Программы предстоящего **XXIV Всемирного философского конгресса** (13–20 августа 2018 г., Пекин) вполне подтверждает общий вывод о необходимости искать решения современных проблем, прежде всего, в гуманитарной сфере. Данное обстоятельство является принципиальным в свете серьезного глобального кризиса, суть которого, как уже отмечалось, в том, что глобальный мир не имеет соответствующего ему управления. При этом важно подчеркнуть, что основу управления общественными процессами всегда, так или иначе, составляют *мораль и право*. Выступая в качестве «пряника» и «кнута», они неизменно обнаруживают себя в любой системе власти. Другими словами, вне морально-правового регулирования управление обществом в принципе невозможно, о чем еще будет отдельный разговор (см. гл. 5). Но как же обстоит дело в современном мире, который вышел на такой уровень своего развития, что уже не может развиваться далее без должного управления, опирающегося на соответствующие мораль и право?

Общечеловеческие ценности, глобальное мировоззрение, планетарная этика, глобальное сознание все более четко проявляются, дискутируются, обсуждаются. Во всяком случае, явно нарастает ощущение того, что это объективная необходимость, веление времени, наконец, условие выживания мирового сообщества в условиях многоаспектной глобализации, и Всемирные философские конгрессы это вполне убедительно показывают. Таким образом, есть серьезные основания полагать, что современный глобальный кризис, принципиально отличающийся от всех имевших место ранее, просто так не закончится. Завершиться он может только радикальной трансформацией международных отношений, и даже не перестройкой (перестраивать, собствен-

¹ Заметим, что с момента создания Римского клуба к тому времени прошло 40 лет. Такую запоздалую реакцию на реальный ход событий можно объяснить «эффектом позднего восприятия» (см.: *Чумаков А.Н.* Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст. М., 2006. С. 26–28).

но, еще нечего), а созданием принципиально новых структур регулирования и управления глобальным сообществом. Будет ли это нечто подобия конфедерации или еще какая-то эффективно регулируемая и в известной мере поддающаяся управлению мировая система не суть важно; принципиально то, что само собой сложившаяся ситуация не разрешится и, если у человечества не достанет воли и разума найти согласованные решения, то, будучи саморегулирующейся системой, живая оболочка Земли (биосфера) сама все поставит на свои места. Другими словами, если человечество не выйдет на уровень принятия адекватных своему глобальному статусу решений, то решение предложит сама природа, но, вряд ли наилучшее из серии принципиально возможных.

3.3. Культурно-цивилизационные различия как источник конфронтации

В стремлении понять природу конфликтов вообще и современных глобальных проблем и противоречий в частности, следует обратиться к базисным основаниям природы не только человека, но и общества. А они заключены, прежде всего, в самой человеческой природе и в культуре. И в самом деле, человек как разумное, творческое, моральное существо становится таковым только в обществе; вне общества, как заметил еще Аристотель, он либо бог, либо зверь¹. При этом культура, где язык, традиции и верования выступают главными скрепами, является основной характеристикой человека, отличающей его от всех других живых существ. А поскольку сущность культуры, этапы ее развития, в том числе и цивилизационные ее аспекты подробно рассматривались нами в предыдущем исследовании², то теперь обратим внимание лишь на главное в контексте поставленной проблемы — отражение в культуре противоречивой природы человека.

Итак, поскольку каждый человек по своему языку, традициям, верованиям, не говоря уже о множестве иных наследствен-

¹ *Аристотель*. Соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 259.

² См.: *Чумаков А. Н.* Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст: монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: Проспект, 2017. 496 с.

ных и приобретенных особенностей, привычек, склонностей, всегда абсолютно уникален, то и его индивидуальный культурный портрет будет всегда неповторим. Человек и его культура, таким образом, неразрывно связаны, — одно без другого не существует. Иными словами, мы можем говорить о человеке только в той мере, в какой он овладел культурой и, наоборот, о культуре можно рассуждать лишь в той степени, в какой у нас есть основания говорить о человеке как о существе, принципиально отличающемся от мира животных. О формировании человека в контексте появления труда, речи и мышления рассуждал, как известно, Ф. Энгельс¹.

Оборотной стороной культуры является цивилизация, а принципиальная разница между ними заключается в том, что понятие «культура» характеризует деятельность людей в сфере духа и материального производства, включая и результаты такой деятельности, тогда как термин «цивилизация» выражает соответствующий тип поведения и отношений в обществе. Говоря о цивилизации, мы имеем в виду, прежде всего, определенный тип взаимодействия людей и соответствующую систему политического устройства, основанную на признании прав человека и верховенства закона. При этом важно подчеркнуть, что оба термина — и «культура», и «цивилизация» — имеют общий предмет, но разные, хотя и тесно взаимосвязанные объекты. Они отражают и описывают (только с разных сторон) одну и ту же реальность, которая выступает в виде всевозможных социальных систем. Их союз, единожды возникнув, в своей совместной динамике имеет постоянную тенденцию к развитию и совершенствованию, хотя оба эти явления имеют и принципиальные различия. Так, если термин «цивилизация» мы используем обычно в отношении стран и народов, когда характеризуем их в целом, с точки зрения степени их технологического развития и форм организационно-правового устройства, то термином «культура» обозначаем, в первую очередь, уровень развития духовности того или иного народа,

¹ Энгельс Ф. Диалектика природы. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. М.: Политиздат, 1961.

когда культура понимается, в том числе, и как отражение высших достижений цивилизации.

Это означает, что культура не только и не столько объединяет людей, сколько разъединяет их, точнее — обособляет каждого человека от всех остальных. То же самое происходит в общественных системах. И, тем не менее, как отдельные люди, так и их различные объединения не только противоборствуют, но и мирно сосуществуют, живут, работают, общаются на основе каких-то общих принципов и взаимопонимания. Эта сторона взаимоотношений базируется на том, что именуется цивилизованностью или, иначе говоря, культурой общения, где на первый план выдвигается признание общепринятых норм и правил, смягчение нравов, уважение достоинства и прав человека.

Таким образом, мы можем и должны рассматривать современного человека не только со стороны овладения им богатством материального и духовного культурного наследия своего народа и человечества, но и с позиции уровня цивилизационного развития как личности, так и общества в целом. Отсюда и каждый отдельный человек есть не что иное, как неразрывное единство культурного и цивилизационного начала, т.е. социокультурной сущности, которая в совокупности с сущностью биологической и составляет истинную природу человека. Такое же утверждение будет справедливым и в отношении любых общественных образований — от небольших коллективов до всего человечества. Следовательно, говоря о человеке или общественной системе, нам следует иметь в виду, прежде всего, их культурно-цивилизационную матрицу, которая включает в себе как некую общность, присущую всем им, так и особенности, отличия одних людей или их сообществ от других.

Именно с этих позиций и следует рассматривать проблемы и противоречия, которыми сопровождаются отношения между людьми на протяжении всей истории их существования. По законам живой природы любой биологический организм, и человек здесь не является исключением, всеми доступными ему способами на уровне инстинктов стремится не только к тому, чтобы сохранить свою жизнь, но и обеспечить наиболее благоприятные условия своего существования. Поскольку к тому же стремятся и все живые существа вокруг, конфликт интере-

сов неизбежен по определению. Отсюда бесчисленные формы противостояния и бесконечная бескомпромиссная, по существу инстинктивная борьба за существование, что мы и наблюдаем повсюду в живой природе. Однако есть принципиальная разница между человеком и всем остальным миром живого. И это, как уже было сказано выше, — культура, которая по мере своего развития и усложнения дополняется особыми характеристиками, именуемыми цивилизованностью, т.е. способностью человека вести себя (порою вопреки биологическим инстинктам) цивилизованно, т.е. так, как предусмотрено общественными законами и общепринятыми нормами. Такая способность не предзадана заранее, до рождения человека. Она приобретается в процессе целенаправленного воспитания, образования и просвещения, наличие и уровень развития которых как в отдельных странах и регионах, так и в структуре общественных отношений весьма различный. Иначе говоря, уровень культурно-цивилизационного развития отдельных стран и регионов различный и, когда такого рода несовпадениям не придется должного внимания, появляются серьезные проблемы.

Так, например, международная напряженность вокруг Крыма, региональный конфликт на востоке Украины, наконец, тугий узел противоречий на Ближнем Востоке и глобального значения сирийский военный конфликт — все это следствия более фундаментальных причин, которые заключены в столкновении интересов и несовпадающих позиций различных культурно-цивилизационных систем. Данные события послужили серьезным импульсом к резкому витку напряженности между Россией и странами Западного мира, прежде всего, США, как его авангардом. В таком повороте событий истинную причину следует искать, о чем уже было сказано, гораздо глубже, чем в событиях текущей политики. Как прагматично замечает в этой связи В.А. Никонов, обсуждая современные отношения между США и Россией: «Америку бессмысленно осуждать, а тем более пытаться ее поменять. Она такая, какая есть, и иной в обозримом будущем не станет. Ее надо понимать — и с учетом этого понимания строить свою политику»¹.

¹ Никонов В.А. Современный мир и его истоки. М.: МГУ, 2015. С. 317.

Таким образом, принципиально важно различать истинные причины и поводы, обуславливающие положение дел в международных отношениях. Так, упомянутые выше события — это скорее поводы, а не причины начала новой «холодной войны». Точно таким же поводом для усиления напряженности вокруг Северной Кореи являются ее ядерные испытания и запуск баллистических ракет, тогда как причины кроются в нестыковке культурно-цивилизационных систем этой страны и западного мира, к которому по данному основанию вполне можно отнести и Южную Корею.

Еще одним примером подобного рода может быть Китай, отстаивающий свои права на острова в Южно-Китайском море, тогда как причина напряженности во взаимоотношениях Китая с его соседями и, опять-таки с западным миром, лежит гораздо глубже — она в несовпадении культурно-цивилизационных систем, где экономический аспект лишь составная часть этого несовпадения. Таким образом, если провести мысленный эксперимент и представить себе, что указанных, т.е. именно этих конкретных событий не было бы, то возможно напряжение в противоречиях сегодня не достигло бы такого накала, но по сути оно никуда не делось бы и с необходимостью проявилось бы в других аналогичных событиях.

Провал политики мультикультурализма практически везде, где ее пытаются реализовать на практике, — явление, обусловленное как раз именно такими причинами. Примеров подобного рода множество. Так, в столице Норвегии, которая является одним из наиболее комфортных мест для мусульманских переселенцев из стран Азии и Африки, организация «Суннитский фронт» («Ансар ас-Сунна») потребовала независимости от Норвегии для Греннланна — одного из центральных кварталов Осло, большинство жителей которого — мусульмане. «Мы не хотим быть частью Норвегии, — написали в своем воззвании жители столицы, — и мы не считаем правильным оставить Норвегию, поскольку родились и выросли здесь... Оставьте Греннланн и дайте нам возможность управлять им по законам шариата...»¹.

¹ Норвегия. Ну, наконец-то доигрались! / Международный интернет-журнал NewResume.org. URL: <http://newrezume.org/news/2015-04-13-8365>

Проблема здесь в том, что не только переселенцы первой волны, но и родившиеся и выросшие в Норвегии их потомки сохранили свою культуру, прежде всего язык, традиции и религиозную принадлежность, в данном случае, к исламу. Эта культура явно не совпадает с культурой норвежцев. А поскольку степень восприятия и усвоения цивилизационных основ и норм поведения у коренного населения и эмигрантов значительно различаются, то их культурно-цивилизационные системы практически не стыкуются, порождая серьезные проблемы и противоречия. Как теоретические выкладки, так и многочисленные примеры реальной практики дают серьезное основание трактовать данный вывод вполне обобщенно, применительно к любым общественным системам.

3.4. Социокультурные разломы глобального мира

Современный мир — единая, динамично развивающаяся система, где ни одна страна не может существовать отдельно от мирового сообщества. Сегодня это уже стало аксиомой, признаваемой даже теми, кто недооценивает объективные тенденции глобализации, ее интегративную роль в международной жизни и, как следствие, скептически относится к перспективе установления сбалансированных культурных и цивилизационных отношений в планетарном масштабе. Вместе с тем вовсе не очевидно, что целостность этой системы предопределена самим ходом исторического развития. На фоне набирающей обороты многоаспектной глобализации в глобально взаимозависимом мире многочисленные субъекты международных отношений, преследуя свои эгоистические цели и отстаивая собственные интересы, объективно оказываются в ситуации *войны всех против всех*. Именно так и обстоит дело в современном мире, поскольку относительно национальных государств, не говоря уже о всем человечестве в целом, отсутствует внешняя сила (по образному выражению Т. Гоббса, — «Левиафан»), способная заставить их действовать с учетом интересов не только своих, но и других, а тем более общих.

Ярким выражением такого рода противоречий и способов их разрешения в условиях глобального взаимодействия являются

«цветные революции». Они, как принято считать, дестабилизируют социальную жизнь и представляют угрозу сложившимся общественным отношениям, причем не только внутри той или иной страны. И это действительно так, но революции не происходят случайно и беспричинно. Также и «цветные революции», — имея непосредственное сходство с социальными переворотами, происходившими во все века и в различных формах, они в то же время обладают и своей спецификой. Как это и было всегда в истории, революции являются закономерным порождением нерешенных общественных противоречий, когда субъективный фактор хотя и играет порой очень важную роль, тем не менее не является определяющим в конечном счете. Так, если отсутствуют объективные условия для массовых протестов, возможности использования субъективных факторов оказываются незначительными. Однако там, где накопились серьезные противоречия и не предпринимаются адекватные и своевременные усилия для их решения, массовые выступления оппозиционных сил и протестные акции практически гарантированы. А в условиях глобальной мобильности и планетарной системы коммуникаций, к тому же при широком использовании медийных и информационных технологий, они могут привести к смене власти и без насильственных действий. Вероятность такого исхода дела, как правило, прямо пропорциональна уровню развитости гражданского общества в данной стране.

«Цветная революция» — относительно новое понятие, которым обозначают в известной мере ненасильственное свержение власти при помощи уличных протестов. Поскольку участники таких протестов в целях консолидации широких масс и позиционирования мирного характера своих выступлений используют обычно в качестве символических отличительных знаков цветы или какие-то предметы определенного цвета, то за ними и закрепился термин «цветные революции», который следует рассматривать как собирательное понятие. Подобные революции с полным основанием можно именовать, также и «твиттерными», «сетевыми», «дистантными» и т.п. поскольку в процессе их организации и проведения обычно активно используются социальные сети в Интернете.

В зависимости от строгости критериев, завершенности или незавершенности процессов и т. п. разные авторы по-разному выделяют и классифицируют «цветные революции». Одни причисляют к ним лишь бесспорные события, другие считают, что их более полусотни, но, как правило, практически все сходятся во мнении, что начались они в последней четверти XX в., и таковыми являются: «Революция гвоздик» (Португалия, апрель 1974 г.); «Желтая революция» (Филиппины, февраль 1986 г.); «Бархатная революция» (Чехословакия, ноябрь — декабрь 1989 г.); «Революция роз» (Грузия, ноябрь 2003 г.); «Оранжевая революция» (Украина, ноябрь 2004 — январь 2005 гг.); «Тюльпановая революция» (Киргизия, февраль — апрель 2005 г.); «Васильковая революция» (Белоруссия, март 2006 г.); «Сиреневая революция» (Молдавия, апрель 2009 г.); «Жасминовая революция» (Тунис, декабрь 2010 — февраль 2011 гг.); «Революция лотоса» (Египет, январь — февраль 2011 гг.); «Евромайдан» (Украина, 2013—2014 гг.); «Революция зонтиков» (Гонконг, сентябрь 2014 — июнь 2015 гг.); «Революция розеток» (Армения, июнь — сентябрь 2015 г.); «Уксусная революция» (Бразилия, май 2013 — август 2016 гг.); «Хризантемовая революция» (Молдавия, март 2015 — ноябрь 2016 гг.).

Некоторые из этих революций закончились сменой власти, другие не удались, но вполне очевидно, что список подобных событий незавершен, и вопрос лишь в том, где и когда повторится похожий сценарий. Там, где уже свершились такие революции, ситуации, как правило, далеки от стабильности и благополучного положения дел. Там, где они не окончились — дестабилизация, а то и вовсе разруха, насилие и людское горе. А где для этого есть соответствующая почва, но революции еще не свершились или не удались, — нервность и опасения, что они могут произойти¹.

Отсюда повышенный интерес к такого рода событиям и стремление разобраться в причинах данного явления. При этом, поскольку «цветные революции» нередко проходят при

¹ См.: Гапич А., Лушников Д. Технологии цветных революций. М.: Риор, 2010; Касарлицкий Б. «Оранжевый мираж» или начало политики? // Взгляд. Деловая газета. 2007. 19 нояб.

нескрываемой поддержке извне, как, например, в Грузии, Киргизии или Украине, то сложилось мнение, что в их основе непременно лежит внешний фактор, вмешательство со стороны других государств. И именно такое вмешательство объявляется главной причиной подобных революций¹. Но проблема остается, и острота ее не снижается, поскольку все еще нет основательно проработанных и вполне обоснованных ответов на вопросы: какова же истинная природа данных явлений? Что лежит в их основе? Почему именно с конца XX в. и почему именно в это время они стали регулярным явлением общественной жизни? Наконец, закончилась ли эпоха таких революций и можно ли их предотвратить? Есть все основания полагать, что данная эпоха не закончилась и предотвратить такие революции практически невозможно. Их можно лишь при определенных обстоятельствах и соответствующей реакции властей отсрочить или «спустить на тормозах», понизив опасность до какого-то уровня и то лишь на определенное время, поскольку причина в таком случае не устраняется.

Вполне очевидно, что когда истинная природа явлений или событий остается нераскрытой, то и реагируют на них по большей части методом проб и ошибок, а по существу — на ощупь, вслепую. При этом, не понимая реальных причин происходящего, все силы бросают на «тушение пожаров», применяя зачастую неадекватные меры, что еще больше усугубляет проблему. Иными словами, главным недостатком существующих решений является то, что они носят, в лучшем случае, тактический характер, тогда как стратегическое видение проблемы и соответствующая стратегия действий отсутствуют. По большей части это происходит потому, что нет достаточной теоретической базы и соответствующих исследований, которые затрагивали бы основы общественной жизни и показывали фундаментальные противоречия, проистекающие из культурных и цивилизационных различий отдельных стран и народов в условиях

¹ Мадсен о лицемерии США: 64 «цветные революции» говорят за себя. 2015 // РИА Новости: [сайт]. URL: <http://ria.ru/world/20150308/1051500189.html?rubric=world>; *McFaul M.* Importing Revolution: Internal and External Factors in Ukraine's 2004 Democratic Breakthrough. CDDRL Working Papers, May 2006.

глобализации. А это как раз и является ключевым моментом в понимании природы «цветных революций», что требует более детального анализа.

Изначально рассмотрим географическое расположение центров нестабильности. Обратившись к карте планеты, не трудно заметить, что страны, где произошли «цветные революции» или были попытки их совершить, располагаются в основном на «стыках» принципиально отличающихся друг от друга культурно-цивилизационных систем¹. Именно там вполне отчетливо просматриваются зоны нестабильности, в особенности та из них, которая проходит по линии, соединяющей страны, располагающиеся вокруг Западной Европы. Так, вполне очевидно выстраивается практически сплошная линия, которая начинается от Гибралтара и далее проходит по Северной Африке вдоль средиземноморского побережья через Ближний Восток к Армении и Грузии, далее через Украину, Белоруссию к бывшим прибалтийским республикам. Иными словами, дуга нестабильности вполне очевидно опоясывает Западноевропейскую культурно-цивилизационную систему и пролегает между ней и такими культурно-цивилизационными системами как Североафриканская, Ближневосточная, Восточноевропейская и Российская. Рассматривая ситуацию более крупным планом, например, по конфессиональному критерию, можно сказать, что речь идет о линии разграничения западно-христианской культурно-цивилизационной системы с такими, как исламская и православная. Именно по этой линии и возникают экономические, политические и социокультурные напряжения, проявляющиеся в дестабилизации общественных отношений и революционных потрясениях.

В Северной Америке такая ситуация хорошо просматривается на стыке Североамериканской и Мексиканской культурно-цивилизационными системами, где линия раздела проходит ровно по границе между США и Мексикой. Также достаточно четко прослеживается линия, проходящая по азиатским республикам бывшего Советского Союза. В то же время, практически

¹ Чумаков А. Н. Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст: монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: Проспект, 2017. С. 369–427.

ничего подобного мы не видим в Африке южнее Сахары, в Австралии, а также, с некоторыми оговорками, в Южной Америке, равно как и на азиатском пространстве (помимо уже упомянутых регионов этого континента). Там наблюдаются лишь отдельные очаги подобия «цветных революций», примером чего могут быть события на Филиппинах (1986 г.) или в Гонконге (2014–2015 гг.).

Почему именно так проходят границы, к тому же, не во всех регионах планеты? И почему как раз по отмеченным выше линиям пролегает, прежде всего, зона нестабильности? Наконец, почему именно такие, а не иные очертания приобретают очаги социального напряжения? Ответы на эти вопросы лежат в коренных, истинных причинах социальных взрывов. Если рассматривать «цветные революции» как результат и внешнее проявление глубинных противоречий и разногласий в общественных системах, а именно так и следует их понимать, то объяснение данного феномена следует искать не только в социально-политическом устройстве и экономическом состоянии отдельных стран, но и в том, как они соотносятся с окружающими их общественными системами¹.

Пониманию сути происходящего в определенной степени может помочь весьма условное сравнение хотя и очень далеких друг от друга, но схожих по внешнему проявлению социальных и природных процессов. Так, взрывы социальной активности и очаги повышенной турбулентности в обществе можно уподобить землетрясениям, вулканической деятельности или горообразованию, которые характерны для естественной природы. Все знают, что время от времени случаются землетрясения, вулканы проявляют свою активность, а в определенные геологические эпохи появляются новые горы. Однако никто не может сказать точно, когда это произойдет и каких масштабов достигнет природная стихия. При этом следует заметить, что географическое расположение мест сейсмической или вулканической активности вполне предсказуемо теперь уже не только в силу постоянной наблюдаемости данных явлений, но и на ос-

¹ Куда движется век глобализации? Сб. ст. / под ред. А. Н. Чумакова, Л. Е. Гринина. Волгоград: Учитель, 2014.

нове достоверных знаний о строении земной коры и природе геологических процессов. Как теперь известно геологической науке, землетрясения, вулканическая деятельность и горообразование обусловлены подвижкой литосферных (тектонических) плит, которые имеют многочисленные разломы, а своими краями сталкиваются друг с другом. «Литосферная плита — это крупный стабильный участок земной коры, часть литосферы. Согласно теории тектоники плит, литосферные плиты ограничены зонами сейсмической, вулканической и тектонической активности — границами плиты»¹.

Достаточно посмотреть на карту литосферных плит Земли, чтобы увидеть, что как раз на линиях разломов и столкновения этих плит и происходят геологические катаклизмы. В частности, вулканы возникают именно в местах разлома земной коры. «Поскольку извержения вулканов представляют собой следствие тектонических подвижек — землетрясений, то всегда землетрясения и предворяют извержения. А вулканы наблюдаются лишь в сейсмически активных зонах. То есть, вулканы практически всегда приурочены к краям тектонических плит, где происходят гигантские деформации»². Тектонические движения пластов земной коры являются также и причиной появления гор. «Движение плит приводит к разламыванию гор у краев плиты с образованием в породе длинных сдвигов (расщелин). Блоки суши иногда выдвигаются кверху вдоль плоскости сбросов, создавая наклонные горы — как Сьерра-Невада в Калифорнии. А бывает, что блок высовывается вверх между двумя почти параллельными линиями разломов. Кряжи таких гор круто возвышаются над окружающим рельефом»³.

Сказанное вполне может послужить аналогом тому, что происходит в обществе, если посмотреть на него через призму культурно-цивилизационных систем, которыми, собственно,

¹ Что такое литосферная плита? Генон: [сайт]. URL: <http://www.genon.ru/GetAnswer.aspx?qid=93cd7844-ec02-410d-a5a7-d786bc339a5b>

² Шумилов В. Н. Природа вулканов. 2010. URL: <http://shumilov.kiev.ua/geofizika/priroda-vulkanov.html>

³ Образование гор // Экосистема: [сайт]. URL: <http://www.ecosystema.ru/07referats/goroobraz.htm>

и представлено все человечество. Эти системы, покрывающие, подобно литосферным плитам, все социальное пространство Земли, как раз и порождают на линиях своих разломов и сопряжений те напряжения и социальные потрясения, наиболее ярким выражением которых и являются «цветные революции». Для лучшего понимания сути происходящего необходимо обратиться к тому, что представляют собой культурно-цивилизационные системы и каких типов они бывают. Понятие «культурно-цивилизационная система» используется применительно к той или иной социальной структуре, определенной общности людей для характеристики их «в качестве единого целого одновременно с двух сторон — со стороны их культурной принадлежности и вовлеченности в цивилизационные процессы»¹.

Диалектическое единство и различие культуры и цивилизации проявляется во всем, в особенности, когда речь идет о результатах творческой деятельности человека. Так, если дело касается, например, культурных достижений в сфере взаимоотношения людей или технического прогресса, то это же самое называют обычно успехами цивилизации. И наоборот, если говорят о достижениях и благах цивилизации, то это практически то же самое, что результаты научно-технического прогресса, выраженные в различных формах материальной и духовной культуры. Аналогично обстоит дело и в вопросе о культурно-цивилизационном взаимодействии, когда культурную составляющую фактически нельзя отделить от цивилизационной, а цивилизационную от культурной. Это принципиально важно иметь в виду, когда дело касается современного мира, поскольку под влиянием процессов глобализации человечество стало планетарным явлением, а его составные части — страны и народы, всевозможные организации и институты, будь то мирового, регионального или локального уровней, сохраняют при этом известную автономность и самодостаточность. Обычное восприятие такой реальности не позволяет увидеть объективно присущую всем этим элементам целостность. Отсюда, когда возникают серьезные социальные напряжения, конфликты

¹ Чумаков А. Н. Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст: монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: Проспект, 2017. С. 369.

и потрясения такие, например, как «цветные революции» или межэтнические конфликты, истинную их культурную и цивилизационную обусловленность, как правило, не видят и не учитывают должным образом. И это потому, что даже если культурный контекст оказывается в поле зрения, цивилизационный, как правило, игнорируется. Также остается без внимания и тот факт, что общественные противоречия в условиях глобализации можно понять наилучшим образом лишь в культурно-цивилизационном контексте, причем не только тогда, когда дело касается мировой системы в целом, но составляющих его частей, взятых по отдельности, поскольку все они выступают в качестве самостоятельных культурно-цивилизационных систем.

Без такого взгляда на мировое сообщество и его составные части, когда оно воспринимается как единая сложная система, практически невозможно понять характерную для глобально устроенного мира диалектику взаимоотношений явного и неявного, большого и малого, закономерного и случайного, существенного и несущественного, значительного и незначительного. А это имеет принципиальное значение для понимания как всей мировой архитектоники, так и современных общественных отношений в их многообразии и противоречиях. Выражение «культурно-цивилизационные системы» как раз и является таким комплексным понятием, с помощью которого человечество в целом и его структурные элементы, прежде всего государства и их альянсы, могут быть поняты всесторонне и комплексно в их единстве и различии.

Для данного исследования важны не столько подробности различных вариаций культурно-цивилизационных систем, сколько их принципиальное отличие друг от друга. Уточним при этом, что под культурно-цивилизационными системами будем понимать самостоятельные целостные общественные образования, которые отличаются принципиальной схожестью основных параметров культуры. При этом, при наличии в них множества несовпадений обязательно должны быть некоторые доминирующие составляющие (общие для всего социума), такие, например, как язык, религия, идеология. С другой стороны, они должны характеризоваться относительной равномерностью

проявления в различных своих частях общих цивилизационных связей и отношений.

Заметим к тому же, что любая социальная общность занимает то или иное конкретное территориальное пространство, которое хотя и не всегда может быть четко обозначено в своих предельных границах (основных контурах), тем не менее по существу без особого труда идентифицируется на географической карте Земли, например, в границах какого-то национально-территориального образования, конкретного государства или их альянса. В исторической науке для обозначения таких территорий употребляются уже вполне установившиеся термины: «район», «область», «регион», «ойкумена»¹ и, как предельное значение территориального охвата, «весь мир», то есть планета в целом. В контексте темы нашего анализа достаточно ограничиться масштабами ойкумен, поскольку именно такие территории обычно и занимают крупные современные государства или интегративные общественные системы, характерным представителем которых является, например, Европейский союз.

В предыдущей монографии мы уже выделили 18 культурно-цивилизационных систем (ойкумен), когда критерием их различения выступают территориальные границы, в пределах которых при всем культурном разнообразии различных сообществ проявляется их цивилизационное единство. Такими системами являются: 1) Западноевропейская; 2) Восточноевропейская; 3) Российская; 4) Ближневосточная; 5) Средневосточная; 6) Центрально-азиатская; 7) Азиатская (Юго-Восток); 8) Индийская; 9) Китайская; 10) Японская; 11) Тихоокеанская; 12) Австралийская (включая Новую Зеландию); 13) Североамериканская; 14) Центральноамериканская; 15) Южноамериканская; 16) Североафриканская; 17) Центральноафриканская; 18) Южноафриканская².

¹ Здесь ойкумена (от гр. οἰκουμένη — населяю) — самый крупный территориальный фрагмент поверхности Земли, включающий в себя, как правило, несколько регионов.

² Чумаков А. Н. Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст: монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: Проспект, 2017. С. 407–408.

Конечно, данный список не исключает и другие подходы, и иную градацию в отношении мировой социосистемы¹; но в нашем случае он позволяет посмотреть на современный мир с необычной стороны — со стороны его культурного и цивилизационного разнообразия, и дает возможность увидеть по-новому противоречия, которые возникают на стыке этих не всегда очевидных, но принципиально различных систем. Некоторые из них и в самом деле по территориальному признаку достаточно легко идентифицируются — такие, как Китайская, Индийская, Российская, Японская, Североамериканская или, например, Западноевропейская. По отношению к другим не так все очевидно, в частности, с точки зрения входящих в них стран и общих контуров этих систем. Однако поскольку для данного исследования такая детализация не имеет принципиального значения, ее вполне можно оставить без специального рассмотрения. Также не принципиально в данном случае и то, как долго существуют такие системы, какое имеют территориальное расположение, которое, к тому же, не является раз и навсегда данным. Иными словами, границы культурно-цивилизационных систем могут быть как достаточно устойчивы, так и подвижны.

Ранее, во второй главе, мы уже показали, что порой значительно отличающиеся друг от друга общественные системы могут иметь сходные базы для взаимодействия и сотрудничества. Именно так обстоит дело с западными странами, которые с достаточным на то основанием подходят под одно собирательное понятие «Запад», что, в частности, хорошо показали в своем исследовании Л. И. Гринин и А. В. Коротяев². В последние годы можно наблюдать, как Китай, Индия, Россия и Бразилия, обладая самобытными культурами, но наращивая темпы цивилизационного развития, также становятся в ряд тех стран, между которыми, несмотря на определенные трудности, налаживаются

¹ Глобалистика: Международный междисциплинарный энциклопедический словарь / под ред. И. И. Мазура, А. Н. Чумакова. М.; СПб.; Н.-Й.: ИЦ «ЕЛИМА», ИД «Питер», 2006. С. 985–994.

² Гринин Л. Е., Коротяев А. В. Инфляционные и дефляционные тренды мировой экономики, или распространение «японской болезни» // Век глобализации. 2014. № 2. С. 14–31.

культурно-цивилизационные связи и конструктивное сотрудничество¹.

При этом для западной (техногенной, капиталистической) модели культурно-цивилизационного развития характерно стремление к овладению силами и богатствами природы, сопровождающееся ускорением научно-технического прогресса, возрастанием антропогенной нагрузки на окружающую среду, непрерывным изменением социальных связей и отношений. Восток же (а можно взять и шире — «незапад»), напротив, ассоциируется обычно с традиционализмом и преемственностью культуры, где проявляется тенденция невмешательства в природные процессы и естественный ход событий. На Востоке традиционно доминирует коллективное начало, тогда как на Западе — индивидуальное. Отсюда в восточной культуре доминирует тенденция на адаптацию человека к сложившейся социально-политической среде, а не на преобразование ее, как это характерно для западного менталитета. Иначе говоря, на Востоке, как по большей части и в России, упор делается на традиции и культуру, тогда как на Западе — на принципы гражданского общества, демократию и цивилизацию.

Из этого краткого сопоставления западного и восточного типов общественного развития можно сделать важный вывод. Если смотреть на мир с позиции его целостности и в то же время с точки зрения его разделенности на различные культурно-цивилизационные системы, то все то, что по сложившейся традиции именуется культурами и цивилизациями, достаточно легко вписывается в современную глобальную картину мира. А наиболее ценное, с точки зрения нашего анализа, заключается в том, что социальные конфликты и потрясения в виде «цветных революций», санкций и т. п. перестают быть случайными явлениями, поскольку их природа проясняется через взаимодействие и противостояние различных культурно-цивилизационных систем.

¹ Страны БРИКС создали аналог МВФ объемом \$100 млрд // rbc.ru: [сайт]. URL: <http://top.rbc.ru/finances/07/07/2015/559be15f9a79475a89ba60d0> (дата обращения: 07.07.2015); Kwang Chun. The BRICs Superpower Challenge: Foreign and Security Policy Analysis. Ashgate Pub Co, 2013.

Так, возвращаясь к «поясу нестабильности», опоясывающему Западноевропейскую культурно-цивилизационную ойкумену, можно утверждать, что он обусловлен именно непосредственным соприкосновением, а фактически столкновением данной ойкумены с примыкающими к ней Североафриканской, Ближневосточной и Восточноевропейской культурно-цивилизационными ойкуменами, которые находятся на других ступенях по уровню цивилизационного развития. В них в силу исторических, экономических, социокультурных и ряда других причин имеют место более авторитарные системы государственного управления, слабее развиты гражданские институты и гражданское общество, меньшее значение придается общечеловеческим ценностям, признанию и соблюдению прав человека. В итоге по мере усиления глобализационных процессов и технических возможностей, увеличивающих взаимозависимость и социальную мобильность, информационную открытость и уровень образования, все большее количество людей в странах, тесно примыкающих к Западной Европе, получают непосредственный опыт о другой жизни более высокого качества, и ставят под сомнение не столько культурные, сколько цивилизационные достижения своих общественных систем. При этом люди во все возрастающих масштабах стараются изменить свой образ жизни и, не имея соответствующих возможностей у себя дома, решаются на эмиграцию, уходя от потрясений, беспорядка и нищеты туда, где есть стабильность, правовая защищенность и относительное благополучие. В итоге в последние годы Европа буквально задыхается от наплыва эмигрантов. Так, только по одному решению Европейской комиссии от 27 мая 2015 г. 40 тыс. беженцев из Африки и с Ближнего Востока, по большей части нелегально прибывшие в Италию и Грецию, подлежали перемещению в другие страны — члены Европейского союза по принципу распределения в течение двух лет¹. Такое положение дел встретило в Европе растущее сопротивление как отдельных государств (Франция, Венгрия, Чехия, Польша и др.), так

¹ ЕК предложила распределить 40 тыс. беженцев из Сирии и Эритреи по странам ЕС // Информационное агентство России ТАСС: [сайт]. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1998333> (дата обращения: 27.05.2015).

и широких слоев населения, примером чему стали массовые выступления в Словакии. Там 20 июня 2015 г. состоялась акция протеста с участием 10 тысяч человек против увеличения численности в Европе мигрантов из мусульманских стран, Северной Африки и с Ближнего Востока. Собравшиеся скандировали лозунги: «Словакия — словакам» и разорвали флаг Евросоюза¹.

Но у данной проблемы есть и другой аспект. Поскольку из примыкающих к Европейской ойкумене стран все уехать не могут, а количество не только желающих и даже вынужденных эмигрировать, но и в целом недовольных условиями жизни активно растет, то при достижении критической массы населения с такими настроениями наступают условия для начала «цветных революций». Примерами подобного рода ситуаций множество. Это как государства Северной Африки, Ближнего Востока, так и Грузия, Украина, Молдавия, Белоруссия, Армения, потенциально Азербайджан, а в известной мере и Россия. Не все просто с этой точки зрения и в самой Европе. Чем ближе к краям ее ойкумены, то есть к культурно-цивилизационному разлому, тем менее стабильна социально-экономическая и политическая ситуация, что вполне подтверждается не только португальским или балканским опытом, но и испанскими, итальянскими проблемами, а потенциально и прибалтийскими республиками, не говоря уже о получившем широкую известность греческом финансовом кризисе.

Следует заметить, что данная проблема, имеющая глубокие исторические корни, была предметом беспокойства для некоторых проницательных умов еще до того, как она воочию проявилась в своей наиболее острой форме. Так, например, еще полвека тому назад А.И. Солженицын в своем художественно-историческом романе «Архипелаг ГУЛАГ» пророчески писал: «С Украиной будет чрезвычайно больно». И уже тогда он не исключал отделение Украины, подчеркивая при этом, что «может быть, по каждой области понадобится свой плебисцит», учитывая, по каким ленинским лекалам были нарезаны земли,

¹ В Братиславе проходит массовая демонстрация против мигрантов в ЕС. Новости Mail.ru: [сайт]. URL: <https://news.mail.ru/incident/22414499> (дата обращения: 20.07.2015).

никогда не относившиеся к исторической Украине¹. Он также высказывался и в более широком геополитическом контексте относительно противостояния Европы и окружающих ее народов. «НАТО методически и настойчиво развивает свой военный аппарат — на Восток Европы и в континентальный охват России с Юга, — отмечал он. — Тут и открытая материальная и идеологическая поддержка “цветных” революций, парадоксальное внедрение Северо-Атлантических интересов — в Центральную Азию. Все это не оставляет сомнений, что готовится полное окружение России, а затем потеря ею суверенитета»². Несколько позже по сути ту же самую проблему, но с еще более широкими обобщениями сформулировал французский писатель А. Латса, который в 2009 г. сказал буквально следующее: «Нас могут отрезать от России в цивилизационном, геополитическом, политическом и энергетическом плане. Причем новая стена в Европе пройдет не через Берлин, а через Украину, разделив ее на пророссийский Восток и проамериканский Запад. Эта линия разломов приблизительно поделит континент на католическую и православную Европы соответственно теории разделенных цивилизаций, представленной С. Хантингтоном и Н. Моисеевым»³. Понадобилось всего лишь несколько лет, чтобы приведенные выше прогнозы стали реальностью.

Особый интерес представляет также и линия культурно-цивилизационного разлома, проходящая между Российской и Центрально-азиатской культурно-цивилизационными системами (ойкуменами). Помимо религиозного фактора, усиливающего различия этих систем, главное все-таки заключается в том, что среднеазиатские республики (как и Россия) являются отколовшимися фрагментами некогда единой для них бывшей Советской культурно-цивилизационной системы. Теперь же они вынуждены дрейфовать, испытывая значительное воздей-

¹ *Солженицын А. С* Украиной будет чрезвычайно больно. Как сбываются пророчества по украинскому вопросу автора «Красного колеса» // Российская газета. 16.05.2014. URL: <https://rg.ru/2014/05/16/solzhenitsyn.html>

² Там же.

³ Цит. по: *Розенберг Г.С., Кудинова Г.Э., Степанов С.А.* К 100-летию со дня рождения академика Н.Н. Моисеева. // Вестник РФО. 2017. №3 (83). С. 46.

ствии внутри своей ойкумены со стороны других входящих в нее исламских стран, а также сильное влияние не только со стороны Российской и Китайской, но и Западной культурно-цивилизационных систем. В итоге там нет пока еще прочных оснований для дальнейшего стабильного общественного развития, тогда как возможности для возникновения социальных потрясений значительно возрастают по мере вовлечения этого региона в систему геополитических отношений, где ведущие позиции занимают наиболее влиятельные субъекты глобального мира.

Почему на стыке таких культурно-цивилизационных систем (ойкумен), как Российская и Китайская или Центральноафриканская и Южноафриканская, не просматриваются те процессы, которые вызвали бы подобные революции? Ответ (при использовании приведенной выше аналогии с тектоническими плитами Земли), вполне очевиден — между ними нет той большой разницы в уровнях цивилизационного развития, которая создавала бы достаточно сильное напряжение на стыках их культурно-цивилизационных систем.

А что касается таких, например, ойкумен, как Североамериканская, Центральноамериканская, Южноамериканская, Тихоокеанская, Австралийская или Японская, то они в определенной мере застрахованы от «цветных революций» тем, что не стыкуются (или практически не стыкуются) с другими культурно-цивилизационными системами, будучи отделенными от них, как правило, океанскими просторами. А те из них, население которых тем не менее активно путешествует и широко ведет бизнес по всему миру (речь прежде всего о США, Канаде, Японии, Австралии), в цивилизационном отношении достаточно развиты, чтобы не опасаться «цветных революций». Определенным исключением здесь, несомненно, является ситуация на границе США и Мексики, через которую в США перемещается значительный поток нелегальных иммигрантов, в том числе криминальных элементов, а также осуществляется контрабанда наркотиков. С целью решения данной проблемы в 1993 г. началось строительство разделительной стены, которую с тех пор то строили, то на какое-то время прекращали, поскольку она несколько снимала остроту проблемы, но не решала ее в принципе. С приходом к власти нового президента США

Д. Трампа строительство стены, которая к настоящему времени возведена уже на одной трети всей длины границы, по его указу возобновилось.

Наконец, особым (локальным в рамках соответствующих ойкумен) проявлением «цветных революций» можно считать события на Филиппинах (1986 г.) или в Гонконге (2014–2015 гг.), где исторически обусловленные очаги повышенной гражданской активности вошли в серьезное противоречие с традиционными для тех мест формами правления.

Конечно, предложенный взгляд на столь сложные проблемы современности не может претендовать на полноту и завершенность; он также не подменяет и не исключает иных подходов к осмыслению данной темы, являясь лишь попыткой по-другому посмотреть на то, что сегодня волнует практически всех, но пока еще не имеет удовлетворительного решения.

3.5. Великое переселение народов как реальность

Сегодня над мировым сообществом нависла новая, еще не вполне очевидная и не совсем осознаваемая, но от этого не менее опасная проблема — *масштабная волна переселения значительных человеческих масс*, а то и вовсе планетарное демографическое цунами. Оно основательно перекроит современную карту мира и кардинально изменит этнический состав населения планеты. Мы уже на пороге нового великого переселения народов и это лишь отдаленно будет напоминать то, что уже случилось в истории. Переселение, как смена места жительства — процесс объективный и неизбежный: издревле люди снимались с насиженных мест и уходили на поиски лучшей доли и нового пристанища. И не важно, делали они это добровольно или принудительно, но уж точно, не беспричинно, а под давлением определенных обстоятельств, как правило, внешних: будь то война, стихийные бедствия, экологические обстоятельства, нехватка и поиск новых продовольственных, энергетических, сырьевых ресурсов и т.п.¹

¹ *Aleshkovski I.* International Migration and Globalization: Global Trends and Perspectives // *Journal of Globalization Studies*. 2016. № 2. P. 32–48; *Ионцев В.А.* Международная миграция: теория и история изучения. Научная серия

Так, в IV–VII вв., огромные массы обитателей Европейского континента пришли в движение, поскольку к тому времени, как считают специалисты, возросшему населению варварских племен не стало хватать земель для ведения их архаичного хозяйства. Тогда же значительное ослабление Римской империи в силу ряда этнических, географических, экономических и климатических причин вдохновило вождей крупных племенных союзов, находившихся в менее благоприятных социально-экономических и природных условиях на завоевательные походы, в том числе, и с целью перемены места жительства. К тому же подталкивали и неблагоприятные климатические изменения, обусловленные всеобщим похолоданием¹.

Однако проводить исторические параллели в перемещении больших масс населения не совсем корректно. Принципиальная разница между начинающейся сейчас и прошлыми миграционными подвижками заключается, прежде всего, в том, что до эпохи Великих географических открытий, т.е. до начала реальной глобализации, эти перемещения людей носили локальный, максимум — региональный характер. Таковыми, кроме уже упомянутых, были арабские завоевания, морские экспедиции норманнов и основание ими новых поселений, переселение в Европу венгров, болгар, монгольские военные походы и создание новых государств, поздние завоевания тюрков-огузов, результатом чего стало появление Османской империи и др.²

Ситуация принципиально изменилась, когда реальная глобализация сделала ареной взаимодействия людей уже не отдельные территории и регионы, а все пространство Земли. В этих условиях все возраставшие миграционные потоки расширились до планетарных масштабов. Так, например активная эмиграция из Европы в США, Канаду и Австралию сопровождалась также перемещением на американский континент

«Международная миграция населения: Россия и современный мир». Вып. 3. М.: Диалог-МГУ, 1999.

¹ Великое переселение народов кратко //AntiqueHistory.ru. URL: <http://antiquehistory.ru/velikoe-pereselenie-narodov-kratko/>

² Великое переселение народов // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

больших масс подневольного африканского населения. Несколько позже, но не менее интенсивно, в этот процесс включились и азиаты. Что касается отдельных лиц и небольших групп переселенцев, мигрирующих в масштабах планеты, так это еще с момента открытия Америки Колумбом, т.е. с конца XV в. стало обычным делом.

Современная же ситуация принципиально иная. Достаточно сказать, что из 100% населения Земли 60% сегодня составляют азиаты, 15% — африканцы, 14% — Северная и Южная Америка, 11% — европейцы¹. Такая диспропорция в распределении населения таит в себе большие опасности и не только потому, что теперь «международная миграция населения — это неотъемлемая часть современного миропорядка»². Все намного сложнее, масштабнее, серьезнее, поскольку демографический взрыв, помноженный на *многоаспектную глобализацию* вкуче с разворачивающейся новой (глобальной) войной всех против всех таит в себе такой заряд дестабилизации и неопределенности, что на фоне этого все другие глобальные проблемы современности становятся менее значимыми, второстепенными.

Здесь важно отметить что, с тех пор, как на рубеже 60–70-х годов XX столетия впервые и в полную силу заговорили о глобальных проблемах современности, вектор в определении наиболее опасной угрозы для всего человечества несколько раз менялся. Первоначально основное внимание сосредоточилось на проблемах взаимодействия природы и общества, поскольку самый многочисленный и самый активный агент биосферы — человек — к этому времени вступил в острый конфликт с окружающей средой. И она, потерявшая способность в полной мере абсорбировать отходы человеческой деятельности, «заявила» об этом густыми смогами и гигантскими мусорными свалками, безжизненными реками и озерами, изуродованными ландшафтами и истощением ресурсов. На этой волне заново возродился и стал популярным изобретенный

¹ 100 People: a World Portrait. URL: <http://www.100people.org/>

² *Ивахнюк И.В.* Международная миграция как ресурс развития (замечания в связи с глобальной дискуссией) // Век глобализации. 2011. № 1. С. 67–79.

на сотню лет раньше термин «экология»¹; однако все попытки преодолеть экологические проблемы очень скоро показали, что человечеству угрожают и другие, не менее серьезные опасности. Выяснилось, например, что развязывание ядерной войны будет сопровождаться «ядерной зимой»², которая приведет к полному уничтожению человечества и даже жизни на Земле. После распада СССР и социалистической системы на первый план вышла проблема формирования нового мирового порядка; а в начале XXI в., после серии террористических актов и, в особенности после 11 сентября 2001 г.³, вектор приоритетов опять сменился, теперь уже в направлении новой угрозы — глобального терроризма. Особую актуальность приобрели и климатические риски.

Конечно, в ряду этих и многих других глобальных проблем демографической проблеме всегда уделялось значительное внимание, которая по причине беспрецедентного роста мирового населения в XX в. уже тогда стала именоваться «демографическим взрывом». И в самом деле, такого безудержного роста населения, который случился с начала прошедшего столетия, человечество в своей истории не знало. Достаточно сказать что, если в начале XX в. население планеты составило 1,656 млрд человек, то уже в 1927 г. оно достигло 2 млрд. В 1960 г. эта цифра увеличилась до 3 млрд, в 1974 г. — до 4 млрд, в 1987 г. — до 5 млрд, и в конце 1999 г. Земля уже обладала 6 миллиардным населением. Сегодня, т.е. в 2017 г., эта цифра составляет 7,5 млрд человек⁴.

Первым, кто обратил внимание на демографическую проблему как предельно актуальную для всего человечества, был

¹ Термин «экология» ввел в оборот в 1866 г. немецкий биолог Э. Геккель, который обозначал им науку о живых организмах и окружающей их среде обитания.

² Глобалистика: Международный междисциплинарный энциклопедический словарь / гл. ред.: И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. М.; СПб.; Н.-Й.: ИЦ «ЕЛИМА», ИД «Питер», 2006. С. 1102–1103.

³ 11 сентября 2001 г. в США произошел самый крупный в истории человечества террористический акт, жертвами которого стали почти 3000 человек.

⁴ Население Земли // Википедия. URL: <http://www.kp.ru/daily/25836.4/2809139/>

Т. Мальтус¹. Он утверждал, что численность людей возрастает в геометрической прогрессии, тогда как продовольственные ресурсы, необходимые для их пропитания — в арифметической. Таким образом, нехватка продовольствия выступает естественным регулятором роста численности населения, а способами его уменьшения являются войны, нищета, болезни, безбрачие, поздние браки т.п. В дальнейшем, несмотря на то, что идеи Мальтуса подверглись серьезной критике и стали предметом острых дискуссий, они были подхвачены многочисленными последователями, так называемыми неомальтузианцами². И, тем не менее, ни до появления Римского клуба, ни в докладах этой организации³, ни в многочисленных перечислениях глобальных проблем современности, ярким выражением которых стала их классификация, предложенная И.Т. Фроловым и В.В. Загладиным⁴, проблема перенаселения планеты, при всей ее важности, никогда не выделялась в качестве доминирующей и наиболее серьезной угрозы мировому сообществу.

Пожалуй, редким исключением из этого правила является творческая деятельность С.П. Капицы в последние годы его жизни, когда он, раньше специально не занимавшийся демографической проблемой, вдруг как-то особенно остро почувствовал в этом наибольшую угрозу всему человечеству. Его последние работы, посвященные данной теме, не оставляют сомнения в том, что среди всех глобальных проблем современности, он выделил неконтролируемый рост населения в качестве самой

¹ Global Studies Encyclopedic Dictionary / Edited by A. N. Chumakov, I. I. Mazour and W. C. Gay. With a Foreword by Mikhail Gorbachev. Editions Rodopi B.V., Amsterdam; N. Y., 2014. P. 322–323.

² Глобалистика: Международный междисциплинарный энциклопедический словарь / гл. ред.: И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. М.; СПб.; Н.-Й.: ИЦ «ЕЛИМА», ИД «Питер», 2006. С. 617.

³ Глобалистика: Энциклопедия / гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков; Центр научных и прикладных программ «Диалог». М.: Радуга, 2003. С. 317–318.

⁴ Глобалистика. Персоналии, организации, труды. Энциклопедический справочник / гл. ред., сост. И.В. Ильин, И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. 2-е изд., стер. М.: Кнорус, 2016. С. 81–83; 201–204.

приоритетной проблемы¹. «Человечество переживает эпоху глобальной демографической революции, — писал он. — ...Это величайшее по значимости событие в истории человечества с момента его появления в первую очередь проявляется в динамике народонаселения. Однако оно затрагивает все стороны жизни миллиардов людей, и именно поэтому демографические процессы стали важнейшей глобальной проблемой мира и России. От их фундаментального понимания зависит не только настоящее, но и, после текущей критической эпохи перемен, предвидимое будущее, приоритеты и неравномерность развития, устойчивость роста и глобальная безопасность»².

И все-таки, какой бы острой ни была проблема неконтролируемого и взрывного роста населения нашей планеты, главная опасность человечеству исходит не от самого этого процесса. Точнее, угроза исходит не непосредственно от этого процесса, а от его производной — все возрастающей и расширяющейся до планетарных масштабов миграции населения, связанной с переменой места жительства. На этот счет имеется множество публикаций прикладного и научно-теоретического характера³, однако философских обобщений явно не хватает. В итоге, без должного внимания все еще остается важнейший аспект данной проблемы — объективная неизбежность выхода ее на передний край наиболее серьезных угроз человечеству. Почему неконтро-

¹ *Капица С.П.* Общая теория роста человечества. М.: Наука, 1999; *Kapitza S. P.* Global Population Blow up and After. The demographic revolution and information society. A Report to the Club of Rome. М.; Hamburg: Tolleranza, 2007.

² *Капица С.П.* Демографическая революция и Россия // Век глобализации. 2008. № 1. С. 128.

³ *Таран П.* Глобализация и трудовая миграция: необходимость политики, основанной на правах человека // Век глобализации. 2010. № 1. С. 66–88; *Акаев А.А., Садовничий В.А.* Глобальные демографические модели как основа для стратегического прогноза // *А.А. Акаев, А.В. Коротаев, Г.Г. Малинецкий, С.Ю. Малков* (ред.) / Проекты и риски будущего: Концепции, модели, инструменты, прогнозы. М.: КРАСАНД, 2011; *Ивахнюк И. В.* Развитие миграционной теории в условиях глобализации // Век глобализации. 2015. № 1. С. 36–51; *Алешковский И.А., Ионцев В.А.* Управление международной миграцией в условиях глобализации // Век глобализации. 2015. № 1. С. 75–87; *Алешковский И.А.* Нелегальная миграция как феномен глобального мира // Век глобализации. 2014. № 2. С. 129–136.

лируемая глобальная миграция — самая острая и наиболее чувствительная из глобальных проблем? Прежде всего потому, что в отличие от других глобальных проблем, перед лицом которых все человечество предстает как единое целое, глобальная неконтролируемая миграция делит все человечество на две антагонистические части — тех, кто переселяется и тех, к кому переселяются. Иными словами, если в решении глобальных проблем все мы оказываемся перед лицом той или иной проблемы, т.е. все равны перед ее угрозой и, образно говоря, повернуты в одну сторону, то проблема эмиграции ставит нас по разные стороны баррикад, поскольку одни улучшают свое изначально бедственное положение и выигрывают, а другие (к кому переселяются, т.е. более благополучные) ухудшают условия своей жизни от стихийного наплыва эмигрантов и явно проигрывают. И никакой диалог здесь не поможет снять противоречия, поскольку достаток и благополучие коренного населения не в состоянии без ущерба для него решить проблему нищеты и абсолютной бедности переселенцев, тем более, когда это становится массовым явлением. А массовым оно становится потому, что по мере роста населения планеты, растет и число голодных, обездоленных, которые в силу многоаспектной глобализации не только узнают, что где-то живут лучше, но и получают реальные возможности теми или иными способами отправиться туда.

Обобщая сказанное, можно с большой долей вероятности утверждать, что если бы население Китая и Индии в массе своей было голодным, то весь мир в настоящее время был бы уже переполнен беженцами со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но уже и сегодня проблема обозначилась предельно остро. Как замечает в этой связи И.В. Ивахнюк: «Поиск согласованных решений в деле управления миграционными процессами на межгосударственной основе является непростой задачей прежде всего вследствие объективного несовпадения интересов двух групп государств, участвующих в миграции как принимающие страны и страны выезда»⁴. Но в полной ли мере осознается сегодня специфика данной проблемы? Скорее нет, чем да.

⁴ *Ивахнюк И. В.* Развитие миграционной теории в условиях глобализации // Век глобализации. 2016. № 1–2. С. 39.

Тот переполох, который поднялся после наплыва в Европу эмигрантов из Африки и Ближнего Востока, и те перемены, которые после этого стали происходить в умонастроениях европейцев, да и в целом в западном мире, нисколько не меняют сути дела. Да, конечно, неуправляемая миграция всколыхнула устоявшийся размеренный ритм жизни благополучных европейцев, встревожила и повернула их сознание к теме, которая еще недавно, казалось бы, не представляла никакой опасности, а была скорее обычным и даже позитивным явлением. И это в самом деле так, поскольку качественный состав эмигрантов и их количество до определенного момента не превышали тех естественных пределов, за которыми переселенцы относительно благополучно адаптировались в новой среде. Но с тех пор, как серия «цветных революций», прокатившихся по странам, примыкающим к Центральной и Западной Европе, всколыхнула огромные массы малограмотного населения с иным уровнем цивилизационного развития, иной культурой и религией, а европейские государства, культивирующие принципы гуманизма, всеобщих прав человека, толерантности и мультикультурализма, открыли им двери, ситуация резко изменилась. Стало вполне очевидно, что радушный прием значительного количества инородного населения не только не устраняет причины, побудившие переселенцев к эмиграции, но и создает массу принципиально новых проблем, теперь уже для самого коренного населения.

В итоге, такие зоны напряжения, какой стала к настоящему времени Западная Европа или, например, создающая лагеря беженцев Турция, привлекают к себе в последнее время все более пристальное внимание научной и широкой общественности. Причиной тому значительные перемены, которые прошли за последние 50 лет в распределении международных миграционных потоков. Так, «если в 1960 г. большая часть международных мигрантов (57,2%) находилась в развивающихся регионах, то в настоящее время более 60% международных мигрантов приходится на развитые регионы мира. В настоящее время регионом с наибольшей численностью международных мигрантов является Европа (более 64 млн чел. в 2005 г.), за ней следуют Азия (53,3 млн чел.), Северная Америка (44,5 млн чел.) и Аф-

рика (17,1 млн чел.)»¹. Таким образом, как отмечает И.А. Алешковский, международные миграционные потоки превратились в глобальное явление, оказывающее воздействие на все стороны жизни мирового сообщества². В то же время, более серьезный аспект данной проблемы остается пока еще вне поля зрения, а именно, что дело не сводится только к Европе или к каким-то иным отдельным очагам напряженности, порожденным переселенцами.

Многоаспектная глобализация — вот второй ключевой фактор современной ситуации, который соединенный с «демографическим взрывом», породит лавину планетарной миграции, способной переkreить сложившуюся к настоящему времени архитектуру глобального человечества. Иными словами, *глобализация плюс «демографический взрыв», и в результате с необходимостью рано или поздно будем иметь «демографическое цунами» в планетарном масштабе*. Это неизбежно, и вот почему: и нарастающая глобализация, и экспоненциальный рост населения планеты подчинены действию объективных законов, а современное человечество не имеет возможностей целенаправленно регулировать их, тем более, не в состоянии управлять этими процессами.

Но почему эта новая опасность обязательно должна реализоваться в своем крайнем проявлении, почему она должна случиться с необходимостью? Неужели, например, предельно опасная угроза ядерной войны, которая вот уже более полувека дамокловым мечом висит над человечеством, для него менее значима? Как ни парадоксально, но это именно так. Угроза ядерного уничтожения может сохраняться бесконечно долго в виде лишь только потенциального апокалипсиса, во всяком случае, до тех пор, пока те, от кого зависит применение ядерного оружия, будут обладать, как минимум, здравым смыслом

¹ Алешковский И.А., Ионцев В.А. Тенденции международной миграции в глобализирующемся мире // Век глобализации. 2008. № 2. С. 80.

² Алешковский И.А. Тенденции международной миграции населения в современной России в условиях глобализации // Век глобализации. 2011. № 1. С. 159–181.

и воздерживаться от перехода той запретной черты, за которой последует катастрофа¹.

Новая же угроза, обусловленная глобальным «демографическим наводнением», не зависит от поведения и умонастроений отдельных людей. Она уже назрела и с необходимостью реализуется в соответствии с объективными процессами, аналогичными тем, которые описываются вторым законом термодинамики². Важно иметь в виду, что глобальное человечество ограничено в своем жизненном пространстве вполне конкретными параметрами — пригодной для жизни территорией нашей планеты, и потому, с этой точки зрения, оно является, замкнутой системой. Теперь представим себе избыточное и неравномерно распределенное население Земли в виде «теплового покрывала» планеты, которое являет собою сотканное в единое целое полотно, покрывающее множество территорий: от малонаселенных, назовем их условно «холодными» участками этого покрывала, до максимально перенаселенных, которые будем именовать предельно «горячими». Вполне очевидно, что при определенных условиях (в данном случае, создаваемых многоаспектной глобализацией, о чем скажем ниже) эта неравновесная структура претерпит такие глобальные трансформации, которые «уравновесят» перенаселенные и менее населенные территории планеты. Иначе говоря, реализуется известное выражение Аристотеля — «природа не терпит пустоты» и так или иначе, мирным или немирным путем, относительно плавно или резко, но явно в исторически непродолжительное время, глобальное территориальное перераспределение современной популяции гомо сапиенс в преопределенном направлении кардинально измениться.

На актуальность этой проблемы указывает немецкий социолог Ульрих Бек, когда пишет, что «в 1960 г. вступавшие в брак в Федеративной Республике Германии были почти исключительно немцами. Только в каждом 25-м случае, выражаясь язы-

¹ Назаретян А.П. Нелинейное будущее: сингулярность XXI века как элемент мегаистории // Век глобализации. 2015. № 2 (16). С. 18–34.

² Суть второго закона термодинамики заключается в том, что в замкнутых системах тепловые процессы движутся в сторону окончательного равновесия.

ком официальной статистики, в акте бракосочетания “участвовали иностранки и иностранцы”; это значит, что по крайней мере один из партнеров имел иностранный паспорт. А в 1994 г. уже каждый седьмой брак заключался “между иностранцами или с участием иностранцев”, т. е. мужчина или женщина, а то и оба вступающие в брак были гражданами других государств. Обратимся теперь к рождаемости. В 1960 г. дети, рождавшиеся в Федеративной Республике Германии, почти всегда имели “чисто немецкое происхождение” в смысле подданства; и только 1,3% новорожденных имели иностранного отца или мать-иностранку. Напротив, в 1994 г. иностранного отца или мать имели уже 18,8% детей, т. е. практически каждый пятый ребенок происходил из смешанного немецко-иностранного или чисто иностранного брака. Что касается этой — быстро растущей — группы людей “транскультурной” принадлежности, то встает вопрос, куда, к какому обществу их относить — к нам, к другим, к каким другим?»¹. Все это порождает сложные проблемы, подчеркивает У. Бек, причем не только для властей, но и для общества в целом, поскольку дело касается этнокультурной стороны общественной жизни.

Такое невозможно было еще сто-двести лет тому назад, не говоря уже о более ранних исторических эпохах. Тогда в автономных, относительно замкнутых, не связанных между собою в единую глобальную систему общественных системах миграционные процессы в массе своей носили локальный, максимум — региональный характер. Иными они и быть не могли уже хотя бы в силу отсутствия соответствующих транспортных средств и коммуникаций, позволяющих перемещать большие массы людей на большие расстояния в течение относительно короткого времени. Все это появится позже, в XX в., когда скоростные железнодорожные магистрали, автобаны и современные автомобили, многочисленные теплоходы и океанские лайнеры, наконец, аэробусы и разветвленная сеть гражданских авиалиний вкупе с открывающей все «двери» и «окна» национальных государств многоаспектной глобализацией и сопряженной с нею информационно-технологической революцией

¹ Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 90–91.

окончательно «замкнут» все человечество в единое информационное и территориальное пространство. Планета Земля с этого времени становится для всех ее обитателей, по образному выражению экологов, «общим домом», «коммунальной квартирой», «маленькой деревней», «лодкой в океане», «островком во вселенной», где нечто серьезное, происходящее в какой-то одной части планеты, сразу же эхом разносится по всей ее территории, и реально (прямо или косвенно) сказывается на жизни многих людей, независимо от места их проживания. И тогда нужен лишь толчок или иное возмущающее действие, порой совсем незначительной величины, чтобы структурные элементы, напряжение между которыми приблизилось к критической точке, пришли в движение.

Наглядным примером таких процессов являются социальные революции вообще и «цветные», в частности. Как уже отмечалось выше, будучи результатом острых противоречий и нерешенных в обществе проблем, они выступают спусковым механизмом, дающим старт к разрешению этих противоречий. При этом «социальные сети способны сыграть надлежущую роль лишь тогда, когда население страны готово к революции»¹. Иными словами, революции, меняющие социально-политическую и экономическую ситуацию в стране, никогда не могут произойти и, тем более, быть успешными, если еще не сложилась революционная ситуация, формулировку которой впервые дал В.И. Ленин в своей работе «Маевка революционного пролетариата» (1913 г.): «Для революции недостаточно того, чтобы низы не хотели жить, как прежде. Для нее требуется еще, чтобы верхи не могли хозяйничать и управлять, как прежде»². Также и для появления мощной волны эмиграции в планетарном масштабе недостаточно одного «демографического взрыва»; важно еще чтобы для этого имелись соответствующие транспортные коммуникации, а также экономическая, культурная, информационная и т.п.

¹ Акаев А.А., Акаева Б.А. Вызовы глобального демографического перехода и неотложность стратегических решений // Век глобализации. 2011. № 1. С. 61.

² Ленин В.И. Маевка революционного пролетариата. ПСС, 5-е изд. Т. 23. М.: Политиздат, 1973. С. 300.

открытость, что, собственно, и обеспечивается современным этапом многоаспектной глобализации.

В данном случае вполне уместно провести аналогию между все менее поддающейся контролю массовой эмиграцией и снежной лавиной. Так, для схода снежной лавины необходимо накопление соответствующей массы снега, общий вес которой под действием силы тяжести способен преодолеть критическую точку в соотношении этой массы и силы трения, удерживающей лавину от сползания вниз¹. При достижении этой «точки невозврата» хватит небольшого землетрясения, а иногда достаточно и выстрела, если и вовсе не просто громкого эха, чтобы лавина пришла в движение. И тогда, вначале еле заметно, затем все сильнее и напористее огромные массы льда и снега приходят в движение, устремляясь вниз нарастающим сокрушительным потоком, сметая все на своем пути и формируя, в конечном счете, новый, более устойчивый к подвижкам ландшафт. Вот таким спусковым механизмом, своеобразным «землетрясением», «выстрелом», для массового переселения большого количества людей в Европу из окружающих ее стран, стали «цветные революции» и последовавшие за ними военные конфликты.

Явление это не новое. Достаточно вспомнить буржуазные революции Нового времени в Европе и инициированную ими волну активной эмиграции в Америку европейцев, чему способствовали уже тогда активно развивавшиеся глобальные процессы. Еще более ярким примером массового переселения народов стала Великая русская революция 1917 г. и последовавшая за этим гражданская война, которые проходили в условиях уже *фундаментальной глобализации*², в полной мере охватившей к тому времени мировую экономическую и политическую сферы общественной жизни. Важно подчеркнуть при этом, что переселенцы той, как и предыдущих эпох, в относительно короткие сроки и достаточно быстро ассимилировались на но-

¹ В синергетике такое положение системы именуется «точкой бифуркации», что означает критическое состояние системы, при котором она становится неустойчивой относительно любого воздействия на нее.

² Чумаков А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира: монография. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. С. 223–256.

вом месте, а конфликтные ситуации, если таковые случались, заканчивались в своей острой форме победой и, в конечном счете, доминированием переселенцев. Это было в тех случаях, когда организационное и технологическое преимущество было на стороне переселенцев, примером чего может служить колонизация, например, Северной и Южной Америки или Австралии и Новой Зеландии.

Однако теперь, когда глобализация, охватившая практически все сферы жизни мирового сообщества, делает взаимовлияние и взаимопроникновение различных культурно-цивилизационных систем неизбежным и все усиливающимся процессом, а в то же время, в качестве мощного организующего фактора стала выступать идеология, в том числе и конфессиональная, христианская культурно-цивилизационная система западного образца оказалась уязвимой перед натиском исламской культурно-цивилизационной системы.

3.6. Западные ценности под натиском демографического сдвига

Западный мир, и Западная Европа, в частности, поставили во главу угла *общечеловеческие ценности*, такие, например, как: *свобода, права человека, просвещение, толерантность, мультикультурализм, политкорректность, свобода совести, верховенство закона* и т.п., что сделало культурно-цивилизационные системы этого мира относительно стабильными, опирающимися на принципы демократии и гражданского общества. Это не та почва, на которой уютно чувствуют себя и, тем более, процветают: абсолютизм, вождизм, тоталитаризм, авторитарность, централизация, унификация, фундаментализм и иные формы радикализма, хотя и здесь они находят свои ниши и отдельные возможности для проявления. Проблема, однако, в том, что за пределами Западного мира, который объединяет далеко не большую часть человечества, трактуемые на западный манер *общечеловеческие ценности*, мало что означают, а если и воспринимаются, в лучшем случае, на уровне формального признания, то трактуются порою совсем иначе, по-своему, с позиции своих культур, верований и традиций.

Здесь как раз и кроются корни противоречий и столкновений, в которые вступают переселенцы и аборигены. И чем многочисленнее группы переселенцев, тем более вероятными становятся и принимают более острые формы конфликты и столкновения.

Так, например, для людей, прибывающих в Западную Европу из стран и регионов, где они жили в условиях крайней нищеты, бесправия и религиозной ангажированности, а еще по большей части без образования и, тем более, просвещения, идеи *свободы, прав человека, толерантности, политкорректности* и т.п. очень быстро усваиваются и воспринимаются как должные в контексте «диодной проводимости», т.е. «в одну сторону». Иными словами, применимость их по отношению к себе — «да», причем в интерпретации с позиции западных ценностей; тогда как по отношению к коренному населению прямо или косвенно проявляются нормы, принципы, привычки, традиции и образ жизни переселенцев, которые нередко далеки от политкорректности, а их поведение зачастую не согласуется с идеями мультикультурализма и толерантности.

И в самом деле, как объяснить чужеземным толпам обездоленных людей, что необходимо защищать права не только человека, но и животных, почему нужно строить приюты для кошек и собак, тогда как там, откуда они прибыли, люди живут в гораздо худших условиях, не имеют никаких прав, а о приютах для детей и стариков, да еще благоустроенных, и не мечтают. Такого рода противоречия посредством только привития эмигрантам либеральных ценностей не решаются. А когда для толерантных европейцев выработка какой-то особой политики по отношению к переселенцам представляется совершенно недопустимым нарушением демократии, то, как справедливо замечает Р. Баталов, социал-демократия Европы набрасывает «на себя удавку политкорректности. Эта удавка не позволяет многим политикам понять сущность тех явлений, свидетелями которых они являются»¹.

¹ Баталов Р. Слепая вера имеет злой глаз, или последствия исламизации Европы / Русская народная линия. 18.09.2015. URL: http://ruskline.ru/special_opinion/2015/09/slepaya_vera_imeet_zloj_glaz_ili_posledstviya_islamizacii_evropy

Реальность же такова, что уже сегодня при депопуляции коренного европейского населения, быстрыми темпами растет приток эмигрантов, причем по большей части из мусульманских стран. Мусульмане как раз в большей степени проявляют неготовность и нежелание интегрироваться в новую, непривычную для них среду, повышая тем самым потенциал конфликтности общества. С каждым новым внутренним или внешним противоречием их поведение становится все более требовательным и агрессивным. И чем быстрее увеличивается их популяция, тем больше это ведет к изменению этнического и духовного облика европейских стран. Так, без военных баталий и кровопролития происходит по существу завоевание колыбели Западного мира. О таком сценарии покорения Европы, как теперь принято говорить — с позиции «мягкой силы», впервые было сказано еще в 1974 г. алжирским политиком и главой государства Хуари Бумедьеном, который, выступая на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, в частности, отметил: «Однажды миллионы людей покинут южное полушарие, чтобы проникнуть в северное. Уж конечно, не как друзья. Ибо они придут, чтобы завоевывать. И они завоюют вас тем, что населят северное полушарие своими детьми. Чрево наших женщин принесет нам победу»¹. Практически эту же мысль, но уже в наше время, повторил и духовный лидер «Братьев мусульман», Шейх Юсуф аль-Карадави, который прямо заявил: «После того, как ислам дважды был вытеснен с континента, он еще раз вернется в Европу в качестве завоевателя и победителя. Только на этот раз мы завоюем Европу не мечом, а молитвой, распространяя идеологию ислама»². Вполне очевидно, что именно в такого рода умонастроениях, корнями уходящими в иные культурно-цивилизационные системы, следует искать причины провала политики мультикультурализма, которая является ярким выражением западной системы ценностей в действии. Конечно, исламское «наводнение» в Европе порождает соответствующую ответную реакцию, но пока что она вряд ли является адекватной существующей угрозе.

¹ *Баталов Р.* Слепая вера имеет злой глаз, или последствия исламизации Европы / Русская народная линия. 18.09.2015. URL: http://ruskline.ru/special_opinion/2015/09/slepayaya_vera_imeet_zloj_glaz_ili_posledstviya_islamizacii_evropy

² Там же.

Продолжая логику развития и взаимовлияния объективных глобальных и демографических процессов вплоть до начала XXI в. (в демографии до «взрыва» и экспоненциального роста численности населения, а в глобальной динамике до «многоаспектной глобализации»), приходим к выводу, что одной Европой дело не ограничится. Весь мир так или иначе с необходимостью придет в движение. Демографические потоки будут усиливаться, направляясь оттуда, где переизбыток населения и нагрузка на биосферу превышают предельные значения, туда, где жизненное пространство пусто или комфортно используется относительно небольшим количеством коренного населения. Как справедливо заметил в этой связи С.П. Капица: «В настоящее время исключительно возросла подвижность народов, сословий и людей. Как страны АТР, так и другие развивающиеся страны охвачены мощными миграционными процессами. Перемещение населения происходит как внутри стран, в первую очередь из сел в города, так и между странами. Рост миграционных процессов, охвативших теперь весь мир, приводит к дестабилизации как развивающихся, так и развитых стран. В XIX и XX вв., во время пика прироста населения в Европе, эмигранты направлялись в колонии, а в России — в Сибирь и республики Советского Союза. Теперь же возникло обратное перемещение народов, существенно меняющих этнический состав метрополий»¹. При этом он также отмечал, что «исторический процесс, который ранее занимал века, теперь крайне ускорился»². Если к этому добавить еще и то, что Земле по причине «парникового эффекта» грозит повышение уровня Мирового океана на 6–9 метров и, как считают специалисты, «некоторые из прибрежных районов планеты, на которых в настоящее время проживает порядка миллиарда человек, могут уйти под воду»³, то проблема массовой мигра-

¹ Капица С.П. Демографическая революция и Россия // Век глобализации. 2008. № 1. С. 138.

² Там же.

³ Земле грозит повышение уровня Мирового океана на 6–9 м // ТАСС. 23.01.2017. URL: http://tass.ru/plus-one/3964362?utm_source=nsp&utm_medium=tass&utm_campaign=tgb

ции в планетарном масштабе становится неизбежной. И дело только за временем.

3.7. Восточные ветры глобальных перемен

Возвращаясь к неравномерному распределению населения на планете, следует выделить два примерно одинаковых территориальных сегмента. Один из них — это слабозаселенная Россия и по большей части относительно неперенаселенный, но благоустроенный и достаточно комфортный для проживания Западный мир, включая Северную Америку, Австралию и Новую Зеландию. Это также, с определенными оговорками, и Южная Америка. Другой территориальный сегмент, напротив, предельно перенаселенный, напоминающий собой переполненное водохранилище, куда продолжают поступать все новые потоки воды при уже начавшемся разрушении дамбы, включает в себя, помимо Китая и Индии, практически всю Юго-Восточную Азию, Исламский регион и, в определенной мере, Африку.

Среди них Китай уже сегодня является безусловным лидером по числу населения, покинувшего пределы своей родины. И дело не только в том, что это самая населенная страна в мире, где, к тому же, почти две трети территории, практически непригодны для проживания и ведения хозяйства. Не менее важно и то, что Китай успешно интегрируется в современный глобальный мир. Об этом красноречиво говорит и тот факт, что на сегодняшний день китайский авиационный рынок — один из самых динамично развивающихся. Так, согласно прогнозу Международной ассоциации воздушного транспорта (МАВТ), «в ближайшие пять лет Китай обойдет США и к 2022 г. займет первое место по объему пассажирских авиаперевозок»¹.

Китайцы тонко уловили новые объективные мировые тенденции. Они своевременно почувствовали, и хорошо осознали, что глобализация — это то, что наилучшим образом отражает сегодня их интересы и в полной мере может работать на них. Глобализация дает им значительные преимущества, открывает

¹ Котова Е. Китай улетает от России на американских крыльях // Газета.ru. 09.11.2017. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2017/11/09/10977224.shtml>

новые возможности, и потому она им «мать родная». А главное — их много. И не просто много, индийцев почти столько же, но китайцы — глобально ориентированные, планетарные пассионарии, ярко выраженные прагматики, на что индийцы, образно говоря, «не тянут».

Китайцы теперь в числе основных игроков на мировой арене и дело идет к тому, что их позиции и влияние будут только укрепляться. Идея возрождения «Великого шелкового пути» (а также «Морского шелкового пути»), которую они словом и делом напористо продвигают в последние годы, или, например, призывы к созданию «единой мировой экологической цивилизации» — уверенные шаги в том же направлении. Если принять во внимание, что глобализацию они рассматривают не как угрозу, а как изначально объективное явление, открывающее им новые возможности и перспективы, то становится вполне очевидным, почему они сейчас самые главные «либералы», сторонники «открытых дверей», «единого человечества», «общей судьбы мирового сообщества», «глобальной экологической цивилизации», «межкультурного диалога», «открытого общества» и т.п. Перехватывая инициативу либерализма, китайцы ловят в свои либерально окрашенные паруса попутные ветры глобальных перемен. Теперь они не борются с культурными и техническими достижениями западной цивилизации и общечеловеческими ценностями, а принимая их и используя по существу западную либеральную риторику, вкладывают в нее свой смысл, согласующийся с их культурой, традициями и ценностями, которые принципиально отличаются от западных.

Так, например, китайцы по своему мировоззрению народ не религиозный. Даосизм и тем более, конфуцианство — это не столько религии, и даже не религии в нашем понимании, сколько философия, идеология, мировоззрение и образ жизни. У них нет Бога-творца, и в массе своей они, не обремененные умозрительными конструкциями о боге, рае, аде, загробной жизни и т.п., мыслят прагматично в желании овладеть знаниями и пониманием великого закона «Дао», стоя при этом на «Земле» (Инь), живя в «Поднебесной» (Китае) и устремляясь к «Небу» (Ян). Вслушиваясь в голоса природы, прильнув к вечности, стремясь к гармонии с окружающим миром, они наце-

лены на поиски путей овладения естественным законом «Дао». Т.е., они не возносят молитвы всевышнему, не надеются на помощь и поддержку потусторонних божественных сил, а рассчитывают, прежде всего, на самих себя. При этом китайцы никуда не торопятся, они хорошо понимают, что время и объективный ход мировых событий работает на них. И с распространением их по миру все будет происходить (да уже и происходит) мирно, спокойно, неспешно, в режиме взаимного сотрудничества и дозированного применения «мягкой силы», на которую они все больше обращают внимание и делают ставку. Иными словами, Китай — это затаившийся дракон, который уже взлетает, но в полной мере себя еще не явил миру, поскольку не афиширует свои амбиции, руководствуясь упомянутыми выше максимами Дэн Сяопина, сформулированными им для Китая¹.

Речь китайского лидера Си Цзиньпина в январе 2017 г. на открытии Давосского экономического форума наглядно продемонстрировала именно такой подход Китая к современным делам. Уже сам факт, что на этом знаменитом международном Форуме, открывая его, впервые выступал глава Китайского государства, речь которого была «суперлиберальной» и стала «одой рыночной экономике», говорит о многом. Си Цзиньпин выступил в защиту глобализации и призвал мировых лидеров отказаться от политики протекционизма. «Глобализация мировой экономики способствует всеобщему развитию, — сказал он и предложил по существу либеральную программу действий. — Мы должны сохранять приверженность свободной торговле и инвестициям. Мы должны продвигать либерализацию торговли и инвестиций, оказывать помощь и быть открытыми»².

Такой подход в международных экономических делах вполне согласуется с современной демографической политикой Китая. В частности, в настоящее время там уже отказались от принятой в 1979 г. программы планирования семьи, получившей название «одна семья — один ребенок». И дело не только в том, что к этому побудили социально-экономические причины и впол-

¹ См.: п. 2.9.

² Коммунизм за капитализм: Си Цзиньпин выступил в защиту свободной торговли // BFM.RU. 17.01.2017. URL: <https://www.bfm.ru/news/344109>

не очевидные возрастные «демографические перекосы». Существенным оказалось и то, что проводимая Китаем политика «открытых дверей» (а вовне они теперь буквально распахнуты настежь), позволяет все возрастающему количеству китайцев уезжать из страны, что ослабляет «демографический прессинг» у себя дома и, что еще более важно, образует по всему миру все более густую сеть китайского присутствия.

По существу, китайская ползучая демографическая экспансия пока еще не привлекла особого внимания широкой общественности, поскольку не так бросается в глаза, в частности, на фоне активного исламского заселения Европы. Мусульман в мире почти столько же, сколько и китайцев, но в массе своей, с точки зрения места их рождения, они более рассредоточены по странам и континентам. Они тоже пассионарны, к тому же имеют мобилизующую идеологию — ислам, и под его знаменами радикально настроенные переселенцы ведут себя более напористо, а то и вовсе вызывающе. Мусульманский мир вызывает беспокойство и тем положением, в котором он оказался в условиях глобализации. Она не дает исламским странам цивилизационных преимуществ, поскольку в значительной степени разворачивается на основе ценностей западной цивилизации. Хантингтон один из первых обратил на это внимание, когда рассуждал о «столкновении цивилизаций». Но суть дела намного сложнее — речь должна идти не о межкультурных столкновениях, а о культурно-цивилизационных различиях и противоречиях.

Еще одним из самых перенаселенных районов мира является Индия и прилегающие к ней страны, где живет каждый пятый из семи с половиной миллиардного населения Земли. Для них также остро стоит проблема переселения, но они пока не могут воспользоваться в этих целях преимуществами глобализации в такой же мере, как, например, китайцы. Во-первых, серьезным препятствием на этом пути является их иная — довольно сильно религиозно окрашенная ментальность, что делает их мировоззрение менее космополитичным. Во-вторых, здесь существенно выше уровень бедности и неграмотности, что серьезно тормозит мобильность населения, которая может быть значительно усилена только в случае слишком серьезных со-

циальных потрясений или масштабной катастрофы. В-третьих, экономическая, политико-идеологическая и демографическая экспансия на международной арене (по мощи, всеохватности и динамике) у Индии, по сравнению с Китаем, намного меньше. Наконец, ниша новых возможностей для обгона индийцами китайцев хотя бы в экономическом соревновании на мировой арене сегодня практически отсутствует. Иными словами, на узкой дороге всемирной гонки в условиях бескомпромиссной конкуренции обогнать китайцев индийцы чисто теоретически смогли бы, но лишь в том случае, если бы те уступили им дорогу, чего китайцы, конечно (не случись чего-то экстраординарного), не сделают, ощущая всегда в лице индийцев своих ближайших соперников и исторических конкурентов. И, все-таки, на этом этапе исторического развития более серьезными соперниками для китайцев в соревновании за освоение демографических ниш являются, пожалуй, мусульмане. Таким образом, в преддверии великого переселения народов, уже по существу начинается битва за то, кто вперед наводнит планету своим населением.

Понимают ли в остальном мире, и в Западном, в частности, всю степень серьезности мирового демографического сдвига, если не цунами? Скорее нет, чем да. И прежде всего, потому, что в Западном мире и в Европе, в особенности, не осознали еще принципиальной разности культурно-цивилизационных систем современного человечества, того, что люди Запада живут в окружении именно других культурно-цивилизационных систем, принципиально отличающихся от их собственной. Они не придают пока еще должного значения глобальным тенденция и переменам, открывающим ворота и двери национальных границ; не хотят признать, что их либерализм, толерантность и мультикультурализм при столкновении с другими культурно-цивилизационными системами оборачиваются против них же самих. Конечно, нельзя оспорить благородство и высокую духовность выстраданных и проверенных исторической практикой западного мира идей либерализма, гуманизма, прав человека (вплоть до соблюдения прав животных), мультикультурализма, толерантности и т.п., но нельзя также забывать и о том, что на исходе XX в. произошло с марксизмом, гуманистическая направленность и красота идей которого (что также трудно от-

рицать), не выдержали суровых испытаний конкретной практикой реальной жизни.

И, тем не менее, ощущение нарастающего напряжения в мире уже все больше становится реальностью. Так, по словам А. Чубайса — одного из участников уже упоминавшегося Давосского экономического форума, он почувствовал там нечто из ряда вон выходящее. «Самое точное описание нынешнего Давоса, — сказал он, — это ощущение ужаса от глобальной политической катастрофы. Причем, заметьте, по экономике ничего катастрофического не происходит»¹. Абсолютное большинство участников Всемирного экономического форума в Давосе испытывают ужас перед приближающейся, по их мнению, политической катастрофой, «мир, построенный после Второй мировой войны, рушится, его больше нет»², — резюмировал он.

Наиболее характерной реакцией на такое положение дел является, пожалуй, брекзит (выход Англии из ЕС). Это наиболее масштабный и решительный шаг, продиктованный разногласием в Евросоюзе относительно необходимости перемен и смены проводимого ныне курса, не учитывающего, в том числе, указанные выше проблемы и противоречия. Конечно, нельзя оставить без внимания и негативную позицию Венгрии, Польши, прибалтийских стран относительно приема у себя эмигрантов или, например, позицию М. Ле Пен, лидера французской политической партии «Национальный фронт», выступающей за выход Франции из Евросоюза, но они пока еще не находят должной поддержки и не играют определяющей роли в европейских делах.

Последние президентские выборы в США, на которых неожиданно для многих победил Д. Трамп, событие такого же рода. Трамп каким-то образом почувствовал главную угрозу своей стране — нарастающую и выходящую из под контроля эмиграцию; излишнюю открытость внешнему миру; утрату позиций в борьбе за установление демократии за пределами своей

¹ Чубайс рассказал об ужасе, охватившем участников форума в Давосе // РИА Новости. 20.01.2017. Экономический форум в Давосе — 2017. URL: <https://ria.ru/world/20170120/1486103110.html>

² Там же.

страны... Теперь он пытается реализовать свои предвыборные обещания на практике, ограничивая въезд в страну граждан ряда исламских государств, поддерживая идею строительства стены на границе с Мексикой, проводя протекционистскую политику и т.п. Однако в условиях глобального мира и всеобщей взаимозависимости все это может дать лишь временный, ситуативный эффект, но не решает проблемы в принципе.

Многоаспектная и все усиливающаяся глобализация не оставляет ни США, никаким другим странам (во всяком случае, на отдаленную перспективу) серьезных шансов закрыться в пределах своих границ или отгородиться друг от друга какими бы то ни было заборами. И китайцы это хорошо почувствовали, потому что стремятся смотреть на мир через призму объективных тенденций и мыслить глобальными категориями на большие дистанции. Подтверждением тому являются слова Си Цзиньпина, которые он произнес на Давосском форуме, ратуя за политику «открытых дверей». «Необходимо сказать “нет” протекционизму в экономике. Потому, что это все равно, что запереться в темной комнате: вы защитите себя от дождя и ветра снаружи, но воздух и свет внутрь также попасть не смогут»¹, — сказал руководитель Китая. По существу Китай делает заявку на то, чтобы наряду с США и другими странами Запада выступать в качестве ведущего игрока глобализации, о чем достаточно ясно высказался в Давосе китайский лидер, когда сказал, что «некоторые люди винят глобализацию за хаос в современном мире. Действительно, она создала проблемы, но нельзя из-за этого полностью отказываться от глобализации. Нужно направлять ее, минимизировать негативные последствия, давая вкусить плоды всем странам. Мировая экономика — как океан, от которого не отгородишься. Но Китай научился в нем хорошо плавать»². Еще более четко на этот счет высказался глава департамента международного экономического сотрудничества

¹ Коммунизм за капитализм: Си Цзиньпин выступил в защиту свободной торговли // BFM.RU. 17.01.2017. URL: <https://www.bfm.ru/news/344109>

² *Сухарева О.* Шелковый путь все увереннее становится на ноги // Ритм ЕВРАЗИИ. 10.02.2017. URL: <http://finobzor.ru/show-31487-shelkovyy-put-vse-uverennee-stanovitsya-na-nogi.html>

МИД страны Чжан Цзюнь, который заявил: «Раз уж требуется, чтобы Китай играл роль лидера, то мы должны взять на себя эту ответственность»¹.

Итак, можно сказать, что в то время как Европа проявляет определенную осторожность и осмотрительность в международных делах, Соединенные Штаты, как относительно молодая культурно-цивилизационная система ведут себя несколько иначе. Американцы прагматики и потому мыслят по большей части тактически, на короткие дистанции. Они не любят и не хотят ждать. Они хотят иметь результат уже сейчас, «здесь и теперь», а потому обычно действуют активно, инициативно, по-деловому, концентрируясь на решении тактических задач даже тогда, когда говорят о стратегических целях. Сущность такого мировоззрения наилучшим образом передают слова одного из наиболее ярких представителей американской философской мысли У. Джемса, который так определил кредо американского прагматизма: «Мы стоим в горном проходе, среди снегов и вихрей, окутанные туманом, сквозь который иногда открывается вид на тропинки, быть может ненадежные. Если мы будем стоять без движения, мы рискуем замерзнуть; если мы выберем ложный путь, мы можем разбиться насмерть; мы даже не знаем наверное, есть ли истинный путь? Что же нам делать? Не терять присутствия духа! Действовать, надеясь, что все к лучшему, а там будь что будет!»². Именно так и поступают США, внешняя политика и конкретные действия которых во Вьетнаме, Ираке, Югославии, Афганистане, Ливии, Сирии — наглядное тому подтверждение. Главное — действовать! А что потом? Этот вопрос появляется, как правило, потом...

Иначе обстоит дело с культурно-цивилизационными системами, история которых насчитывает многие столетия и тысячелетия. Там мыслят стратегическими категориями на длинные дистанции и умеют ждать: не спешат ни в словах, ни в делах, добиваясь поставленных целей. Китай или, например,

¹ *Сухарева О.* Шелковый путь все увереннее становится на ноги // Ритм ЕВРАЗИИ. 10.02.2017. URL: <http://finobzor.ru/show-31487-shelkovyy-put-vse-uverennee-stanovitsya-na-nogi.html>

² *Джемс У.* Зависимость веры от воли. СПб., 1904. С. 35.

Иран — примеры такого рода культурно-цивилизационных систем. Можно сколько угодно иронизировать над известным выражением «тысяча первое китайское предупреждение» или над очередным уже изрядно поднадоевшим заявлением, что «Тайвань — это Китай», но приходит время, и Гонконг, Макао, принадлежность которых Поднебесной повторялась китайцами как мантра более ста лет, снова оказываются под юрисдикцией Китая...

Пример Китая наглядно показывает, что в решении сложных и масштабных вопросов принципиальное значение имеют не разовые или тактические решения, а стратегически выверенные цели и задачи. Отсюда, безучастно ждать Всемирного демографического потопа, или же действовать «здесь и теперь», строя от безысходности «дамбы»¹, дело безнадежное и бесперспективное. Куда важнее осознать универсальный характер проблемы и предпринять реальные шаги к совместному решению этой и многих других проблем глобального масштаба, поскольку, как еще в конце XX в. было показано, что все эти проблемы «цепились друг с другом подобно щупальцам гигантского спрута, опутали всю планету...»². Теперь в бескомпромиссной борьбе на выживание не запутаться бы в лабиринтах всеобщей конфронтации и, что самое главное, не потерять бы времени на поиск конструктивных решений; а оно, это время, все быстрее и быстрее сжимается, как шагреневая кожа в бальзаковском романе.

3.8. Мегатренды и угрозы глобального мира

Основным трендом мирового развития на протяжении, как минимум, последнего столетия является *глобализация*, которая в качестве объективно-исторического процесса имеет свою предысторию и этапы становления³. Важно подчеркнуть при этом, что глобализация — это лишь один из процессов плане-

¹ Читай — городить заборы, на что пошли в некоторых странах Европы, чтобы остановить волны нелегальных эмигрантов, или строить стены между соседними странами, как то уже делается в Израиле и США.

² Печчи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1980. С. 7.

³ См.: Чумаков А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира: монография. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017.

тарного масштаба, которые имеют место на планете с тех пор, как она примерно 4,5 млрд лет тому назад сформировалась в круглое небесное тело, т.е. глобус, имя которому — Земля. Так, глобальный характер уже изначально имели литосферные процессы, за которыми последовали гидросферные и атмосферные. Затем около 4 млрд лет тому назад появилась жизнь на Земле, которая также стала глобальным явлением, именуемым биосферой. Все эти процессы до появления к началу XX в. глобального человечества в качестве «мощной геологической силы» (по образному выражению В.И. Вернадского), разворачивались исключительно по объективным природным законам. Теперь же тренды развития корректировались под влиянием субъективного фактора, а именно, хозяйственной и экономической деятельности человека. При этом если на геологические (литосферные) процессы человек сегодня практически никак не влияет, то на гидросферные уже оказывает заметное влияние, загрязняя водные бассейны, регулируя стоки рек, строя водохранилища и т.п. Также все большую антропогенную нагрузку испытывает и атмосфера, которая помимо загрязнения еще и нагревается, что чревато серьезными последствиями поднятия уровня Мирового океана и затоплением значительных территорий суши. Рамочная конвенция ООН об изменении климата (1992) и дополнительный документ к ней — международное соглашение, принятое в Киото (Япония) в декабре 1997 г. (Киотский протокол) в целом пока не принесли ощутимых результатов, и угроза катастрофических последствий от повышения температуры атмосферы только нарастает. Еще большее воздействие усиливающаяся человеческая деятельность оказывает на биосферу, где ускоренными темпами происходит деградация окружающей среды и вымирание отдельных видов фауны и флоры. Отмеченные воздействия человека на живую и неживую природу самым непосредственным образом связаны с глобализацией, которая протекает в триосфере¹, где человек в качестве ее составной части своей креативной деятельностью оказывает влияние на естественные процессы.

¹ См.: Чумаков А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира: монография. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. С. 178–183.

Термином «глобализация» с конца XX в. стали обозначать такие глобальные процессы, которые непосредственно связаны с деятельностью человека в планетарном масштабе. А это значит, что начало глобализации не только можно, но и необходимо отсчитывать с того момента, когда на рубеже XV—XVI вв. открытием Америки, и что еще более важно, первым кругосветным путешествием было практически доказано, что Земля круглая. После путешествий Колумба и Магеллана, а точнее — с эпохи Великих географических открытий, люди не только поняли, что они живут на глобусе, но и реально стали взаимодействовать в масштабе всей планеты.

Именно с этого времени и можно говорить о начале *реальной глобализации*, которая с середины XIX в. сменилась *глобализацией фундаментальной*, поскольку к тому времени глобальные процессы уже в полной мере охватили такие сферы общественной жизни, которые составляют фундамент любого общества — экономику и политику, окончательно сделав их глобальным явлением. Во второй половине XX в., когда человек вышел в космос, и началась информационно-технологическая революция, в орбиту глобализации были втянуты уже практически все сферы (все аспекты) общественной жизни, и глобализация в полном смысле этого слова стала *многоаспектной*.

Теперь, в первой четверти XXI в., мы переживаем еще один переход — от многоаспектной глобализации к *тотальной*, отличительной особенностью которой является ее полное доминирование во всех сферах общественной жизни на международном уровне. Уже сегодня никто без соответствующих последствий для себя не может проигнорировать того, что он живет в едином глобальном мире, где все происходит в условиях реальной и тотальной взаимозависимости. При этом по ряду таких параметров как *территориальный охват*, *экологическая* и *информационная* составляющие жизни общества глобализация к настоящему времени практически завершила свое поступательное развитие, иными словами, «замкнулась», т.е. окончательно завершилась. Если быть более точным, то буквально она «замкнулась» только по *географическому* параметру, поскольку после открытия и исследования к концу XIX в. всей поверхности Земли, а тем более, после выхода человека в космос и появления возможно-

сти мониторить эту поверхность в режиме реального времени, на планете не осталось ни одного «темного пятна». Пределы нарастания глобализации достигнуты и в таких сферах как экологическая и информационная. Здесь национальные границы или какие бы то ни было другие ограничения для протекания процессов или распространения информации в глобальных масштабах перестали быть преградой и уже не имеют принципиального значения. Таким образом, и относительно этих сфер вполне уместно говорить о «замыкании», т.е. практическом завершении глобализации, тогда как в остальных сферах общественной жизни этот процесс вряд ли завершится, во всяком случае, в обозримом будущем.

Дело в том, что в сфере информации, а также экологии процессы, которые протекают на локальном, региональном и глобальном уровнях, так тесно взаимосвязаны и переплетены, что их практически невозможно отделить друг от друга. Локальные, они же по большей части, являются проявлением региональных, и в то же время, совместно с ними, в подавляющей степени составляют содержание таких же процессов на глобальном уровне. Так, любая информация глобального значения сразу же становится доступной в любой точке планеты и наоборот, информация локального или регионального уровня при соответствующих обстоятельствах в одночасье может получить распространение на весь мир. Так же и в экологии — все проблемы глобального масштаба вырастают до такого уровня из частных и локальных проблем, когда, например, вредные выбросы одного предприятия накладываются на такие же выбросы другого, усиленные затем третьим источником загрязнения и т.д. Таким образом, любые негативные экологические рецидивы на глобальном уровне всегда имеют свои региональные и локальные проявления. Именно поэтому нельзя решить общие экологические проблемы, не решая их в каждом конкретном случае, на местах.

Иначе обстоит дело в экономике, политике или, например, в культуре. Здесь диалектика отношений локального, регионального и глобального заключается в том, что местные (локальные) и региональные формы организации деятельности людей в этих сферах относительно автономны и далеко не всегда

взаимосвязаны с аналогичными структурами и процессами на глобальном уровне. Одни из них могут испытывать сильную зависимость от достижений или потрясений на мировой арене, тогда как другие не реагируют на такие изменения. Также и наоборот, обострение проблем и даже коллапс в той или иной стране, а то и в отдельном регионе, может никак не сказаться на ситуации в мире в целом. Все это означает, что глобализация в таких сферах и дальше будет усиливаться, но лишь в той мере в какой национальные государства и международные структуры и организации будут идти на сближение в своих взаимоотношениях. Но, как показывает динамика и вектор геополитических перемен, о завершении глобализации в обозримой перспективе говорить не приходится. А вот то, что уже в текущем столетии она окончательно оформится в качестве тотального планетарного явления и будет всецело определять отношения на международном уровне, сомневаться не приходится. В последующих главах мы еще вернемся к тенденциям и возможностям становления глобального человечества в качестве единой согласованно действующей системы, теперь же рассмотрим основные угрозы, которые уже принесли и еще принесут с собою ветры глобальных перемен.

То, что мы живем в нестабильном, переполненном противоречиями мире, не требует доказательства. Но это еще не самое худшее, что могло бы случиться уже теперь, но в силу определенных обстоятельств пока еще не случилось. Значит ли это, что и дальше все будет относительно благополучно? Вовсе нет. И тому есть немало серьезных причин, на которые указывали уже первые исследователи глобальных проблем в 70–80-е гг. XX столетия¹. И эти причины никуда не делись, даже более того, дополнились новыми. Они заключены, прежде всего, в агрессивной природе самого человека, в его потребительском отношении к природе и в научно-технических достижениях, которые сделали жизнь современных людей более комфортной и продолжительной, что стало одной из главных причин «де-

¹ Глобалистика. Персоналии, организации, труды. Энциклопедический справочник / гл. ред., сост. И.В. Ильин, И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. 2-е изд., стер. М.: Кнорус, 2016.

мографического взрыва» в XX в. Достаточно сказать что, если начало этого столетия человечество встретило с населением в 1,6 млрд человек, то на исходе его оно насчитывало уже немногим более 6 млрд, т.е. по историческим меркам за предельно короткий срок увеличилось почти в 4 раза.

Итак, с тех пор, как глобальные проблемы оказались в центре научного и широкого общественного внимания, прошло почти полвека. Однако острота и опасность, которую они представляют для людей и сегодня, нисколько не ослабли. В попытках ответить на вопрос — «почему это так?», следует отметить, что на начальном этапе становления глобалистики в центре внимания оказались вначале глобальные проблемы, а о глобализации, обусловившей появление этих проблем, не было и речи. Она тогда еще не стала предметом внимания и специального анализа, а потому все усилия были направлены на поиск путей и средств преодоления глобальных проблем современности. Теперь же, когда выяснилась непосредственная взаимозависимость глобализации и глобальных проблем, стало очевидным, что преодоление, устранение из жизни общества глобальных проблем — заведомо невыполнимая задача.

В этой связи важно подчеркнуть, что у человечества всегда были и будут самые разные проблемы, специфика и характер которых предопределяются соответствующим историческим этапом, конкретными условиями и уровнем развития общества. Иными словами, по мере «взросления» человечества адекватно изменяющимся обстоятельствам меняется и характер его проблем. Так, в эпоху первобытного общества, когда оно было раздробленным и фрагментарным, соответственно, и проблемы у людей были локальными, частными. Затем, на более поздних ступенях общественного развития, с расширением масштабов социальной активности, локальные проблемы дополнились региональными.

Теперь же, когда человечество вышло на глобальный уровень, у него и проблемы стали глобальными, что вполне логично: у глобального человечества просто по определению не может не быть глобальных проблем. Они еще больше усложнили систему общественных противоречий, как бы надстроившись над проблемами частными, локальными, региональными. А это

означает, что с ними нельзя справиться в том смысле, чтобы преодолеть их, удаляя раз и навсегда. Такие проблемы нельзя решить окончательно, т.е. устранить, элиминировать их из жизни общества, как это ставилось в качестве первоочередной задачи на ранних этапах развития глобалистики.

«Преодолеть глобальные проблемы», «ликвидировать глобальные угрозы» или «устранить риски опасных заболеваний, техногенных катастроф, социальных конфликтов» и т.п. — не только не реальная, но и в принципе не верно сформулированная задача. К тому же такой подход предполагает и соответствующее видение ситуации, и определенную программу действий. В конечном счете, все это может оказаться не таким уж безобидным заблуждением, ибо не только не сулит положительных результатов, но и грозит нерациональным использованием ресурсов, потерей драгоценного времени, разочарованием и утратой веры в собственные силы. И все потому, что при таком подходе ставится ложная цель, и предпринимаются усилия решить задачу, у которой в данной постановке не может быть решения в принципе.

Глобализацию отменить или повернуть вспять нельзя, как нельзя и глобальные проблемы решить окончательно и непременно. Однажды появившись, они будут теперь всегда, и решать их придется постоянно. С этим надо просто смириться и научиться жить, понимая, что ослабление внимания к глобальным проблемам, неумение правильно их воспринимать и адекватно реагировать на глобальные риски и вызовы, сулит большие неприятности, а то и катастрофу. Это новая реальность, новое качество изменившегося (нового) человечества. И как бы того не хотелось кому-то, но нужно признать, что мировое сообщество, пока оно будет оставаться именно в таком качестве, с необходимостью будет иметь дело с различными проблемами, в том числе и глобального масштаба. И дело теперь заключается не в том, чтобы полностью справиться с проблемами глобального масштаба, а в том, чтобы эти проблемы и риски представляли по возможности наименьшую угрозу и не подрывали основы существования жизни на Земле.

В этой связи важно подчеркнуть, что уже первые серьезные исследования, положившие начало глобалистике, дали тот ре-

зультат, что были выделены критерии глобальности, названы наиболее важные глобальные проблемы современности и предложены различные типы их классификации¹. Теперь же, подводя итоги осмысления этих проблем и оценивая результаты усилий по их преодолению, сделаем самые общие выводы относительно того, что выдержало испытанием временем и что принципиально изменилось за половину столетия. Отметим в этой связи, что среди всех типов классификации глобальных проблем наиболее оптимальной и в последующем наиболее разработанной оказалась та, которая в основе своей была предложена В.В. Загладиным и И.Т. Фроловым². По этой классификации все глобальные проблемы (в зависимости от сферы общественных отношений, где они возникают) делятся на три большие группы:

1. Проблемы взаимодействия природы и общества.
2. «Интерсоциальные» проблемы.
3. Проблемы системы «человек — общество»³.

Принимая известную долю условности предложенной схематизации, мы и сегодня вполне можем использовать именно такой подход к осмыслению «крупным планом» наиболее серьезных опасностей, которые угрожают современному человечеству. Рассмотрим их по уже проверенной временем и доказавшей свою эффективность схеме.

Итак, к числу проблем *взаимодействия природы и общества* изначально относили: *ограниченность природных и энергетических ресурсов, продовольственную проблему и проблемы окружающей среды*.

Актуальность практически всех их с тех пор несколько не ослабла, хотя необходимо отметить, что определенные успехи в их решении, и порой значительные имеются. В особенности это касается *экологии* и именно тех стран и регионов, где ей

¹ Глобалистика: Международный междисциплинарный энциклопедический словарь / гл. ред.: И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. М.; СПб.; Н.-Й.: ИЦ «ЕЛИМА», ИД «Питер», 2006. С. 228–232; 408–409; 463–465.

² Загладин В.В., Фролов И.Т. Глобальные проблемы современности: научный и социальный аспекты. М., 1981. С. 35–36.

³ Глобалистика: Энциклопедия / гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков; Центр научных и прикладных программ «Диалог». М.: Радуга, 2003. С. 442–445.

уделяется большое внимание, где на охрану окружающей среды, развитие безотходных и экологически безопасных производств и технологий, наконец, на экологическое образование выделяются значительные средства. Там, как показывает реальная практика, несмотря на увеличение плотности населения и значительно выросшие объемы производства, экологическая ситуация за прошедшие десятилетия даже улучшилась. Примерами подобного рода могут служить европейские реки и водоемы, Великие озера в Северной Америке или, например, такие города как Токио, Чикаго, Сеул и др.¹

Положительные изменения есть и в отношении *продовольственной проблемы*, которая относительно прошлых прогнозов не слишком сильно прогрессирует, благодаря «зеленой революции» и современным технологиям, применяемым в сельском хозяйстве. Острота *энергетической проблемы* также не стоит теперь так остро, как ожидалось к настоящему времени еще несколько десятилетий тому назад. Это произошло за счет более рационального энергопотребления, внедрения возобновляемых источников энергии, открытия новых месторождений, использования новейших технологий добычи сланцевой нефти и газа и т.п. Как отмечают специалисты, «самыми мощными в 2025 г. станут государства, которые научатся экономить ресурсы и использовать их более целесообразно» на основе возобновляемых источников энергии и переработки мусора².

В то же время в сфере взаимодействия природы и общества в последние десятилетия появились новые проблемы, которые наряду с некоторыми прежними выдвинулись на передний план наиболее опасных угроз. Так, *глобальное потепление* с каждым годом вызывает все большее беспокойство, поскольку оно быстрыми темпами нарастает и чревато повышением уровня мирового океана со всеми вытекающими отсюда катастрофическими

¹ См.: *Копнов А.* Токио: на пути к экополису // Охрана окружающей среды: <http://www.ekologichno.ru/ecologia/ecologia8.html>; Город Чикаго (США) — Город контрастов / ОТЗОВИК. 11.10.2014. URL: http://otzovik.com/review_1386328.html; Центр Сеула — экологический оазис на месте бетонной автомагистрали / livejournal. 27.11.2012. URL: <http://rsabc.livejournal.com/29792.html>

² Думаете, что мир нестабилен? Это еще цветочки / InoPressa. 02.09.2011. URL: <http://www.inopressa.ru/article/02Sep2011/foreignpolicy/2025.html>

последствиями. Отдельные страны и даже огромные регионы, в особенности перенаселенные и быстроразвивающиеся, а также наименее развитые с высоким уровнем бедности столкнулись с катастрофическим *загрязнением атмосферы и водных бассейнов* в пределах своих границ. Прежде всего, это Китай и Индия, где густой смог уже не только в городах, но и на обширных плотно заселенных территориях стал обычным явлением, а многие реки превратились в сточные канавы. Серьезную и все возрастающую угрозу для жизни и деятельности всего мирового сообщества представляют также: *загрязнение мирового океана, опустынивание, накопление космического мусора* и другие масштабные проблемы системы «природа-человек».

В группе **«интерсоциальных» проблем** примеров достижения позитивных результатов практически не наблюдается. Более того, изначально обозначавшиеся здесь проблемы стали, пожалуй, еще более актуальными. Так, проблема *предотвращения ядерной угрозы, прекращения войны и сохранения мира* в последние годы не ослабла, а только обострилась. Многочисленные военные конфликты и локальные войны практически непрерывно ведутся в различных частях планеты; информация о них и ужасах войны не сходит с экранов телевизора и передовых полос средств массовой информации. Запретительные меры в отношении испытания и распространения ядерного оружия, периодически и закулисно нарушаются, а само оно, как и прежде, активно используется в качестве шантажа и демонстрации решимости применить это оружие как «средство возмездия».

Не лучше обстоят дела и с другой проблемой этой группы — *преодолением отсталости социально-экономического развития*. В свое время в докладах Римскому клубу, а также во множестве специальных публикаций на эту тему указывалось на огромный и все возрастающий разрыв в социально-экономическом развитии между различными странами и обосновывалась необходимость установления нового международного экономического порядка¹. Об этом тогда достаточно красноречиво сказал кубин-

¹ Глобалистика: Энциклопедия / гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков; Центр научных и прикладных программ «Диалог». М.: Радуга, 2003. С. 317–318; *Mesarovic M., Pestel E. Mankind at the Turning Point*, Dutton. New York, 1974;

ский лидер Фидель Кастро: «Я понимаю, что наш мир — и это особенно относится к Третьему миру — включает в себе огромное разнообразие концепций, идеологий, верований и представлений, которые значительно различаются между собой. Однако у нас есть и нечто общее даже с теми, кто представляет “развитый мир”: наша ответственность перед человечеством. Но прежде всего общими для развивающихся стран являются наши национальные экономические интересы, мучительные проблемы ужасающей нищеты и отсталости, огромная внешняя задолженность, которую большинство наших стран не в состоянии выплатить, все более несправедливые и неравноправные условия торгового обмена.., тяжелейшее историческое наследие — результат многовекового колониального и неоколониального грабежа наших стран, продолжающих и сейчас страдать от эксплуатации, которая стала как никогда изощренной, беспощадной и жестокой. Общими являются и горькое чувство беспомощности, которое испытывают многие правительства перед лицом подобных проблем, и озабоченность государственных деятелей политической нестабильностью, порождаемой этими проблемами».

Реальность и перспективы в целом настолько мрачны, что могли бы породить пессимизм и уныние, не будь мы уверены в правоте наших устремлений»¹.

Что изменилось с тех пор, как в 1983 г. были сказаны эти горькие и почти на грани отчаяния слова? Что-то изменилось, но по сути проблема бедности стала еще острее, хотя фрагментарно и относительно ограниченного количества стран, например, в Юго-Восточной Азии или Южной Америке ситуация несколько выправилась за счет ускоренного экономического роста в них. Как показывают результаты исследования ООН, «число

Tinbergen Jan (coordinator). RIO-Reshaping the International Order, Dutton. New York, 1976; *Guernier M.* Tiers-Monde: Trois Quart du Monde, Dunod. Paris, 1980; *Giarini O.* Dialogue on Wealth and Welfare, Pergamon Press. Oxford, 1980.

¹ *Кастро Ф.* Экономический и социальный кризис мира. Его последствия для развивающихся стран, его мрачные перспективы и необходимость бороться, если мы хотим жить. / Доклад, представленный VII Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран. Oficina de Publicaciones del Consejo de Estado, 1983. М.: Прогресс, 2013.

неимущих, живущих менее чем на 1,25 долл. США в день, в мире в целом сократилось за 1990–2005 гг. с 1,8 млрд до 1,4 млрд человек, однако это сокращение практически полностью достигнуто за счет Китая. В странах Африки к югу от Сахары и в Южной Азии число бедных в абсолютном выражении увеличилось. В то же время с начала 1980-х годов практически во всех странах наблюдается рост неравенства в доходах»¹. Таким образом, в целом проблема еще больше усугубилась, причем не только за счет увеличения разрыва неравенства между самыми богатыми и наиболее бедными странами, но и внутри практически всех стран мира, где запредельная показная роскошь и изобилие совсем немногих соседствует с ужасающей нищетой абсолютного большинства.

Об этом же говорят и результаты исследования международной организации Oxfam, представленные в 2016 г. на Всемирном экономическом форуме в Давосе, «разрыв между богатыми и бедными продолжает расти. В конце прошлого года он достиг критической точки. Теперь 1% самых обеспеченных людей планеты стал владеть большим богатством, чем оставшиеся 99% жителей»². Подсчеты были основаны на статистике швейцарского банка Credit Suisse, которая содержит и другие, еще более впечатляющие цифры. «Так, за последние несколько лет состояние всего 62 мировых толстосумов (лидеров списка Forbes) выросло почти в полтора раза и составило \$1,76 трлн. Для сравнения, столько же имеют за душой 3,5 млрд беднейших жителей планеты вместе взятых»³.

Такое положение дел не только аморально по своей сути, но и предельно опасно, поскольку является питательной средой для всевозможных форм социальных потрясений и роста преступности. Вполне логично предположить, что в перспективе имущественное неравенство и расслоение в развитых странах

¹ Глобализация как фактор социальных перемен в современном мире: Сб. обзоров и реф. / РАН. М.: ИНИОН, 2012. С. 104.

² *Беляков Е.* Один процент самых богатых людей владеют половиной мира // Комсомольская правда. 18.01.2016. URL: <http://www.kp.ru/daily/26481.5/3351655/>

³ Там же.

будет только нарастать, порождая социально-политическое напряжение и ситуацию нестабильности в обществе. Необратимо изменятся и отношения граждан с правительством, и взаимоотношения правительств разных стран. Поскольку все это сопряжено с коренными переменами системы ценностей и мировоззрения, то человечество, по всей очевидности ожидает череда серьезных кризисов, катаклизмов и потрясений, без которых такие перемены в исторически короткие сроки не происходят.

В этой связи важно подчеркнуть, что ориентация на постоянный экономический рост, на котором весь мир буквально помешался, полагая, что именно здесь решение проблемы, это путь в никуда. То, что постоянно расти невозможно, было хорошо показано еще в первом докладе Римскому клубу «Пределы роста»¹. Но дело не только в этом; не менее важно и то, зачем, ради чего нужен этот рост? И в самом деле, что толку от такого роста, если все дополнительные прибыли направляются на войну, оружие и увеличение богатства и без того сверх богатого меньшинства?! С другой стороны, ориентация на постоянный экономический рост и увеличение ВВП — это, с точки зрения долгосрочной перспективы и стратегического развития мира в целом, пагубная линия поведения уже хотя бы в силу исчерпаемости ресурсов и ограниченности физических параметров нашей планеты.

Международный терроризм и транснациональная преступность — еще одна предельно острая угроза современному миру, вышедшая сегодня на передний край в группе «интерсоциальных» проблем. Она стала отличительной чертой многоаспектной глобализации, подобно спруту охватывая своими щупальцами буквально всю планету. И это не только все более изощренные *террористические акты* и рост *преступных организаций* и всевозможных *криминальных группировок*; это также *наркоторговля, незаконный оборот оружия, финансовые аферы и уход от налогов* и мн. др.

¹ Donella H. Meadows, Jorgen R., Dennis L. Meadows, William W. Behrens. The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind. Universe Books, 1972.

Наконец, третья группа глобальных проблем, так или иначе связанных с *системой «человек — общество»*, только усиливает свою актуальность как по причине недостаточного внимания к ним, так и за счет дифференциации прежних и появления все новых угроз глобального масштаба. Практически ни одна из перечислявшихся прежде проблем подобного рода к настоящему времени не снизила своей актуальности, тогда как многие еще больше обострились. Ключевое место среди них занимает *глобальная демографическая проблема*, которая наиболее ярко проявляется в двух своих негативных аспектах — неконтролируемый взрывной рост народонаселения в одних регионах и депопуляция в других. Это, как уже указывалось выше, порождает принципиально новую угрозу мирового масштаба — *великое переселение народов*¹. Другой аспект этой проблемы — старение населения, поскольку оно увеличивается не столько из-за роста рождаемости, сколько благодаря увеличению продолжительности жизни.

Проблемы *здравоохранения, образования, сохранения и развития культурного наследия* и другие для абсолютного большинства жителей Земли остаются как и прежде предельно актуальными.

Наконец, взрывной характер развития *научно-технического прогресса* наряду с бесконечным множеством позитивных достижений и полезных результатов, а также открытием новых перспектив порождает в то же время массу принципиально новых проблем и угроз. Одна из них, вся степень опасности которой сегодня еще, пожалуй, не до конца осознается, стремительно разворачивается на наших глазах. Речь идет о *киберпреступности*. Как вредоносный вирус эта новая напасть, порожденная информационно-технологической революцией, внедряется во все сферы общественной жизни от частной переписки и личного пространства граждан до транснациональных финансовых махинаций и международной политики. Особую опасность в этой связи представляют хакерские атаки, поскольку возрастает степень незащищенности как производственных структур, ядерных электростанций, буровых платформ, электрических и телекоммуникационных сетей, так и политических систем,

¹ См.: Глава 3, п. 3.5.

когда происходит вмешательство в выборные процессы суверенных государств и развязываются информационные войны.

Среди угроз этого же ряда следует выделить: *создание высокотехнологичных и все более совершенных видов оружия и средств массового поражения*. Особая опасность этой проблемы — утрата развитыми странами монополии на высокоточные ракеты, бомбы, беспилотники и т.п., которыми могут обзавестись, в том числе, и террористические организации. И это при том, что деструктивная сила немногочисленных групп людей при современных коммуникациях и средствах связи резко возрастает. Следует отметить также потенциальную возможность появления кардинально новых методов ведения боевых действий, которые сделают жизнь намного опаснее. В частности, прогресс в области биотехнологий может привести к созданию патогенов, поражающих только людей с определенными генами.

Необходимо указать также на *роботизацию производства и внедрение техники во все сферы человеческой деятельности*, что сопряжено как с положительными, так и с негативными последствиями. Можно привести массу примеров такого рода от генной инженерии и нано-технологий до полностью автоматизированных промышленных структур и исследований космоса, когда техника начинает жить собственной жизнью, а человек попадает в жесткую зависимость от машин и технических изобретений.

Следует заметить в этой связи, что первые упоминания о наступлении технологической революции, основанной на информации, появились еще в начале 1960-х. То было время, когда вычислительные машины только начинали внедряться в отдельные сферы общественной жизни. Тогда же предпринимались и первые попытки осмыслить перемены в экономике и социальной сфере под влиянием набиравших в то время силу телекоммуникационных и информационных процессов. За прошедшее с тех пор время человечество окончательно вступило в область глобального информационного пространства. И дело теперь не только в том, что качество и направленность информации могут заведомо и далеко не с лучшими намерениями искажаться, противоправно использоваться во вред или против кого-то, а в том, что информация стала реальной властью,

силой, которая нередко оказывается в руках далеко не всегда самых лучших людей. Можно сказать и так — информация стала сегодня эффективным и широко распространенным оружием.

Еще одно негативное явление, связанное с современным этапом научно-технического прогресса, заключается в том, что капитал и новейшие технологии аккумулируются преимущественно в высокоразвитых странах, что ведет к оттоку интеллектуального потенциала и высококвалифицированных специалистов из бедных государств и регионов в богатые. Этот процесс «утечки мозгов» является характерной особенностью информационной революции, когда развитые страны «скупают» интеллектуальный потенциал со всего мира, не оставляя практически никаких шансов аутсайдерам преодолеть свое отставание, а тем более, выйти на уровень устойчивого развития¹. Вполне очевидно, что при сложившемся в современном мире неравенстве доходов и возможностей извлекать выгоду из информационно-технологической революции и дальше сможет только явное меньшинство жителей Земли, так как внедрение высоких технологий требует высокого уровня образования и больших капиталовложений, а они, как известно, распределены весьма неравномерно.

Также важным следствием достижений научно-технического прогресса являются колоссально возросшие возможности манипулирования индивидуальным и общественным сознанием. Сама по себе такая манипуляция не является чем-то новым, но в условиях многоаспектной глобализации и информационной революции, она становится не только качественно иной, но и возможной уже по отношению ко всему населению мира. Новое ее качество проявляется в том, что современные средства массовой информации, глобальная сеть Интернет, наконец, массовое искусство позволяют осуществлять изменение массового сознания. Примером таких технологий «высокого воздействия на человека», получивших название хайхьюм, являются масс-медиа, когда какая-то масштабная трагедия, например с целью успокоить общественное мнение, показывается

¹ См.: *Ивахнюк И.В.* Международная миграция как ресурс развития (замечания в связи с глобальной дискуссией) // Век глобализации. 2011. № 1(7).

как незначительный инцидент и наоборот, какое-нибудь несогласие нескольких людей по незначительному вопросу выдается за широкое общественное мнение.

Подводя итоги рассмотрения опасностей, проистекающих из научно-технического прогресса, важно подчеркнуть, что и он сам, и его достижения являются нейтральными, т.е. не заключают в себе ни положительного, ни отрицательного содержания и приобретают его лишь в зависимости от того, как, при каких обстоятельствах и в каких целях они используются. Отсюда и научно-технические достижения, и связанные с ними высокие технологии могут быть направлены как на благо, так и во вред человеку, что весьма характерно для современного мира. Общий же вывод вполне очевиден — угроз становится все больше, а должного внимания к ним, тем более конструктивных шагов по их предотвращению, явно недостаточно.

Выводы

1. В последнее десятилетие значительно усилился дисбаланс и турбулентность не только в области глобальной экономики и международных отношений в целом, но и во взаимоотношении общества с природой, что является прямым следствием нарастания всеобщей взаимозависимости в глобальном мире и в то же время отсутствия в мировом сообществе согласованных решений и скоординированных действий.
2. В осмыслении глобальной проблематики научная мысль все больше поворачивается к вопросам мировоззренческого, этического плана, когда главная причина мировых проблем усматривается как в культурно-цивилизационных различиях общественных систем, так и в природной сущности самого человека.
3. Многоаспектная глобализация сделала ареной взаимодействия людей уже не отдельные территории и регионы, а все пространство Земли, в результате чего нарастающие миграционные потоки расширились до планетарных масштабов. В итоге, одной из самых актуальных проблем глобального масштаба уже в обозримом будущем станет *масштабная волна переселения значительных человеческих масс*. Эти процессы, выходящие из-под контроля, основательно перекроют современную карту мира и кардинально изменят этнический состав населения планеты.

Мы уже на пороге нового великого переселения народов и это лишь отдаленно будет напоминать то, что уже случилось в истории.

4. Глобальные проблемы и риски человечества не только не ослабевают, но и дополняются все новыми угрозами, обусловленными нарастающей глобализацией и еще более совершенными достижениями научно-технического прогресса при отсутствии какого бы то ни было взаимопонимания на планетарном уровне относительно совместных действия по преодолению общих проблем. Теперь к опасностям ядерной войны, увеличивающемуся разрыву между богатством и бедностью, демографическим, экологическим и другим давно назревшим проблемам, помимо уже упомянутой неконтролируемой миграции населения добавились и даже вышли на первый план: международный терроризм и транснациональная преступность; антропогенное воздействие на климат, сопряженное с глобальным потеплением; наконец, создание искусственного интеллекта, роботизация производства и внедрение современных технологий во все сферы общественной жизни, что ставит человека в жесткую зависимость от машин и технических изобретений, а также создает благоприятные условия для осуществления совершенно нового вида преступной деятельности в области кибернетического пространства.

Глава 4

В ЛАБИРИНТАХ КОНФРОНТАЦИИ

Основные понятия:

Альянс — (фр. *alliance*) — союз между двумя или несколькими государствами, основанный на формальных либо неформальных договорных обязательствах и имеющий целью достижение каких-либо общих целей.

Геополитика — внешнеполитическая деятельность государств в условиях глобального мира, когда на первый план выступают государственные интересы, обусловленные географическими факторами.

Конфронтация — (лат. *con* против + *frons* лоб, фронт) — в данном контексте противостояние, противоборство, столкновение позиций, взглядов, принципов, общественных систем, структур, организаций и иных субъектов международных отношений.

«Холодная война» — образное выражение, обозначающее состояние жесткой конфронтации между государствами или блоками государств, когда присутствуют все признаки военного противостояния и активного противодействия, кроме непосредственного вооруженного столкновения; тип жесткого противостояния сторон в глобальном мире, когда используется весь арсенал возможностей воздействия на противника, за исключением непосредственного (открытого) применения летального оружия.

4.1. В борьбе за правду: через заблуждения к истине

Истина представляет собой некую «бесконечную задачу», которая вечно манит, оставаясь, однако, вечно недостижимой.

Альфред Адлер

Хотим, ищем, желаем **истины**, тогда как держимся, боремся, бьемся за **правду**, пребывая по большей части в **заблуждении** —

вот та реальность, в которой мы живем, неустанно преследуя свои цели и ревностно отстаивая собственные интересы. Об интересах еще будет отдельный разговор в следующем параграфе. Теперь же обратимся к истокам нашей рациональности и разуму, основательно замешанных на чувствах, эмоциях и верованиях, поскольку именно на этой естественной, контрастной, пропитанной противоречиями «почве» и произрастают все наши достижения и потери, успехи и провалы, удачи и неудачи, победы и поражения. Все это вольно или невольно как пылесос засасывает, втягивает нас в постоянную борьбу и конфронтацию с другими людьми, общественными структурами и системами, наконец, с субъективными мнениями, суждениями и объективными обстоятельствами. При этом трудно не согласиться с тем, что основной накал борений и противоречий заключен в самом человеке, а самые большие битвы происходят у нас в мозгу.

Столкновение интересов и противоборство позиций в таких условиях оказываются неизбежными, а борьба за свою *правду* для каждого без исключения становится смыслом жизни. Другое дело, что не все это осознают, тем более, понимают, хотя каждый согласится с расхожим мнением, что «правда у каждого своя». И в самом деле, не каждый скажет, будто он знает, что такое *истина*, тем более что обладает ею, но любой будет утверждать, что не только знает о том, что такое *правда*, но и придерживается ее, а то и вовсе говорит только правду. Иными словами, люди могут допускать, что стремясь познать истину, хотя и далеко не всегда успешно, они совершают ошибки и заблуждаются, но делают это непременно с позиции своей правды, от которой они, не обманывая себя и (или) других, не могут дистанцироваться, не могут отказаться. А вот что они могут в этой связи — так это в силу своих возможностей бороться, биться за свою правду, отстаивать ее любыми доступными способами, что собственно и делают ежечасно, ежедневно, практически всю свою сознательную жизнь. Проще говоря, *в стремлении найти истину, каждый человек имеет дело со своей правдой, не ведая о заблуждениях, которые сплошь и рядом сопровождают его на этом пути.* Именно здесь и кроется источник всевозможных конфликтов, столкновений, конфронтаций, коими переполнена жизнь не только отдельных людей, но и их бесчисленных коллективов,

объединений, общественных организаций и структур различного уровня, вплоть до глобального человечества. Проблема эта столь важная, особенно в контексте данного исследования, что заслуживает более детального рассмотрения того, что являются собою *правда, истина, заблуждение*. При этом начинать следует с *истины*, поскольку это ключевая категория в философии вообще и в теории познания, в частности.

В истории философии и науки проблема истины всегда была предметом серьезного внимания и темой творческих баталий, острейших споров и дискуссий. Так, уже ко времени, когда Понтий Пилат задал Иисусу свой знаменитый вопрос «Что есть истина?», философия имела дело с этой проблемой не менее пяти столетий, в течение которых далеко не только Парменид, Демокрит, Сократ, Платон, Аристотель, Эпикур, Лукреций Кар и многие концентрировали на ней свое внимание¹. И, тем не менее, у римского прокуратора Иудеи были все основания, чтобы задать свой вопрос в контексте тех, теперь уже хрестоматийных событий.

Прошло еще более тысячи лет и известный спор о «двух истинах» в средневековой философии только подтвердил актуальность данной проблемы и незавершенность дискуссии по ней. Затем было Новое время, когда вопросы познания и обретения истинного знания снова оказались в центре внимания философии и формировавшейся тогда науки. Но ни эта эпоха, ни последовавшие за ней XIX и XX в., в течение которых с позиции различных школ и направлений проблеме истины было уделено еще больше внимания, не внесли той ясности в обсуждаемую проблему, которая бы сняла ее актуальность или хотя бы ослабила к ней научный и практический интерес².

И сегодня в вопросах о том «что есть истина?», каково ее содержание, на основании каких критериев она устанавливается, какова сфера приложения истинного знания и т.п. ясности

¹ Антология мировой философии: в 4 т. Т. 1. Ч. 1. М.: Мысль, 1969. С. 293–296, 330–335, 374–387, 408–419.

² Достаточно сказать, что фактически все школы и течения философской мысли того времени уделили проблеме истины большое внимание (позитивизм, прагматизм, экзистенциализм, неотомизм и др.).

и согласия, пожалуй, не больше, чем на заре философского творчества, на что указывают и ведущие специалисты в области эпистемологии¹. Объяснение данному феномену следует искать в самом процессе познания — явлении не менее загадочном и захватывающем, имманентно присущему каждому человеку, главной целью которого как раз и является установление истины. Однако здесь мы еще больше усложняем задачу, поскольку вступаем в область субъект-объектных отношений, где роль субъективного фактора, т.е. человека, с его потребностями, желаниями, интересами, оказывается ключевой, определяющей. Как следствие, проблема определения и установления истины лишь усложняется, что хорошо дополняется известным выражением Т. Гоббса о том, что даже геометрические аксиомы опровергались бы, если бы они затрагивали интересы людей.

Язык, как средство и инструмент познания, еще больше добавляет трудностей и вопросов в решении данной проблемы, поскольку в стремлении разобраться в существе дела, решая какую-то задачу, т.е. желая понять реальность таковой, как она есть на самом деле, человек, стремящийся к истине, обычно мыслит и говорит с позиции субъективного восприятия этой реальности. А это определяется уже другими категориями — «*правда*» или «*заблуждение*». При этом с целью обосновать то, что именуется истиной, люди, опираясь на знание, веру, убеждения, высказывают свои догадки и предположения, строят доказательства. А случись, что в данном процессе окажутся затронутыми их интересы, противоречащие реальности, они могут прибегнуть и ко *лжи*, выдавая ее за *правду*.

Итак, в стремлении ответить на вопрос «что есть истина?», мы с необходимостью должны обратиться к таким понятиям,

¹ См.: Микешина Л.А. Философия познания. Полемиические главы. М.: Прогресс-традиция, 2002; Касавин И.Т. Истина // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 2001. С. 169–172; Биалов М.И. Зависимость познавательной культуры от толкования истины // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2011. № 2. С. 3–8; Что есть истина? Тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции (г. Махачкала, 6–7 сентября 2013 г.). Махачкала: Изд-во ДГУ, 2013. С. 3–4, 11–20; 36–39; 153–156; 213–215.

как «знание», «вера», «познание», «неистина», «правда», «ложь», «заблуждение», «мнение». И в зависимости от того, как они будут определяться, будет выстраиваться и представление об истине.

«Знание» в этом ряду выступает ключевым, исходным понятием, так как оно является и целью, и итогом процесса *познания*. Его, как правило, правомерно и неправомерно наделяют такими эпитетами как истинное или неистинное, правильное или неправильное, полное или не полное, достоверное или не достоверное, вероятностное или гипотетическое и т.п., что делает задачу определения того, что есть *знание* особенно актуальным. Так, например, в «Философском энциклопедическом словаре» под *знанием* понимается «проверенный общественно-исторической практикой и удостоверенный логикой результат процесса познания действительности, адекватное ее отражение в сознании человека в виде представлений, понятий, суждений, теорий»¹. В «Новой философской энциклопедии» *знание* определяется как «форма социальной и индивидуальной памяти, свернутая схема деятельности и общения, результат обозначения, структурирования и осмысления объекта в процессе познания»².

Приведенные дефиниции, хотя и проясняют в целом суть вопроса, тем не менее, даны с нарушением правила формальной логики, в соответствии с которым определение не должно заключать в себе круга, т.е. в определяющей части не должны содержаться слова однокоренные, производные от слов, которые входят в определяемую часть. В данных же случаях в определяющей части используется слово «познание», которое является производным (однокоренным) от слова «знание», содержание которого и призваны раскрыть определяющие части приведенных выше определений. Данной ошибки не удалось избежать и С.И. Ожегову в его Словаре русского языка, где он указывает два значения понятия «знание»: «1. Постигание действитель-

¹ Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. Энциклопедия, 1983. С. 192.

² Касавин И.Т. Знание // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 2001. С. 51.

ности сознанием; наука. 2. Совокупность сведений, познаний в какой-нибудь области»¹.

Принимая во внимание, множество различных подходов к решению этой задачи, а также то, что любое определение всегда неполно, односторонне и лишь относительно отражает суть того или иного предмета, явления, процесса, отметим, как представляется, самое существенное из того, что относится к знанию в контексте основной темы нашего разговора. *Знание* — это такое представление о реальности, которое соответствует действительности и которое, будучи положенным в основу поведения человека, его практической деятельности, при соблюдении предусмотренных условий дает возможность получить тот результат, на который изначально делался расчет.

Важно подчеркнуть при этом, что *знание* принципиально отличается от *веры* и *мнения*, поскольку, *знание* — это результат творческих усилий, аккумулирующих все познавательные возможности человека в контексте его опыта и практической деятельности, где эти знания находят свое подтверждение, тогда как *вера* — это тем или иным путем обретенная уверенность, убежденность в правильности своих представлений. В этом контексте особо следует отметить иррациональный, чувственный, интуитивный характер веры, когда аргументация, рациональные доказательства, обоснование, а также соответствие реальности и корреляция с практической деятельностью, хотя и могут играть существенную роль, тем не менее, не имеют принципиального значения. Такая вера в своих крайних проявлениях именуется, как правило, «твердой», «слепой», «непоколебимой», «святой» и по сути не восприимчива к доводам разума.

Также и *мнение*, которое можно определить как «суждение, выражающее чувственное отношение к чему-нибудь — оценке, взгляд и т.п.»², ангажировано субъективным отношением человека к действительности и не предполагает неременного доказательства или соответствия реальности (истине). Отсюда

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. 13-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1981. С. 208.

² Абрамова Н.Т. Мнение // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 2001. С. 585.

следует, что сколько людей, столько и мнений. Мнение обычно складывается, формируется на основе сложного взаимодействия чувственных, рациональных и иррациональных факторов индивидуальной и общественной жизни и может иметь такие эпитеты как «личное», «особое», «отдельное», «общее», «распространенное», «хорошее», «плохое», «предвзятое» и т.п.

Знание же всегда доказательно. Оно соотносится обычно с рациональным обоснованием, а также чувственно-эмоциональным восприятием его и ориентировано на использование в различных сферах деятельности, где это знание находит свое подтверждение конкретными результатами, на получение которых и направлена такая деятельность. Отсюда, как подчеркивает В.А. Лекторский, знание может быть только истинным¹, т.е. адекватно соответствующим реальности. «Означают ли все эти рассуждения... элиминацию денотата понятия «ложного знания» вовсе из сознания и познания? — задается вопросом М.И. Билалов и сам же дает на него обстоятельный, вполне убедительный ответ. — Нам думается, что его эмпирическое поле неоправданно расширено сложившейся в гносеологии традицией, хотя «ложное знание» чаще всего ассоциируется с исторически изжившим себя, своеобразным реликтовым знанием. В этой связи целесообразнее говорить о проблеме мнимого знания, отражающей недееспособность бывших в свое время истинными утверждений, функционировать в качестве истин в новом социокультурном контексте. Эти утверждения, вообще говоря, никогда не теряют свою относительную истинность, но меняются их реципиенты, духовная среда последних вместе с познавательными нормами, идеалами, принципами, и самое главное, меняется соответствующий фрагмент онтологии и практики»².

Дальнейшие рассуждения о знании с необходимостью заставляют нас поставить вопрос о том, как и каким образом мы становимся их обладателями? Мы не ответим на этот вопрос,

¹ Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001; Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. М., 1980.

² Билалов М.И. Истина между мнением и знанием. От Платона до постмодернизма. URL: <http://www.congress2008.dialog21.ru/Doklady/02210.htm>

если не обратимся к процессу получения, приобретения знания, т.е. к установлению соответствия между реальностью и нашими представлениями о ней, что, собственно, и именуется **позна-нием**, которое характеризуется стремлением найти знания, обладать ими с тем, чтобы затем использовать их для достижения тех или иных целей. Иначе говоря, *познание* — это «поход» за знаниями, т.е. буквально — «хождение» *по знанию* (аналогично тому, как ходят, например, в лес *по грибы*, *по ягоды* с целью получения их в свое распоряжение).

Основной целью познания, следовательно, является получение такого знания, которое адекватно соотносилось бы с объектом познания, что, собственно, и составляет содержание понятия **«истина»**. Можно сказать и по-другому, что главная задача, решаемая в процессе любого познания, состоит, в конечном счете, в том, чтобы установить *истину*, которая в Новой философской энциклопедии определяется как «категория философии и культуры, обозначающая идеал знания и способ его достижения (обоснования)»¹.

Можно также трактовать истину с гносеологической или с онтологической (бытийной) точек зрения². Но мы намеренно оставим без специального рассмотрения эти вопросы, равно как и рассуждения об объективности, абсолютности, относительности истины или иные толкования ее, поскольку, хотя в этой сфере и остается не мало оснований для дискуссий, тем не менее, в специальной литературе упомянутым вопросам уделено уже достаточно много внимания. В то же время, соотношение таких понятий как *истина*, *неистина*, *правда*, *ложь*, *заблуждение* не стало еще предметом должного осмысления; и это при том, что сами эти понятия не имеют между собой такого разграничения, которое снимало бы множество недоразумений, сплошь и рядом возникающих в процессе коммуникации и практической деятельности людей³.

¹ Касавин И.Т. Истина // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 2001. С. 169.

² См.: Каган М.С. Философская теория ценности. СПб., 1997. С. 69–70; Столович Л.Н. О ценности истины и об истине ценности // Философия познания. К юбилею Л.А. Микешинной. М.: РОССПЭН, 2010. С. 278–279.

³ Достаточно сказать, что даже в Новой философской энциклопедии, изданной в 4 томах (М.: Мысль, 2001), не нашлось места таким понятиям, как «неистина» и «правда».

В первую очередь, подчеркнем тот факт, что в быту, а нередко и в серьезной научной литературе, в частности, в формальной логике, понятию «истина» противопоставляется «ложь», т.е. используется дихотомия «истина — ложь», что не только некорректно по форме, но и в корне, по сути неправильно. На самом деле *истина* должна соотноситься с *неистиной*, под которой, если исходить из принятого выше «классического» определения истины, понимается все то, что не соответствует действительности. Точнее, это такое положение дел, когда те или иные представления о реальности не соответствуют ей. С этой точки зрения, понятия «истина» и «неистина» взаимно дополняют друг друга и выступают в качестве парной категории.

«Ложь» же в качестве своей антитезы — парной категории имеет «правду» и в основе своей опирается на субъективный умысел, намеренно искажающий правду, т.е. является *неправдой, кривдой*. В этой связи в первую очередь важно четко определиться с тем, что мы понимаем под *правдой*. Отвлекаясь от множества толкований этого часто используемого понятия, подчеркнем главное, что характеризует правду.

Правда — субъективная уверенность человека в том, что он отражает истину, т.е. так понимает ту или иную реальность и так выражает ее, как она есть на самом деле. Пути достижения такой уверенности не имеют принципиального значения. Это может быть что угодно: рациональные доказательства, чувственное восприятие, догадки, интуиция, жизненный опыт, верования и т.п. Как отмечает в этой связи С.А. Лишаев: «Суждение о правде — это всегда практическое, оценочное суждение, оно эмоционально окрашено и обращается не только к разуму, но также к сердцу и воле»¹. При этом *правда* может совпадать с реальным положением дел, и тогда она становится тождественной истине, а может и не совпадать.

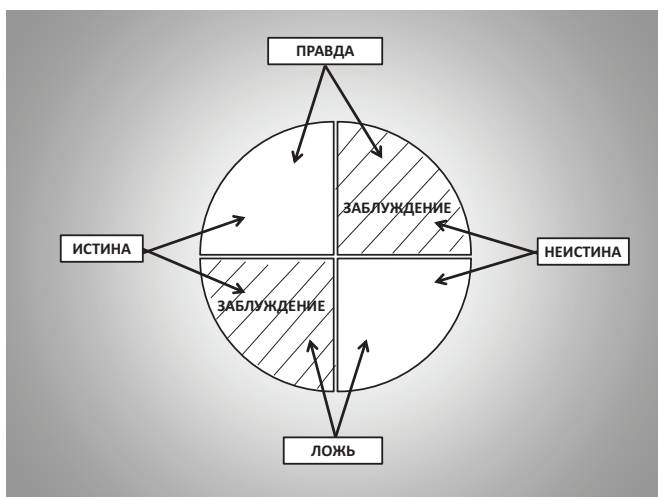
В этом (последнем) случае речь идет о *заблуждении*, которое характеризуется тем, что человек искренне полагает, что

¹ Лишаев С.А. «Правда» и «истина» (языковая концептуализация мира и тематическое своеобразие русской философии). Цит. по: Столович Л.Н. Оценности истины и об истине ценности // Философия познания. К юбилею Л.А. Микешинной. М.: РОССПЭН, 2010. С. 282.

он правильно понимает суть дела, тогда как по существу это не так. Иными словами, он имеет дело с «неистиной», хотя и не осознает этого, в чем, собственно и заключается *заблуждение*. История в области познания дает бесконечное множество примеров заблуждений не только отдельных индивидов или социумов, но и всего человечества, каковым до известного времени являлось, в частности, всеобщее представление о том, что Солнце «восходит» и «заходит», а звезды вечером «зажигаются» и утром «гаснут». Однако не всегда дело обстоит именно так. Сплошь и рядом человек сталкивается с ситуациями, когда реальное положение дел затрагивает его интересы, оказывается неудобным, невыгодным, а то и вовсе действует на него негативным образом. И тогда у такого человека может появиться желание показать, преподнести эту реальность другим людям в искаженном, выгодном для себя свете.

Вот такую позицию, *когда человек в силу тех или иных причин осознанно, с умыслом и целенаправленно искажает реальное положение дел, выдавая все это за правду, именуют ложью, обманом*, а сам процесс высказывания и обоснования лжи — *враньем*. Врать, лгать, обманывать — значит под видом *правды* умышленно, заведомо зная об этом, говорить *неправду*, т.е. сознательно, преследуя личные интересы или иные цели, искажать реальность в противоположность тому, как она на самом деле представляется субъекту. Другими словами, врать — значит утверждать *ложь*, камуфлируя ее под *правду*, скрывая при этом от других свои истинные намерения и субъективно правильные представления о реальности. Ложь именуют неприкрытой, откровенной, если лжец, сознательно искажая то, как ему представляется действительность, пренебрегает очевидными фактами, доводами, аргументированными доказательствами и, явно попирая моральные принципы, жестко настаивает на своей якобы правде. Однако по жизни могут быть и такие ситуации, когда, например, во имя спасения чьей-нибудь жизни ложь оказывается необходимой и оправданной и тогда ее именуют безобидной, добродетельной¹.

¹ Карпенко А.С. Ложь // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 2001. С. 447–448.

На основе сказанного и, принимая во внимание изменчивый характер субъективных представлений человека, можно утверждать, что *правд* столько, сколько людей, равно как и то, что *заблуждений* и *лжи* — бесконечное множество, тогда как *истина* всегда одна. Истина не подвержена влиянию субъективного фактора и не меняется в зависимости от настроения и личностных характеристик познающего субъекта. Таким образом, если человек утверждает, что он говорит правду, мы можем ему лишь верить или не верить. Для ответа же на вопрос, является ли его правда истиной или неистиной (т.е. заблуждением или ложью), требуются специальные доказательства, преодолевающие (а, в конечном счете, и исключают) субъективные оценки, мнения, предпочтения, интересы, пристрастия и т.п.

Возвращаясь к субъективному аспекту рассматриваемых категорий, отметим, что нередко (и не без оснований на то) *правду* наделяют эпитетами: святая, горькая, колючая, суровая, неудобная; *ложь* — беззастенчивая, коварная, наглая, беспардонная, чудовищная; *заблуждение* — наивное, искреннее, детское. При этом и *ложь*, и *заблуждение* могут быть к тому же большими, незначительными или маленькими, их можно преувеличить или приуменьшить. И только *истина* не нуждается ни в каких эпитетах, поскольку она не зависит от воли и желания людей, а потому не имеет оттенков, проистекающих из субъективных

оценок и предпочтений. Попросту говоря, она (истина) или есть, или ее нет, или к ней приближаются посредством получения фрагментарного, относительно верного, все более полного знания. При этом если *правда* базируется на уверенности субъекта в своей правоте и в предельном значении именуется святой, т.е. предельно «чистой», ясной, проникновенной («святая правда»), то *истина* святой быть не может, ибо она всегда объективна (т.е., как уже было сказано, не зависит от личностных качеств человека).

Истину постигают, к ней стремятся и (при соблюдении определенных условий) открывают; *правда* же формируется в виде конкретного миропредставления и соответствующих убеждений индивида. Будучи личностно обусловленной, она может укрепляться, усиливаться, укореняться или ослабевать, разрушаться. Отсюда, если *истину* поколебать нельзя, то *правду* можно. Также можно дезавуировать, изобличить, раскрыть *ложь*, а *заблуждение* можно прояснить, преодолеть, устранить. Различные правды, в том числе и в виде заблуждений, а также псевдоправды (лжи) вступают в борьбу (сталкиваются между собой), если они касаются одного и того же предмета. Но никогда не могут столкнуться истины, поскольку они всегда только «в одном экземпляре» и каждая из них соотносится с той или иной абсолютно конкретной реальностью.

Из сказанного следует, что процесс познания всегда начинается с формирования *правды*, в основе которой — знания, опыт, чувства, эксперимент. И уже потом, через *правду*, может открыться *истина*, с которой люди, как правило, никогда не имеют дела изначально и непосредственно. Надо думать, что именно это имел в виду Александр Невский, когда утверждал, что «не в силе Бог, но в правде»¹. И действительно, Бог в правде, т.е. в субъективной уверенности каждого верующего в том, что он есть, а истинно это или нет — вопрос открытый. «Божья правда», как говорит Митрополит Кирилл,² это и есть исти-

¹ Не в силе Бог, но в правде! Из книги А.И. Обухова «Загадки и тайны истории России», Луга, 2009. URL: http://luga.ru/about/istorija/obuhov_nevskij

² Где живет Божья правда. Комментарии к выступлению патриарха Кирилла. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/707992.html>

на, т.е. так как оно и есть на самом деле. Об этом с абсолютной уверенностью действительно только Бог и может судить, если он есть. Более определенно на этот счет высказывается Н.А. Бердяев, который утверждает, что «в последней глубине Истина есть Бог и Бог есть Истина»¹. Таким образом, истину, с гносеологической точки зрения, мы вполне можем определить как «Божью правду», как высший критерий соответствия высказывания реальному положению дел.

Что касается философского контекста познания, то следует заметить, что философия хотя и стремится к *истине*, но дело имеет всегда только и только с *правдами* различных философий, т.е. с их *мнениями, суждениями, домыслами, убеждениями*, которые *знаниями* (в том смысле, как это определено выше) не являются, хотя по большей части и базируются на них. Отсюда и вся история философии пестрит множеством философских концепций, школ, течений, направлений; и все они, претендуя на истину, предлагают на самом деле лишь только свою правду. С учетом сказанного еще убедительней становится то утверждение относительно философии, что в ней особое место занимает не столько ответ, сколько правильно (интересно) сформулированный вопрос, а сомнение ценится не меньше непоколебимой убежденности. И это тоже одна из причин того, что философия никогда не умрет и не потеряет своей актуальности, поскольку постоянное рождение «новой правды» — суть, основной стержень того интеллектуального процесса, который именуется философией.

Несколько иначе обстоит дело с наукой. Она также стремится к истине, и также имеет дело с правдами отдельных ученых. Но, в отличие от философии, наука посредством верификации и фальсификации теоретических конструкций и полученных ею результатов, т.е. знаний, устанавливает истины фактов или событий, подчиняющихся естественным законам, которым она (наука) дает соответствующие формулировки. Для философии такое в принципе невозможно, поскольку, если философская проблема обретает принципиальную возможность быть под-

¹ Бердяев Н.А. Истина и откровение. Прологомены к критике Откровения. СПб., 1996. С. 21.

твержденной или опровергнутой, то она переходит в разряд научных проблем.

Что касается мифа и религии, которые в основе своей имеют чувства, эмоции и веру, понятие *истины* в этих формах общественного сознания отождествляется с *правдой*; в мифе она (правда) исходит от того, кто повествует, а в религии — от того, кто выступает посредником между высшими силами и верующим.

Наконец, на уровне обыденного сознания представление об истине обычно сводится к тому, что характеризуется понятиями «правильно», «неправильно», «прав», «неправ». Правым признается тот, высказывание, позиция или поступок которого, по мнению окружающих, соответствует действительности, согласуется с ней. Неправым же тот или иной человек считается тогда, когда его суждение или действия не находят взаимопонимания в оценках других людей, которые иначе воспринимают реальность, полагая, что тот, кто, с их точки зрения неправ, либо заблуждается, либо лжет. Однако «прав» или «неправ» тот или иной субъект спора — это еще требует доказательства, которое может считаться завершенным лишь при условии, что установлена истина. Но, как показывает реальная практика — один из важнейших критериев истины, на самом деле всегда остается место сомнению в ее абсолютности.

Итак, вполне очевидно, что «познание неотделимо от практического и нравственного действия. А это открывает уже не только новые горизонты знания, но и новую сферу бытия человека, где обладание истиной, хотя и представляет собою несомненную ценность, не меньшей ценностью является также способность, умение должным образом распорядиться истиной. Такая способность присуща далеко не каждому. При этом ей (этой способности), как следствие, традиционно сопутствует *успех, проистекающий из объединения знаний, жизненного опыта и базирующихся на них практических действий, согласующихся с определенными моральными нормами*, что, собственно, и является *мудростью*. Иными словами, *быть мудрым*, значит жить *по правде*, т.е. в согласии с самим собой и принятыми нормами морали, стремясь при этом к *истине*, памятуя, однако, «открытие» Сократа, что чем больше знаешь,

тем больше приходит осознание своего незнания. Не многие решаются посвятить жизнь решению этой предельно сложной задачи, хотя обладать мудростью хотел бы каждый, ибо это и есть одно из самых заветных желаний думающего человека. Вот тут-то как раз и обретает особую ценность умение проводить различие между *правдой* и *истиной*, а также способность руководствоваться этим во всех сферах практической деятельности.

Особую ценность имеет прикладной аспект рассматриваемых вопросов, в особенности, когда дело касается юриспруденции, будь то национальное или международное право. В этой сфере человеческих отношений вердикт о виновности или невиновности (причастности или непричастности) того или иного фигуранта дела к конкретному деянию может быть вынесен только на основе выявления полного соответствия окончательного заключения реальному событию. Иными словами, правоприменительная практика базируется на установлении истины (как правило, истины факта), исключающей любые субъективные мнения и суждения. В частности, в уголовном судопроизводстве истина — это «соответствие действительности выводов следователя, прокурора, судьи или суда, решающего дело... Требование достижения истины — один из важнейших принципов уголовного процесса в цивилизованном государстве. В соответствии с этим принципом может быть осужден и понести ответственность только совершивший преступление, а ошибочно подвергнутый уголовному преследованию должен быть оправдан и реабилитирован»¹.

Вот почему в процессе судебного разбирательства участники судебного процесса клянутся говорить правду, только правду и ничего, кроме правды, тогда как соответствие такой правды реальности, т.е. истинность (или неистинность) сказанного, устанавливается в процессе всестороннего рассмотрения дела, путем сопоставления многих правд и соотнесения их с реальностью. Оставим без специального внимания ситуацию, когда выявляется неистинность правды, и вопрос о том, яв-

¹ Ларин А.М. Истина // Юридическая энциклопедия / отв. ред. Б.Н. Торпорнин. М.: Юрист. 2001. С. 405.

ляется ли сказанное заблуждением или ложью. Это решается, как правило, в ходе нового, дополнительного разбирательства. Здесь важнее подчеркнуть изначально субъективный характер всех трех типов высказываний, характеризующихся категориями: «правда», «ложь», «заблуждение», в контексте которых, собственно, и выстраивается речь любого человека, построенная на суждениях.

Принимая во внимание важность рассматриваемых категорий в сфере юриспруденции, заметим, однако, что в отечественном праве это обстоятельство еще не осмыслено должным образом и может свидетельствовать о недостаточной развитости правовой культуры и низком уровне правосознания. Так, например, в «Юридической энциклопедии», подготовленной ведущими отечественными юристами и изданной в 2001 г., понятию «истина» уделено всего лишь несколько строк, а такие термины как «правда», «ложь», «заблуждение», «неистина», без которых трудно себе представить любое судебное разбирательство, и вовсе отсутствуют¹.

Не менее важное значение рассматриваемые вопросы имеют и на мировой арене, в частности, в международном праве, где сталкиваются интересы и позиции всевозможных субъектов международных отношений. Споры, разногласия и проблемы такого уровня решаются в судах международной юрисдикции, а протекающие там разбирательства также, как и в судах иных инстанций, в полной мере основываются на проанализированных выше понятиях «истина», «правда», «ложь», «заблуждение». И дело только в том, что в этом случае, весь этот категориальный ряд ключевых понятий оказывается непосредственно связанным уже не с личными или корпоративными, а с государственными интересами. Для их защиты, как правило, под прикрытием достижения истины также в полной мере используется обычно весь арсенал правды и лжи, которые не могут не сопровождаться, к тому же еще и заблуждениями.

¹ См.: Юридическая энциклопедия / отв. ред. Б.Н. Топорнин. М.: Юрист. 2001.

4.2. Интерес как определяющий фактор общественных отношений

Вопрос, который никого не волнует, получает ответ, который ничего не значит.

Стас Янковский

Общественная жизнь людей — это, прежде всего, их взаимоотношения, построенные на реализации всевозможных желаний взаимодействующих сторон, которые обусловлены их объективными и субъективными потребностями, определенными обстоятельствами, мотивами, намерениями. При этом все формы активной деятельности людей прямо или косвенно, явно или скрытно сопряжены с их интересами, варьирующими от полного или частичного совпадения, до крайнего противостояния, столкновения и конфронтации взаимодействующих сторон. Невозможно представить себе межличностные, да и любые общественные отношения, в которых не проявлялись бы те или иные интересы. Так что же такое интерес, как он появляется, формируется, и всегда ли присутствует во взаимоотношениях, оказывает влияние на поведение людей? Наконец, какие именно и как проявляются интересы в условиях глобального мира, нарастающей глобализации и обострения глобальных противоречий современности?

В специальной литературе понятие «интерес» (от лат. *interest* — имеет значение, важно) представлено широким спектром различных определений, которые даются, прежде всего, психологией и социальной философией. При этом вполне очевидно, что раскрыть содержание данного понятия весьма не просто, поскольку оно практически всегда психологически, эмоционально, т.е. субъективно окрашено, что весьма затрудняет выработку в определяющей части четких, исчерпывающе полных и однозначных формулировок. Так, в общей психологии «интерес определяется как «эмоциональное проявление познавательных потребностей личности». При этом он «рассматривается как одна из фундаментальных естественных эмоций и считается доминирующей среди всех эмоций нормального здорового человека. Считается, что именно интерес вместе

с познавательными структурами и ориентациями направляет познания и действия»¹. Здесь, как видим, интерес ассоциируется с личностью, т.е. с конкретным человеком, к тому же еще акцент смещается в сторону его познавательной деятельности. Но у человека имеется множество и других интересов, непосредственно не связанных с познавательной деятельностью, касающихся таких, например, вопросов, как поддержание своего здоровья, общение с другими людьми, обладание какими-то предметами или навыками, наконец, сохранение окружающей среды, обеспечение комфорта или поддержание мира. В этой связи мы явно выходим за рамки собственно психологии и погружаемся уже в философскую проблематику.

Таким образом в социальной философии категория «интерес» имеет уже более широкую трактовку и определяется как «активная направленность человека на различные объекты, освоение которых оценивается им как благо; потребности, выступающие мотивацией поведения индивида. Реализация интересов способствует повышению статуса личности, ее самооценки. Интересы всегда эмоционально окрашены и связаны с ценностным отношением человека к миру»². Однако только этим философский взгляд на проблему не ограничивается. Интерес — это еще и «причина действий индивидов, социальных общностей (*класса, нации*, профессиональной группы), определяющая их социальное поведение... В интересе постоянно присутствует элемент сопоставления человека с человеком, одной социальной группы с другой. Он лежит в основе любых форм состязательности, борьбы и сотрудничества между людьми»³. Вот почему в реальных жизненных ситуациях интересы и способы их реализации обнаруживают, как правило, не всегда осознаваемую потенцию, устремленность к цели, мощь и действенное начало. Заинтересованно поступать, браться за дело с интере-

¹ Интерес. Общая психология / Психология от А до Я. URL: <http://psyznaiyka.net/view-emocii.html?id=interes>

² *Осипова Е.В.* Интерес / Новая философская энциклопедия: в 4 т.; под ред. В. С. Степина. Т. 2. М.: Мысль, 2001. С. 134.

³ Интерес / Философский словарь; под ред. И.Т. Фролова. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Политиздат, 1991. С. 162.

сом, значит действовать творчески, креативно, целенаправленно и, как правило, с достижением результата.

Суммируя и обобщая вышеприведенные, а также принимая во внимание наиболее часто встречающиеся в специальной литературе определения, можно сказать, что *интерес* — это, прежде всего, душевное, психическое, эмоциональное состояние человека, наконец, позиция той или иной партии, класса, нации и т.п. противоположные *безразличию*. В качестве синонима вполне подойдет и другой близкий по значению слова термин — *апатия*. Иными словами, *интерес* и *безразличие*, *активизм* и *апатия* выступают как парные категории, когда определить одно без сопоставления с другим предельно трудно, также, например, как трудно определить *горячее* без сопоставления с *холодным*, *большое* без сравнения с *маленьким*, *верх* без противопоставления его *низу* и т.п. Итак, если *безразличие* характеризуется отсутствием какого бы то ни было желания, стремления, побудительного мотива к любой творческой и иной другой деятельности, то *интерес* как раз наоборот, выражает такое внутреннее состояние, позицию, настроение субъекта, которые делают его активным началом, выступают побудительным мотивом к действию. Интерес таким образом, так или иначе реализуется в достижении какой-то цели, определенном результате, причем не обязательно видимом, осязаемом, четко формулируемом. Он может быть выражен и в виде интуитивных ощущений, в появлении новых, не всегда осознаваемых желаний, подспудных влечений и т.п.

Поскольку каждый человек уникален и неповторим в своих биологических и социальных проявлениях, к тому же в тех или иных обстоятельствах, в том или ином возрасте, наконец, в каком-то конкретном временном интервале он ощущает, осознает и ведет себя по-разному (порой спонтанно, непредсказуемо даже для самого себя), то и интересы людей в процессе их взаимодействия просто не могут не вступать в противоречия и не сталкиваться. При этом в какие-то моменты, а то и в течение определенного времени они частично или даже полностью могут совпадать, но, как правило, не бывают неизменными. Суть такого положения вещей достаточно точно передают слова В.И. Ленина, который, определяя свое отношение к классам и классовой борьбе, в частности, писал: «У рабочего класса

свои особые интересы, противоположные интересам всех других классов. Оказывая поддержку всем представителям буржуазии в борьбе за политическую свободу, рабочие должны помнить, что имущие классы могут лишь временно быть их союзниками, что интересы рабочих и капиталистов не могут быть примирены»¹. Идеологические или политические оценки данного высказывания можно оставить без внимания, поскольку они не имеют здесь принципиального значения; куда важнее указание на подвижный и противоречивый характер интересов разных сторон взаимодействия, в данном случае, на политической арене.

Не только это замечание, но и множество других фактов реальной жизни подтверждают, что категория «интерес» по сути своей весьма динамичная, подвижная, постоянно меняющаяся субстанция. Т.е. изменяется ситуация, обстоятельства, настроение, потребности — меняются и интересы, хотя некоторые из них могут сохраняться в неизменном виде довольно продолжительное время. К тому же они затрагивают самые разные сферы человеческой деятельности от частной жизни до экономики, политики и идеологии, что нашло свое отражение в многочисленных первоисточниках и отдельных высказываниях известных людей. Так, у основателей марксизма находим такие, получившие широкую известность выражения, как: «*“Идея”* неизменно посрамляла себя, как только она отделялась от *“интереса”*. С другой стороны, нетрудно понять, что всякий массовый, добывающийся исторического признания *“интерес”*, когда он впервые появляется на мировой сцене, далеко выходит в *“идею”*, или *“представлении”*, за свои действительные границы и легко смешивает себя с *человеческим* интересом вообще»² или «Экономические отношения каждого данного общества проявляются прежде всего как *интересы*»³. Еще одно высказывание В.И. Ленина, сделанное в контексте событий столетней давности, но не потерявшее своей актуальности и сегодня, фиксирует внимание, в частности, на том, что

¹ Ленин В.И. ПСС. 5-е изд. Т. 2. М.: Политиздат, 1967. С. 109.

² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 2. М.: Политиздат, 1955. С. 89.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 18. М.: Политиздат, 1961. С. 271.

«люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать *интересы* тех или иных классов»¹. Смысл данного высказывания не слишком изменится, если мы обратимся к сфере экономических или социальных отношений. Там также в полной мере проявляется разнонаправленность и столкновение бесконечного множества идей, проектов, предложений за которыми всегда стоят чьи-то конкретные интересы.

В этой связи важно также отметить, что с позиции социальной философии в качестве субъектов общественных отношений могут выступать не только отдельные личности, но и различные группы людей, коллективы, классы, нации, корпорации, государства (альянсы) и иные объединения людей, вплоть до всего человечества². Отсюда и интересы по этому основанию следует делить на личные, групповые, коллективные, классовые, национальные, корпоративные, государственные, общечеловеческие и т.п. Так к общечеловеческим интересам, тесно связанным с общечеловеческими ценностями, относят поддержание мира и устранение угрозы войны, охрану окружающей среды и рациональное природопользование, преодоление бедности и защиту прав человека и т.п. Ярким примером защиты государственных интересов является известный тезис экс-премьер-министра Великобритании лорда Пальмерстона, который в 1858 г. во время обсуждения в парламенте британской внешней политики заявил: «У нас нет ни вечных союзников, ни постоянных врагов, но постоянны и вечны наши интересы, и защищать их — наш долг»³.

Однако градация интересов по субъективному фактору не исчерпывает всего их многообразия. Так, если в качестве основания деления взять потребности человека в каких-то матери-

¹ Ленин В.И. ПСС. 5-е изд. Т. 23. М.: Политиздат, 1973. С. 47.

² В данном случае оно рассматривается в качестве единого целого, т.е. единого субъекта по отношению к окружающей среде — био- и геосфере.

³ Виноградов В. Н. Лорд Пальмерстон в европейской дипломатии // Новая и новейшая история. 2006. № 5.

альных вещах, духовном развитии или, например, в финансах, то в этом случае речь может идти соответственно о его материальных, духовных или финансовых интересах. По степени восприятия интересы могут быть осознанными или неосознанными, явными или скрытыми, благоразумными или безрассудными, закономерными или случайными, краткосрочными или долгосрочными, реальными или мнимыми, прогрессивными или консервативными. Но для нашего анализа, которое ведется с позиции глобального мира и мирового сообщества как единой системы, важнее в качестве основания деления взять различные сферы общественной жизни, что вовсе не исключает и другие подходы. Тогда мы с полным на то основанием можем говорить как о глобальных, так и государственных, корпоративных интересах в таких сферах человеческой деятельности как *экономическая, политическая, духовная, идеологическая, социокультурная*. Отдельно можно выделить сферу геополитики, где интерес означает те или иные притязания государства за пределами своих границ.

4.3. Природа социального бытия: борьба на выживание

Рассматривая противоречивый характер современных международных отношений, нельзя не учитывать важнейший закон природы, в соответствии с которым не только живые организмы ведут постоянную борьбу за свое существование, но и социальные общности, в частности, государственные образования стремятся, как минимум, к сохранению своей структуры и целостности, распространяя при первой же возможности свое влияние и осуществляя экономическую, идеологическую, культурную и т.п. экспансию в отношении других стран, руководствуясь исключительно приоритетом собственных (национальных) интересов. Мы уже отмечали выше тесную связь между интересами субъектов различного уровня, теперь подчеркнем такую же тесную зависимость между отдельными индивидами и обществом по базовым — природным основаниям.

В данном случае нельзя оставить без внимания знаменитый тезис К. Маркса о том, что сущность человека определяется

общественными отношениями. Именно эта идея лежит в основе марксистского учения о человеке и обществе, и именно она давала и дает идейным вдохновителям и строителям социализма и коммунизма уверенность в том, что необходимы революционные преобразования общественных систем, прежде всего, на основе уничтожения частной собственности. С этим же тезисом так или иначе связаны все революции, перевороты и иные социальные потрясения, которые всегда проходят под знаком построения более совершенного общества и установления более справедливых общественных отношений. Однако этот тезис, верный в основе своей, но взятый сам по себе без дополнительных условий и оговорок, не позволяет правильно оценить реальную природу человека и, тем более его поведение в мире, где постоянно кипят страсти и сталкиваются всевозможные интересы. Иными словами, решение такой задачи не представляется возможным без учета особой — биосоциальной природы человека, где неразрывно сосуществуют миролюбие и агрессия, добро и зло, альтруизм и эгоизм, наконец, высокие и приземленные, а то и вовсе низменные помыслы. Именно на это указывал К. Юнг, когда подчеркивал: «Печальная правда заключается в том, что жизнь человека состоит из комплекса неумолимых противоположностей — дня и ночи, рождения и смерти, счастья и страдания, добра и зла. Мы не уверены даже в том, что какое-то одно будет преобладать над другим, что добро победит зло или радость — боль. Жизнь — это поле битвы. Оно всегда существовало и всегда будет существовать, будь это не так, жизнь подошла бы к концу»¹. Соглашаясь с такого рода оценками, можно и проще сказать — стихами:

Мы и жалкие, и великие,
Гениальные и безликие,
И добро, и зло, это тоже в нас,
Все проявится, лишь наступит час!

То, что упомянутые особенности природы человека не только осознавались, но и учитывались в практической деятельно-

¹ Юнг К.Г. Об архетипах коллективного бессознательного / Архетип и символ; сост. и вступ. ст. А.М. Руткевича. М.: Ренессанс, 1991. С. 79.

сти задолго до появления неофрейдистских идей К. Юнга, хорошо доказывают, например, слова Н. Макиавелли, который, в частности, писал: «Излишне говорить, сколь похвальна в государстве верность данному слову, прямодушие и неуклонная честность. Однако мы знаем по опыту, что в наше время великие дела удавались лишь тем, кто не старался сдерживать данное слово и умел, кого нужно, обвести вокруг пальца; такие государи в конечном счете преуспели куда больше, чем те, кто ставил на честность»¹.

Очевидно, здесь как раз и заключены причины того, что все многочисленные, в том числе и масштабные социологизаторские попытки воспитать нового человека в «хорошем обществе», ориентированном на всеобщее равенство и братство, и не учитывающие в должной мере биологическую составляющую природы человека, каждый раз оказывались безуспешными. Почительный пример СССР или отдельных социалистических стран, да и всего бывшего социалистического лагеря в целом, равно как и социальные эксперименты социалистов-утопистов (К. А. Сен-Симон, Ш. Фурье, Р. Оуэн), наглядно показывают, что «нормальный», средний человек в различных условиях ведет себя не только как социальное, но и как биологическое существо. В своем поведении, особенно при соответствующих обстоятельствах, люди руководствуются в значительной степени своими личными эгоистическими интересами. Разные общественные системы реагируют на это по-разному.

Так, неудачный опыт социалистических преобразований на государственном уровне, продолжавшийся во множестве различных стран почти весь XX век (а где-то и теперь до конца не завершившийся), хотя и нуждается еще в серьезном критическом осмыслении, тем не менее, дает основание полагать, что главная причина неудавшихся попыток построить совершенное общество заключена в самом человеке, в оценке того, что он реально собою представляет. Капиталистическая система, которую У. Черчилль характеризовал как «наихудшую, за исключением всех остальных», воспринимает человеческую особенность «тянуть одеяло на себя» как объективную и неизбежную

¹ *Макиавелли Н.* Избранные сочинения. М.: Худож. лит., 1982. С. 351.

реальность и выстраивает общественные отношения таким образом, чтобы максимально ослабить «войну всех против всех», направляя при этом частный интерес на созидательные цели, предоставляя свободу отдельному человеку в той степени, в какой она не ограничивает свободу других людей.

Аналогичным образом ведут себя и конкретные капиталистические страны, которые достаточно быстро осознали угрозу со стороны глобальных проблем и необходимость объединения международных усилий в борьбе с ними. Но со свойственным им прагматизмом и эгоизмом они по-своему реализуют основной принцип преодоления глобальных проблем современности — «мыслить глобально, действовать локально». Организуя научные исследования и проводя конференции, призывая к единству, сплочению, объединению усилий и т.п., они действительно способствуют формированию глобального сознания, но в конкретных (локальных) действиях, предпринимаемых ими в этом направлении, ориентируются в первую очередь на национальные интересы и приоритеты. Об этом хорошо свидетельствуют ожесточенные споры и дискуссии периодически разгорающиеся во время разработок, принятия и исполнения международных договоров и соглашений по окружающей среде, по проблемам изменения климата и нарушения озонового слоя. На это же указывает и избирательное, сугубо утилитарное, продиктованное собственной выгодой отношение различных стран к реализации концепции устойчивого развития, выработанной в 1992 г. в Рио-де-Жанейро в интересах всего человечества. Как правило, в таких случаях никто не возражает против благих намерений и благородных целей для всего мира, но проблемы и разногласия начинаются, когда дело доходит до конкретных действий каждого субъекта международных отношений в отдельности и определения реального вклада каждого из них в решение общечеловеческих проблем.

Суть такой ситуации, а точнее — истинную природу взаимоотношения заинтересованных сторон в преодолении общих угроз хорошо показал Норберт Винер в своей известной работе «Кибернетика». В ней он проанализировал факты относительно того мнения, что свободная конкуренция

является таким процессом, когда частный предприниматель в стремлении обеспечить собственную выгоду, является в некотором роде общественным благодетелем. Однако, как показал Винер, факты этого не подтверждают. Рассматривая рынок как своеобразную игру, он уподобил его «семейной игре, известной под названием “монополия”». Она строго подчинена общей теории игр, которую разработали фон Нейман и Моргенштерн. Эта теория основана на допущении, что на любой стадии игры каждый игрок, исходя из доступной ему информации, играет согласно вполне разумной стратегии, которая в конце концов должна обеспечить ему наибольшее математическое ожидание выигрыша. Это — рыночная игра, в которую играют вполне разумные и совершенно беззащитные дельцы. Даже при двух игроках теория сложна, хотя она приводит часто к выбору определенного направления игры. Но при трех игроках во многих случаях, а при многих игроках в подавляющем большинстве случаев результат игры характеризуется крайней неопределенностью и неустойчивостью. Побуждаемые своей собственной алчностью, отдельные игроки образуют коалиции; но эти коалиции обычно не устанавливаются каким-нибудь одним определенным образом и обычно кончаются столпотворением измен, ренегатства и обманов. Это точная картина высшей деловой жизни и тесно связанной с ней политикой, дипломатической и военной жизни»¹. Как замечает в этой связи Н. Винер, в конечном счете «даже самого блестящего и беспринципного маклера ждет разорение. Но, допустим, — говорит он, — что маклерам это надоело и они согласились жить в мире между собой. Тогда награда достанется тому, кто, выбрав удачный момент, нарушит соглашение и предаст своих партнеров. Здесь нет никакого гомеостаза. Мы должны проходить циклы бумов и спадов в деловой жизни, последовательную смену диктатуры и революции, войны, в которых все теряют и которые столь характерны для современности»².

¹ Винер Н. Кибернетика. М., 1968. С. 231–232.

² Там же.

Ярким подтверждением сказанного является пример России, где после социалистической революции 1917 г. в стремлении построить новое общество, повели решительную борьбу с частной собственностью. Уничтожив таким образом частный интерес и частную инициативу, а заодно и свободу предпринимательства, в частности, Россия в исторической перспективе потеряла конкурентоспособность своей экономики, что и предопределило в конечном счете исход бескомпромиссной конфронтации в «холодной войне», когда сложилась мировая система хозяйства. Прежняя «игра» двух систем — противостояние капитализма и социализма закончилось и не в пользу последнего. К сожалению, урок не был усвоен. На закате рокового для России XX в., она снова наступила на аналогичные «грабли», теперь уже «глобальные». Тезис «мыслить глобально, действовать локально» российские политики, увлеченные стремлением любой ценой и как можно скорее перейти на капиталистические рельсы, поняли буквально. Как и на Западе в России стали мыслить общими категориями в контексте рыночных отношений, т.е. глобально, однако в отличие от западных стран действовать локально, преследуя в решении общих проблем прежде всего свои собственные интересы, не стали. В результате снова и сильно подставились. Стремясь максимально быстро интегрироваться в мировую систему хозяйства и подбадриваемая западными странами¹, Россия в спешке стала проводить непродуманные и неподготовленные экономические реформы. Иными словами, российские реформаторы безоглядно ринулись в рынок, не без зависти наблюдая за тем, как Китай делает то же самое, но без спешки, продуманнее, эффективнее и с меньшими издержками. Теперь, когда жесткие реалии требуют гораздо большей ясности в определении национальных интересов и приоритетов России, что для нее при складывающемся балансе и раскладе сил действительно жизненно важно, не меньшую угрозу представляет другая опасность — невнимание к глобальным трендам и пренебрежение глобальным форматом современных отношений в мире.

¹ Их интерес, принимая во внимание упомянутые выше выводы Н. Винера, вполне очевиден.

А они таковы, что в условиях нарастающей взаимозависимости и отсутствия внешних регуляторов, как уже отмечалось выше, все субъекты международных отношений, «играющие» по законам глобального рынка, проводят политику, прежде всего с позиции собственной выгоды.

В этом суть капиталистической экономики, здесь основные причины ее спадов, подъемов и экономических кризисов. Именно тут следует искать ответ и на вопрос, почему рынок не сможет решить глобальные проблемы современности, представляющие угрозу *всему* человечеству. Наконец, закономерным результатом таких отношений является вопиющее социально-экономическое и имущественное неравенство, достигшее в условиях глобального мира беспрецедентных значений, когда «золотой миллиард», присвоивший себе правдами и неправдами колоссальные богатства, живет по существу за счет всех остальных — более шести миллиардов жителей планеты. Но как удастся богатому меньшинству удерживать в повиновении намного превосходящую их по численности оставшуюся часть населения? В отличие от тоталитарных систем и диктаторских режимов у них нет в непосредственном подчинении репрессивного аппарата: полиции, служб безопасности, соответствующим образом выстроенной судебной-правовой системы, наконец, армии, хотя все это и работает на них косвенным образом. Но сводится ли все дело только к этому? Подсказку ответа на такой вопрос находим у ученых, которые проводили интересные эксперименты с обезьянами, что позволяет лучше понять причины возникновения социальных табу и механизмы управления общественными системами.

Один из таких широко известных экспериментов заключается в том, что в клетку, где стоит лестница со связкой бананов наверху, помещают пять обезьян. Как только одна из них подходит к лестнице, чтобы подняться и взять банан, всех их, включая и ее, обливают ледяной водой. На этом попытка прекращается. И каждый раз, когда какая-то из обезьян пытается достать банан, их всех опять обливают ледяной водой. В итоге у обезьян вырабатывается условный рефлекс, и они уже не стараются достать банан из-за страха быть об-

литыми. Затем одну из обезьян заменяют новой, которая, завидев бананы, направляется к лестнице. Но эта попытка сразу же жестко пресекается остальными. Так повторяется несколько раз, пока вновь прибывшая под страхом наказания не осознает, что бананы трогать нельзя. Затем заменяют еще одну промокшую обезьяну на новую, и с нею происходит все то же самое, что и с первой, которая еще с большим энтузиазмом, чем остальные участвует в избивении вновь прибывшей за ее попытки достать банан. Эксперимент продолжался до тех пор, пока все пять мокрых обезьян не были заменены новыми, которых никогда холодной водой не обливали. И с каждой новой обезьяной происходило то же самое, что и с предыдущими, после чего уже никто из них больше уже не предпринимал попыток достать банан. А когда в клетку добавили еще одну, шестую обезьяну, история опять повторилась — ее также избивали те, которых никогда не поливали холодной водой, но которые до этого сами подвергались экзекуции при попытках достать банан. После такого «урока» они знали только одно — бананы трогать нельзя. Почему? Потому, что здесь так заведено!¹

Очевидно по этой причине мы не много найдем в истории примеров мирного перехода от одной формы правления к другой. Смена и даже кардинальное изменение не только тоталитарных, но и любых режимов происходит, как правило, революционным путем, когда разрушению подвергаются как атрибуты и формы управления прежней власти, так и прежняя политика, идеология, система ценностей. При этом кардинально меняются и правящие элиты, носители соответствующего мировоззрения. И тогда устанавливается новый порядок, при котором на место прежних запретов и разрешений приходят новые. Соотношение между ними, как показывает реальная практика, обычно имеет тенденцию со временем все больше смещаться в сторону запретов. Происходит это, как правило, не сразу, а по мере укрепления власти новых правя-

¹ Эксперимент с обезьянами: формирование общества / Фактрум. URL: <https://www.factroom.ru/facts/4763>

щих элит и привыкания основной массы населения к сеансам «холодного душа», которых для них в истории еще никто не отменял. Иными словами, «политика кнута и пряника» никуда не девается, и дело только в том, каково соотношение того и другого метода воздействия в каждом конкретном случае, а также в чьих руках находятся эти инструменты управления общественными процессами.

Несколько иначе обстоят дела на межгосударственном уровне, где в условиях глобализации и при отсутствии внешних сил принуждения отношения между странами регулируются двусторонними и многосторонними соглашениями, всевозможными конвенциями, а также при участии и посредничестве международных организаций. Все это происходит, как правило, до тех пор, пока взаимодействующие стороны извлекают взаимную выгоду из такого рода соглашений. В противном случае, на первый план выступают более значимые интересы и «право силы». Именно этим объясняется то, что при катастрофической нехватке средств на социальные нужды, медицину, образование, культуру, наконец, на охрану окружающей среды, правительства абсолютного большинства стран, причем не только самых богатых, но и беднейших, тратят львиную долю национального дохода на вооружение, армию и силовые структуры. Историческое противоборство двух антагонистических общественно-политических систем, в котором сошлись их геополитические интересы, и под знаком которого прошел почти весь XX век, является наиболее ярким примером такого рода борьбы на выживание. Вместе с тем, завершение этого противостояния с развалом социалистической системы лишь на время (пока шло формирование нового планетарного расклада сил) ослабило геополитическое противоборство, но вовсе не устранило его; да и не могло устранить, поскольку геополитика — неотъемлемая черта и составляющая часть глобализации. И, как показывает история, чем более интенсивно развивались глобальные процессы, тем чаще, сильнее и жестче сталкивались геополитические интересы, а формы их разрешения становились все более разнообразными и изощренными.

4.4. Геополитическое противоборство и уроки холодной войны

*«Если же все усилия не приведут ни
к чему и люди все же уничтожат друг
друга, то Вселенная не пролетит над ними
ни единой слезы»*

(Из письма А. Эйнштейна
Морису Соловину)

Понятие «геополитика» активно используется в современном научном, и политическом лексиконе. Без него практически не обходятся не только соответствующие теоретические публикации, но и обсуждение важнейших политико-экономических проблем мирового масштаба, не говоря уже о средствах массовой информации, с подачи которых этот термин теперь легко воспринимается на уровне массового сознания.

Зарождение и развитие геополитики как особого направления философской и политической мысли, как новой области теоретического знания и сферы практической деятельности относится к концу XIX — началу XX в. К тому времени уже со всей очевидностью обнаружилось, что мощь и международное влияние государств серьезно зависит от географического положения страны, ее размеров, количества населения и запасов природных ресурсов. Тогда же мировое сообщество окончательно вступило в эпоху политической глобализации, ярким выражением которой стали Первая и Вторая Мировые войны, а также последовавшая затем «холодная война». Тем самым решались, прежде всего, геополитические задачи. В основе этих конфликтов мирового масштаба лежали преимущественно экономические интересы, борьба за новые территории, ресурсы и сферы влияния. Геополитика таким образом в полной мере обнаружила свою непосредственную связь с глобализацией общественных отношений, так как реалии глобального мира поставили все страны и народы в ситуацию острого противоборства в отстаивании своих национальных интересов. А поскольку практическая деятельность в данном направлении нуждалась в теоретическом обосновании, то спрос на геополитические идеи и концепции, а также на их философское обоснование стал неизменно возрастать.

Так появилась новая область научного знания *геополитика* — «синтетическая дисциплина, объединяющая элементы географии, истории, политологии, социологии, демографии, этнологии, экономики и т.п. и ставящая целью изучение историко-географической динамики государств»¹. В другом энциклопедическом издании внимание фиксируется на практической стороне дела, и о геополитике говорится уже как политологической концепции, «согласно которой политика государств, в основном внешняя, предопределяется географическими факторами (положение страны, природные ресурсы, климат и др.)... Термин «геополитика» употребляется также для обозначения определенного влияния географических факторов» на внешнюю политику государств (геополитические интересы, геополитическая стратегия и т. п.)².

Как явление мировой политики геополитическое противоборство зародилось уже на заре глобализации, когда на формирувавшейся тогда мировой арене столкнулись экспансионистские интересы первооткрывателей новых территорий. Упомянутый уже Тордесильясский договор³ стал по существу первым международным актом геополитического свойства, поскольку, в соответствии с ним испанцы и португальцы разделили весь Новый свет на сферы своего влияния. Время же для теоретического осмысления геополитических реалий, согласно «эффекту позднего восприятия»⁴, наступит гораздо позже.

Так, первые идеи геополитического характера появляются на рубеже XIX–XX вв. в работах Ф. Ратцеля — крупного немецкого географа и первого геополитика, заложившего основы этой науки; В. де ла Блаша — видного французского географа и геополитика, классика школы географии человека и главы французской классической школы геополитики; А. Зигфрида —

¹ Глобалистика: Энциклопедия / гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков; Центр научных и прикладных программ «Диалог». М.: Радуга, 2003. С. 170–171.

² Онлайн-словарь. Энциклопедический словарь // tolkslovar.ru. URL: <http://tolkslovar.ru/g1794.html>

³ См.: п. 1.2.

⁴ Чумаков А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира: монография. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. С. 25–28.

французского основоположника электоральной социологии, известного своими трудами по экологии, где большой акцент делался на взаимосвязи географии и политики и др. Что касается самого термина «геополитика», то он был предложен несколько позже шведским историком Р. Челленом, по мнению которого, геополитика — это наука «о государстве как географическом организме, воплощенном в пространстве»¹. В полной же мере термин получил научное и философское обоснование и активно вошел в научный оборот после того, как был подхвачен признанными впоследствии классиками данного направления: английским теоретиком международных отношений Х. Маккиндером и немецким географом и дипломатом, основоположником германской школы геополитики К. Хаусхофером. Эти и другие теоретики геополитики видели в территории страны, в протяженности границ и т.п. значимый политический ресурс, призванный обеспечить государству развитие и жизненный успех. В США видными геополитиками были А.Т. Мэхэн и Н. Спикмен. Среди русских мыслителей к идеям геополитики в XX в. приближались некоторые представители евразийства (Н. Трубецкой, П. Савицкий), а также Л.Н. Гумилев.

В современной философской и научной литературе выделяются такие разновидности геополитики как:

а) *традиционная геополитика* (геостратегия), которая делает акцент на военно-политической мощи государства и доминирующей роли географических факторов в его стремлении расширить свою территорию;

б) *новая геополитика* (геоэкономика), акцентирующая внимание на экономической мощи государства;

в) *новейшая геополитика* (геофилософия), в которой сила духа доминирует над военной и экономической мощью.

Все эти разновидности геополитики активно используются сегодня, в частности, для объяснения (и оправдания) огромного разрыва в социально-экономическом развитии между «передовым индустриальным Севером» и «отсталым аграрным Югом», т.е. между экономически развитыми и развивающимися стра-

¹ Челлен Р. Государство как форма жизни. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЕН), 2008.

нами. Таким образом, вполне очевидно, что геополитика имеет неоднозначную природу и разными школами она рассматривается по-разному. В частности, она может пониматься и как *система знаний и закономерных связей между географической средой и политикой*, и как *философия и идеология, оправдывающая достижение, осуществление, сохранение, рост и укрепление власти*.

В этой связи важно подчеркнуть, что геополитические взгляды тесно связаны с идеями географического детерминизма. Так, уже первых теоретиков геополитики упрекали в том, что они организацию политической жизни общества ставили в строгую зависимость от того или иного ландшафта или географического положения страны. И в самом деле, когда речь идет об общественно-историческом процессе или развитии материального производства, возникает вопрос о том, насколько и как они зависят от естественных условий. В этом случае существенное значение приобретает анализ понятия «географическая среда», которое при обсуждении данной темы активно используется в науке и философии наряду с близкими ему по значению терминами: «природа», «естественная среда», «окружающая действительность», но в своем содержании к ним не сводится.

В специальной литературе *географическая среда* определяется как *такая часть земной природы, которая вовлечена в сферу человеческой деятельности и составляет необходимое условие существования и развития общества*. Иными словами, речь идет о влиянии различных параметров (территории, климата, ресурсов, ландшафта, рельефа местности и т.п.) на темпы и характер общественного развития. Оставляя открытым вопрос о том, как именно и насколько сильно географическая среда влияет на общественное и экономическое устройство общества, важно все-таки подчеркнуть, что она может оказывать влияние на ход исторического процесса, ускоряя или замедляя развитие производительных сил. Однако следует заметить, что еще сотню лет тому назад производственная и общественная жизнь людей тем меньше зависела от географической среды и стихийных сил природы, чем выше становился их экономический и научно-технический потенциал. XX в. принципиально изменил ситуацию, поскольку он не просто нарушил указанную закономерность, но и придал ей обратную зависимость. Человечество,

став планетарным явлением, в своем экстенсивном развитии натолкнулось на естественные границы географической среды, которая и по размерам, и по своим ресурсам оказалась слишком мала для беспрецедентно увеличившегося количества людей, к тому же во все возрастающих масштабах осуществляющих производственную деятельность.

Таким образом, сегодня ведущая роль в изменении географической среды, бесспорно, перешла к человеку. В то же время он потерял обретенную к началу XX в. относительную независимость от нее, натолкнувшись на естественные барьеры в виде нехватки энергетических и сырьевых ресурсов, пахотных земель, пастбищ, экологических проблем и т.п. Это обстоятельство объясняет сохранявшийся не одно столетие, а время от времени и возрастающий интерес к попыткам дать теоретическое обоснование роли географической среды в развитии общества. Совокупность накопленных в этой сфере знаний составила так называемую *географическую школу* с ее различными вариациями и концепциями, такими как «географический детерминизм», «убывающее плодородие почвы», «абсолютное перенаселение», наконец, «геополитика».

Хотя родоначальниками географической школы и принято считать французских мыслителей XVIII в. А. Тюрго и Ш. Монтескье, она как *система различных учений, приписывающих географическому положению и природным условиям ведущую роль в развитии общества*, берет свое начало еще в античности. Так, например, *Гиппократ, Геродот, Полибий, Страбон* и другие, уделяя большое внимание климатическим различиям разных регионов, считали наиболее благоприятными для жизни и деятельности людей Грецию и Средиземноморье. В современной науке эта тема также не утратила актуальности. Ярким представителем новейшей формы географического детерминизма является известный российский историк, географ Л.Н. Гумилев, автор пассионарной теории этногенеза, в основе которой лежат представления об этносе как биосферном феномене, теснейшим образом связанном с ландшафтом. Согласно его концепции, в основе как социальных, так и этнических процессов лежат в первую очередь географические причины, которые определяют направленность этих процессов. «Этногенез, — отмечает

он, — природный процесс, флуктуация биохимической энергии живого вещества биосферы. Вспышка этой энергии — пассивный толчок, происходящий в том или ином регионе планеты, — порождает движение, характер которого определяется обстановкой: географической, влияющей на хозяйственную деятельность этноса»¹. С позиции своей оригинальной теории Л.Н. Гумилев объяснял также и сложившийся к сегодняшнему дню баланс общественных систем, и современные тенденции социального развития, что множит как число его сторонников, так и оппонентов. Это лишь указывает на то, что Л.Н. Гумилев затронул такие проблемы, которые все больше обнаруживают свою фундаментальность в современных условиях, когда человечество вплотную подошло к естественным пределам своего развития и столкнулось с необходимостью решать сложнейшие задачи, обусловленные глобализацией.

Идеи географического детерминизма и связанные с ними теория и практика геополитики имеют в основе своей политическую глобализацию, апогеем которой стали Первая и Вторая мировые войны. Они, как это было показано в предыдущем исследовании,² явились по существу двумя этапами одной Мировой войны, в которую прямо или косвенно было втянуто почти все человечество. Однако окончание этой войны в 1945 г. не принесло человечеству прочного мира, поскольку главное противоречие той эпохи — противоборство капитализма и социализма, не только никуда не делось, но и еще больше обострилось в свете новейших достижений науки и техники.

Так, с начала 1940-х гг. в США, Германии и СССР развернулась интенсивная работа по созданию принципиально нового типа оружия — ядерного. На этом пути первыми практического успеха добились американцы, которые 16 июля 1945 г. провели испытание атомной бомбы, а через три недели, 6 и 9 августа, нанесли ядерный удар по японским городам Хиросиме и Нагасаки. Таким образом начиналась эра освоения атомной энергии, открывавшая принципиальную возможность самоуничтожения

¹ Гумилев Л.Н. Из истории Евразии. М., 1993. С. 26.

² Чумаков А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира: монография. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. С. 238–248.

человечества как вида и лишившая его былого бессмертия. Однако в полной мере это стало реальностью после того, как обладателем ядерного оружия в 1949 г. стал и Советский Союз, получив мощнейший рычаг влияния на мировую политику¹. А после того, как США в 1952 г. и СССР в 1953 г. создали водородную бомбу, да еще изобрели средства их доставки практически на любые расстояния — ракеты, уже ни один человек не мог быть в безопасности, независимо от места его проживания.

С этих пор любой конфликт, способный вызвать применение ядерного оружия, становился насущной проблемой не только конфликтующих сторон, но и жителей даже самых отдаленных территорий, которые, даже не имея никакого отношения к выяснению отношений на другом конце света, а то и представления о нем, тем не менее, в случае обмена ядерными ударами потенциально оказывались заложниками и жертвами соответствующих последствий такого развития событий. Характеризуя эту принципиально новую ситуацию, выдающийся философ XX в. К. Ясперс в 1948 г. писал: «После того как наша планета в целом стала доступна человеку, он лишился пространственной свободы. До этого времени человек мог путешествовать, уходить в неизвестные дали и жить, ощущая, что они где-то есть, что они ему доступны в своих безграничных пространствах, если он того пожелает. Теперь же наша обитель, сфера нашего существования замкнута, величина ее точно определена, должна быть целиком принята во внимание при проведении любых планов и действий».²

Данное утверждение вполне согласуется с тем, что при изначально предопределенной неразрывной связи природы и общества, в условиях беспрецедентного антропогенного воздействия на окружающую среду, ее разрушение становится фатальной угрозой существованию человека. Две сферы деятельности людей больше всего губят природу — экономика и военные действия. При этом экономическая деятельность, хотя и пагубно влияет на природную среду, в то же время имен-

¹ См.: Солдаты Холодной войны: хроники оборонного предприятия «Гидромонтаж» (1955–1991 гг.) / под ред. А.В. Буренкова. М.: ИнфоВелт, 2016.

² Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 246.

но она обеспечивает людей жизненно необходимыми условиями и средствами существования, что делает ее неотъемлемой частью общественной жизни. И дело заключается лишь в том, чтобы максимально сбалансировать плюсы и минусы экономической деятельности. Иное дело — военная сфера. Она не только отвлекает огромные средства и ресурсы, но и изначально ориентирована на поражение, разрушение, уничтожение объектов живой и неживой природы. Однако нельзя не согласиться с тем, что «очевидные и неочевидные ответы природы на вызовы насилия и войн говорят о том, что если насилие и войны будут продолжаться, то скоро некому и не с кем будет воевать. Современная полномасштабная война станет катастрофой таким образом не только для природы, но и для человека, его будущих поколений»¹.

В этой связи важно подчеркнуть, что окончание Второй мировой войны, ознаменовавшееся новой расстановкой сил на международной арене, привело к тому, что СССР и США, став сверхдержавами и представляя собой принципиально различные, антагонистически настроенные социально-политические системы общественного развития, оказались центрами притяжения, вокруг которых стали группироваться остальные страны. Определенной кульминацией такого размежевания стало, с одной стороны, создание 4 апреля 1949 г. в соответствии с Североатлантическим договором НАТО — военно-политического союза европейских и североамериканских государств, а с другой стороны, подписание 14 мая 1955 г. в Варшаве Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, который конституировал альтернативный НАТО военно-политический союз восточных государств. Кульминацией же противостояния этих двух военно-политических блоков стал разразившийся в 1962 г. Карибский кризис, едва не переросший в глобальную ядерную войну.

¹ Шевченко В.Н. Предисловие // *Философия войны и мира. К 70-летию Великой Победы: материалы Всероссийской научно-практической конференции 28–29 апреля 2015 г.* Москва, Институт философии РАН / редколл.: В.Н. Шевченко, А.Д. Королев, И.К. Лисеев и др. М.: РФО, ООО «СиДиПресс-Арт», 2016. С. 8.

Таким образом, мир оказался в состоянии *Третьей мировой войны*, получившей название «холодной», так как в ходе ее обе стороны воздерживались от прямого силового воздействия, прежде всего, по причине страха перед применением ядерного оружия, которое неминуемо ставило на грань самоуничтожения и того, кто первый применил бы такое оружие. Эта, фактически новая, *глобальная война* имела уже принципиально иной характер, чем две предыдущие мировые войны, как и совсем другие цели, задачи, средства ее ведения и т.п. При этом она также, как и предыдущие, втянув в свою орбиту подавляющую часть человечества, велась с полной отдачей и напряжением всех сил, по всем направлениям общественной жизни, включая идеологию, политику, дипломатию, экономику, торговлю и, конечно, опираясь на передовую науку и новейшие технологии.

Хотя сам термин «холодная война» (*cold war*) впервые появился в США в апреле 1947 г., реальный старт этой войне был дан несколько раньше — 5 марта 1946 г. в американском городе Фултоне. Именно там бывший премьер-министр Великобритании У. Черчилль, выступая с речью в Вестминстерском колледже, вошедшей в историю как «*Фултонская речь*», заявил: «От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике опустился над Европейским континентом железный занавес».¹ Тогда же он обвинил Советский Союз в экспансионистских планах, в стремлении навязать свою идеологию другим народам и предложил создать англо-американский военно-политический союз для борьбы с «восточным коммунизмом», что вызвало незамедлительную и очень жесткую реакцию Советского руководства. В центральной партийной газете «Правде» по этому поводу выступил И.В. Сталин, который, комментируя речь Черчилля сказал: «Я расцениваю ее как опасный акт, рассчитанный на то, чтобы посеять семена раздора... По сути дела Черчилль стоит теперь на позиции поджигателей войны. И г. Черчилль не одинок, — у него имеются друзья не только в Англии, но и в Соединенных Штатах Америки. Следует отметить, что г. Черчилль и его друзья поразительно напоминают в этом отношении Гитлера и его друзей. Гитлер начал дело развязыва-

¹ Цит. по: Хроника человечества. М., 2000. С. 975.

ния войны с того, что провозгласил расовую теорию, объявив, что только люди, говорящие на немецком языке, представляют полноценную нацию. Г-н Черчилль начинает дело развязывания войны тоже с расовой теории, утверждая, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершить судьбы всего мира... По сути дела г. Черчилль и его друзья в Англии и США предъявляют нациям, не говорящим на английском языке, нечто вроде ультиматума: признайте наше господство добровольно, и тогда все будет в порядке, — в противном случае неизбежна война... Несомненно, что установка г. Черчилля есть установка на войну, призыв к войне с СССР».¹ В таком исполнении это означало не что иное, как начало самой настоящей войны, окончательно разделившей весь мир на два идеологически противоположных лагеря, которые все больше втягивались в разорительное и предельно опасное противостояние, где очередные успехи в создании все более мощного ядерного оружия, служили каждый раз новым импульсом в раскручивании военной спирали.

Особого внимания в этой связи заслуживает реакция ученых на такие события. Уже в первые послевоенные годы именно к ним пришло понимание того, что наступила совершенно новая эпоха — эпоха планетарных явлений. Эта мысль очень скоро получила поддержку и развитие с еще одной стороны — со стороны набравшей тогда темпы гонки вооружений, где на первый план вышел неудержимо разрастающийся ракетно-ядерный арсенал. В этой связи появились первые опасения и предупреждающие высказывания, которые очень скоро переросли в общую озабоченность будущим мира и многие ученые, в особенности те, которые были причастны к созданию атомного оружия и хорошо понимали опасность своего изобретения в условиях политической нестабильности, первыми забили тревогу.

Тогда же известный английский философ Б. Рассел и выдающийся физик А. Эйнштейн опубликовали свой, ставший в последующем знаменитый Манифест, который был направлен против использования и распространения ядерного оружия и явился важным результатом осознания принципиально

¹ Цит. по: Хроника России. XX век. М., 2002. С. 564.

новой глобальной угрозы, нависшей над человечеством. Он предупреждал всех жителей планеты о грозящей им опасности и призывал «научиться мыслить по-новому» в ядерный век, чтобы сохранить цивилизацию.

Поддержанный значительной частью научного мирового сообщества, этот документ, получивший название «Манифест Рассела-Эйнштейна», подписали также М. Борн, П. Бриджмен, Л. Инфельд, Ф. Жолио-Кюри, Х. Юкава, С. Пауэлл и другие крупнейшие ученые XX в. Они, как никто больше, осознавали драматизм ситуации и свою ответственность за последствия сделанных ими открытий и всеми силами стремились повлиять на политиков с целью недопущения ядерной войны. В Манифесте, оглашенном Б. Расселом в Лондоне 9 июля 1955 г., они, обращаясь к политическим деятелям всего мира, писали: «В данном случае мы выступаем не как представители того или иного народа, континента или вероучения, но как люди, как представители человеческого рода, дальнейшее существование которого находится под сомнением. Мир полон конфликтов... Почти каждый человек, остро чувствующий политическую обстановку, питает симпатию или антипатию к той или иной проблеме; но мы хотим, чтобы вы, если это возможно, отбросили эти чувства и рассматривали себя только как представителей одного биологического вида, имеющего замечательную историю развития и исчезновения которого никто из нас не может желать»¹. Для авторов Манифеста было очевидным не только то, что в ядерный век необходимо научиться мыслить по-новому, но и то, что для предотвращения катастрофы следует отказаться от применения силы.

В этой связи они призвали ученых всего мира и мировую общественность подписаться под резолюцией, в которой говорилось: «В связи с тем, что в будущей мировой войне будет непременно использовано ядерное оружие, и поскольку это оружие угрожает существованию человечества, мы настаиваем, чтобы правительства всех стран поняли и публично признали, что споры между государствами не могут быть разрешены в результате развязывания мировой войны. Мы требуем, чтобы они нахо-

¹ Глобалистика: Энциклопедия. М.: Радуга, 2003. С. 535.

дили мирные средства разрешения всех спорных вопросов».¹ Манифест знаменитых ученых вызвал широкий общественный резонанс и положил начало многочисленным общественным движениям, выступающим за мир и разоружение. Сами же ученые пришли к необходимости объединить усилия деятелей науки и в 1957 г. провели первую конференцию своих сторонников в Пагуоше (Канада). Это движение, получившее по месту его первой встречи название Пагуошское и удостоенное в 1995 г. Нобелевской премии мира, стало одной из самых влиятельных международных организаций, выступающих за всеобщую безопасность, предотвращение ядерной войны и научное сотрудничество.

Важно подчеркнуть, что ученые, осознавшие глобальные опасности, не только предупреждали о них, но и предлагали пути их преодоления. Так, Б. Рассел, А. Тойнби, Р. Оппенгеймер и др. выступили с идеей создания Мирового правительства, которое положило бы конец всем войнам. В качестве основы такого правительства, по их мнению, могла бы стать Организация Объединенных Наций, а Рассел высказался также и за созыв всемирной конференции для поиска мирных путей разрешения спорных вопросов между государствами.

Однако эти идеи, как и общественные движения, подобные Пагуошскому, в начале 1960-х гг. были оттеснены на второй план начавшимся соревнованием в освоении космоса, и несколько утратили свою привлекательность и влияние на массовое сознание. Причиной тому стало широкое распространение технооптимистических настроений и выросших на их основе всевозможных футурологических прожектов от идей «техногенного», «индустриального», «постиндустриального» и т.п. общества до Программы построения коммунизма, с пафосом принятой в СССР в 1961 г. Но эта эйфория постепенно рассеивалась под влиянием нового этапа, теперь уже многоаспектной глобализации, которая стала набирать обороты за счет интенсивного освоения космоса и начинавшейся в то время информационно-технологической революции.

¹ Глобалистика: Энциклопедия. М.: Радуга, 2003. С. 535.

По мере роста научных и технических достижений, а также мощи противоборствующих сторон при одновременном совершенствовании средств коммуникации, передвижения и доставки ядерного оружия, резко возрастала угроза самоуничтожения человечества. Становилось все более очевидным, что в условиях нарастающей глобальной взаимозависимости, все большей открытости информации, свободы перемещения, финансовых товарных и людских потоков гонка вооружений и усиление противостояния двух несовместимых общественно-политических систем, претендующих, как минимум, на мировое лидерство, не могут продолжаться бесконечно долго. Развязка наступила на рубеже 1980–1990-х гг., когда кризис глобального социалистического проекта достиг своего апогея. Так, «холодная война», у которой было свое вполне конкретное начало (речь Черчилля в Фултоне в 1946 г.), закончилась полным разрушением социалистической системы и распадом Советского Союза в 1991 г. Можно сказать и более обобщенно: «Генезис и завершение Холодной войны как периода противостояния двух сверхдержав (СССР и США) в силу сложности явления не могли произойти одновременно, поэтому правомерно считать началом Холодной войны вторую половину 1940-х гг., а завершением — конец 1980-х гг.»¹.

Однако, как показало время, это была лишь очередная страница истории, запечатлевшая определенный ее этап, но не окончательное избавление человечества от холодной войны. Корни ее — геополитическое противоборство на мировой арене, не были, да и не могли быть устранены, и нужно было только время, чтобы они дали новые побеги. Такое время требовалось для формирования иной структуры международных отношений с учетом нового геополитического расклада сил, который принципиально изменился после распада социалистической системы. Западные страны и, прежде всего, США стали доминировать в экономическом и политическом отношениях, что отразилось непосредственным образом и на их геополитических взглядах и устремлениях. Суть их хорошо выразил американский

¹ Солдаты Холодной войны: хроники оборонного предприятия «Гидромонтаж» (1955–1991 гг.) / под ред. А.В. Буренкова. М.: ИнфоВелт, 2016. С. 9.

дипломат Ф. Фукуяма, который в 1989 г. в своей резонансной статье «Конец истории» предпринял попытку спрогнозировать новый международный порядок в период после эпохи «холодной войны». Он высказался в том плане, что все незападные страны и цивилизации должны с необходимостью пойти по пути вестернизации и американизации своих систем, так как «победа либеральной демократии во всемирном масштабе» не оставляет им иного выбора¹.

Другой, не менее эпатажный взгляд на новые геополитические реалии предложил американский политолог С. Хантингтон. В своей на шумевшей статье «Столкновение цивилизаций», вышедшей в 1993 г., он обозначил новое противостояние Запада, но уже с исламским миром. Его теория цивилизационных разломов строилась на том, что основные противоречия теперь будут вытекать из борьбы следующих цивилизаций: западная, исламская, конфуцианская, японская, индуистская, православная, славянская, латиноамериканская и африканская. Позднее он развил эти идеи в своей книге «Столкновение цивилизаций»².

Наконец, еще один яркий пример американского геополитического мышления представляют высказывания известного политолога З. Бжезинского. Обосновывая тезис об «однополярном мире» и лидирующей роли США на мировой арене в постсоветский период, он, в частности, писал: «Для Соединенных Штатов евразийская геостратегия включает целенаправленное руководство динамичными с геостратегической точки зрения государствами и осторожное обращение с государствами-катализаторами в геополитическом плане, соблюдая два равноценных интереса Америки: в ближайшей перспективе – сохранение своей исключительной глобальной власти, а в далекой перспективе – ее трансформацию во все более институционализирующееся глобальное сотрудничество. Употребляя терминологию более жестких времен древних империй, – отмечает он, – три великие обязанности имперской геостратегии заключаются

¹ См.: Фукуяма Ф. Конец истории? // США. Экономика, политика, идеология. 1990. № 5.

² См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.

в предотвращении сговора между вассалами и сохранении их зависимости от общей безопасности, сохранении покорности подчиненных и обеспечении их защиты и недопущении объединения варваров»¹.

Приведенная цитата — типичный пример современной американской геополитики в действии. Однако вся суть современного геополитического противоборства к этому не сводится. На авансцену мировой политики в постсоветский период уверенно выдвинулись не только страны западного мира, но и Китай, перестраивающаяся на основе новых амбиций Россия, а также ряд других влиятельных субъектов международных отношений (исламский мир, Индия, Бразилия и др.).

При этом важно подчеркнуть, что в условиях глобального мира и появления множества средств воздействия на противостоящую сторону (соперника, конкурента, противника), используется уже не только дипломатия, военно-экономический потенциал или человеческие ресурсы, но и «мягкая сила», информационные, кибернетические ресурсы, блоки, союзы, коалиции и т.п., составляющие в совокупности весь арсенал ведения нового типа войны — «гибридной».

А это означает, что известные и так часто цитируемые слова императора Александра III о том, что «у России есть только два союзника — ее армия и флот», теперь, в условиях глобального мира и всеобщей взаимозависимости, должны быть существенно скорректированы. И в самом деле, если бы, например, Южная Корея, Израиль или Сингапур полагались только на свою армию и флот, то в лучшем случае, их ожидала бы судьба Северной Кореи, со всеми «прелестями» самоизоляции и аскетической жизни в военном лагере. Не более завидной была бы судьба и самой развитой страны Западного мира США, полагаясь они только на свою армию и флот. В этом случае, с момента окончания Второй мировой войны они имели бы к настоящему времени врагов в лице всего мира, среди которых Германия и Япония, были бы далеко не на последнем месте.

¹ *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 2005. С. 54.

Таким образом, уяснение сути и тенденций развития современной глобализации и ее последствий, а также адекватная оценка проводимой на ее фоне геополитики теми или иными странами, становятся теперь не только велением времени, но и условием выживания в современном мире.

4.5. Международное сообщество: неравенство возможностей

Современный противоречивый и взаимозависимый мир общественных отношений — это пестрая палитра бесконечно-го множества связей, контактов, обязательств, зависимостей и т.п., в которых пребывают различные субъекты мирового социума. Точный и полный перечень субъектов таких отношений не поддается подсчету, поскольку к ним можно отнести не только каждого из семи с половиной миллиардного населения планеты, но и около 200 государств, вкуче с их всевозможными политическими, экономическими и военными союзами, альянсами, объединениями. Это также правительственные и неправительственные международные, региональные и местные организации, структуры, движения, деятельность которых осуществляется практически во всех сферах общественной жизни: политической, экономической, социальной, военной, культурной, спортивной, религиозной, научно-технической, экологической и т.п. Весь этот конгломерат индивидов и всевозможных форм общественных объединений находит свое выражение в таких понятиях как *«мировое сообщество»* и близком к нему по смыслу *«международное сообщество»*, которые относятся к системе основных категорий современной глобалистики и характеризуют планетарный социум как единое целое, но с разных сторон.

Так, термином *«мировое сообщество»*, широко употребляемом в научном, философском и политическом лексиконе, обозначается все человечество как единое целое, т.е. внимание акцентируется на том, что в мировом масштабе все мы являемся жителями одной планеты и имеем общую судьбу независимо от национальной, расовой, религиозной и т.п. принадлежности. Иными словами, речь идет о глобальной социально-экономи-

ческой системе, формирующейся в процессе глобализации, а элементами этой системы являются индивиды и всевозможные неформальные, негосударственные, неправительственные структуры.

Другой термин — *«международное сообщество»*, получил широкое распространение в международном праве и определяется как «глобальная политическая система, элементами которой являются государства, т.е. система носит межгосударственный характер»¹. Иными словами, под *международным сообществом* **«понимается вся совокупность государств, государствовподобных образований, наций и народов, борющихся за свою независимость, международных организаций, являющихся субъектами международного права, устанавливающих между собой политические, экономические, правовые и иные отношения»**². Отношения между членами международного сообщества составляют систему международных отношений, а сами они являются субъектами этих отношений, чем собственно и характеризуется мировой правопорядок, складывающийся в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного и внутригосударственного права.

Схематически и кратко суть различия между двумя рассматриваемыми понятиями можно выразить следующим образом:

1. Человек — коллектив — общество — *мировое сообщество*.
2. Государственные структуры — государство — межгосударственные организации и объединения — *международное сообщество*.

В научной и специальной литературе близкими по значению данным терминам, но имеющими свои оттенки, являются такие понятия, как «человечество», «глобальное сообщество», «планетарное сообщество», «мировой социум», «жители Земли», «население мира», «население планеты» и т.п. Эта терминология сформировалась относительно недавно, и непосредственно свя-

¹ Глобалистика: Международный междисциплинарный энциклопедический словарь / гл. ред.: И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. М.; СПб.; Н.-Й.: ИЦ «ЕЛИМА», ИД «Питер», 2006. С. 555.

² Что такое мировое сообщество / Как Просто. URL: <http://www.kakprosto.ru/kak-79171-chto-takoe-mirovoe-soobshchestvo>

зана с осмыслением общих угроз для всего мирового сообщества и изучением глобальных процессов, которые стали предметом всеобщей озабоченности и специальных исследований со второй половины XX в. По существу общечеловеческими категориями стали мыслить, как минимум, на сто лет раньше, что хорошо просматривается в высказываниях И. Канта, Т. Мальтуса, К. Маркса, Ф. Энгельса, Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, а позже В.И. Вернадского, К. Ясперса. Однако в полном смысле этого слова глобальный мир и мировое сообщество стали предметом особого внимания и специально анализа только после первых докладов Римскому клубу¹.

При этом важно подчеркнуть, что в качестве целостной системы мировое сообщество формировалось постепенно в контексте поэтапного развития глобализации, начиная с эпохи Великих географических открытий, но осознание этого факта пришло только в XX в., что открыло принципиально новые возможности для анализа той реальности, в которой мы теперь живем, и которая принципиально отличается от всех предыдущих эпох. Так, мировые войны и международные конфликты, стихийные бедствия и глобальные экологические проблемы, наконец, ядерная угроза и международный терроризм дали всем жителям Земли ощущение общности судьбы, тесной зависимости друг от друга, осознание того, что планета для всех одна, и ее благополучие зависит от каждого из нас. Ничего подобного в прежние века не было.

При всем разнообразии акторов и их позиций на мировой арене, несомненно, главную, ключевую роль на этом уровне играют национальные государства. Как сами они (по совокупности даже основных параметров), так и их претензии, амбиции и возможности разные. К тому же, претензии и возможности не всегда совпадают. Каждая страна обладает определенным потенциалом, образно говоря, — набором «акций», «стоимость»

¹ *Mesarovic M., Pestel E.* Mankind at the Turning Point, Dutton. New York, 1974; *Laszlo Ervin and al.* Goals for Mankind, Dutton. New York, 1977; Club of Rome // Global Studies / Encyclopedic Dictionary. Edited by A. N. Chumakov, I. I. Mazour and W. C. Gay. With a Foreword by Mikhail Gorbachev. Editions Rodopi B.V., Amsterdam; N. Y., 2014.

которых определяется по многим критериям, например, по таким, как территория, ресурсы, население, экономика, военный потенциал, уровень развития науки, вовлеченность в космические разработки, социальная и политическая стабильность и т.п. Рассматривая данные критерии применительно к каждой конкретной стране в отдельности, можно определить ее реальное положение (рейтинг) среди других стран мира, а также построить шкалу приоритетов всех государств: от наиболее значимых до имеющих минимальные показатели. К тому же следует принять во внимание, что при совпадении интересов отдельных стран они зачастую объединяют свои возможности, усилия и ресурсы для достижения тех или иных целей, что, как правило, увеличивает стоимость их «акций» и роль в международных делах.

4.6. Потенциалы стран по базовым критериям

С учетом столкновения различных интересов и противоборства отдельных государств, вполне очевидно, что принципиальное значение имеет то, чем выделяется, какими параметрами характеризуется, наконец, какими ресурсами, потенциалом и возможностями обладает то или иное государство. При этом одни из таких параметров, например, *размер территории, численность населения, состояние экономики*, являются принципиальными и особо значимыми, другие, такие как *информационная безопасность* или *уровень коррупции* менее значимы, хотя при определенных условиях, да еще и в комбинации с другими параметрами, изначально менее важные из них могут стать решающими.

В данном контексте не имеет принципиального значения как, когда и при каких обстоятельствах одни страны обрели большие, другие меньшие позиции, мощь и влияние. Для целей нашего исследования достаточно констатации факта и установления реального положения дел в данный момент, которое, конечно же, не является стабильным, раз и навсегда данным. Оно изменяется, прежде всего, с точки зрения расстановки сил и позиций отдельных субъектов, тогда как по сути и характеру взаимоотношений взаимодействующих сторон изменения про-

исходят гораздо медленнее, поскольку отражают не текущую ситуацию, а соответствующую историческую эпоху.

Итак, десятка наиболее важных параметров (критериев), характеризующих ту или иную страну, будет вполне достаточно, чтобы сопоставить ее с другими странами, выделенными по таким же критериям. При этом в силу неравнозначности выделяемых параметров разобьем их на две группы по степени важности для установления статуса и влияния страны на международном уровне.

Первую группу будут составлять такие критерии (параметры, характеристики), которые заданы объективно и не зависят от отдельных решений конкретных правительств в данный момент времени. Их можно определить как базовые, основные, наиболее важные.

1. **Территория.** Имеется в виду вся совокупная площадь суши и водного пространства, находящаяся под юрисдикцией данного государства.

2. **Население.** Общая численность населения, имеющая гражданство данной страны, с учетом динамики изменения численности и возрастного состава этого населения.

3. **Географическое и геостратегическое положение страны.** Принципиальное значение имеет расположение страны на глобусе. Находится ли она в зоне холодного, умеренного или тропического климата. Является ли ее территория горной или равнинной, лесистой или пустынной. Имеет ли страна выходы и какие именно к морям и океанам. Наконец, с какими странами граничит, и какие транспортные пути через нее пролегают.

4. **Наличие природных ресурсов.** Дело касается возобновляемых и невозобновляемых энергетических, сырьевых и биологических ресурсов, а также количества и качества земель, пригодных для ведения сельского хозяйства.

5. **Уровень социально-политической стабильности и экономической развитости страны.** Данный параметр имеет принципиальное значение для многих других, в том числе и перечисленных ниже, показателей, зависящих от состояния и конкурентоспособности политической и экономической системы, а также от решений, принимаемых руководством соответствующего государства.

Во вторую группу критериев деления стран по их значимости на мировой арене поместим такие показатели, которые, с одной стороны, предзаданы первыми четырьмя, упомянутыми в первой группе в качестве объективных параметров, а с другой стороны, существенно зависят от пятого параметра. Иными словами, наличие или отсутствие высоких (хороших) объективных показателей — это только потенциальные возможности (или потенциальные препятствия) для благополучного развития страны, а в какой мере такие возможности реализуются (или преодолеваются, если дело касается препятствий) в значительной степени зависит от типа государственного устройства и принимаемых решений в данном государстве. Так, например, Сингапур, Южная Корея или Люксембург достигли высоких показателей в своем развитии, прежде всего, благодаря эффективно организованной общественно-политической и экономической жизни и соответствующей политике руководства этих государств. В то же время, найдется немало примеров стран, обладающих объективно большими потенциальными возможностями, но в силу исторических или субъективных факторов не сумевших воспользоваться этими преимуществами. Приведенные ниже еще пять критериев позволяют учесть данное замечание при определении градации различных государств по степени их развитости.

I. Валовой внутренний продукт (ВВП). По этому показателю определяется общее количество всех товаров и услуг, произведенных всеми предприятиями и организациями страны в течение года. Он играет очень важную роль в оценке состояния страны, поскольку позволяет оценить уровень ее экономического развития и ее конкурентоспособность на мировом рынке.

II. Военная сила. Ключевой критерий в оценке защищенности той или иной страны от внешней угрозы, а также способности проводить независимую внешнюю политику. Данная позиция определяется размером военных расходов, численностью армии и ее оснащенностью, наличием (или отсутствием) ядерного оружия, а также количественными и качественными характеристиками ядерного потенциала при его наличии.

III. Освоение космоса. Речь идет о том, является ли данная страна космической державой, и (или) в какой степени вовле-

чена в освоение космоса и разработку (использование) современных космических технологий. Существенным показателем в данном случае является размер финансирования этой сферы деятельности.

IV. Состояние науки и образования. Данный показатель отражает научно-технический и интеллектуальный потенциал страны. Значение этого критерия измеряется количеством ученых и преподавателей, а также размером финансирования данных сфер общественной жизни. Принципиальное значение имеет количество и качество научных и учебных заведений, включая их позиции в рейтингах мировых показателей. Наличие открытий, изобретений, проводимых научных мероприятий, обучение иностранных студентов т.п., также существенно влияет на позицию, которую страна занимает в мире по этому критерию.

V. «Мягкая сила». В этом интегративном и не поддающемся количественному измерению показателе отражаются неявные, опосредованные возможности страны оказывать влияние на ход событий и на другие субъекты международных отношений с целью реализации собственных интересов и достижения своих целей. Формы и методы применения «мягкой силы», которая стала активно использоваться со 2-й половины XX века, разнообразны. Она, в отличие от «жесткой силы», которая подразумевает непосредственное принуждение, делает акцент на привлекательности, заинтересованности и убедительности заключенных в ней средств и предложений. Это может быть как определенная система воздействия на общественное мнение посредством искусства, культурных или спортивных мероприятий, так и комплекс дипломатических, экономических, политических и иных инструментов несилового воздействия в интересах конкретной страны. Значение (степень влияния) данного критерия определяется посредством экспертной оценки.

Переходя к сравнительному анализу соотношения позиций наиболее значительных мировых держав, подчеркнем то обстоятельство, что для целей нашего исследования можно оставить без специального рассмотрения детали и ограничиться десятью критериями, выделенными в приведенных выше двух группах. При этом значение каждого из таких критериев будем определять по 10-ти бальной шкале, когда по позициям 1, 2 (пер-

вой группы) и по позиция I, II (второй группы) максимальные 10 баллов будут присваиваться стране, занимающей первое место в мире по данному критерию.

Остальные страны получают количество баллов, рассчитанных по следующей схеме:

1. Берется страна, имеющая первую позицию по определенному критерию, например, территориальному (это Россия с ее территорией — 17 098 246 кв. км.) и получившая 10 баллов.

2. Определяем, сколько кв. км. приходится на 1 балл, т.е. 17 098 246 кв. км. делим на 10 и получаем 1 709 824,6 кв. км.

3. Чтобы определить, сколько баллов по данному критерию будут иметь, например, США с их территорией равной 9 518 900 кв. км., разделим цифровое выражение их территории на величину одного балла (полученную в п. 2), т.е. на 1 709 824,6 кв. км. и получаем 5,57 баллов. Для остальных стран проводится аналогичное вычисление.

В нижеприведенной таблице 1 полученные данные записываются в строке для той или иной страны, когда в соответствующем столбце указывается сначала количество баллов, а ниже — приводится цифровое выражение, которое имеет данная страна по данному критерию.

Что касается позиций 3, 4, 5 (первой группы) и позиций III, IV, V (второй группы), то количество баллов каждой стране присваивалось на основании анализа соответствующих источников и заключительной экспертной оценки автора данной монографии.

В итоговой колонке приводится суммарное выражение по баллам, набранным той или иной страной, а также процентное выражение данного количества баллов по отношению к сумме баллов, набранных всеми 12 рассматривавшимися странами и взятыми за 100%.

Чтобы наглядно увидеть реальный расклад основных сил на международной арене глобального мира, ограничимся лишь 12 наиболее значимыми странами, составляющими каркас архитектоники современного человечества. Такими странами, исходя из проведенного выше анализа (см.: гл. 2), являются: *США, Россия, Китай, Индия, Англия, Германия, Франция, Иран, Канада, Бразилия, Япония, ЮАР.*

Таблица 1

Потенциалы основных стран мира по базовым критериям
(данные в таблице приводятся по состоянию на 2016 г.)

№	Страна	Баллы/ Террит. кв. км.	Баллы/ Нас. чел. млн	Геогр. и геос. пол. Баллы	Прир. Ресур. Баллы	Соц-эк. сист. Баллы	Баллы/ ВВП млрд \$	Баллы/ Военн млрд \$	Космос. Баллы	Наука Образ. Баллы	Мягкая сила. Баллы	Итого: Общ. коп- во бал. / %
		1	2	3	4	5	I	II	III	IV	V	
1	США	5,57 9518900	2,35 323	9,8	8	9,9	9,2 18037	10 601	10	10	9,8	84,62 / 18,59%
2	Китай	5,61 9598077	10 1.374	5	5,6	6	10 19696	6,5 216	4,2	4,3	8,2	65,41 / 14,37%
3	Россия	10 17098246	1,06 146	10	10	2,5	1,9 3725	7,5 84,5	8,5	3,7	1,6	56,01 12,30%
4	Индия	1,9 3287590	9,33 1.283	3,5	4,5	4,5	4,06 7998	3,6 50	1,4	2,5	2,1	37,39 8,21%
5	Англия	0,14 244820	0,47 65	4	1,5	10	1,37 2702	3,8 60,5	1,8	4,2	10	37,33 8,20%
6	Канада	5,8 9976140	0,26 36	4	6	9,5	0,83 1634	1,0 15,7	1,0	2,7	4,3	35,39 7,77%

Окончание табл. 1

7	Германия	0,2 357021	0,59 81	2	1,2	9,5	1,96 3860	2,4 40,2	1,1	3,7	7,3	30,05 6,60%
8	Франция	0,3 547030	0,48 66	1,5	1	9	1,35 2666	3,1 62,3	1,7	3,3	7,8	29,53 6,49%
9	Бразилия	5,0 8511965	1,5 206	5	4	3	1,62 3199	2,3 30,7	1,3	2,5	1,3	27,17 5,97%
10	Япония	0,22 377835	0,92 127	3	0,2	10	2,46 4843	2,1 41,6	1,8	4,1	0,9	25,70 5,65%
11	Иран	0,96 1648000	0,57 79	3,5	2	3	0,7 1379	2,7 10,3	0,3	1,2	0,2	15,13 3,32%
12	ЮАР	0,71 1219912	0,4 55	1,5	3	3	0,37 726	0,6 3,5	0,4	0,8	0,3	11,48 2,52%
	Итого:	63.385.536 (42,56%)	3.841 (51,9%)	-	-	-	70.465 (61,7%)	1.216,3 (69,6%)	-	-	-	455,21
	Весь мир	148.940.000	7.400	-	-	-	114.137	1.747	-	-	-	100%

Анализируя данные, приведенные в таблице, важно подчеркнуть, что 12 выделенных стран составляют лишь 6% от общего числа всех (около 200) государств в мире. Однако их совокупная территория (63.385.536 кв. км.) — это 42,56% от общей площади суши Земли (148.940.000 кв. км.), а суммарная численность их населения (3.841 млн чел.) составляет 51,9% по отношению к 7,5 млрд населения планеты. Суммарный ВВП составляет 61,7% от общемирового ВВП, тогда как военные расходы двенадцати стран составляют 69,6% от всех расходов на военные цели во всем мире. Если принять во внимание, что основные производители оружия, причем наиболее совершенного, высокотехнологичного и высокоточного, входят в число выше названных 12 стран, то их реальное военное превосходство над остальными субъектами международных отношений оказывается значительно больше.

И, тем не менее, даже совокупное количество баллов, набранных западными странами согласно вышеприведенной таблицы (США, Англия, Канада, Германия, Франция и Япония), которое составляет 53,3% от 100%, определенных для всех 12 рассматривавшихся стран, не дает им *абсолютного преимущества* в системе всего мирового сообщества, поскольку помимо этих 12, в мире существует еще более 180, хотя и не столь мощных и влиятельных, но таких же суверенных государств, которые в данном случае не учитывались.

Таким образом, данную таблицу не следует принимать буквально, как не стоит абсолютизировать и приведенные в ней данные, поскольку часть из них носит оценочный и в известной мере условный характер. Некоторые из них составлены, как уже было отмечено выше, на основании экспертной оценки, и при иных оценках имели бы некоторые отклонения от приведенных значений. Другие данные, даже, казалось бы, поддающиеся количественному подсчету, например, площадь территории, население страны или военные расходы, при детальном сопоставлении различных стран также следовало бы принимать с определенными оговорками. В частности, горы, пустыни, тундры, непригодные для жизни и ведения хозяйственной деятельности, разные климатические зоны, или площади плодородных земель по-разному распределены на территориях отдельных

государств и не могут быть сведены только к количественному показателю — общей площади территории.

Также не совсем корректно сопоставлять страны и по численности населения, не принимая во внимание их различие по таким качественным характеристикам как уровень образования, показатель бедности или возрастной состав населения. Такого рода замечания, тем более, следовало бы учитывать при сопоставления военных потенциалов разных стран. Здесь официально заявляемые цифры военных бюджетов могут значительно отличаться от реальных ресурсов, в том числе и финансовых, направляемых на военные цели. Помимо того, что существенная часть их может быть скрыта, закамуфлирована под иные статьи расходов, важно иметь в виду также и численный состав армии, наличие ядерного оружия, его количество и потенциальную мощность, а также количество и качественные характеристики танков, самолетов, надводного и подводного флота, ракет, военно-технических объектов и сооружений. Наконец, серьезное значение имеет и то, как дислоцированы вооруженные силы в самой стране и за ее пределами.

Помимо выделенных выше десяти параметров (критериев), характеризующих, место, степень влияния и значимость той или иной страны на мировой арене, можно назвать также и другие факторы, которые следовало бы принять во внимание, если была бы необходимость более детального анализа данной проблемы. К таковым можно было бы отнести: *доход на душу населения; уровень развития сельского хозяйства; наличие инноваций и высоких технологий; объем международной торговли; развитие и использование информационных ресурсов и технологий; количество и качество транспортных коммуникаций; размер инвестиций в культуру; уровень развития гражданского общества и демократии; уровень преступности и коррупции; разницу между богатством и бедностью; уровень и продолжительность жизни; степень клерикализации общества, развитие спорта, туризма и т.п.*

И, тем не менее, сказанное несколько не снижает ценности приведенного выше сравнения стран по их месту, значимости и роли в международном сообществе. Таблица, при всей относительности содержащихся в ней параметров, дает наглядное представление о том, что в современном мире ни одно госу-

дарство, сколь внушительно не выглядели бы его позиции, не может рассчитывать на безусловное доминирование в международных делах, тем более, не может позволить себе принимать любые решения, которые соответствовали бы только его собственным интересам.

4.7. Альянсы и реалии современного мира

*В политике нет друзей,
а есть лишь интересы.*

Политическая максима

Под влиянием многоаспектной глобализации к началу XXI в. уже не только в среде научного сообщества, но и политической элиты сформировалось достаточно четкое понимание того, что практически любые действия и акции какого бы то ни было государства, предпринимаемые им за пределами его собственных границ и затрагивающие интересы других субъектов международных отношений, не остаются без внимания, а то и соответствующей реакции международного сообщества. Более того, даже внутригосударственные события, если они касаются общечеловеческих ценностей, прав человека или международного права, становятся резонансными на международном уровне и, как правило, сопровождаются определенными последствиями. Иными словами, в мире глобальных отношений и глобальной взаимозависимости, позволить себе пренебрежительное отношение к суверенным правам других или к взятым на себя международным договоренностям можно только ценою испорченных отношений, а то и самоизоляции со всеми вытекающими отсюда последствиями. Армия и флот в новых условиях, как и прежде, остаются важным аргументом в решении конфликтных ситуаций и защите собственных интересов, но они больше не могут быть «единственными союзниками» любого государства, сколь сильным и могущественным оно бы не казалось. Это принципиально новая ситуация, никогда прежде не имевшая место в истории человечества.

В таких условиях роль и значение всевозможных альянсов, коалиций, блоков, союзов, объединений и иных форм кооперации различных субъектов международных отношений суще-

ственно возрастает и, более того, становится условием выживания в ситуации перманентного противоборства и тотальной конфронтации. Именно на это указывал в свое время Т. Гоббс, когда писал, что «в состоянии войны, в котором благодаря отсутствию общей власти, держащей всех в страхе, каждый является врагом каждого, ни один человек не может надеяться защищать себя от гибели собственными силами или собственным умом без помощи союзников и всякий ждет той же защиты от союза, как и всякий другой»¹. Принципиальная разница между прошлым и настоящим заключается лишь в том, что Т. Гоббс рассуждал о времени, предшествовавшем появлению государства, когда борьбу на выживание вели отдельные индивиды. Теперь же, когда многоаспектная глобализация при отсутствии «общей власти, держащей всех в страхе», сделала субъектами международных отношений, причем уже в масштабе всей планеты, отдельные государства, они оказались теперь в такой же ситуации, в какой были в свое время индивиды, упомянутые Т. Гоббсом. Другими словами, различные субъекты международных отношений должны теперь вступать в союзы и коалиции не по прихоти или престижа ради, а по необходимости, в их же интересах.

Итак, альянсы, которые становятся по существу безальтернативной формой успешного функционирования и взаимодействия на современной международной арене, могут быть временными, долговременными, постоянными, а также двусторонними или многосторонними, локальными или региональными. В современном мире пока нет условий для создания действительно глобальных объединений, куда входили бы все государства планеты. Единственным исторически обусловленным исключением из этого правила является только Организация Объединенных наций (ООН), созданная по инициативе стран победительниц под впечатлением от пережитых ужасов Второй мировой войны для регулирования межгосударственных отношений и недопущения возникновения новой мировой войны в условиях появления ядерного оружия.

¹ Гоббс Т. Избранные произведения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1965. С. 172.

На других же уровнях общественных отношений различных объединений бесконечное множество, которые выстраиваются обычно по интересам, касающимся тех или иных сфер социального бытия. Характерным примером подобного рода является Европейский союз (ЕС) — экономическое и политическое объединение европейских государств, нацеленное на их региональную интеграцию для решения совместных целей и задач. Другой пример аналогичного рода — Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) — политическая, экономическая и культурная региональная межправительственная организация ряда стран, расположенных в Юго-Восточной Азии. Касательно сугубо политической сферы отношений, можно было бы назвать «Большую семерку», «Большую двадцатку»; в области экономики — это Всемирная торговая организация (ВТО или Организация стран экспортеров нефти (ОПЕК), а в военной области хрестоматийным примером является Организация Североатлантического договора (НАТО). Вполне очевидно, что разные страны, вступающие в подобного рода блоки и союзы, вносят в них, как правило, и различный вклад, поскольку обладают разными потенциалами или, образно говоря, владеют различного достоинства «акциями». Однако суммируя свои потенциалы и возможности, каждая из сторон коалиции ищет и, как правило, получает свою выгоду от совместных действий. При этом необходимо подчеркнуть, что решая таким образом одни проблемы, нередко создают новые, поскольку международные организации и альянсы сами вступают в конфликты и противоречия между собой и остается лишь констатировать тот факт, что мировое сообщество обречено жить в перманентном противоборстве не только отдельных индивидов и иных субъектов общественных отношений, но и их всевозможных коалиций, союзов, блоков и т.п.

Итак, характеризуя современный мир с точки зрения отличительных черт и особенностей его устройства, подчеркнем еще раз, что он являет собою динамичную и достаточно пеструю культурно-цивилизационную систему, где у каждого государства есть свое место, в зависимости от веса и стоимости пакета его «акций», т.е. от того, насколько данное государство весомо, значимо и авторитетно представлено в международном сообществе.

Поскольку таковых государств в современном мире около двух сотен, то хотя по отдельным параметрам, например, по военной силе или по валовому национальному продукту, у кого-то может быть явный приоритет над остальными, тем не менее, объективно никто не в состоянии абсолютно господствовать в системе международных отношений, не вызывая соответствующей обратной реакции. Конечно, привлекая союзников и вступая в коалиции, можно увеличить свои возможности, поднимая стоимость своих «акций», в том числе и путем сложения их с «акциями» своих союзников. Однако при любом раскладе это всегда будет лишь какая-то, пусть даже и весьма значительная часть того, чем обладает международное сообщество, но не все человечество в целом. Иными словами, таким путем можно получить даже «контрольный пакет акций», необходимый для принятия тех или иных, но, все-таки, не любых и не всех решений, если они касаются других стран, тем более, всего мира в целом. Отсюда — *ни одна страна в современном мире не может доминировать абсолютно*. На полный успех и односторонние выгоды не могут рассчитывать даже действующие на общей платформе и относительно слаженно страны Большой семерки, не говоря уже о весьма гетерогенной и не способной на серьезные совместные действия Большой двадцатки, тем более, когда дело касается принципиальных вопросов, по которым их интересы не совпадают.

Наглядным примером такого положения дел являются США, которые, будучи в настоящее время наиболее мощной державой в мире, при всем их желании не могут чувствовать себя полными хозяевами положения дел на планете. Несмотря на все свое могущество и способность в определенных пределах оставаться безнаказанной, эта страна не может тотально противостоять мировому сообществу в целом, а также полностью игнорировать позиции других держав без каких бы то ни было экономических, политических или имиджевых последствий. Как отмечает в своей статье «Одинокая сверхдержава» С. Хантингтон, США «могут стать изолированной страной». По многим вопросам «большинство международного сообщества оказывается на одной стороне, а Соединенные Штаты — на другой. Круг правительств, которые считают свои интересы совпадающими с американски-

ми интересами, сужается»¹. Данное обстоятельство в известной мере осознается и американским истеблишментом, который нередко пытается обосновывать свои действия тем, что принимает их в интересах международного сообщества, пытаясь при этом заручиться морально-политической поддержкой других государств.

Таким образом, главные вопросы, которые сегодня встают перед каждым государством, это то, насколько привлекательными для других являются их идеология, система ценностей, поведение во внутренней и внешней политике, наконец, сколько у них союзников, и на чью поддержку они могут рассчитывать в глобальном противостоянии всевозможных амбиций и интересов.

Выводы

1. Во все времена и на всех уровнях общественной жизни, а теперь уже и на мировой арене, где постоянно сталкиваются интересы и позиции всевозможных субъектов международных отношений, споры, разногласия и проблемы решались и решаются, как правило, под прикрытием достижения истины, тогда как в полной мере используется обычно весь арсенал правды и лжи, которые не могут не сопровождаться, к тому же еще и заблуждениями.
2. В постоянной борьбе за свое существование и доминирование на международной арене различные субъекты международных отношений руководствуются, прежде всего, приоритетом собственных (национальных) интересов. И чем более интенсивно развиваются глобальные процессы, тем чаще, сильнее и жестче сталкиваются их интересы, а формы их разрешения становятся все более разнообразными и изощренными.
3. Причиной извечного противостояния Запада и Востока, «богатого Севера» и «бедного Юга», развитых и развивающихся стран являются существенные различия их культурно-цивилизационных систем, наиболее ярко проявляющиеся не только в экономике, но и в государственном социально-политическом устройстве, ценностных ориентациях и религиозных взглядах.
4. Неравенство возможностей в системе мирового сообщества обусловлено различными потенциалами отдельных стран. При этом,

¹ *Huntington S. The Lonely Superpower // Foreign Affairs. 1999. № 2. P. 41–42.*

как следует из проведенного анализа, в современном мире ни одно государство, сколь внушительно не выглядели бы его позиции, не может рассчитывать на безусловное доминирование в международных делах, тем более, не может позволить себе принимать любые решения, которые соответствовали бы только его собственным интересам.

5. У западных стран — есть относительно общая идеология и совпадение стратегических позиций — приверженность либерально-демократическим ценностям и капиталистическому пути развития. Отсюда их в целом устойчивое и долгосрочное сотрудничество в рамках всевозможных организаций, структур и соглашений. У России, Китая, Индии, Бразилии, Ирана, не говоря уже об остальных странах, нет идеологии, которая могла бы стать прочным объединяющим началом для других стран, поэтому у них фактически нет и стратегических союзников, а их объединения и всевозможные альянсы складываются на прагматической основе, когда, поскольку и если отдельные стороны соглашения усматривают в этом свой интерес.

Глава 5

ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР: ПРОБЛЕМА УПРАВЛЕНИЯ

Кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя «натывать» на эти общие вопросы.

В.И. Ленин

Основные понятия:

Мировое правительство — фигура речи, расхожий термин, употребляемый для обозначения некой гипотетической наднациональной структуры, где якобы принимаются (должны, будут приниматься) управленческие решения, обязательные для всего мира.

Мировой порядок — геополитическая картина мира; структура международных отношений, отражающая сложившийся баланс сил между различными субъектами международных отношений.

Сетевое управление — система принятия и исполнения решений в условиях, когда объект управления являет собою сеть относительно автономных, но принципиально взаимозависимых (взаимодействующих) элементов.

Системная реальность — материальный или идеальный объект, представляющий собою совокупность структурных элементов, функционирующих (пребывающих) в рамках некоего единого целого.

5.1. Новый мировой порядок — веление времени

*Нет ничего хуже идей
или институтов, которые пережили
собственную полезность.*

А. Печчеи

Вопрос о *мировом порядке* такой же древний, как и мир общественных отношений, в котором мы живем. От того, как люди понимают самих себя и окружающую их реальность, выстраивается и порядок, который они стремятся установить как внутри общества, так и во взаимодействии с природой. С глобальной точки зрения, а именно так мы и должны теперь воспринимать свою обитель, вопрос о *планетарном мировом порядке* впервые возник практически сразу же, как только в конце XV в. первооткрывателям новых земель — португальцам и испанцам, все больше убеждавшимся в том, что Земля круглая, стали вырисовываться реальные контуры земного шара. Их несовпадающие интересы, тесно пересекавшиеся на просторах океана и относительно вновь открываемых земель, вступали в противоречия и порождали конфликтные ситуации далеко за пределами их собственных территорий. Единственной альтернативой применению силы и военным действиям в разрешении конфликтов такого рода в то время была только власть святейшего папы Римского. Поскольку папы считались заместителями Бога на Земле и, следовательно, имели высшую власть в решении всех земных вопросов, то именно при их непосредственном участии и складывался во времена Великих географических открытий *первый* действительно *Мировой порядок* на нашей планете. Очень скоро в эту гонку открытий и приобретения новых территорий вступят Англия, Голландия, Франция и другие страны, но реальные баталии за раздел глобально открывавшегося тогда мира начались еще до открытия Колумбом Нового Света. Как отмечает Я.М. Свет: «Эти сражения велись не в чистом поле и не у стен осажденных городов. Они завязывались в угрюмых замках королей Португалии и Испании, они выигрывались и проигрывались в ватиканских покоях папы Александра VI, мастера темных интриг и хитрых козней.

В Лиссабоне и в Риме, в Севилье и в Барселоне скрещивались острые перья, кипели чернильные битвы, ставкой которых был весь земной шар.

На карте мира, словно кровавый рубец, вспухла алая линия. Прямая как стрела, она от полюса до полюса пересекала всю Атлантику и разрезала нашу планету на две равные части. Восточная половина земного шара досталась Португалии, западная — Испании. Двум державам, в границы которых входила лишь одна двухсотпятидесятая часть земной суши, присвоено было “право” на все моря, заливы, бухты, проливы, материки, острова, мысы и перешейки Африки, Азии и Нового Света»¹.

Итак, не прошло и двух лет с момента открытия Колумбом Нового Света, как Испания и Португалия заключили между собой соглашение (Тордесильясский договор), положившее начало реальной глобальной политике в буквальном смысле этого слова. Так впервые в истории человечества был узаконен *Мировой порядок*, т.е. подведена правовая база под отношения сторон, договорившихся о разделе мира на зоны влияния, где каждая из сторон устанавливала свои порядки.

В дальнейшем вопрос о *Новом мировом порядке* вставал каждый раз, как только мировое сообщество в очередной раз переживало катастрофу или вплотную приближалось к ее черте.

Так, Тридцатилетняя война, продолжавшаяся с 1618 по 1648 г. и затронувшая в той или иной степени практически все европейские страны, завершилась формированием *Нового мирового порядка*, основанного на Вестфальской системе международных отношений. В соответствии с Вестфальским мирным договором стала складываться система национальных государств, на территории которых провозглашались верховенство и самостоятельность государственной власти, а на международном уровне признавались независимость и обеспечение целостности и неприкосновенности территории. Новый порядок и новый баланс сил в Европе был закреплен, таким образом, международно-правовыми положениями нового мироустройства.

¹ Свет Я.М. Последний инка / илл. И. Кусков, В.Высоцкий. М.: ЗАО «МК-Периодика», 2002. С. 2.

Назревание и обострение противоречий в установившейся системе международных отношений и необходимость формирования Нового мирового порядка были обусловлены очередным этапом развития глобализации. Начиная со второй половины XIX в., она становится фундаментальной, поскольку глобальный характер общественных отношений, сложившийся к этому времени относительно территориального раздела мира, практически в полной мере распространился и на такие фундаментальные сферы общественной жизни, как экономика и политика. Характеризуя это время как переход капитализма в его империалистическую стадию и, выделяя основные признаки империализма, В.И. Ленин, в частности, писал: «Закончен территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими державами. Империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами»¹. Логическим завершением таких процессов стало то, что «когда весь мир оказался поделенным, — наступила неизбежно эра монопольного обладания колониями, а следовательно, и особенно обостренной борьбы за раздел и за передел мира»². Это стало одной из ключевых причин развязывания Первой Мировой войны, которая закончилась новым геополитическим раскладом на мировой арене. Так, Великая русская революция 1917 г., ставшая одним из итогов данной войны, положила начало разделу мира на два противоположных и непримиримых лагеря — капитализма и социализма. Остальной мир, именовавшийся «третьим», так или иначе, был втянут в это противостояние, тяготея отдельными своими частями к той или другой противоборствующей стороне.

Другим глобальным следствием Первой мировой войны, призванным оказать влияние на формирование Нового мирового порядка, стало создание Лиги наций, которая должна

¹ Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма // Ленин В.И. ПСС. 5-е изд. Т. 27. М.: Политиздат, 1969. С. 386—387.

² Там же. С. 422.

была способствовать развитию сотрудничества между народами и дать им гарантии мира и безопасности. На начальных этапах деятельности этой международной организации были достигнуты определенные результаты, однако затем, по причине неспособности серьезно влиять на ход мировых событий, эффективность Лиги наций стала заметно снижаться, и она прекратила свое формальное существование в 1946 г. И, тем не менее, историческое значение Лиги Наций не следует преуменьшать. Она была активно задействована в формировании и поддержании Нового мирового порядка, который складывался в послевоенное время, и послужила первой моделью объединения суверенных государств на глобальном уровне. Этот уникальный опыт был учтен впоследствии при создании ООН, а также Европейского экономического сообщества, Европейского союза, Совета Европы. Что касается неудач данного опыта, то их «можно объяснить нежеланием великих держав поступаться собственными интересами, неготовностью большинства людей в то время принять идею наднациональной политики, а также отсутствием у Лиги Наций действенных механизмов обеспечения реализации собственных решений и рычагов воздействия на суверенные государства»¹. Следует также подчеркнуть, что то было время, когда делались только первые шаги в налаживании глобального сотрудничества между народами, в том числе, и помимо формальных межгосударственных отношений.

Территориальный передел мира и новый расклад сфер влияния по итогам Первой мировой войны хотя и были официально закреплены Версальским мирным договором 28 июня 1919 г., тем не менее, оказались недолговечными. Как заметил в этой связи В.И. Ленин: «Мирные союзы готовят войны и в свою очередь вырастают из войн..., в какой бы форме эти союзы ни заключались, в форме ли одной империалистской коалиции против другой империалистской коалиции или в форме всеобщего союза всех империалистских держав — являют-

¹ Глобалистика: Энциклопедия / гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков; Центр научных и прикладных программ «Диалог». М.: Радуга, 2003. С. 517.

ся неизбежно лишь “передышками” между войнами»¹. Таким образом, нерешенные и нараставшие международные проблемы привели ко Второй мировой войне, по окончании которой в 1945 г. возникла необходимость выстроить Новый международный порядок. Для поддержания его в стабильном состоянии, а также с целью предотвращения новых войн и ядерной угрозы, была создана Организация Объединенных Наций.

Однако, поскольку две антагонистические системы (капитализм и социализм) по итогам войны не только сохранили, но и укрепили свои позиции, их противостояние практически сразу же переросло в новую войну, теперь уже «холодную». Она была в значительной степени связана с гонкой вооружений, в которой активно использовались достижения в освоении ядерной энергии, информационно-технологической революции и освоение космического пространства. Это было время, когда под влиянием процессов глобализации и расширения деятельности транснациональных корпораций, поднялась инициированная также противостоянием двух общественно-политических систем волна деколонизации, в результате которой бывшие колонии, доминионы и подмандатные территории получили независимость и полный суверенитет.

В этот же период обнаружили и стали предметом широкого обсуждения глобальные проблемы современности, среди которых наряду с экологическими, демографическими, военными и другими особое место заняла тема *пересмотра международного порядка*. Именно так и назвали третий доклад в Римском клубе, по заданию которого он был подготовлен в 1976 г. коллективом авторов под руководством Я. Тинбергена². Принимая во внимание разразившийся в 1973 г. нефтяной кризис, который ярко высветил отрицательные стороны существовавшего тогда международного экономического порядка, а также растущее недовольство развивающихся стран, Римский клуб признал, что изменение только экономических параметров общественного

¹ Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма // Ленин В.И. ПСС. 5-е изд. Т. 27. М.: Политиздат, 1969. С. 417.

² Tinbergen Jan (coordinator). RIO-Reshaping the International Order, Dutton. New York, 1976.

развития еще недостаточно для того, чтобы справиться с возникшими проблемами, и что следовало бы изучить социально-политические и идеологические моменты, обуславливающие кризисную ситуацию. Именно это и было положено в основу доклада, в котором затем были представлены возможные варианты перестройки сложившихся международных отношений. При этом авторы проекта, отмечали, что ни одной важной проблемы современного мира нельзя разрешить в отдельности. Стремление действовать подобным образом почти неизбежно ведет к обострению других проблем, казалось бы, не имеющих отношения к данной. В докладе также указывалось, что средний доход самых обеспеченных слоев мирового населения достиг тринадцатикратного превышения над средним доходом беднейших слоев и неуклонно растет; а разрыв же между самыми высокими доходами наиболее развитых стран и самыми низкими наиболее отсталых оказался еще больше. В конечном счете, авторы доклада рекомендовали изменить темпы роста доходов на душу населения и высказались за кардинальную перестройку властных структур во всем мире, включая экономические, финансовые, политические, военные и другие отношения.

С теоретической точки зрения выводы и заключения данного доклада были вполне обоснованными и убедительными. Проблема, однако, заключалась в том, что для их реализации не было соответствующих условий, а также необходимых механизмов для принятия и исполнения властных решений. Не говорилось об этой стороне дела и в самом докладе, поскольку перед авторами и не ставилась такая задача, несомненно, гораздо более сложная, даже с теоретической точки зрения. А тем временем естественный ход событий вел к развязке глобального масштаба и кардинальному изменению диспозиции сил на мировой арене. Социалистическая система, продолжавшая ожесточенное противоборство с Западным миром и втянувшаяся в разорительную гонку вооружений, по мере нарастания глобальной взаимозависимости все больше обнаруживала свою неконкурентоспособность и неумение, а то и нежелание адекватно реагировать на вызовы современности. В итоге в 1991 г. Советский Союз распался. С развалом социалистической системы и окончанием холодной войны, снова остро встала прежняя,

предельно актуальная задача — формирование Нового постсоветского международного порядка.

При этом требовалось выстроить новую систему общественных и межгосударственных отношений не только на постсоветском пространстве, где бывшие связи и отношения оказались разрушенными, но и в мире в целом, поскольку баланс сил сместился в сторону западных стран, у которых не стало прежнего «противовеса». В начальный период кардинальных глобальных перемен большой резонанс вызвали теоретические рассуждения о грядущем мировом порядке, среди которых наибольшую известность получили работы Ф. Фукуямы («Конец истории»), С. Хантингтона («Столкновение цивилизаций»), З. Бжезинского («Великая шахматная доска»), Н. Розенсон и Б. Шнайдера («К лучшему мировому порядку»)¹ и др. В них с разных сторон и в основном под сильным впечатлением от победы в «холодной войне» рассматривались сценарии дальнейшего хода событий, в которых ключевая роль отводилась западному миру и, прежде всего, его авангарду — США.

Это было время, когда основное внимание сосредоточилось на новой конструкции мирового порядка, и стал популярным тезис о смещении центра мировой политики к одному полюсу — Западному. В активный оборот вошел термин «однополярный мир». Вместе с тем становилось все более очевидным, что отошедшие на второй план под давлением свершившихся событий и новых обстоятельств глобальные проблемы современности никуда не делись и не стали менее актуальными. Однако акцент внимания теперь сместился с собственно самих проблем, на коренные причины и процессы их породившие. Так в научный, а затем в политический и быденный лексикон вошел и быстро стал набирать обороты термин «глобализация», который наилучшим образом выражал суть объективных процессов мирового развития, когда все человечество реально стало единой

¹ См.: Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / пер. с англ. М.Б. Левина. М.: АСТ, 2007; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003; Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 1998; Розенсон Н., Шнайдер Б. К лучшему мировому порядку: Послание из Куала-Лумпур. Мадрид: Фонд BBV, 1993.

целостной системой. И в самом деле, глобализация к этому времени обрела по сути многоаспектный характер, поскольку глобальные процессы охватили практически все сферы и аспекты общественной жизни. При этом темпы изменений неимоверно ускорились. Как отмечал в этой связи Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун: «Масштаб глобальных перемен, которые мы наблюдаем сегодня, гораздо значительнее, чем охват перемен, свидетелем которых я когда-либо был. Поэтому я называю нынешний период эпохой Великих перемен»¹.

В этих условиях сохранившаяся до настоящего времени Вестфальская система международных отношений, основанная на принципах государственного суверенитета и территориальной целостности вошла в острое противоречие с глобально устроенным миром, где экономические, политические, культурные, информационные и т.п. связи и отношения вышли далеко за рамки национальных границ и стали объективным фактором жизни международного сообщества. При этом вопросы развития гражданского общества, соотношения национального и международного права, а также общечеловеческие ценности, права человека, и т.п. окончательно перестали быть делом только национальных государств. Теперь каждый раз, как только по поводу них возникают проблемы или сталкиваются межгосударственные интересы, они становятся предметом особого внимания и широкого международного обсуждения, а иногда и вовсе оказываются в центре серьезных баталий на международном уровне. Вестфальская система обнаружила серьезное расхождение с современностью и по другим основаниям, в частности, «национальные государства упрекают в неспособности обеспечить эффективное управление в условиях глобализации»². Вполне очевидно, что для преодоления такого рода противоречий требуется мировой порядок иного типа, где суверенитет и права национальных государств адекватно соотносились бы с установленными иным порядком международными нормами

¹ См.: Мун Пан Ги. ООН в эпоху великих перемен // ООН в России. 2013. № 1(86). С. 3.

² Зорькин В. Апология Вестфальской системы // Российская газета. 2006. 22 авг. № 4150.

и соответствующими обязательствами перед международным сообществом.

Другим показателем неудовлетворительного состояния сложившегося к настоящему времени мирового устройства является то, что глобальные процессы, тесно связанные с региональными и локальными проблемами, по большей части актуализируют их, делают более значимыми, острыми, что вполне находит свое объяснение в контексте идей «глокализации». Так, вопросы национального самоопределения, которые не одно столетие периодически возникали в тех или иных регионах, затрагивая интересы лишь отдельных государств, теперь порождают обширные очаги нестабильности, а то и вовсе становятся катализатором образования «горячих точек», вооруженных конфликтов и даже локальных войн. Все это отрицательно влияет на состояние международной безопасности и дестабилизирует сложившийся к настоящему времени мировой порядок, что также делает перемены в данной сфере общественных отношений объективной необходимостью.

Дисфункции глобального мироустройства особенно наглядно проявились во время мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. Тогда в полной мере высветилась фрагментарность существующих международных структур и транснациональных отношений современного миропорядка, который, к тому же, как стало очевидно, лишен механизмов, способных эффективно реагировать на новые угрозы человечеству. Характерные оценки той ситуации и мирового положения в целом были даны тогда бывшим госсекретарем США Генри Киссинджером в его статье «Мир должен сформировать новый порядок или отступить к хаосу». Он, в частности, отмечал, что экономический мир глобализировался. Его учреждения получили глобальное распространение и действуют на основании принципов саморегулирующегося мирового рынка. Финансовый коллапс разоблачил этот мираж, и в итоге стало очевидным отсутствие глобальных учреждений, способных смягчить шок и изменить тенденцию, подчеркивал Г. Киссинджер. При этом каждая страна, пытаясь самостоятельно решить в первую очередь свои собственные проблемы, стремится отложить совместные действия на более поздний и менее острый период кризиса. Справедливо утверждая, что у мирового финансово-экономического кризиса, как и у других

глобальных проблем современности, не может быть национальных или региональных решений, автор статьи писал: «Никогда так много преобразований не происходило в одно и то же время в разных частях мира и, которые были бы доступны уже через мгновение, благодаря современным средствам коммуникации. Альтернатива новому международному порядку — это хаос... Международного порядка не будет ни в политической ни в экономической сфере до тех пор, пока не появятся общие правила, на которые могут ориентироваться все страны... Такой порядок может быть стабильным лишь в том случае, если субъекты международных отношений будут участвовать не только в строительстве, но и в обеспечении его»¹.

Острота мирового финансового кризиса миновала, да и то, как показывает история развития рыночных отношений, скорее всего, лишь на время. Однако отмеченные выше фрагментарность и рассогласованность международных структур остались. Никуда не делись и несоответствия между национальными и общечеловеческими интересами, разрыв между богатством и бедностью продолжает увеличиваться, а напряжение и разногласия в международном сообществе не ослабевают. Все это не только делает установление *Нового мирового порядка* велением времени, но и остро ставит в повестку дня проблему глобального управления, которое необходимо в интересах всего человечества. Возможно ли такое управление? В чем его особенность и, почему до настоящего времени мировая система никак не управляется? Существуют ли предпосылки и что необходимо для создания системы глобального управления? Наконец, какие трудности и препятствия лежат на пути решения такой задачи? Это предельно актуальные вопросы, которые требуют особого внимания и специального анализа.

5.2. Глобальный мир как системная реальность

В условиях многоаспектной глобализации, которая окончательно оформила современный мир в целостную планетарную

¹ Kissinger H. The world must forge a new order or retreat to chaos // Tuesday, 20 January 2009. The Independent.

и предельно сложную систему, перед мировым сообществом со всей остротой встал комплекс насущных теоретических и практических проблем, имманентно присущих данной системе. Их решение выходит далеко за рамки возможностей отдельных наук и требует не только междисциплинарного подхода, но и системного видения всей совокупности структурных элементов, связей, отношений, противоречий, которыми характеризуется мировое сообщество.

Системный подход является одним из важнейших методов современной науки, который активно применяется при исследовании сложных объектов и явлений живой и неживой природы. Он основывается на том что, изучаемые объекты рассматриваются в качестве целостной структуры, где составляющие ее элементы находятся в определенной взаимосвязи. Поскольку применение данного метода в глобалистике уже рассматривалось в предыдущей работе¹, то теперь, используя результаты предшествующего анализа, сделаем лишь важные, с точки зрения данного исследования, дополнения к определению системы. Так, опираясь на Л. Берталанфи, который вводит элемент окружающей среды для системы, определяя ее как «совокупность элементов, находящихся в определенных отношениях друг с другом и со средой»², необходимо заметить, что до начала эпохи глобализации все общественные системы были *открытого типа*³, ибо они не имели принципиальных ограничений в плане своего пространственного расширения и активного взаимодействия с окружавшей их внешней средой.

Ситуация принципиально изменилась, когда планетарная популяция людей в силу интегративных свойств глобальных процессов окончательно замкнулась в единое человечество. Став таким образом уникальной метасистемой, мировое сообщество впервые в своей истории сформировалось в структу-

¹ Чумаков А. Н. Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст: монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: Проспект, 2017. С. 49–56.

² Берталанфи Л. фон. Общая теория систем — критический обзор // Исследования по общей теории систем. Сб. переводов. М.: Прогресс, 1969. С. 29.

³ Открытая система предполагает динамическое взаимодействие с окружающим миром.

ру нового типа — *закрытую систему*, главная характеристика которой заключается в том, что она существенно игнорирует эффект внешнего воздействия. Были не только достигнуты пределы территориального расширения для мирового сообщества, но и стало вполне очевидным, что внешняя среда, уходящая за пределы ближнего космоса, является той оболочкой, в рамках которой все человечество пребывает словно в собственной колыбели. Данное обстоятельство имеет существенное значение для понимания принципиальной разницы между всевозможными общественными системами различных форм, конструкций и уровней, с одной стороны, и глобальным человечеством как единой целостной системой, с другой стороны. Так, мы уже говорили о применимости действующего только в закрытых системах второго закона термодинамики при анализе глобальных миграционных процессов¹, теперь же нас будут интересовать проблемы управления социальными системами на всех уровнях общественной жизни от локальных объединений до глобального масштаба. Особый интерес представляет и то, как меняются принципы и механизмы управления при переходе от простых систем к более сложным.

Отметим также, что при анализе общественных явлений в их исторической динамике будем иметь в виду и широко известную, предложенную И. Валлерстайном миросистемную теорию², которая изначально принимает мир в качестве единого целого и исходит из необходимости учитывать глобальный контекст при оценке локальных изменений. Такой взгляд на международное сообщество связывается с представлениями о конвергенции различных и пока еще в значительной степени автономных социально-политических и экономических структур, развивающихся в направлении к единственной системе мирового рынка, который, по мнению сторонников данной теории, со временем непременно упорядочит все части земного шара в некую иерархическую систему. К началу XXI в. миросистемный взгляд на макроисторию получил широкую

¹ См.: Глава. 3, п. 5.

² См.: *Wallerstein I. The Modern World-System. 3 vols. N.Y.: Academic Press, 1974, 1980, 1988.*

известность и обрел своих активных сторонников¹, которые значительно расширили первоначальный замысел этой идеи, полагая, что миросистемные отношения существовали и до периода современного капитализма.

Почему так важно учитывать системный характер общественной жизни людей, и почему такой подход становится особенно перспективным именно теперь? Во-первых, в любой системе, а в сложной, каковой является любое общество, тем более, воздействие на один или несколько элементов данной системы может принципиально изменить функционирование остальных элементов, причем не обязательно в лучшую сторону. По этой причине положительные результаты, полученные при изменении параметров работы одних элементов, вовсе не гарантируют позитивных перемен относительно всей системы в целом и, более того, могут привести к ее деградации, к тому же, с неожиданными и нежелательными последствиями. Богатая человеческая история изобилует примерами подобного рода. Достаточно посмотреть на итоги некоторых «цветных революций» или результаты свержения власти, например, отдельно взятых одиозных диктаторов, чтобы увидеть, как плохо просчитанная на перспективу замена одного элемента общественной системы имела своим последствием гражданскую войну, разрушение общественных устоев и хаос.

Во-вторых, реальное применение системного подхода требует соответствующих условий и предполагает наличие определенных технических возможностей, которые появились относительно недавно. В частности, такой подход осуществляется тем более эффективно, чем более совершенными способами вычисления, а также средствами сбора и обработки информации располагает наука. А поскольку все это стало стремительно развиваться только со второй половины XX в., когда началась информационная революция, то и заняться вплотную комплексными исследованиями сложных систем наука получила

¹ См.: *Collins R.* The Geopolitical and Economic World-System of Kinship-Based and Agrarian-Coercive Society // Review. 1992. Vol. XV. № 3 (Summer). P. 373–388; *Wilkinson D.* Central Civilization. // Comparative Civilizations Review. 1987. Vol. 17. P. 31–59.

возможность именно с этого времени. Таким образом, в центре ее внимания оказались прежде недоступные для глубокого анализа проблемы взаимодействия природы и общества и другие глобальные проблемы современности, комплексные задачи социально-экономического развития стран и регионов, наконец, актуальные вопросы управления сложными системами.

5.3. Теоретические аспекты управления

Управление как научно-теоретическая и философская проблема заслуживает особого внимания, поскольку без должного обоснования и выяснения содержания понятия «управление» этот термин может использоваться по отношению к процессам и явлениям, к которым он непосредственно, а то и вовсе не имеет отношения. Именно это и происходит зачастую в политической, экономической и иных сферах общественной жизни, в особенности, когда дело касается масштабных, тем более, глобальных уровней решения вопросов. Как отмечает А.Д. Московченко: «В последние десятилетия управленческая деятельность становится все более актуальной... Однако до сих пор отсутствует целостное понимание феномена управления, что зачастую приводит частнонаучные управленческие искания в методологический тупик... Необходима методологическая многоуровневая системная программа управления, которая бы «примерила» многообразные и разнонаправленные интересы практиков управления»¹.

Важно добавить к этому и то, что *управление*, как правило, ассоциируют с *регулированием*, не придавая значения принципиальной разнице, которая существует между ними. Характерным примером подобного рода является определение, данное *глобальному управлению*, авторским коллективом монографии «Глобальное управление: возможности и риски», которые, в частности, пишут: «Авторы настоящего исследования исходят из понимания “глобального управления” как системы институтов, принципов, политических и правовых норм, по-

¹ *Московченко А.Д.* Методологические основы управления большими системами // Вестник Российского философского общества. 2016. № 1(77). С. 127–128.

веденческих стандартов, которыми определяется регулирование по проблемам транснационального и глобального характера в природных и социальных пространствах. Такое регулирование осуществляется взаимодействием государств (прежде всего через сформированные ими многосторонние структуры и механизмы), а также негосударственных субъектов международной жизни»¹. Данную попытку дать определение *управлению* на глобальном уровне вряд ли можно признать успешной, поскольку в определяющей части не только не указаны существенные признаки определяемого явления, но и само оно по существу отождествляется с другим, также требующем определения понятием — «регулирование».

Что касается глобального аспекта управления, то сегодня это одна из наиболее важных и злободневных проблем современного мира. На это указывал, в частности, и бывший заместитель Генерального секретаря ООН В.Ф. Петровский, когда писал, что «хорошее глобальное управление — не роскошь, а жизненная необходимость» и при этом он особо подчеркивал, что «проблема хорошего глобального управления лежит в основе текущей повестки дня Организации Объединенных Наций»². Но способна ли ООН выполнять функцию управления? Имеет ли она для этого необходимые возможности и механизмы? Вопрос можно поставить и в еще более общей форма — до какого уровня имеет место управление общественными системами? В контексте нашего исследования принципиально выяснить — насколько возможно глобальное управление? Да и возможно ли оно вообще (в принципе) на этом уровне?

Если глобализацию понимать изначально и преимущественно как объективный естественноисторический процесс, а именно с этой точки зрения ее и нужно рассматривать, то пути решения связанных с нею всевозможных последствий и задач, в том числе и управления социальными системами, следует искать

¹ Глобальное управление: возможности и риски / отв. ред. В. Г. Барановский, Н. И. Иванова. М.: ИМЭМО РАН, 2015. С. 7

² *Petrovski V. Good Global Governance and the U. N. // B. Boutros-Ghali. Amicorum Discipulorumque Liber — Paix, Développement, Démocratie, vol. II, Bruxelles, Bruylant, 1998. P. 1265, 1267.*

в первую очередь в области структурных изменений мирового социума.

Исходным пунктом такого подхода является то положение, что сложные системы, во всяком случае, биосистемы, как и биосфера в целом (составной частью которой является и человек) в своем развитии *регулируются* естественным образом, подчиняясь действию естественных законов. В этом случае можно говорить о саморегуляции сложных систем. С этой точки зрения процессы саморегуляции имеют место также и на уровне неживой природы (в литосфере, атмосфере, гидросфере), когда в силу естественных законов происходит, например, извержение вулканов, перемещение воздушных масс или круговорот воды в природе. В том случае, когда в отношения с естественной природой вступает человек, преследующий определенные цели и задачи, т.е. когда он выступает в качестве субъекта по отношению к природным объектам, он может осуществлять не только регуляцию, но и управление такими объектами в пределах своих возможностей. А вот сами эти возможности далеко небезграничны и в различные исторические эпохи определяются, как правило, не только интеллектуальными способностями и знаниями человека, но и научно-техническими достижениями, имеющимися в его распоряжении.

В отличие от объектов и процессов естественной природы общественные системы не только *саморегулируются, регулируются* и *управляются*, но могут еще и *самоуправляться*, о чем более подробно будет сказано ниже. В таких системах важную роль играет активное начало — человек или коллективный орган, которые в пределах своих возможностей могут не только осознанно влиять на различные параметры этих систем, но и сами для себя становиться управляемыми системами, что, собственно, и будет *самоуправлением*. Вполне очевидно, что общественная система, формирующаяся в масштабе всей планеты, также должна соответствующим образом не только *регулироваться*, но и *управляться (самоуправляться)*, поскольку в противном случае, общечеловеческие угрозы и проблемы не получают должного решения. Подчеркивая это обстоятельство, необходимо обратить особое внимание на то, что принципиально важно проводить различие между *регулированием* и *управлением*.

Регулировать (от лат. *regulo* — устраивать, налаживать, приводить в порядок) — означает, прежде всего, «1) подчинять определенному порядку, правилу, упорядочивать; 2) устанавливать правильное, необходимое для работы взаимодействие частей механизма, прибора аппарата и т.п.; 3) делать что-либо для получения нужных показателей, нужной степени чего-либо»¹. В принципе аналогичные определения содержатся и в других словарях, в частности, С.И. Ожегов отмечает, что *регулировать*, значит «упорядочивать, налаживать... Направлять развитие движение чего-н. с целью привести в порядок, в систему»².

Таким образом, *регулирование* следует понимать как самопроизвольный процесс или преднамеренные действия, направленные на обеспечение функционирования той или иной системы в пределах параметров, заданных естественным или искусственным путем. Для более точного понимания смысла термина «*регулирование*» («регуляция», «регулировка») приведем ряд его синонимов: *координирование* (координация), *корректирование* (корректировка), *контролирование* (контроль), *налаживание* (наладка), *настраивание* (настройка). Каждый из этих терминов имеет свои особенности, связанные с различными аспектами *регулирования*, но, что важно в данном контексте, все они выражают процессы, принципиально отличающиеся от процесса *управления*, о чем будет сказано ниже.

Итак, посредством регуляции (как и саморегуляции) решается задача оптимального функционирования системы, когда создаются наиболее благоприятные условия для взаимодействия различных составных частей этой системы. Регулирование направлено на достижение согласованных действий отдельных частей целого и может происходить как стихийно (когда дело касается саморегулирующейся системы), так и осознанно (когда роль регулятора берет на себя человек). Примером естественного (стихийного) регулирования той или иной системы может быть постоянно изменяющаяся в определенных пределах численность какой-нибудь популяции в зависимости от наличия

¹ Словарь иностранных слов. 7-е изд., перераб. М.: Русский язык, 1980. С. 432.

² Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1981. С. 599.

кормовой базы или обретение внешних параметров растением, в зависимости от его генетического кода и конкретных условий окружающей среды. Биосфера в целом также является саморегулирующейся системой, сбалансированное развитие которой поддерживается естественными законами и, в частности, законом борьбы за выживание. Целенаправленным регулирование становится, когда оно осуществляется с участием субъективного фактора, задающего определенный порядок в работе той или иной системы. Так действует, в частности, регулировщик движения автомобилей на перекрестке, или специалист, регулирующий, например, работу двигателя, уровень стока воды в водохранилище или настраивающий антенну. Регулирование может осуществляться и автоматически, как то происходит, например, на дорогах посредством светофоров.

В отличие от понятия «*регулирование*» термин «*управление*» в силу своего более сложного содержания пока еще не имеет достаточно четкого и согласованного определения, что хорошо видно, как в научной литературе, так и в справочных изданиях. Так, например, в Новой философской энциклопедии данный термин практически не раскрывается, поскольку формулируется без указания на существенные признаки предмета и дается предельно кратко, как «функция организованных систем, возникающих естественным (эволюционным) или искусственным (креационным) путем»¹.

В специальной литературе акценты смещаются, как правило, в сторону той сферы деятельности, о которой идет речь. В частности, Д.В. Валовой, рассуждая с точки зрения экономики, говорит, что «управление производством можно рассматривать в широком смысле, как способ централизованного воздействия на общественное производство (макроэкономический уровень) и, в узком смысле, как руководство деятельности предприятия, фирмы (микроэкономический уровень)»².

Более содержательным является определение, в соответствии с которым *управление* обозначается как «процесс планирования,

¹ Новая философская энциклопедия: в 4 т. Ин-т философии РАН. Т. 4. М.: Мысль, 2001. С. 144.

² Экономика: учебник / под ред. Д.В. Валового. М.: Щит, 1999. С. 140.

организации, мотивации и контроля, необходимый для того, чтобы сформулировать и достичь целей организации»¹. Однако более точным было бы указание на сознательное воздействие человека на различные объекты, как это делают Б.А. Райзберг и Р.А. Фатхутдинов. «Управление, — говорят они, — это сознательное воздействие человека на различные объекты и протекающие в окружающем мире процессы, не связанных с ними людей, которое осуществляется с целью придать процессам определенную направленность и получить желаемые результаты»².

Итак, под *управлением* следует понимать целенаправленный и постоянный процесс воздействия субъекта управления на объект управления. При этом в качестве *субъекта* могут выступать как отдельные люди, так и их всевозможные объединения, а в качестве *объекта* управления выступают различные организации, структуры, явления, процессы, т.е. отдельные люди, всевозможные их объединения и общности от локального до глобального уровней, а также машины и механизмы, технологические процессы, аппараты и т.п. Синонимами понимаемого таким образом управления будут такие понятия, как «администрирование», «менеджмент», «руководство».

Следует заметить, что в том случае, когда субъект и объект управления совпадают, т.е. когда субъект управляет своими собственными поступками, делами, поведением, отношением с внешним миром и т.п., то имеет место *самоуправление*. Оно может быть как индивидуальным (каждый человек управляет самим собой), так и коллективным, когда та или иная общественная система управляется не извне, а принимает и осуществляет исполнение соответствующих решений посредством созданных в ней самой механизмов управления. Таковыми могут быть, например, отдельные коллективы, организации, районы, анклав, территории и иные общественные структуры и объединения, которые выступают одновременно и в качестве субъекта, и в качестве объекта управления. Это означает, что

¹ Мескон М.Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. / пер. с англ. М., 1992. С. 38.

² Райзберг Б.А., Фатхутдинов Р.А. Управление экономикой. М., 1999. С. 20.

самоуправление возможно в принципе только на уровне общественных систем и абсолютно невозможно на уровне неживой природы или в биосфере, тогда как саморегуляция возможна на всех трех указанных уровнях.

Управление, при котором субъект воздействует на объект управления, невозможно без соответствующего механизма, позволяющего осуществлять процесс управления. В качестве элементов такого механизма выступают, как правило, вспомогательные инструменты и технические приспособления, всевозможные структуры и организации, а также нормы и принципы, положенные в основу действия таких структур. Иными словами, это множество взаимосвязанных элементов, функционирующих согласованно в соответствии с целенаправленной деятельностью субъекта. Участвующие в процессе управления элементы координируются, объединяются, взаимодействуют на основе обратной связи, что и создает определенную систему управления. Причем, чем более сложную структуру, организацию имеет управляемая система, тем более сложный и совершенный управляющий механизм требуется для осуществления управления. Имеются ли здесь какие-то ограничения, и с чем они связаны? Это принципиальный вопрос и, отвечая на него, обратимся к истории.

С середины XX в. сформировалось новое научное направление — *кибернетика*, предметом которой стали общие закономерности получения, обработки, хранения, передачи и преобразования информации в процессе управления сложными системами, будь то машины, живые организмы или общество. Управление, таким образом, стало пониматься как процесс целенаправленного воздействия на различные системы: механические (технические), биологические или социальные с целью достижения определенных результатов в соответствии с поставленными целями и задачами. С таким подходом сопряжены и различные виды управления, которые подразделяются на *механическое*, *техническое* (**управление** техникой, машинами, технологическими процессами), *биологическое* (**управление** процессами жизнедеятельности живых организмов и их систем) и *социальное* (**управление** людьми, организациями и общественными процессами). При этом любое управление обязательно

включает в себя такие признаки, как наличие субъекта и объекта управления, представляющего собой определенным образом организованную систему¹; постановку и пути достижения цели в режиме обратной связи; соответствующий механизм принятия и реализации управленческих решений.

Как уже отмечалось выше, не только на практике, но и в теоретическом плане до сих пор еще не проводится должное различие между *регулированием* и *управлением*, в особенности, когда дело касается общественных систем и процессов. В итоге, в реальности мы сплошь и рядом сталкиваемся с таким положением дел, когда то, что по существу является общественным регулированием, именуется управлением. При этом много говорят о глобальном управлении, не задаваясь более важным вопросом — а возможно ли оно в принципе? Так, например, рассуждая о человечестве, которое должно научиться более эффективно управлять в глобальном масштабе, Е.Г. Кутовой, в частности, пишет, что долгом ученых является разработка «привлекательной для государств мирового сообщества концепции качественного глобального управления в рамках ООН и ее специализированных учреждений»². Другим примером подобного рода является высказывание В.Е. Мельниченко, который утверждает, что в настоящее время «фактически происходит формирование структур глобального управления... Объектами контроля и управления на глобальном уровне, прежде всего, являются: территории размещения актуальных ресурсов глобального уровня и пространство на пути транспортных потоков»³. В этих и других подобных случаях, когда авторы рассуждают о глобальном управлении как о якобы вполне реальном явлении, из их внимания выпадает тот непреложный факт, что дело

¹ Иными словами, вся эта конструкция состоит из двух самостоятельных, но взаимосвязанных подсистем: управляющей (субъект управления) и управляемой (объект управления).

² Глобальное управление в XXI веке: инновационные подходы / под ред. А. А. Громыко. ДИЕ РАН № 291. М.: Институт Европы РАН, 2013. С. 21.

³ Мельниченко В.Е. Территориальные структуры глобализации: управление и развитие. // В кн.: Глобальные тенденции развития мира: материалы Всеросс. науч. конф., 14 июня 2012 г. / Центр проблемного анализа и гос.-управл. проектирования. М.: Научный эксперт, 2013. С. 356, 359.

они имеют, в лучшем случае, с регулированием в сфере общественных отношений.

При этом в других сферах такого смещения, во всяком случае, явного не наблюдается. Регулирование и управление, например, относительно технических систем или естественных процессов осознаются, различаются и учитываются, как правило, без особых затруднений. Так, никто не станет спорить с тем, что естественный сток воды в реке можно регулировать, но им нельзя управлять. То есть можно уменьшать или увеличивать этот сток, построив, допустим, дамбу или отводной канал. Можно даже изменить направление русла, но нельзя управлять естественным стоком воды произвольно. Иначе говоря, нельзя заставить реку течь вспять, даже если очень хочется, поскольку вода может течь только с большей высоты в сторону меньшей и никак иначе. Нельзя также управлять атмосферными осадками или потоками воздуха, биосферными процессами или высотой волн в океане...

Подчеркнем при этом, что *управление* в отличие от *регуляции*, естественным путем не возникает и стихийно не происходит. Оно всегда предполагает наличие субъективного фактора и характеризуется более сложной структурой отношений между субъектом и объектом. Управление тесно коррелируется с такими понятиями как «управа», «право», и представляет собою процесс или действия, сознательно осуществляемые с целью достижения определенного результата. В основе такой деятельности лежит предустановленный порядок поведения, сопряженный с творческой активностью субъекта, принимающего решения не только на основе предначертанных норм и правил, но и в зависимости от изменения ситуации.

Итак, в отличие от регулирования *управление* всегда сопряжено с сознательной деятельностью людей, в основе которой лежит целеполагание, обратная связь и творческое начало. Иными словами, управление осуществляется не иначе как сознательно, целенаправленно и предполагает как получение того или иного результата, так и поиск наиболее оптимальных путей достижения цели. Отсюда управление вообще и *глобальное управление* в частности, не может возникнуть случайно или только лишь в силу естественного хода событий, естественным образом. Оно обычно выстраивается по тому или иному плану, подчиняясь

определенной логике, которая задает конкретные параметры такого управления; т.е. здесь, в отличие от регулирования, всегда есть *субъект управления*, ставящий те или иные цели и обеспечивающий их достижение посредством активных действия и соответствующих решений.

Можно сказать и так — *управление* это более высокий тип *регулирования* аналогично тому, как *развитие* более высокая форма *движения*. Поэтому также как не может быть развития без движения, в то время как движение без развития мы можем наблюдать сплошь и рядом, также и *управление* с необходимостью предполагает *регулирование*, тогда как регулирование может происходить (осуществляться) без управления.

Таким образом, при регулировании той или иной системы мы имеем дело лишь с одним или несколькими ее параметрами, которые в определенных пределах можем изменять по своему усмотрению, тогда как остальные параметры остаются вне поля зрения и могут в принципе игнорироваться. Управление же предполагает системный подход, когда даже те элементы системы, которые в какой-то момент не принимаются во внимание, тем не менее, не могут быть проигнорированы. Система здесь берется целостно, как единый механизм или организм, работа (деятельность) которого подчинена определенной логике. В основе ее всегда лежит целеполагание (достижение определенной цели), и обратная связь, постоянно коррелирующая способ достижения цели в зависимости от меняющихся обстоятельств. Без соответствующих принципов, подходов и механизмов, способных обеспечить принятие и исполнение управленческих решений можно рассчитывать, в лучшем случае, на регулирование, но не на управление сложными системами. Управлять же — значит планировать, организовывать, распоряжаться, координировать и контролировать процесс достижения поставленной цели.

5.4. Особенности управления общественными системами

Принимая во внимание указанные различия между регулированием и управлением, мы можем говорить в этом контексте об исторической динамике становления общественных

отношений, когда их естественное регулирование со временем дополнилось управлением. Так у первобытных людей, в эпоху дикости, а также в значительной степени и в период варварства, имела место регуляция отношений, основанная, прежде всего, на силе и выживании сильнейших. Управление же общественными отношениями в полном смысле этого слова появляется позже — с переходом к оседлому образу жизни, с разделением труда и формированием государства. Такое управление в основе своей включает уже реализацию определенных интересов и достижение конкретных целей. Оно не подменяет естественным образом осуществляющуюся регуляцию, а скорее дополняет ее, делая общественное развитие более предсказуемым и менее конфликтным. Так собственно развиваются все социальные системы, которые в истории человечества представлены множеством всевозможных форм и размеров: *империи, государства, царства, королевства, княжества, султанаты, ханства, каганаты, халифаты, конфедерации, союзы, блоки* и т.п. Наиболее устойчивыми, жизнеспособными и относительно хорошо управляемыми общественными системами среди них к настоящему времени стали национальные государства. Они являют собою пример того, как более или менее эффективно могут работать принципы регулирования и управления на уровне наиболее крупных социальных систем.

Исходным пунктом здесь является то, что сложные системы, такие как биосфера, регулируются естественным образом, подчиняясь действию природных законов. Это пример саморегуляции сложных систем. Общественные же системы к тому же еще и управляются, так как в их развитии важную роль играет активное начало — человек, который в пределах своих возможностей осознанно влияет на различные параметры развития. Вполне очевидно, что любые общественные системы, в том числе и формирующиеся в масштабе всей планеты, также должны соответствующим образом не только *регулироваться*, но и *управляться*. На это следует обратить особое внимание, поскольку, как уже отмечалось выше, принципиально важно проводить различие между *регулированием* и *управлением*.

Подчеркивая специфику управления в социальной сфере, Г.В. Атаманчук, в частности, отмечает: «*Управление как общественное явление...* это целеполагающее (сознательное, преднамеренное, продуманное, спланированное), организующее и регулирующее воздействие на собственную, общественную, коллективную и групповую жизнедеятельность, осуществляемое как непосредственно (в формах самоуправления), так и через специально созданные структуры (государство, общественные объединения, партии, предприятия, учреждения, кооперативы, фирмы, ассоциации, союзы и т.п.)»¹.

В отличие от управления техническими и биологическими системами и процессами, управление в социальной сфере многократно усложняется за счет того, что в качестве объекта управления здесь выступают как отдельные люди, так и всевозможные их коллективы и объединения (от микро-групп вплоть до всего человечества). Все они обладают творческим началом, постоянно привносящим элемент неопределенности в их поведение и реакцию на управленческие решения. Отсюда вытекает вопрос принципиальной важности — есть ли объективные ограничения на управление общественными системами в зависимости от их размера?

Как будет показано ниже, самой сложной по своей структуре общественной системой, которой человек научился к настоящему времени так или иначе управлять, является *государство*. Социальные системы более высокого уровня организации функционируют на основе регулирования (в лучшем случае, с элементами управления), в то время как вопрос о возможности полноценного управления ими остается пока открытым. Как отмечал в этой связи А.А. Зиновьев: «Организовать миллион человек — это одно, организовать десять миллионов — это другое, организовать сто миллионов — это тяжелейшая задача. Организовать пятьсот миллионов человек является задачей колоссальных масштабов. Нужно создавать новые административные органы, обучать людей, которые будут ими управлять

¹ Атаманчук Г.В. Управление — фактор развития (размышления об управленческой деятельности). М., 2002. С. 49.

и обеспечивать их бесперебойное функционирование»¹. По этой причине самыми крупными в истории человечества общественными системами, к которым применимо понятие «управление», были — *империи*. Но история последних из них, в силу объективных причин, закончилась с наступлением многоаспектной глобализации во второй половине XX в. И прежде всего потому, что на этом уровне оказалось предельно трудным создать не только необходимую слаженно действующую систему управления, но и даже два ее принципиально важных элемента — общепринятые нормы *морали* и единое для всех *право*.

Что касается системы (механизма) управления, то она обусловлена, прежде всего, коммуникативными возможностями человека — способами и скоростью передачи информации и перемещения в территориальном пространстве. По этой причине мы видим появление первых империй: Александра Македонского (в IV в. до н.э.), Маурьев (в IV в. до н.э.), Китайской (в III в. до н.э.), Римской (в I в. до н.э.) лишь тогда, когда человек достиг соответствующего технического уровня передвижения на значительные расстояния за относительно короткое время. По мере роста такого рода возможностей, прежде всего, в силу возрастания научного и технического прогресса, совершенствовались и технические механизмы управления общественными системами. Однако оставались другие ограничения, связанные с самим человеком, с такими составляющими его жизни как *язык общения, традиции, религиозные верования, наконец, моральные и правовые нормы*. Все это становится тем более серьезным препятствием для принятия и проведения в жизнь управленческих решений, чем более обширной и населенной разными народами становится общественная система.

Следует также принять во внимание еще один важный фактор (инструмент) реализации управленческих решений — *финансы*, посредством которых регулируют темп, направленность и характер развития различных сфер общественной жизни: от экономики, торговли, инфраструктуры и коммуникаций, до на-

¹ *Зиновьев А.А.* Запад—Россия: управляемая катастрофа. Московская школа конфликтологии. URL: <http://conflictmanagement.ru/zapad-rossiya-upravlyaemaya-katastrofa>

уки, образования, медицины и культуры. И, тем не менее, как показывает общественно-историческая практика, с тех пор как человек перешел к оседлому образу жизни и государственному устройству общественной жизни, именно *мораль* и *право* являются ключевыми, базовыми элементами управления любыми социальными системами. При этом действуя относительно автономно, они в то же время тесно взаимодействуют, дополняя друг друга, поскольку *мораль* без права обычно вырождается в пустые увещания и, в конечном счете, оказывается попоранной, тогда как *право* без морали легко становится аморальным инструментом ангажированного насилия и необоснованного принуждения. Вопросы такого рода стали предметом особого внимания уже у философов античности.

Так, например, в философии Аристотеля *этические* проблемы занимают особое место. Именно после его трудов этика становится фактически самостоятельной философской дисциплиной. При этом если Сократ основной принцип нравственности искал в «душе» человека, Платон — в мире божественных идей, то Аристотель выстраивал уже социальную систему моральных отношений и в общественных же отношениях искал основой принцип нравственности. В отдельном (изолированном от общества) индивиде не может проявиться нравственность, считал он, и только в обществе поведение может быть добродетельным или недобродетельным. Добродетельное поведение отличает его сознательный характер, доброе намерение и целенаправленность прежде всего на достижение справедливости. Справедливость же Аристотель понимал как то, что соответствует законам. Поэтому всякий, кто нарушает закон — несправедлив. Последующее историческое развитие философской мысли изобилует множеством различных концепций управления общественными системами, среди которых, несомненно, выделяются работы таких мыслителей как Августин Блаженный, Н. Макиавелли, Т. Гоббс, К. Маркс, Н.А. Бердяев, К. Поппер, Ортега-и-Гассет и многих других.

Однако с практической точки зрения, наиболее важное историческое событие в плане совершенствования управления общественными системами произошло в 1648 г., когда по окончании тридцатилетней войны в Европе был заключен

Вестфальский договор. Он положил начало формированию национальных государств и новой системе международных отношений между ними на основе их равноправия. Тогда же были сформулированы основные принципы построения и функционирования национальных государств, которые предусматривали: признание государственного суверенитета и невмешательство во внутренние дела; выполнение подписанных договоров и соблюдение международного права с применением дипломатии в международных отношениях. В конечном счете, вестфальская система была построена на идее баланса сил и признании того, что на своей территории каждое государство обладает всей полнотой власти и соответствующими структурами и средствами, с помощью которых оно управляет своим населением и территорией.

Укреплению и усилению национальных государств в значительной степени способствовали начавшийся с Нового времени научно-технический прогресс и основанная на нем промышленная революция. Благодаря активному экономическому развитию и все более совершенным средствам связи и коммуникации национальным правительствам становилось проще управлять разрозненными городами и населенными пунктами, а также защищать свои границы, наращивая мобильность и оснащенность вооруженных сил. Все это вело к усилению и централизации власти. В XX в. отмеченные тенденции многократно усилились за счет бурного развития автомобильного, авиационного и морского транспорта. Благодаря этому, а также массовым средствам коммуникации (периодическая печать, радио, телефон, телевидение, интернет) принципиально изменились уровень, качество и оперативность управления общественными системами в целом и государствами, империями, в частности.

Таким образом, «в начале XX в. национальное государство достигло вершины своего развития. Оно имело четкое пространство, признанные защищенные границы, и, главное, право защищать эти границы в соответствии с определенными правилами войны. Оно было суверенным в своей внутренней политике, владело исключительной властью над своим населением и ресурсами. Каждое национальное государство было признано членом “семьи наций”, имело право вступать в от-

ношения с кем-либо из его коллег, как равное государство»¹. Однако к концу XX столетия национальные государства с их национальным суверенитетом и строгим контролем своих границ вошли в серьезное противоречие с многоаспектной глобализацией и информационно-технологической революцией, которые открыли невиданные прежде возможности для коммуникации и передвижения по миру людей, идей и товаров, развивая таким образом транснациональные связи и объединяя тем самым весь мир в единую систему. В итоге национальные государства оказались перед лицом серьезного кризиса и, прежде всего, кризиса управления посредством прежних механизмов.

А империи и вовсе прекратили свое существование, поскольку, хотя технические возможности для управления ими и возросли многократно, тем не менее, повышение уровня цивилизационного развития, а также усиление роли и активизация гражданского общества значительно снизили возможности контролировать гигантские общественные системы посредством централизованных и авторитарных форм управления. Таким образом, XX век оказался последним в истории человечества, когда еще существовали *империи*, поскольку управление слишком большими и гетерогенными социальными системами стало уже невозможным. В итоге Китайская, Российская, Австро-Венгерская, Германская, Японская, Французская, Португальская, Османская и Британская империи закончили свое существование, обнаружив тем самым предельные размеры общественных систем, которыми человеку удавалось управлять способами, средствами и методами, сложившимися к XX веку. В этой связи встает вопрос уже не только об управляемых системах, но и о том, кто, как и в какой мере способен управлять?

Пожалуй, наиболее глубоко философский смысл данной проблемы выразил М.А. Булгаков в своем романе «Мастер и Маргарита», где неизвестный (иностранец), обращаясь к Берлиозу и Бездомному, говорит:

¹ Гарске Дж. Англосаксонская правовая культура в условиях глобализации: государство, корпорации, технологии // Век глобализации. 2017. № 1(21). С. 10.

«... Но вот какой вопрос меня беспокоит: ежели Бога нет, то, спрашивается, кто же управляет жизнью человеческой и всем вообще порядком на земле?

— Сам человек и управляет, — поспешил сердито ответить Бездомный на этот, признаться, не очень ясный вопрос.

— Виноват, — мягко отозвался неизвестный, — для того, чтобы управлять, нужно, как-никак, иметь точный план на некоторый, хоть сколько-нибудь приличный срок. Позвольте же вас спросить, как же может управлять человек, если он не только лишен возможности составить какой-нибудь план хотя бы на смехотворно короткий срок, ну, лет, скажем, в тысячу, но не может ручаться даже за свой собственный завтрашний день? И, в самом деле, — тут неизвестный повернулся к Берлиозу, — вообразите, что вы, например, начнете управлять, распоряжаться и другими и собою, вообще, так сказать, входить во вкус, и вдруг у вас... кхе... кхе... саркома легкого... — тут иностранец сладко усмехнулся, как будто мысль о саркоме легкого доставила ему удовольствие, — да, саркома, — жмурясь, как кот, повторил он звучное слово, — и вот ваше управление закончилось! Ничья судьба, кроме своей собственной, вас более не интересует. Родные вам начинают лгать, вы, чуя неладное, бросаетесь к ученым врачам, затем к шарлатанам, а бывает, и к гадалкам. Как первое и второе, так и третье — совершенно бессмысленно, вы сами понимаете. И все это кончается трагически: тот, кто еще недавно полагал, что он чем-то управляет, оказывается вдруг лежащим неподвижно в деревянном ящике, и окружающие, понимая, что толку от лежащего нет более никакого, сжигают его в печи. А бывает и еще хуже: только что человек соберется съездить в Кисловодск, — тут иностранец прищурился на Берлиоза, — пустяковое, казалось бы, дело, но и этого совершить не может, потому что неизвестно почему вдруг возьмет — поскользнется и попадет под трамвай! Неужели вы скажете, что это он сам собою управил так? Не правильнее ли думать, что управился с ним кто-то совсем другой?»¹.

¹ Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. М.: Молодая гвардия, 1989. С. 7.

5.5. Типы общественных систем и формы правления

Религиозный фактор в управлении общественными системами играет важную роль, поскольку немалая часть (если не большинство) лиц, принимающих управленческие решения, в той или иной степени верят в бога, существование духов или иных сверхъестественных сил. Мысленно обращаясь к этим силам, уповая на них, такие люди все свои удачи или неудачи соотносят с поддержкой или, наоборот, с противодействием того, во что они верят¹. Но даже если отвлечься от конфессионального аспекта, следует принять во внимание, что в основе принятия решений лежат как разум и знания, так и чувства, настроения, эмоции человека, а также обусловленные ими, к тому же, не только религиозные, верования. Иными словами, с философской точки зрения, вопрос об управлении общественными системами выходит за рамки сугубой рациональности и не может сводиться только к выверенным и строго просчитанным решениям, того или иного субъекта управления. Отсюда ограниченность человеческих возможностей влиять на состояние вещей и ход событий, что делает даже «научно обоснованные» подходы к управлению обществом, с точки зрения получения желаемых результатов, в лучшем случае, лишь относительно эффективными.

Мировая история изобилует примерами, подтверждающими данный вывод. Так, философы Древнего Китая, которые и сами нередко являлись правителями, министрами, сановниками, и которые первостепенное внимание уделяли управлению обществом, выработке идеальных форм общественного устройства, гармонии отношений между людьми и различными государствами, нередко становились жертвами своих же идей, подвергаясь преследованиям и гонениям. В частности, великий китайский философ, тонкий знаток человеческих отношений и проблем общественного управления Конфуций много раз

¹ Оставляя без специального рассмотрения теократические формы правления, отметим только, что они во множестве вариаций существовали со времени появления государства и не потеряли своей актуальности до настоящего времени.

вынужден был менять место жительства, переходя из одного государства в другое, поскольку его учение о человеческих отношениях и государственном устройстве вступало в противоречие с реальной действительностью и не находило должной поддержки.

Не получив признания, покинул свое отечество и другой легендарный древнекитайский философ Лао-Цзы, который высоко ценил искусство социального управления и отмечал зависимость благосостояния государства от качества управления им. Выделяя особые признаки хороших и плохих правителей, Лао-цзы уравнивал два понятия: «мудрец» и «правитель», поскольку, по его мнению, человеку, не познавшему Дао, нельзя доверить управление государством. Управляя государством, мудрый правитель следует дао, не делая ничего, что могло бы нарушить спокойствие и естественный ход событий. Дао — первопричина и закон развития Вселенной, которому подвластны и небо, и земля, и природа, и общество. Отсюда «лучший правитель тот, о котором народ знает лишь то, что он существует. Несколько хуже те правители, которые требуют от народа его любить и возвышать. Еще хуже те правители, которых народ боится, а хуже всех те правители, которых народ презирает»¹. И все-таки, как показывает пример китайских мудрецов, одного лишь знания о том, как правильно управлять обществом, недостаточно, чтобы реализовать эти знания на практике, ибо лица, принимающие решения, руководствуются не только знаниями, но и, как уже отмечалось, чувствами, эмоциями, настроением, личными интересами, предпочтениями и т.п.

Не менее поучительной в этой связи является и судьба знаменитого древнегреческого философа Платона, не только теоретизировавшего относительно наиболее оптимального государственного управления, но и пытавшегося на практике реализовать свои идеи. В частности, он был приглашен в Сиракузы к правившему там Дионисию старшему, который, в конечном счете, не воспринял его идеи и велел продать Платона в рабство. Затем, при новом сиракузском правителе — Дионисии младшем, он еще дважды приглашался в качестве государственного

¹ Древнекитайская философия. М.: Мысль, 1972. С. 119–120.

советника, но и эти попытки воплотить в жизнь идеи эффективного государственного управления не были успешными.

Свою философию оптимального управления обществом Платон построил на том, что разделил всех людей на три категории, в зависимости от того, каким типом души они обладают: *разумной*, *страстной* или *вождеденной*. Управление обществом зависит от того, как распределены роли в государстве между людьми, наделенными разными душами. Так, душами высшего типа — *разумными* — обладают «мудрецы», философы. Поскольку в силу природы своей души они знают высшие ценности справедливости и стремятся к благу государства, то и главная их функция — быть правителями. Души с преобладанием *страсти* и *воли*, принадлежат стражникам и воинам, природная функция которых состоит в том, чтобы охранять государство. Наконец, остальные, наделенные *вождеденной* душой и стремящиеся к материальным, чувственным наслаждениям, нуждаются в том, чтобы ими управляли, а их поведение было ограничено в целях сохранения стабильности в обществе. На этих представлениях о душе, Платон выстроил структуру *идеального государства*, где три разных слоя людей в зависимости от типа их душ выполняют присущие только им функции. Гармоничное общество есть результат осознания и исполнения каждым из слоев и граждан своего природного и законодательного предназначения, и в этом заключается социальная справедливость. Формой идеального государства, по его мнению, может быть *монархия*, *аристократия* и *демократия*; однако предпочтение он отдавал монархии. В реальной жизни нередко названные формы государства перерождаются в *тиранию*, *олигархию* или *демагогию*¹. А происходит это тогда, когда властители выражают не народный, а свой личный интерес. Чтобы такого не происходило, Платон требует правильно организовать воспитание граждан. Философы обязаны пройти «длинную дорогу», прежде чем они достигнут мудрости. Будущий правитель должен изучать философию и соединять ее принципы с реальной действительностью.

¹ Платон. Соч.: в 3 т. Т. 3. Ч. 1. М.: Мысль, 1971. С. 356.

Лишь к 60-летнему возрасту он достигает философской зрелости и может получить право на управление обществом.

Глубокие идеи касательно сущности человека и проблем общественного управления принадлежат еще одному выдающемуся древнегреческому мыслителю — Аристотелю. Уже в античности широкую известность получили его взгляды на человека, как на политическое (общественное) животное, которому присуща инстинктивная устремленность к «совместному сожителству», обусловленная «сознанием общей пользы». Практически отождествляя государство с обществом, Аристотель рассматривал его как разросшуюся семью. «Тот, кто не может войти и составить часть некоего сообщества, кто не нуждается ни в чем и ни в ком, достаточен самому себе, тот, не являясь частью государства, он — либо зверь, либо Бог»¹. В зависимости от того, властвует ли один человек, несколько или большинство, Аристотель выделял три правильные формы управления государством: монархию, аристократию и политию, а также три неправильные: тиранию, олигархию и демократию. Наилучшей из правильных форм государства, с его точки зрения, является полития, так как она сочетает свойства умеренной демократии и личное достоинство олигархии, присущее благородным людям. Назначение *государства* состоит в обеспечении счастья всем гражданам, к которым Аристотель относил только тех, кто имеет собственность и участвует в управлении обществом. Государство есть естественный способ бытия людей, «общение подобных друг другу людей ради достижения возможно лучшей жизни»².

Будучи воспитателем Александра Македонского, Аристотель, также как и его учитель Платон, имел основание рассчитывать на практическое воплощение своих теоретических взглядов на управление обществом. Однако и в этом случае философские идеи знаменитого философа не стали руководством к действию его не менее знаменитого ученика. «Оба они стремились к универсальности, но Александр, который думал о пространствах

¹ Цит. по: Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Т. 1. Античность. С. 151.

² Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 603.

как завоеватель и покоритель, применял принцип универсальности и к государствам, и к человеческому обществу, подчиняя все неумолимым соображениям, направленным на пользу империи. У него возникло понятие о человечестве в целом. Таким образом, для Александра перестало существовать различие между эллинами и варварами, в его действиях появилась та логическая последовательность, которой так не хватало Аристотелю. И когда впоследствии Александр, управляя странами, стремился уравнять их, он имел все основания считать себя более последовательным представителем идеи универсальности, чем его учитель. Философ хотел познать весь мир, оставаясь духовным предводителем одних только эллинов. Александр же хотел завоевать весь мир и вместе с тем стать воспитателем всего человечества. Аристотель стремился организовать научное мышление людей. Александр при помощи той же организации хотел поднять человечество на высшую ступень развития. Понятно, сколь далеко должны были разойтись Аристотель и Александр, когда царь стал последовательно проводить свои космополитические планы. Он открыто отказался от аристотелевской непоследовательности, касающейся эллинов»¹.

Проблемы государственного устройства и поиск наиболее эффективных форм управления, волновавшие мыслителей и государственных деятелей с древнейших времен, никогда не теряли своей остроты. Они и сегодня остаются столь же актуальными, как и прежде, поскольку дело касается управления сложнейшими общественными системами, культурно-цивилизационные характеристики которых сильно различаются от общества к обществу, а действия множества субъективных факторов однозначно не предопределяются заранее. Отсюда широкий спектр различных форм правления, политических режимов и систем, коими представлена не только прошлая, но и современная история человечества. Все их, в зависимости от типа отношений между субъектом и объектом управления (между управляющей и управляемой системами), если идти от самых репрессивных и более жестких форм правления к менее жестким, от неограниченной власти одного правителя ко все

¹ Шахермайр Ф. Александр Македонский. М.: Наука, 1986. С. 35–36.

более широкой власти народа, можно сгруппировать следующим образом:

Тоталитарные формы правления (от лат. *totalis* — весь, целый, полный), — когда политические режимы стремятся к абсолютному, тотальному контролю верховной власти (государства) над всеми аспектами жизни общества и каждого человека. Концентрация власти в таких системах ведет к беспощадному подавлению любой оппозиции в какой бы форме она не проявлялась. К разновидностям тоталитаризма можно отнести *деспотию*, *тиранию*, *автократию* и т.п.

Авторитарные формы правления (от лат. *auctoritas* — власть, влияние) также опираются на силу, но уже не столько на грубую и брутальную, сколько на силу авторитета власти и власть предержащих, т.е. это менее жесткие формы правления, по сравнению с тоталитарными. Они характеризуются тем, что носитель власти провозглашается единственным, кто имеет право на политическую власть при наличии определенной степени свободы в других сферах. В таких системах имеет место диктатура одного лица или группы лиц, когда не допускается политическая оппозиция, но сохраняется автономия личности и общества за пределами политической деятельности. При этом культивируется безусловное подчинение и преданность правителю, власти, государству. В отличие от тоталитаризма, где имеет место полное подчинение всех сфер жизни государственному началу, авторитарные режимы допускают ограниченный плюрализм, если это не противоречит интересам сохранения существующей системы. Авторитарные формы правления характерны для традиционных обществ, а также для стран, где имеют место длительные экономические и политические кризисы, сопровождаемые дестабилизацией общественного строя и резкой поляризацией политических сил. В такого рода ситуациях авторитарная власть в качестве основной цели ставит, как правило, задачу наведения порядка в стране, обеспечение нормальных условий жизни общества, стремясь к концентрации политической власти в едином центре принятия решений. Авторитаризм, тем самым, занимает как бы промежуточное положение между тоталитаризмом и демократией, где существуют нерегулируемые государством общественные структуры и достаточно

развитые элементы гражданского общества. Разновидностями авторитаризма являются: *монархия*, *олигархия*, *аристократия*, *геронтократия*, *милитократия*, *теократия* и т.п.

Наконец, еще один тип управления общественными системами именуется *демократией* (от греч. *demos* — народ, *kratos* — власть). Как форма правления демократия характеризуется тем, что источником власти является народ, который осуществляет управление обществом на основе равноправия граждан и верховенства законов, когда граждане непосредственно (напр., участвуя в референдумах) или через избранных представителей при волеизъявлении большинства, осуществляют принятие и исполнение управленческих решений. При этом для меньшинства сохраняются конституционно гарантированные индивидуальные и коллективные права и свободы такие, например, как свобода слова, собраний, вероисповедания и т.п. Демократия предполагает также разделение властей на *исполнительную*, *законодательную* и *судебную* ветви и значительно большую по сравнению с другими формами правления децентрализацию государственного управления. Демократия, по известному выражению, — это, прежде всего, «соблюдение процедур при неопределенности результатов». Как отмечает датский теолог и педагог Халь Кок: «Демократия не дает заключить себя в формулу. Это не система, не доктрина. Это образ жизни, который постоянно отступая и возвращаясь, прорастал в Западной Европе в течение добрых 2000 лет... Демократия — не победа, которая выиграна, а борьба, которая постоянно продолжается. Демократия — не однажды достигнутый результат, но задача, которая должна решаться снова и снова... Это образ мыслей, образ жизни, который усваиваешь только тогда, когда живешь этим образом в своей личной жизни, в отношениях с семьей и соседями, с более широкими внешними кругами, в отношениях к землякам и, наконец, в отношении к другим народам — в этом последнем пункте мир еще не очень много видел демократии»¹.

И в самом деле, обозначенная выше вариация демократии, сформировавшаяся на европейской исторической почве, явля-

¹ Кок Х. Что такое демократия? / пер. с дат. Л. Вайль. Датский институт культуры. Копенгаген: Систайм, 1993. С. 15.

ется не единственно возможной разновидностью осуществления власти народа. Так, помимо того, что демократия может быть *либеральной, прямой, представительной, имитационной* и т.п. имеется еще немало и таких ее форм как, например, *демархия* (форма правления, когда случайно выбранные граждане принимают управленческие решения от имени всего населения), *изократия* (форма правления, при которой все граждане обладают равными политическими правами.), *охлократия* (власть толпы, господство улицы) и др.

Говоря о различных формах правления, следует принять во внимание, что их природа, а также характер проведения в жизнь обусловлены соответствующими культурными, социально-экономическими и политическими особенностями того или иного общества. В этой связи, рассматривая поступательное развитие человечества с точки зрения его усложнения и совершенствования, будем придерживаться той известной градации исторического процесса, в соответствии с которой складывавшиеся с доисторических времен общественные отношения, и находившиеся изначально на стадии *дикости*, со временем вышли на новый уровень, именуемый *варварством* и, наконец, с Нового времени обрели *цивилизированные* формы.

В данной градации *дикость* понимается как такой тип общественных отношений, когда они регулируются исключительно с позиции силы с целью удовлетворения личных потребностей и интересов при полном отсутствии права. В условиях дикости признается только грубая сила, а управление осуществляется лишь на основе тотального подавления личной инициативы и беспрекословного подчинения сильному (лидеру).

Варварство — это уже более высокая ступень общественных отношений, когда появляются элементы правового регулирования (не для всех обязательные), а на первый план выступает корпоративный интерес, в соответствии с которым ценится свое, но не чужое. То, что не создано варварами, что не вписывается в их культуру и представления, не имеет никакой ценности и подлежит разрушению, уничтожению. На место непосредственного принуждения и грубого подчинения силе варварский тип отношений ставит беспрекословное признание авторитета власти и полную лояльность лидеру, правителю.

Именно на такой основе и функционируют все тоталитарные режимы.

Что касается *цивилизации*, то на этой стадии общественные отношения строятся уже на признании основных прав человека и равенстве всех перед законом. Принимая во внимание переходные фазы от *дикости* к *варварству* и от варварства к *цивилизации*, можно с полным основанием утверждать, что демократические формы правления — это результат цивилизационного развития общества. Демократия не может ни возникнуть, ни функционировать в условиях варварства, не говоря уже о дикости, поскольку там отсутствуют необходимые для этого условия, о которых было сказано выше. Дикости и варварству, как уже отмечалось, соответствуют другие типы правления — тоталитарные и авторитарные. А поскольку современное мировое сообщество во всем своем многообразии являет собою одновременное сосуществование, а то и смешение всех этих трех типов общественного состояния — *дикости*, *варварства* и *цивилизации*¹, то вполне объяснимо и то многообразие форм общественного управления, которые имеют место (одновременно сосуществуют) в современном мире: тоталитарные, авторитарные, демократические. При этом в условиях глобальной взаимозависимости и все большего вовлечения народных масс в общественные процессы демократические формы правления по сравнению с другими оказываются более привлекательными для широких слоев населения. Отсюда термин «демократия»

¹ Дикость в современном мире далеко не изжита и даже нередко встречается еще и в чистом виде, например, когда имеют место каннибализм, линчевание и иные brutальные действия, лишённые рациональности. Варварство продолжает цвести пышным цветом не только на локальном или региональном уровнях, но и на глобальном. В первых двух случаях явным признаком варварства является применение «избирательного права», достаточно активно используемого авторитарными режимами. На глобальном уровне варварский тип отношений обусловлен тем, что здесь имеется только международное (фрагментарное) право, способное преодолеть дикость, но недостаточное для установления в полной мере цивилизованных отношений в мировом сообществе, поскольку для решения такой задачи необходимо универсальное (всеобщее, глобальное) право; а его-то как раз и нет. Цивилизованные отношения, порою еще далекие от совершенства, вовсе не являются реальностью для абсолютного большинства жителей планеты.

широко используется и на все лады эксплуатируется многими политическими и общественными деятелями даже тогда, когда и по форме, и по содержанию их деятельность далека как от образа действий, так и образа мыслей демократического свойства. Этим же объясняется и тот факт, что значительное количество стран мира порою весьма далеких от реальной демократии, используют в своем названии именно этот термин — «Демократическая республика...».

Не вдаваясь в подробности различных вариаций на тему тоталитарных, авторитарных или демократических типов управления обществом, обратим внимание на то, что это лишь различные формы общественных отношений, т.е. внешняя сторона общественного бытия, непосредственно связанная с тем, что именуется цивилизационной составляющей жизни того или иного народа. Однако куда важнее вопросы внутреннего свойства, обусловленные культурной составляющей, культурным кодом конкретного общественного организма. Иными словами, в процессе культурно-исторического развития того или иного социума складываются, формируются соответствующие моральные нормы и принципы, тогда как правовая система появляется позже и развивается как основной, определяющий элемент цивилизационного развития общества. Здесь имеет место прямопропорциональная зависимость — чем более высокий уровень цивилизационного развития имеет та или иная общественная система, чем более развита в ней правовая сфера, тем более зрелым является гражданское общество в данной системе и наоборот.

Гражданским именуется такое «общество в котором сочетаются частные и общие интересы... В целом гражданское общество можно охарактеризовать как самоорганизующееся начало и сосредоточение негосударственных отношений»¹. Наличие и достаточная степень развитости гражданского общества является необходимым условием для того, чтобы власть народа, т.е. демократия, могла стать реальностью и заметным фактором общественной жизни. При этом следует подчеркнуть, что *демократия* — есть не что иное, как производная, функция,

¹ Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 2000. С. 549.

оборотная сторона *гражданского общества*. Отсюда, в любом обществе *демократии* столько, сколько в нем *гражданской составляющей*; точнее, уровень развития, степень зрелости, качество демократии прямо пропорционально уровню развития и зрелости гражданского общества¹. Это вытекает из того, что *гражданское общество* и *демократия* являются «двумя сторонами одной медали», т.е. *общественной системы*, где центральной фигурой выступает *гражданин* — свободный и самодостаточный человек, находящийся в устойчивой правовой связи с определенным государством. Раб, подданный, холоп, крепостной не может быть гражданином. Гражданин — это всегда не только свободный, но и обладающий определенным имущественным и социальным положением человек.

Любые разговоры о демократии без учета этого факта превращаются в схоластику, ибо только в гражданском обществе и возможна та демократия, которая действительно в состоянии эффективно работать. непонимание и несоблюдение этих требований ведет к отторжению самого института демократии, порождению чувства прямо противоположного, а то и вовсе к поношению и опощлению ее, когда в полной мере проявляется недоучет роли и значения института гражданского общества в качестве единственно возможной цивилизованной альтернативы различным формам авторитаризма, тоталитаризма, деспотизма и самоуправства.

Данное обстоятельство имеет то следствие, что социальная нестабильность, проявляющаяся то в одном, то в другом регионе планеты в виде так называемых «цветных революций», подталкивает не только политических и иных «ответственных лиц», но и значительную часть населения к простым решениям — наведению порядка любой ценой. Однако в условиях глобального мира, интенсивных экономических и культурных связей, наконец, открытости информационных границ порядка и в то же время процветания общества не будет, если за порядок не будут нести ответственность сами граждане.

¹ Chumakov A.N., Gay W.C. (eds), *Between Past Orthodoxies and the Future of Globalization: Contemporary Philosophical Problems* (Leiden, Boston: Brill-Rodopi, 2016).

Здесь важно подчеркнуть, что речь идет не о подданных, а о *гражданах*, которые в отличие от первых обладают не мнимой, а реальной свободой — свободой, не дарованной или пожалованной «сверху», а обеспеченной нажитой честным трудом и защищенной законом *собственностью*, позволяющей человеку вести достойный образ жизни и быть независимым от чьего бы то ни было произвола. Отсюда вполне очевидно, что полноценного гражданского общества не может быть без превалирующего среднего класса, равно как среднего класса не может быть без наличия и реальной защищенности прав человека, важнейшими из которых являются: право на жизнь, свободу и частную собственность.

Соблюдение основных прав человека является таким образом еще одним условием существования гражданского общества, базирующегося «на признании того, что все люди обладают естественными правами, которые существовали еще до того, как появилось государство»¹. Иными словами, качество или уровень развития гражданского общества непосредственно зависит от качественных характеристик, уровня цивилизованности самих людей, что входит в содержание понятия «человеческий капитал», который постепенно формируется, накапливается в процессе образования, обретения знания, умения, опыта.

Без гражданского общества не может быть эффективной, реальной демократии, но и сама демократия является необходимым условием существования гражданского общества. Таким образом, в стремлении иметь полноценную демократию, необходимо формировать, строить, развивать гражданское общество, создавая условия для трансформации населения во все более активных граждан и, наращивая тем самым, человеческий капитал. В этой связи важно подчеркнуть, что гражданское общество, как и демократию, нельзя привнести извне, навязать сверху, ввести каким-то Указом или постановлением. И то и другое в тесной связи друг с другом органично вырастает снизу. *Гражданское общество* — посредством метаморфозы зависимых подданных в свободных граждан, а также посредством

¹ Корсгард О. Борьба за просвещение. Образование взрослых в Дании. Опыт пяти столетий. М.: ООО «Фантера», 2000. С. 27.

формирования необходимых элементов такого общества: соответствующих организаций, структур, институтов. *Демократия* же — формируется в качестве определенного образа мысли и действий, постепенно укореняясь в сознании все большего числа людей. И, тем не менее, сегодня, если брать человечество в целом, еще не многие придают первостепенное значение роли гражданского общества в поступательном развитии отдельных стран и мира в целом, когда он, по образному выражению, стал для всех «общим домом». Еще меньше тех, кто соотносит гражданское общество с существованием независимых от государственной власти социальных институтов, с тем, что в таком обществе свободные граждане избирают своих руководителей и принимают на себя ответственность за их решения, имея реальную возможность контролировать власть и, прежде всего, политическую.

Как справедливо пишет в этой связи Халь Кок, демократия, это «не система, которую нужно осуществить, но образ жизни, который нужно усвоить. Речь идет о складе ума, который должен передаваться каждому новому поколению. Поэтому просветительская воспитательная работа с людьми — есть нерв демократии»¹. Вот это как раз и есть важнейшая задача современного общества, решение которой, будет способствовать наращиванию, увеличению человеческого капитала. Путь это не быстрый и не легкий; но альтернативы ему нет, как нет альтернативы хорошему саду, где добротный урожай начинают собирать только после многолетних трудов, затраченных на его возделывание.

Из сказанного следует, что авторитаризм не нуждается в гражданском обществе; более того, оно для него опасно². Таким образом, чем более развитым является гражданское общество, тем более высокий уровень в нем и демократии. И наоборот, чем менее развито гражданское общество, тем меньше там

¹ Кок Х. Что такое демократия? Копенгаген: Систайм, 1993. С. 16.

² В условиях многоаспектной глобализации, открывающей все более широкие возможности для коммуникации в современном мире, тоталитаризм активно использует современные информационные технологии для манипуляции общественным сознанием и укрепления своей власти.

реальной демократии, и тем жестче, т.е. более авторитарным должен быть режим управления, чтобы данная общественная система сохраняла стабильность и устойчивое положение. История дает немало примеров, подтверждающих данный вывод, и дело заключается только в том, кто оказывается во главе такой системы. Как правило, человек, в силу тех или иных обстоятельств оказывающийся на вершине пирамиды власти и не обремененный излишним контролем, достаточно быстро приходит к осознанию своей «исключительности» и желанию любой ценой сохранить авторитарный тип правления. А в условиях многоаспектной глобализации, открывающей все более широкие возможности для коммуникации, подрывающей основы авторитарной власти, такая власть в свою очередь активно использует современные информационные технологии для манипуляции общественным сознанием и укрепления своего положения с помощью мягкой силы и изощренной пропаганды. Однако, хотя и редко, но бывают исключения, когда, например, хорошо образованный и просвещенный государственный деятель, оказавшись во главе тоталитарной системы, использует ее для сохранения стабильности в обществе, чтобы сформировать гражданское общество и создать тем самым прочную основу для перехода к демократии. Именно так поступил сингапурский лидер Ли Куан Ю, который, используя авторитарный стиль правления, заложил основы гражданского общества и тем самым обеспечил демократический стиль правления в городе-государстве, которое за предельно короткие по историческим меркам сроки сумело шагнуть сразу «из мира третьего в мир первый», став одним из самых развитых и успешных стран современного мира. С определенными оговорками заслуживает внимания положительный опыт и ряда других стран, который показывает, что развитие гражданского общества — это и путь, и средство преодоления различных форм тоталитаризма и авторитаризма.

5.6. Локальные и региональные аспекты управления

Принимая во внимание принципиальное различие между *управлением* и *регулированием*, а также требование соответствия

по степени сложности управляемой и управляющей систем, о чем говорилось выше (см.: гл. 5, п. 3), рассмотрим теперь более детально возможности осуществления такой деятельности применительно к общественным структурам на локальном и региональном уровнях. Отметим при этом, что данные уровни принимаются относительно масштаба всего глобуса, а потому понятием «локальный» будут характеризоваться территории практически всех государств планеты, за исключением наиболее крупных из них, таких как Россия, Китай или Австралия. Регионами же планеты будут океаны и континенты или такие их составные части как, например, Северная и Южная Америка; Дальний, Средний и Ближний Восток. Следующий уровень уже глобальный — единый и неделимый, поскольку ограничен абсолютно конкретными размерами планеты Земля.

Иначе говоря, будем иметь в виду, что по мере перехода от локального уровня на региональный и далее до глобального степень сложности организации общественной жизни усложняется. При этом важно подчеркнуть, что управлять сложными системами можно до тех пор, пока уровень сложности управляемой системы не переходит черту, за которой управляющая система оказывается недостаточно совершенной, чтобы справиться со своей задачей. Далее управление становится невозможным. Но еще сохраняется возможность *регулирования* этой системы, рамки которого также имеют свои пределы. По мере приближения к таким пределам, т.е. по мере роста сложности регулируемой системы, регулирование становится возможным по все меньшему числу параметров, а эффективность его при этом снижается по нисходящей вплоть до нуля. А поскольку управление, как уже говорилось, всегда предполагает в то же время и регулирование (но не наоборот), то рассуждая далее об управлении, факт регулирования будем иметь в виду по умолчанию, рассматривая его как более простое и самодостаточное явление, т.е. безотносительно к управлению.

Для лучшего понимания сказанного приведем вначале в качестве примера более простой (в сравнении с социальным) вариант управления и регулирования. Возьмем атмосферные процессы. Но разве может человек осуществлять регулирование, тем более, управление процессами, происходящими в атмос-

фере? Конечно, может, если дело касается закрытой системы. Так, например, внутреннее пространство жилого помещения есть не что иное, как часть атмосферы, заключенной в определенные рамки, заданные стенами, полом и потолком этого помещения. В пределах такого пространства человек вполне способен не только осуществлять регулирование, но и управлять как температурой, так и влажностью, потоками воздуха, запахами данного фрагмента атмосферы, задавая и получая на основе обратной связи те параметры воздушной среды, которые ему требуются. Именно так происходит и в том случае, когда дело касается внутреннего помещения автомобиля, огромного цеха большого завода или закрытого спортивного сооружения. Однако вполне очевидно, что возможности управления атмосферными процессами ограничиваются способностями человека создавать помещения закрытого типа: они могут быть очень большими и даже гигантскими по человеческим меркам, но ничтожно маленькими по сравнению с размерами земной атмосферы. Она несопоставима по своим масштабам с человеком и его сооружениями и выступает по отношению к людям в качестве открытой предельно сложной системы, которой он не может управлять никаким образом.

Вместе с тем, по мере роста своих возможностей влиять на окружающую среду, благодаря научно-техническим достижениям, человек научился осуществлять регулирование атмосферными процессами и за пределами закрытых помещений, т.е. в незамкнутой атмосфере. Так, например, в целях защиты сельхозугодий от града на Северном Кавказе действуют противогололедные службы, разгоняющие грозовые облака при помощи специальных ракет и пиротехнических средств. Другой пример подобного рода — обеспечение ясного, безоблачного неба в дождливую погоду, когда проходит парад на Красной площади. Достигается это при помощи авиации и соответствующих реагентов, которыми воздействуют на дождевые облака, а исчерпывающую информацию об их направлении и скорости движения поставляют метеорологи. Такое целенаправленное воздействие на дождевые облака есть ничто иное как процесс регулирования выпадения осадков, причем не там, где они произошли бы естественным путем, а в том месте, которое было заранее пред-

задано человеком. Но таким способом искусственно вызванный дождь — это только один вариант воздействия на атмосферу, причем в ограниченном масштабе и в течение короткого времени. Для увеличения же площади и времени сохранения ясного неба даже на незначительную величину потребовались бы уже средства, сопоставимые с бюджетом всего города...

Но человек оказывает влияние на атмосферу не только осознанно и целенаправленно. В условиях нарастающей глобализации, когда мировое сообщество достигло планетарных масштабов во взаимодействии с окружающей средой, стихийное антропогенное влияние на климат Земли и повышение температуры атмосферы превратились в одну из самых актуальных проблем современности. В этой связи возникла настоятельная потребность предпринять согласованные в планетарном масштабе шаги по регулированию хозяйственной деятельности мирового сообщества с целью уменьшения негативного влияния на изменение климата, что нашло свое отражение в «Рамочной конвенции ООН об изменении климата» (1992), «Киотском протоколе» (1997) и «Парижском климатическом соглашении» (2016 г.). Отмечая это обстоятельство, сопряженное, прежде всего, со стихийным ростом глобальной экономики и неконтролируемым ростом населения Земли, следует подчеркнуть, что, когда дело касается планетарного масштаба, осознанно и целенаправленно воздействовать не то что на атмосферу, но даже на отдельные сферы общественной жизни с целью получения заранее заданного результата человек еще не научился. Его возможности стабильно и на постоянной основе осуществлять регулятивную функцию на таком уровне даже только по одному отмеченному параметру если и не равны нулю, то практически ничтожны. А если принять во внимание, что атмосферный воздух имеет еще и соответствующий состав, влажность, скорость и направление своего движения...

Какой вывод следует из сказанного? Прежде всего тот, что имея возможность регулировать процессы и физические параметры атмосферы и даже управлять ими в известных пределах, человек, тем не менее, в состоянии делать это лишь только в рамках своих ограниченных возможностей, абсолютно несопоставимых со сложностью атмосферы как целостной си-

стемы. Более того, не только в управлении, но и в *понимании* динамики развития сложных процессов имеются объективные ограничения, связанные с возрастанием сложности системы. Так, например, обстоит дело с предсказанием погоды, когда в силу множества факторов, влияющих на ее изменение, относительно точный прогноз синоптики могут дать лишь на ближайшие 1–2 дня, менее точный — на срок от 3 до 5 дней. А далее наступает зона неопределенности, если оставить без внимания многолетний среднестатистический, т.е. вероятностный прогноз для данного периода времени. Причина все та же — сложность системы (изменение климатических параметров) и непредсказуемость ее поведения нарастают по экспоненте, что лишает человека возможности давать адекватные оценки, не говоря уже о нереальности целенаправленного воздействия на данную систему с целью получения желаемых результатов.

Имея в виду сказанное, обратимся теперь к проблемам регулирования и управления в *общественных системах*, где уровень сложности как самих систем, так и протекающих в них процессов, значительно увеличивается за счет субъективного фактора, поведение и принимаемые решения которого по большей части непредсказуемы.

То, что общественные системы не только саморегулируются, регулируются, управляются и даже самоуправляются, не требует дополнительных доказательств, если принять во внимание сказанное по этому поводу выше (см.: гл. 5 п. 3.), а также реальную практику общественных отношений. Так, на *локальном* уровне, когда дело касается всевозможных общественных объединений (будь то небольшой коллектив или крупная организация, политическая партия или государственная структура), мы с полным на то основанием можем говорить как о том или ином уровне регулирования, так и о качестве управления такими системами. В данном случае не имеет принципиального значения — хорошее или плохое регулирование, отличное или неудовлетворительное управление, а также человеческий ли фактор, структура или механизм управления тому причиной. Важнее другое — и регулирование, и управление здесь могут осуществляться в полной мере, поскольку для этого имеются

(или могут быть созданы) все необходимые условия и инструменты.

На более высоком уровне — *региональном*, к которому следует отнести национальные государства и иные субъекты международных отношений, такие, например, как транснациональные корпорации, всевозможные международные организации и т.п., также имеет место как регулирование, так и управление общественными структурами и процессами. При этом на региональном уровне, в отличие от локального, по причине значительно большей сложности управляемых систем, механизмы управления (законодательство, управленческий аппарат т.п.) также более сложные, разветвленные, иерархичные. И тем не менее, все, что необходимо для регулирования и управления такими системами на этом уровне имеется или в принципе может быть создано.

Таким образом, если обратиться к национальным государствам, как наиболее сложным общественным образованиям из числа пока что рассмотренных нами общественных систем, то следует признать, что все они хорошо или плохо, но непременно управляются. В каждом из них с теми или иными отличиями создан сложнейший (адекватный сложности управляемой системы) механизм управления государством, который состоит из законодательной, исполнительной и судебной систем власти, армии, полиции, фискальных органов, всевозможных общественных и государственных организаций, прессы и т.д. и т.п. Сюда нужно добавить еще два фундаментальных инструмента регулирования и управления общественными системами — общие для всего населения данного государства *мораль* и *право*, на основе которых функционирует любое общество (с учетом конкретного устройства и специфики каждого из них). И все это элементы управляющей системы, т.е. инструменты управления сложнейшим общественным образованием, именуемым государством. При этом чем более крупным является государство, тем более сложную и разветвленную систему управления оно должно иметь. Такая задача решается, например, путем создания федерации, когда имеющие ряд признаков государства, но не имеющие соответствующего суверенитета, отдельные территориальные образования объединены в одно целое,

именуемое федеративным государством. Наиболее известными государствами-федерациями являются, в частности, Российская Федерация, Соединенные Штаты Америки, Индия, Бразилия, Австралия и др.

Говоря о государственном управлении, как целенаправленной деятельности субъекта управления, направленной на реализацию соответствующих социально-экономических, политических, идеологических и иных задач, следует иметь в виду, что речь идет о комплексном воздействии на систему в целом и отдельные ее элементы. При этом не всегда и не обязательно дело заключается в непосредственном управленческом воздействии на все без исключения структурные элементы общественной системы. Да это и не всегда возможно. Так, например, рыночная экономика вполне поддается регулированию, но не управлению в буквальном смысле этого слова. Управлять экономическими процессами можно только с определенными оговорками и то, если дело касается планового ведения хозяйства, именуемого «командной экономикой». Но даже в этом случае, выстраивая определенную перспективу развития экономических процессов, намечая планы достижения заранее заданных целей и результатов и, просчитывая соответствующие шаги и действия по их реализации, с необходимостью сталкиваются с естественными ограничениями возможностей осуществлять процесс управления. Проблема заключается в том, что по мере детализации управленческих решений и пролонгации их в будущее, сложность системы, подлежащей управлению, растет в геометрической прогрессии, что требует такого же усложнения и системы управления, которая не может усложняться до бесконечности. В каждом конкретном случае она ограничена способностями субъекта и техническими возможностями, необходимыми для осуществления такой деятельности. Как показал, например, опыт управления народным хозяйством в СССР, планирование в этой сфере общественной жизни давало относительно удовлетворительные результаты в пределах ближайшего будущего, когда оно ограничивалось рамками не более чем пятилетних планов. Планирование же на шести- или семилетний срок, как то имело место, в частности, в 1959–1965 гг., было уже неэффективным.

Итак, национальные государства, как показывает реальная практика, вполне управляемы. Именно это имел в виду Э. Фромм, когда сравнивал государство с «мегамашиной», которой «сможет управлять каждый, кто получит к ней доступ, просто нажимая на соответствующие кнопки... Даже человеку с весьма средним интеллектом и посредственными способностями, — писал он, — под силу управлять государством, окажись он у кормила власти»¹. Что касается других субъектов международных отношений таких, например, как ООН, ВТО, НАТО, транснациональные корпорации, международные правительственные и неправительственные организации и т.п., то будучи целостными общественными структурами и объединениями, они более просты по своему устройству, в отличие от национальных государств. Они не возникают естественным путем в результате развития естественноисторического процесса, а создаются искусственно для достижения определенных целей и решения конкретных задач, как правило, в той или иной сфере человеческой деятельности на международном уровне. Такие организации и структуры также регулируются и в известной мере управляются посредством, хотя и не столь сложных, как у государства, но достаточно эффективных механизмов управления, коими являются руководящие органы этих общественных объединений.

Более крупные чем национальные государства общественные системы охватывают уже целые регионы и представлены такими социальными структурами, как *империи, союзы, конфедерации, блоки, коалиции*. Они заслуживают более внимательного рассмотрения, чтобы ответить на вопрос об их управляемости.

Так, *империя* (от лат. *imperium* — власть) являет собою особую форму организации государственной власти, которая централизованно осуществляется на большой (по меркам национальных государств) территории и в своей внутренней и внешней политике опирается на военную силу и силовые структуры, действуя, прежде всего, в интересах военных сословий и представителей силовых структур. В империи обширные территории, населенные различными народами и именуемые колониями, домини-

¹ Фромм Э. Иметь или быть? М.: Прогресс, 1986. С. 206, 207.

онами, подконтрольными территориями, управляются из одного центра посредством жестко организованной (тоталитарной) власти во главе с императором (королем, царем, султаном). При этом в подконтрольных территориях власть осуществляется через наместников, ставленников, назначаемых из центра, в том числе, и для надзора за местным самоуправлением. При всем разнообразии политических укладов и особенностей отдельных империй, тоталитарная власть для всех них (деспотия) является необходимой и наиболее адекватной формой управления, поскольку удержать в подчинении население на больших и разноплановых территориях, обеспечивая при этом единство и функциональную дееспособность страны, можно только при жесткой централизации власти и наличии эффективного репрессивного аппарата, в том числе, регулярной армии, которые, в силу этого, занимают особое положение в общественной и политической жизни таких систем.

Появившись почти три тысячи лет тому назад, различные империи, среди которых наибольшую известность получили: Римская, Португальская, Испанская, Британская, Российская, Османская, Китайская, Германская, Французская, Австро-Венгерская и др., просуществовали вплоть до XX в., пока над ними не сгустились тучи многоаспектной глобализации. Именно к середине XX в., в силу социальных изменений, вызванных глобальными процессами в различных сферах общественной жизни, тоталитарный способ управления утратил свою дееспособность в отношении предельно больших территорий и эпоха империй закончилась. Иными словами, конец им положили не политики, якобы плохо управлявшие империями, или иные субъективно обусловленные причины, а многоаспектная глобализация. Страны с рыночной экономикой, достаточно зрелым гражданским обществом и демократическими формами правления оказались не только наиболее конкурентоспособными и развитыми в социально-экономическом отношении, но и заняли ведущие позиции в глобальной системе международных отношений. На планете, поделенной теперь между почти двумястами национальных государств, для империй не осталось места, поскольку сложность управления общественными системами в условиях нарастающей глобализации значительно

возросла и вышла за те рамки, в пределах которых только и возможно управление империями.

Зато, вопреки досужим разговорам об ослаблении позиций национальных государств, они-то как раз и укрепились в качестве наиболее крупных общественных структур, пригодных для управления, несмотря на определенное изменение их позиций в плане сохранения национального суверенитета и независимости во внешнеполитической деятельности. Такое положение дел вполне объяснимо, если принять во внимание, что глобализация с одной стороны, унифицирует или, образно говоря, «стремится привести» к общему знаменателю международные связи и отношения, делает экономику, политику, культуру глобальным явлением, а с другой стороны, поднимает на более высокий уровень сопротивление этим процессам, активизируя национальное самосознание и национализм, борьбу за сохранение традиционных культур и культурного разнообразия, наконец, делает некогда локальные и региональные проблемы эмиграции, сепаратизма, преступности, терроризма и т.п. проблемами глобального масштаба. В глобалистике для описания и объяснения такого рода явлений и процессов используется специальный термин «глокализация», который появился в результате совмещения терминов «глобализация» и «локализация». Введение в оборот и использование этого нового понятия позволяет отразить сложнейшие и не всегда очевидные процессы переплетения и взаимообусловленности глобальных тенденций и локальных, местных особенностей общественного развития, когда глобальное и локальное не исключают, а взаимодополняют друг друга.

Что касается всевозможных *союзов, коалиций* или *блоков*, в которые объединяются национальные государства, то эти структуры возникают в силу определенных исторических, социально-экономических или политических причин, обычно по взаимному согласию нескольких государств, преследующих, прежде всего, собственные политические, экономические и (или) военные интересы. Они действуют на основе двусторонних или многосторонних договоров, пактов, соглашений и существуют пока сохраняется совпадение интересов и реализуются их общие цели. По причине гетерогенности таких

объединений и временности совпадения интересов, данные структуры лишены необходимых условий для того, чтобы ими управлять, а потому их деятельность лишь только регулируется, да и то не всегда из единого центра, поскольку он, как правило, отсутствует. В качестве примера такого рода объединений можно указать на три военно-политических блока, которые сложились в третьей четверти XX в.: *капиталистический*, в котором объединились западные страны, а также их союзники; *социалистический*, состоявший из стран социалистической ориентации; и *третий мир (движение неприсоединения)*, в который вошли многие из оставшихся стран. Каждый из этих блоков относительно удовлетворительно регулировался посредством определенных структур и механизмов в виде постоянно действующих Комиссий, Советов, саммитов, совещаний, встреч на различных уровнях и т.п. Но даже об элементах управления данными блоками говорить не приходится по причине полного отсутствия необходимых инструментов для осуществления такой деятельности.

Еще одной формой масштабной общественной структуры регионального уровня является *конфедерация*, которая представляет собою союз суверенных государств, объединившихся для достижения конкретных целей, когда самостоятельные государства, сохраняя суверенитет и значительную независимость, передают часть своих полномочий совместным органам власти для координации их деятельности в реализации совместных внешнеполитических, экономических, военных и др. интересов. Особенностью конфедерации является то, что в ней отсутствуют единые для всех входящих в нее государств конституция и гражданство, а также сохраняется возможность свободного выхода из данного союза. Поскольку в конфедерации сохраняется суверенитет и территориальная независимость входящих в нее государств, отсутствует единая экономическая, политическая и правовая система и, как следствие этого, центр принятия и исполнения решений оказывается достаточно слабым, *управление* данным общественным конгломератом в полном смысле этого слова практически не представляется возможным. В лучшем случае, можно говорить лишь об элементах управления, а в полной мере здесь имеет место лишь *регуляция* данной системы,

осуществляемая из единого центра. История знает немного примеров конфедеративного устройства, и в современном мире фактически нет государств, обладающих строго конфедеративными чертами. Таковыми на начальной стадии своего формирования были, например, Швейцарские кантоны и Соединенные Штаты Америки, которые со временем трансформировались во вполне управляемые федеративные государства, что только подтверждает тезис о естественных ограничениях и пределах, лежащих на пути управления все более сложными системами.

* * *

Особого внимания в данном контексте заслуживает история возникновения и опыт построения системы управления *Европейского Союза (ЕС)*. В современном мире это самый масштабный и уникальный в своем роде социальный конгломерат, в рамках которого наряду с регулированием в известной степени осуществляется также управление столь сложной системой. Для осуществления такой деятельности в рамках ЕС имеется соответствующий механизм в виде различных регулятивных и управленческих структур Евросоюза, основные функции которых будут рассмотрены ниже.

Впервые идея создания объединенной Европы возникла после войны за независимость США, но время для реализации этой идеи наступило только после окончания Второй мировой войны, когда шло восстановление разрушенных войной европейских стран, и наиболее остро встала задача, по словам У. Черчилля, покончить «с национальными распрями» посредством учреждения Соединенных Штатов Европы. Так, в 1948 г. в Гааге состоялся Конгресс Европы, на котором представители 16 европейских стран с участием наблюдателей из США и Канады учредили Совет Европы для координации своей деятельности в области экономики, социального развития, культуры, законодательства, развития науки и техники, к чему затем добавились вопросы обеспечения и защиты прав человека. Следующий шаг на пути расширения регулирования совместной деятельности был предпринят в 1951 г., когда Франция, ФРГ, Италия, Бельгия, Нидерланды и Люксембург подписали в Париже Договор об учреждении «Европейского объединения угля и стали». Затем

в 1957 г. эти же шесть государств, стремясь обеспечить свободу перемещения товаров, услуг, капиталов и людей, учредили «Европейское экономическое сообщество» (ЕЭС, Общий рынок). Они же в 1959 г. создали и представительный консультативный, ставший позднее и законодательным органом, Европейский парламент. В дальнейшем так называемый процесс евроинтеграции, сопряженный с углублением и расширением союза государств (с 6 до 27 государств), шел по пути передачи все большего числа функций управления на наднациональный уровень.

Официальной датой основания Европейского Союза считается 7 февраля 1992 г., когда 27 европейских государств подписали Маастрихтский договор и учредили единую европейскую валюту «Евро», управление которой было возложено на Европейский центральный банк. Договор определил основные сферы совместной деятельности Евросоюза: экономика и социальная политика, международные отношения и безопасность, правосудие и внутренние дела. При этом регулятивные и управленческие функции Евросоюза призваны выполнять его основные институты: *Европейский совет, Европейская Комиссия, Совет ЕС, Европейский парламент, Европейский суд, Палата аудиторов Европейского союза.*

Европейский совет, который состоит из глав государств и правительств стран-членов и их заместителей — министров иностранных дел, является высшим политическим органом ЕС, но формально не входит в структуру институтов Европейского союза. Он определяет основные стратегические направления развития ЕС, вырабатывает генеральную линию политической интеграции, а его решения, хотя и обязательны для всех членов Союза, тем не менее, не умаляют значительной роли национальных государств в европейских и международных делах.

Высшим органом исполнительной власти ЕС является **Европейская Комиссия**, состоящая из 27 членов (по одному от каждого государства-члена), которые независимы от своих государств, и действуют только в интересах Евросоюза. Комиссия имеет исполнительный аппарат. Она также управляет бюджетом, различными фондами и программами Евросоюза, тогда как каждый член этой Комиссии отвечает за определенную сферу политики ЕС и возглавляет соответствующее подразделение (так называемый Генеральный Директорат).

Основным институтом в принятии решений на уровне Европейского союза является **Совет ЕС** (*Совет министров*), обладающий функциями как исполнительной, так и законодательной власти. Он призван обеспечить согласование национальных интересов входящих в ЕС государств с достижением общих целей и задач, стоящих перед Евросоюзом. К компетенции Совета относится в первую очередь проведение совместной внешней политики и политики в области безопасности и сотрудничества по внутренним вопросам.

Европейский Парламент является собранием депутатов, напрямую избираемых гражданами стран-членов ЕС сроком на пять лет. В его компетенции решение таких вопросов как утверждение бюджета ЕС, одобрение решений Совета ЕС или, например, принятия в Союз новых членов и т.п.

Судебным органом ЕС высшей инстанции является **Европейский суд**, решения которого обязательны для исполнения на территории ЕС. Суд призван регулировать разногласия между членами Евросоюза, его институтами, между ЕС и физическими либо юридическими лицами и т.п.; ему также предоставлено право налагать штрафы на государства-члены, не выполняющие его постановления.

Палата аудиторов Европейского союза призвана следить за качеством управления финансами и проверять отчеты о доходах и расходах Европейского Союза и всех его институтов, имеющих доступ к фондам Евросоюза.

Итак, вполне очевидно, что если на начальных этапах своего развития Европейский Союз в основном координировал совместные усилия для решения общих проблем, то на современном этапе он уже должен решать серьезные управленческие задачи, которые множатся по мере разрастания и усложнения данной структуры. В этой связи важно подчеркнуть, что главная особенность современного Европейского союза заключается в том, что, сочетая в себе признаки международной организации и государства, он при этом не является ни тем, ни другим, хотя и выступает в то же время субъектом международного публичного права, имея полномочия на участие в международных делах и играя в них значительную роль. И все-таки, именно усложнение структуры и связей ЕС по мере его расширения,

с одной стороны, а также все более серьезные вызовы со стороны многоаспектной глобализации, которые она бросает национальным государствам и иным субъектам международных отношений, с другой стороны, обозначили по существу границы, за пределами которых дальнейшее расширение ЕС наталкивается на все более сложные препятствия.

Так, например, процесс принятия единой Конституции натолкнулся на кризис доверия граждан Евросоюза к проекту объединенной Европы, спровоцированный отрицательными итогами голосования по проекту Конституции, полученными во Франции и Нидерландах летом 2005 г. Другим индикатором нарастания инфраструктурных проблем и ослабления эффективности управления все расширяющимся Евросоюзом стало решение Великобритании о выходе из ЕС, а также множасьщиеся препятствия и усиливающиеся сомнения относительно целесообразности принятия в Евросоюз новых членов, таких, например, как Турция, Грузия, Украина. Заметим также, что ЕС достиг своих пределов и дальнейшее расширение на Восток не может не породить все более сложные противоречия, в том числе и по той причине, что по сравнению с западноевропейскими странами государства Восточной Европы, имеют более существенные различия по культурно-цивилизационным основаниям.

Итак, сказанное позволяет сделать вывод, что за пределами национальных государств начинается хотя и все еще регулируемое, но уже неуправляемое, в лучшем случае, плохо управляемое пространство. Иными словами, вполне очевидно, что как и относительно неживой и живой природы, в социальной сфере также имеются пределы управляемости общественными системами, когда возможность управления сохраняется вплоть до государственного уровня, а далее, в силу нарастания сложности управляемой системы, нарастают и проблемы, которые сводят эффект управления, в конечном счете, к нулю.

5.7. Управление глобальным миром как актуальная проблема

Идея управления общественными процессами на мировом уровне в принципе не нова. Она имеет свою историю, к тому

же достаточно тесно связанную с процессами глобализации. И в самом деле, до Великих географических открытий такой проблемы не могло быть в принципе. Люди впервые задумались об управлении глобальным миром только тогда, когда в полной мере осознали, что живут на земном шаре (глобусе), да к тому же еще и лишь тогда, когда столкнулись с реальными проблемами такого же масштаба. Все это исподволь и постепенно вызревало, но особенно ярко проявляется теперь, в современных условиях, когда человечество перед угрозами глобального масштаба, ищет пути их преодоления и пытается сформулировать мировоззренческие принципы, на основе которых разные народы и государства могли бы действовать согласованно.

Ситуация принципиально изменилась с середины XX в., когда в силу многоаспектного процесса глобализации уже все человечество стало единой общественной системой. К этому времени мировое сообщество подошло к такому рубежу своего развития, за которым лишь стихийно складывающееся регулирование международных отношений порождает такие проблемы, которые реально угрожают существованию всего человечества. Отсюда сознательно и целенаправленно выстроенное управление всей этой системой становится велением времени, ибо мир глобальных отношений без эффективного глобального управления обречен на серьезные испытания. Подтверждением этого являются около 150 войн, случившихся в различных регионах планеты уже после появления ООН. А ведь она была создана как раз с целью недопущения войны и сохранения мира. И это при том, что множество потенциальных конфликтов удалось предотвратить, в том числе, и с помощью ООН! Отсюда следует, что у современного человечества нет разумной альтернативы глобальному управлению. Однако решение такой задачи сопряжено с ответами на ряд принципиальных вопросов:

- Какие основные задачи должно решить глобальное управление?
- Возможно ли глобальное управление в принципе, и если да, то как?
- Какие препятствия стоят на пути построения системы глобального управления?

Наконец, имеются ли сегодня предпосылки для формирования системы управления такого масштаба?

Итак, ответ на первый вопрос в самом общем виде сводится к тому, что глобальное управление должно обеспечить, прежде всего, принятие и реализацию на планетарном уровне решений, позволяющих осуществлять целенаправленное и эффективное функционирование общественных систем — субъектов международных отношений. Обобщая творческое наследие в этой области, можно сказать, что все рассуждения, теории и идеи об общей судьбе человечества, глобальном управлении, мировом правительстве и т.п., преследуют, как правило, одну и ту же цель — найти пути и способы достижения мирного сосуществования разных народов при сохранении их культурной идентичности. Но возможно ли это в принципе? И. Кант, например, еще в конце XVIII в., рассуждая о необходимости и принципах разумного общественного устройства, в заключение своего знаменитого трактата «К вечному миру» писал: «...вечный мир, который следует за мирными договорами (до сих пор их называли неправильно; собственно говоря, это были только перемирия), есть не пустая идея, а задача, которая постепенно разрешается и... становится все ближе к осуществлению»¹. С тех пор прошло достаточно много времени и свершилось множество войн, в том числе и две мировые, а «воз и ныне там». Это дает серьезные основания полагать, что знаменитый философ был излишне оптимистичен в своем прогнозе, когда оценивал способность людей неукоснительно следовать заключенным договорам и обеспечивать на их основе бессрочное мирное сосуществование. По факту все оказалось иначе; планетарное человечество и сегодня еще не избавилось от непрекращающихся военных конфликтов, а угроза ядерного самоуничтожения, помноженная на множество других глобальных проблем, и во все делает проблему сохранения мира как никогда актуальной. Как отмечал бывший Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун: «Мир сталкивается с большими и серьезными проблемами. Они не могут быть решены ни одним отдельным государством. Их можно решить только совместными усилиями. Сегодня, в пери-

¹ Кант И. К вечному миру. Соч.: в 6 т. Т. 6. М., 1966. С. 309.

од глобального кризиса, нам нужна новая глобальная солидарность. Если говорить откровенно, то мы либо преуспеем вместе, либо проиграем каждый в одиночку»¹.

Обращаясь к практической стороне вопроса, следует признать, что за свою многовековую историю мировое сообщество, как уже подчеркивалось, накопило определенный опыт управления большими общественными системами: государствами, империями, конфедерациями, союзами, блоками и т.п. Но это еще не означает, что этот опыт может быть применим к решению проблемы управления и на глобальном уровне. И дело прежде всего в том, что естественные ограничения осуществлять процессы управления, как уже было показано выше, нарастают по мере увеличения масштабов социальных систем, причем в геометрической прогрессии. Иными словами, от того, что люди научились строить автомобили, теплоходы, самолеты, и иные механизмы, постоянно совершенствуя при этом их характеристики и увеличивая их размеры, вовсе не означает, что они могут создавать такие механизмы любых размеров или, например, способными двигаться с любой скоростью. Так, трудно и даже невозможно представить себе океанский лайнер длиной в десять, а то и более километров, к тому же еще и передвигающийся со скоростью в сотни миль в час. То же самое можно сказать и об автомобилях или самолетах величиною в несколько километров и развивающих скорости в десятки раз превышающие современные показатели... Вполне очевидно, что на пути таких амбициозных планов, пожелай кто-то воплотить их в жизнь, встанут естественные ограничения, продиктованные объективными законами природы, с которыми нельзя не считаться. Такого рода ограничения необходимо иметь в виду и в рассуждениях о глобальном управлении.

Чтобы обнаружить предельные границы, за которыми уже никакие механизмы управления общественными системами не работают, рассмотрим природу и причины появления глобального мировоззрения и глобального сознания, без которых управление глобальным миром не представляется возможным.

¹ *Пан Ги Мун*. Глобальная повестка дня // *Международная жизнь*. 2009. № 4. С. 4.

В поисках истоков целостного, универсального взгляда на мир обратимся к античности, к временам, когда на Древнем Востоке и, прежде всего, в античном Средиземноморье появились философские воззрения, в которых рационально обусловленное мировоззрение человека впервые обрело законченные формы. Различные страны и народы жили тогда исключительно в пределах своих ойкумен. А поскольку люди еще не знали реального устройства Земли¹, то и пределы обитаемого пространства соотносили не с глобусом, а с универсумом, космосом, что и породило соответствующие взгляды на мир. При этом если на Востоке, ориентированном на традицию, в центре внимания были универсальные законы, то рационализированное мышление древних греков было направлено на космос, что и породило такое явление как *космополитизм*.

Следует особо подчеркнуть, что космополитические взгляды, в соответствии с которыми отрицают территориальную обособленность, отстаивают идею расширения отечества на весь мир и стремятся к миру без государственных границ, сформировались не случайно и не на пустом месте. Их появление было предопределено как самим ходом исторического развития, достигшего тогда, по образному выражению К. Ясперса «осевого времени», так и рациональным типом мышления западной культурно-цивилизационной системы той эпохи. То было время, когда в силу объективных причин появились мировые религии и первые философские учения, а знаменитые походы Александра Македонского, распад традиционного миропорядка, массовые миграции значительного количества людей, вступавших во взаимодействие с другими народами и их культурами, привели к утрате привычного образа жизни и породили кризис античного полиса. В таких условиях мировоззрение эллинов, базировавшееся на полисной системе ценностей, претерпело трансформацию, выйдя далеко за пределы представлений, сформировавшихся в рамках отдельных городов-государств. Че-

¹ Следует заметить, что догадки о шарообразности и вращении Земли имели место уже тогда, в частности, у Эратосфена, Филолая, Никиты Сиракузского, Экфанта, но то были не более чем умозрительные конструкции, подтвердившиеся лишь полтора тысячелетия спустя.

ловец, тем самым, оказался в мире гораздо более масштабном и менее определенном, где будущее уже не совпадало с хорошо знакомым для него прошлым. Вырванные из привычного образа жизни, древние греки стремились найти опору в своей причастности к единому человечеству, ощущая и провозглашая себя, прежде всего, жителями универсума — космополиса (всемирного государства). И хотя термин «космополит» был введен в оборот стоиками, сама идея мирового гражданства появилась у их предшественников — киников, которые первыми объявили себя «гражданами мира». Они ощущали свою принадлежность уже не столько замкнутому в своем пространстве полису, сколько открытому и бесконечному «космосу», законы которого ставили выше условных законов полиса.

В более позднюю, римскую эпоху укоренение и развитие космополитических идей было обусловлено универсальным характером римского государства, а сами идеи обретали различное содержание в зависимости от конкретно-исторических условий и мировоззренческой позиции тех или иных мыслителей, среди которых можно назвать: Цицерона, Сенеку, Эпиктета, Марка Аврелия и многих других. В последующие века было также немало мыслителей, мировоззрение и основные идеи которых являлись по существу космополитическими. Среди них были как представители средневековой христианской философии (Тертуллиан, Эриугена), так и гуманисты эпохи Возрождения (Данте, Эразм Роттердамский, Томас Мор, М. Монтень, Т. Кампанелла и др.). Однако особый интерес к универсализму проявился в эпоху Возрождения, когда началась реальная глобализация, и космополитические взгляды трансформировались под влиянием изменившихся представлений человека о мироздании и окружающем его мире. Несомненно, что такому повороту событий способствовало переосмысление античного наследия и открытие истинных масштабов фактической среды обитания человека. При этом первостепенную роль в этих процессах сыграли, как «коперниканский переворот», давший новую картину мира, так и Великие географические открытия, впервые реально подтвердившие, что Земля круглая. Тем самым были внесены фундаментальные коррективы в мировоззрение людей, когда предельной областью взаимодействия человека

с природой стал уже не «космос», а «глобус». Таким образом, с этих пор понятие «глобус» приходит на смену тому, что у древних греков ассоциировалось с «ойкуменой», а в более общем плане — с «космосом». Тогда же открытие Америки, а затем и первое кругосветное путешествие, предпринятое Ф. Магелланом, положили начало реальной глобализации. Начавшись с географических открытий и освоения новых территорий, она практически сразу же втянула в свою орбиту сферу экономики, политики, культуры, а космополитические взгляды при этом впервые вышли за пределы абстрактного умозерцания, сконцентрировавшись на земных просторах и сфере практической деятельности. В итоге не только стала формироваться целостная планетарная система мирового сообщества, но и закладывались основы глобального мировоззрения и глобального сознания. Таким образом, вопрос о единстве человечества и возможности управления им рано или поздно с необходимостью должен был обрести свою актуальность, и дело было только за временем.

Первые рассуждения о том, что следовало бы взять под контроль общественное развитие в планетарном масштабе, относятся к тому времени, когда все нарастающая глобализация в полной мере обнаружила множество противоречий между странами, прежде всего, в сфере экономики и политики, и поставила их перед необходимостью искать пути к согласованным действиям. В этой связи мы найдем соответствующие высказывания, начиная уже с XVII в., в частности, у голландского юриста Гуго Гроция, аббата Сен-Пьера, философа И. Канта и др., которые ставили данную проблему тогда еще только в принципе и говорили преимущественно о способах устранения войны и установлении «вечного мира», в частности, посредством формирования международного права.

В дальнейшем идея управляемости мировым сообществом не раз становилась предметом серьезных дискуссий, которые особенно накалялись, когда человечество переживало потрясения, а то и вовсе трагические времена своей истории. Так, ставшая апогеем политической глобализации Первая Мировая война закончилась стремлением народов мира построить надежную систему безопасности и предотвращения повторения ужасов, пережитых в этой войне, что привело к созданию в 1919 г. Лиги

Наций. Ее основные цели и задачи были направлены на разоружение и предотвращение военных действий, обеспечение коллективной безопасности и урегулирование споров между странами путем дипломатических переговоров, а также на улучшение качества жизни на планете. Не имея соответствующих механизмов не только для принятия и реализации управленческих решений на глобальном уровне, но даже и для эффективного регулирования международных отношений, Лига Наций не оправдала возлагавшихся на нее надежд и не смогла предотвратить еще одной — Второй Мировой войны. И, тем не менее, она сыграла важную роль в деле обретения опыта цивилизованного международного взаимодействия в условиях глобального мира. К тому же она послужила прообразом создания другой, более совершенной глобальной структуры подобного рода — Организации Объединенных Наций, учрежденной мировым сообществом в 1945 г. в целях предотвращения новой мировой войны, обеспечения безопасности, укрепления международного порядка и развития сотрудничества между народами.

За годы своего существования ООН претерпела значительную эволюцию, в результате которой намного увеличился ее численный состав, расширился список непостоянных членов Совета Безопасности, возникло множество различных организаций и структур под эгидой или тесно связанных с ООН. Эта организация с самого начала своего существования играла и продолжает играть ключевую роль в регулировании международных отношений, направленных на предотвращение войны и сохранение мира, на утверждение прав народов и человека и т.п. Несомненно, что итоги деятельности ООН весьма значительные и доказывают ее необходимость в качестве главного арбитра и регулятора в деле формирования и установления цивилизованных отношений в международном сообществе.

Вместе с тем, созданная в конкретных исторических условиях для решения вполне определенных политических и социально-экономических задач, Организация Объединенных Наций (даже с учетом упомянутой выше трансформации) сегодня, в условиях многоаспектной глобализации, уже не соответствует требованиям времени. Выполняя определенные регулятивные функции, она в принципе не способна решать управленческие

задачи какого бы то ни было уровня; и не только потому, что у нее для этого нет никаких инструментов, но и в силу полного отсутствия даже подобия управленческого механизма планетарного масштаба. Таким образом, ООН — в лучшем случае, «клапан» для выпуска «пара», инструмент снятия напряжения, наконец, площадка для переговоров и поиска компромиссов, но не платформа для решения глобальных проблем, не говоря уже об управлении глобальным миром. Это в полной мере подтверждают и слова бывшего Генерального секретаря ООН (1991–1996 гг.) Б. Бутроса Гали, который в своей книге «Непокоренная Организация Объединенных наций» откровенно рассказал о том, как его усилия создать новую систему стабильности и безопасности, причем совместно с США, потерпели неудачу. От него «требовали, чтобы организация Объединенных наций покончила с тем или иным конфликтом, не представляя при этом ни сил, ни мандата, необходимых, чтобы сделать это». Так было в Боснии, Сомали и Руанде, где операции ООН провалились»¹.

И, тем не менее, Организация Объединенных наций не только уникальная, но и наиболее эффективная структура мирового уровня, призванная регулировать международные отношения. Она — единственный в своем роде инструмент человечества, позволяющий ему балансировать на грани войны и мира, при отсутствии какой бы то ни было альтернативы в плане организации согласованных действий почти двух сотен суверенных национальных государств, которыми представлено современное человечество. Как отмечает А. А. Громыко: «Без ООН мир может очутиться в состоянии, которому еще нет названия. Это, скорее всего, будет большой беспорядок, не исключена новая мировая война. Такое будущее, смертельно опасное для жизни на планете Земля, абсолютно недопустимо»².

Помимо ООН XX век ознаменовался появлением множества и других международных организаций, специальных Программ, Комиссий и т.п., которые призваны осуществлять определен-

¹ Громыко А. Уроки мировой политики: порядок или правопорядок? М.; СПб.: Нестор-История, 2016. С. 26–27.

² Там же. С. 36.

ные регулятивные функции на глобальном уровне в отдельных сферах общественной жизни. Примерами таких организаций и структур являются: Всемирная торговая организация (ВТО), Всемирный банк, Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО), Пагуошское движение, РИО-92, Гринпис и многие другие. Все они составляют достаточно сложную, и в то же время рассогласованную систему реального воздействия на мировой социум с целью решения тех или иных конкретных задач. Однако одной только практики такого рода совершенно недостаточно, чтобы эффективно регулировать международные отношения всей системы в целом, не говоря уже о ее управлении. Иными словами, любые международные организации в данном контексте можно оставить без внимания, поскольку их регулятивные, а тем более управленческие способности по вполне понятным причинам несопоставимо ниже тех даже ограниченных возможностей, которые имеются у Организации Объединенных Наций.

Наряду с практической стороной дела проблема глобального управления имеет и свою теоретическую составляющую. Так, например, внимание к идеям и творческим дискуссиям в этой области усиливалось по мере нарастания процессов глобализации. Одним из первых, кто наиболее полно осознал и четко сформулировал данную проблему, был В.И. Вернадский. Он развивал концепцию *ноосферы*, в соответствии с которой к началу XX в. человек обрел мощь, сопоставимую с мощью природных процессов. Отсюда, полагал Вернадский, человек должен теперь не только соотносить свою преобразующую деятельность с рекреативными возможностями окружающей среды, но и взять на себя ответственность за развитие социоприродных процессов на планете. Об особой актуальности данной проблемы говорил и Б. Рассел, когда он, озабоченный стихийным развитием мирового сообщества, в полемике со своими оппонентами отмечал: «Раньше я занимался различными социологическими проблемами... но испытания на Бикини 1 марта 1954 г. убедили меня в том, что сейчас нет времени для долгих рассуждений и что для спасения человечества необходимо действовать более решительно и быстро... Ведь если вы увидите, как кто-то бросает

горящие спички на складе тротила, вы поспешите остановить его, не дожидаясь выхода в свет планов по широкомасштабной социальной реформе»¹.

Такая мировоззренческая позиция была близка и А. Эйнштейну, которого также беспокоило неуправляемое развитие мира и то, что с изобретением ядерного оружия человек оказался на грани самоуничтожения. Широко известно его высказывание на этот счет: «Я не знаю, каким оружием будет вестись третья мировая война, но четвертая — палками и камнями»². Незадолго до своей смерти Эйнштейн поддержал предложение Рассела подписать совместный Манифест, в котором было сформулировано воззвание к политикам, ученым и мировому сообществу выступить за предотвращение ядерной войны и сохранение мира на Земле. При этом он руководствовался глубоким убеждением в том, что необходимо не только бороться за мир, но и противостоять любому насилию во всех его проявлениях. «Мой пацифизм, — писал он, — это инстинктивное чувство, которое владеет мной потому, что убийство человека отвратительно. Мое отношение исходит не из какой-либо умозрительной теории, а основано на глубочайшей антипатии к любому виду жестокости и ненависти»³.

Манифест Рассела—Эйнштейна, опубликованный в 1955 г. и положивший начало Пагуошскому движению ученых, выступающих за мир, разоружение, международную безопасность, за предотвращение ядерной войны и научное сотрудничество, стал важным фактором консолидации миролюбивых сил на международной арене. Вместе с тем, в послевоенный период стала набирать обороты новая война, теперь уже «холодная», продолжившаяся с 1946 по 1991 г. По существу это был беспрецедентный глобальный конфликт, где главным оружием выступала не техника, а идеология. Ожесточенные баталии развернулись на почве геополитического, военного и экономического противостояния между капиталистической и социалистической систе-

¹ *Russell B.* The Autobiography of Bertrand Russell. V. 3. Toronto, 1970. P. 318.

² 25 личных открытий Эйнштейна // «Газета.Ру». 14.03.2014. URL: https://www.gazeta.ru/lifestyle/style/2014/03/a_5949821.shtml

³ *Frank P.* Einstein, his life and times. New York, 1947. P. 154.

мами, в орбиты которых так или иначе, в силу тех или иных причин были втянуты практически и все остальные страны мира. И хотя основные участники противоборства не вступали в непосредственные военные действия, проводимая ими политика порождала множество локальных конфликтов в различных регионах планеты. Это противостояние сопровождалось также усиленной милитаризацией и гонкой вооружений, что снижало и без того небольшие возможности регулировать международные отношения на мирной основе.

С распадом Советского Союза в 1991 г. «холодная война» закончилась, но противостояние двух систем достаточно скоро сменилось новыми противоречиями, которые приняли форму по существу «войны всех против всех», поскольку в мире не оказалось такого инструмента (внешней силы), посредством которого можно было бы не то что управлять, но хотя бы эффективно регулировать отношения между почти двумястами национальных государств, продолжавших, как и прежде, преследовать свои эгоистические цели. В итоге глобальный мир не стал более безопасным, а проблема его управления обрела еще большую актуальность.

С конца XX в., тема глобального управления становится предметом все возрастающего внимания, но и теперь остается также мало разработанной и не имеющей никаких подходов к достижению практических результатов. Как представляется, два принципиальных препятствия и теперь стоят на пути творческого обсуждения и конструктивного решения данной проблемы — *неадекватное понимание глобализации и поверхностные суждения о якобы управляемом кем-то глобальном мире.*

Суммируя сказанное в предшествующих моих работах о глобализации, отметим, что теперь, когда мир, в котором мы живем, в полной мере стал глобальным, адекватное восприятие его абсолютно необходимо для решения вопроса о его управляемости и стабильности. Правильное понимание глобализации является также залогом выбора наиболее оптимального пути социально-экономического развития как отдельных общественных систем, в том числе и государств, так и мирового сообщества в целом. Теперь отдельные страны и народы не имеют возможности выбора — участвовать им или не участвовать в глобализации; они

обречены на это естественным ходом развития глобальных процессов, когда не могут не только изменить свое географическое положение, но и уклониться от интеграции в мировое сообщество. Иначе говоря, кто не вписывается в экономические, политические и культурные процессы глобализации, кто ставит превыше всего свой суверенитет и национальную исключительность, не считаясь с объективными тенденциями и интересами всего человечества, тот заведомо обрекает себя на изоляционизм и отсталость. При этом помимо ряда отрицательных последствий для самих таких сообществ, создается еще и угроза мировой нестабильности, поскольку именно в них возникают наиболее подходящие условия для межэтнических столкновений, организованной преступности и международного терроризма.

В этой связи важно подчеркнуть, что в качестве естественно-исторического процесса глобализация сама по себе не является ни хорошей, ни плохой, но на разные общественные системы и народы она оказывает разное влияние. Для слаборазвитых стран и наиболее бедных слоев населения она действительно таит в себе больше угроз, чем позитива, тогда как богатые и развитые страны от нее больше выигрывают. Однако дело здесь не в глобализации, а в социально-политическом и экономическом устройстве мирового сообщества, в его разобщенности, неуправляемости и неравномерном развитии. Отсюда и бороться надо не с глобализацией, а с существующим порочным мировым порядком и несправедливыми отношениями в обществе, принимая во внимание, что как раз на стыке культуры и цивилизации наиболее остро и в явной форме проявляется двойственная, противоречивая природа общественного развития.

Наиболее ярко она выражается в противостоянии космополитизма и национализма, глобализации и локализации, интегративных процессов и автаркии. И это тоже объективная реальность, поскольку глобализация, хотя и ведет к определенной унификации общественной жизни, тем не менее, не устраняет и в принципе не может устранить культурное разнообразие, проистекающее из того, что каждый народ, как и каждый отдельно взятый человек, абсолютно неповторим и по-своему уникален. На это указывал еще Конфуций, когда говорил, что «по своей природе люди друг другу близки, а по своим привыч-

кам друг от друга далеки»¹. Отсюда культурное развитие любого народа, непосредственно связанное с его языком, традициями, верованиями, менталитетом и т.п., предполагает культурную автономию и, как следствие, отстаивание национального суверенитета, стремление к самоопределению и независимости. Как подчеркнул в этой связи Т. Котарбинский: «Достаточно быть космополитом, чтобы оказаться чужим в любой точке современного мира»². Вот почему корни национализма, изоляционизма и шовинизма следует искать именно в культурном контексте. Там же заключено и все то, что противопоставляется глобальному мировоззрению и единому человечеству, т.е. тому, к чему ведет цивилизационное развитие и отдельных народов, и всего человечества в целом. Конкретными же формами такого развития как раз и являются процессы глобализации, которые помимо воли и желания отдельных людей с необходимостью формируют мировую культурно-цивилизационную систему, стихийное развитие которой порождает все больше проблем, встающих перед мировым сообществом, неспособном адекватно реагировать на глобальные угрозы.

При этом важно подчеркнуть, что расхожие разговоры о «глобальном правительстве», «едином центре», принимающем решения в отношении всего человечества, и т.п., к чему обычно сводятся рассуждения на эту тему, лежат в стороне от сути проблемы. Дело же заключается в необходимости создания полноценной системы управления глобальным миром, способной обеспечить принятие и исполнение управленческих решений на этом уровне посредством формирования и эффективной работы соответствующих структур и механизмов. В этой связи, никак нельзя согласиться с первой частью утверждения О. Барбанова, когда он пишет, что глобальное управление «может сложиться как *стихийно, путем спорадического взаимодействия прежде всего экономических и финансовых структур* (курсив мой, — А. Ч.), так и осознанно, путем планомерного его фор-

¹ Конфуций. Уроки мудрости: Соч. М., 2005. С. 109.

² См.: Еремшин О. Афоризмы. Золотой фонд мудрости. М.: Просвещение, 2006. URL: <http://enc-dic.com/aphorism/Tadeush-kotarbinski-898.html>; Котарбинский Т. Трактат о хорошей работе. М.: Экономика, 1975. 270 с.

мирования, осуществляемого на основе консенсуса всех (или наиболее крупных) глобальных акторов»¹. *Стихийно* глобальное управление не может возникнуть в принципе, как это уже было показано выше², а вот «осознанно, путем планомерного его формирования» — вполне корректное допущение. Но возможно ли это хотя бы в принципе и, если «да», то как? Несмотря на все возрастающую актуальность данного вопроса, он и сегодня все еще ждет своего решения. В этой связи вполне конструктивным представляется замечание А.Б. Вебера, когда он пишет, что «говоря о глобальном управлении, следует подчеркнуть, что это прежде всего управление **процессами**, а не территориями. Управление не «вместо» национальных государств, а вместе с ними»³.

Однако следует иметь в виду и то, уже рассматривавшееся обстоятельство, что как только общественные системы достигают определенного уровня их сложности, наступают пределы их управляемости. Исторический опыт и реальная практика дают ответ относительно предельных значений для подобного рода систем — это национальные государства, за пределами которых возможности управлять общественными структурами быстро заканчиваются. Таким образом, можно сделать вывод, что *глобальное управление*, а если сказать более точно — *управление мировым сообществом, как единой глобальной системой, выходит за рамки реальных способностей человека решить такую задачу на основе имеющихся у него сегодня теоретических и практических возможностей*. Обращение к проблеме «мирового правительства», которому приписывается такая возможность, позволит дать еще более содержательный ответ на вопрос об управлении глобальным миром.

5.8. Мировое правительство и пределы управления

Тема управления общественными процессами в планетарном масштабе изначально в неявной форме появляется со второй

¹ *Барабанов О.* Глобальное управление как тема для научного анализа // В кн.: Антиглобализм и глобальное управление: доклады, дискуссии, справоч. материалы. М.: МГИМО (У) МИД России, 2006. С. 14.

² См.: п. 5.3. Теоретические аспекты управления.

³ *Вебер А.Б.* Современный мир и проблема глобального управления // Век глобализации. 2009. № 1. С. 11.

половины XIX в. в контексте осмысления целостности мирового социума и взаимозависимости стран и народов нашей планеты. Марксистская теория — один из примеров такого рода. Две мировые войны, случившиеся в XX в., стали важнейшим фактором окончательного поворота научной и общественной мысли в этом направлении. Повышенное внимание к данной теме обнаруживается в последней четверти XX в. на волне активного обсуждения глобальных проблем современности, а затем еще больше усиливается, в особенности с начала XXI в., когда в научный оборот вошел и получил широкую известность термин «глобализация». Теперь же эта тема и вовсе стала предметом особого интереса, порождая множество толкований, разногласий и острых дискуссий¹. Серьезный анализ проблеме глобального управления и идее мирового правительства был дан в серии статей, опубликованных журналом «Век глобализации»².

Такой интерес к данной теме обусловлен, прежде всего, все возрастающим влиянием глобализации на все сферы общественной жизни, среди которых ключевое положение занимает *обеспечение совместной безопасности* и объединение международных усилий в ее поддержании посредством различного рода сотрудничества. В первую очередь, речь идет об *экономическом сотрудничестве*, которое уже получило значительное развитие в современном мире в виде транснациональных корпораций, консорциумов, совместных предприятий и т.п., которые действуют как самостоятельно, так и устанавливая между собой связи, как правило, на основе собственных экономических и финансовых интересов. Мировая торговля также сделала к на-

¹ См.: *Эстулин Д.* Кто правит миром? Или вся правда о Бильдербергском клубе. 2-е изд. Минск: Попурри, 2009; *Колеман Д.* Комитет 300. Тайны Мирового Правительства. 6-е изд. М.: Витязь, 2012; *Лыков А. Ю.* Мировое государство как будущее международного сообщества: монография. М.: Проспект, 2013; и др.

² *Вебер А. Б.* Современный мир и проблема глобального управления // Век глобализации. 2009. № 1. С. 3–15; *Чумаков А. Н.* Проблема управления как повод для дискуссии // Век глобализации. 2012. № 2. С. 32–42; *Остхоф-Мюнникс Г.* Мировое правительство: потребности и реальность // Век глобализации. 2013. № 1. С. 37–40; *Урсул А. Д.* Глобальное управление: эволюционные перспективы // Век глобализации. 2014. № 1. С. 16–27; и др.

стоящему времени фактически все народы планеты вовлечены в единый глобальный рынок труда, товаров и услуг, что в условиях отсутствия на этом уровне эффективного регулирования (не говоря уже об управлении) экономикой и финансами, чревато серьезными проблемами, а то и потрясениями, примерами чего являются постоянно повторяющиеся финансовые и экономические кризисы.

Еще одним аргументом в пользу создания единого центра управления глобальным социумом является необходимость преодоления *социально-экономической отсталости* значительной части мирового сообщества, что без механизмов координации глобального социально-экономического развития и планетарной системы финансового регулирования в принципе не достижимо.

Другая объективная потребность в единой структуре управления мировыми процессами проистекает из необходимости обеспечить эффективное *политическое сотрудничество* в планетарном масштабе, поскольку это важное условие урегулирования конфликтных ситуаций и поддержания мира путем поиска компромиссов в решении спорных вопросов с максимально возможным учетом интересов различных сторон. Однако, в сравнении с экономической сферой, политическое сотрудничество и конструктивное взаимодействие в глобальном масштабе находится на крайне низком уровне, так как взаимоотношения в этой области базируются на абсолютном приоритете национальных и корпоративных интересов.

Эти же интересы определяют и сферу *военного сотрудничества*, где отдельные страны вступают в союзнические отношения, образуют блоки, альянсы и иные военные объединения для укрепления своей обороноспособности и защиты от внешней угрозы. Создание единого центра мирового управления, следуя логике теоретиков данной идеи, сделало бы национальные вооруженные силы и транснациональные военно-политические объединения излишними, а роль основной силовой компоненты глобального управления отошла бы полицейским структурам, ответственным за правопорядок и защиту от криминала и преступных деяний. Иными словами, это сняло бы *проблему внешней безопасности*, и высвободило бы огромные ресурсы за

счет поэтапного реформирования, сокращения, а, в конечном счете, и полного отказа от национальных вооруженных сил с последующей трансформацией их в единую силовую структуру для оперативного предотвращения возможных локальных вооруженных конфликтов на региональных уровнях. Основную же функцию по поддержанию правопорядка на местах выполняли бы полицейские, которые хотя и остались бы в местном и региональном подчинении, тем не менее, также потребовали бы общей планетарной координации.

От перехода к управляемому мировому сообществу явно выиграли бы и такие сферы общественной жизни как *образование, здравоохранение* или, например, *научно-техническое сотрудничество*, без учета которых невозможно создать необходимые условия для сбалансированного культурного и социального развития различных континентов и регионов планеты. Наконец, для глобального управления и поддержания коммуникаций в различных сферах общественной жизни необходимо также наличие единого языка общения, каковым к настоящему времени фактически уже стал английский¹.

Это, конечно, не все, но наиболее важные причины и обстоятельства, порождающие разговоры о мировом правительстве и глобальном управлении. Следует заметить, что в профессиональной среде к реализации идеи мирового правительства, тем более, к его существованию, относятся по большей части как к утопии или досужим домыслам, тогда как среди журналистов, общественных деятелей и иной аудитории, не имеющей специальной подготовки, такие взгляды находят широкую поддержку. При этом, как только речь заходит об управленческих решениях глобального уровня, дело обычно сводится к рассуждениям о «мировом правительстве» как некоем едином центре, якобы способном навязывать волю избранного меньшинства большинству в ущерб его национальным, экономическим, политическим и т.п. интересам, что порождает по большей части необоснованные страхи, фобии, протесты.

¹ См.: *Кристал Д.* Английский язык как глобальный / пер. с англ. Н. Кузнецовой. М.: Весь Мир. 2001; *Гунаев З. С.* Будет ли в XXI веке глобальный язык? // США и Канада: экономика, политика, культура. 2001. № 10. С. 120–127.

В то же время, без внимания остается тот очевидный факт, что любое *правительство* всегда и непременно является лишь составной частью гораздо более сложного механизма управления той или иной общественной системой и само по себе вне такого механизма никакого социального управления обеспечить не может. По этой причине любые разговоры о правительстве вообще и «мировом правительстве» в частности оказываются беспочвенными и пустыми, если они вырываются из контекста рассуждений о создании полноценной системы управления с ее многообразными элементами, соответствующими структурами, наконец, правилами, принципами и законами их функционирования, о чем уже говорилось выше. К общественному управлению, если говорить о нем с точки зрения глобальных масштабов, то есть применительно к человечеству в целом, это относится в полной мере.

Итак, *мировое правительство*, функциями которого зачастую наделяют ООН, Большую семерку (G7), Большую двадцатку (G20) или различные конспирологические организации и структуры, к которым причисляют обычно Бильдербергский клуб, Комитет 300, масонство и т.п., рассматривается, прежде всего, как концепция и реальная практика единой политической власти над всем человечеством. Так, например, в много раз переиздававшейся книге бывшего сотрудника британских спецслужб Д. Колемана уже в предисловии переводчика говорится, что Западное общество «в настоящее время во всех своих ипостасях, включая в первую очередь государственно-политическое устройство, полностью подконтрольно всемирной паутине из открытых и закрытых (тайных и секретных) организаций, а также институтов, средств массовой информации и иных структур, созданных и управляемых из ЕДИНОВОГО центра, который назван автором “Комитетом 300”. Восточным и Азиатским обществам Комитетом 300 уже отведена роль послушной “обслуги”, так что уже весь мир находится под его пятой»¹. А сам автор с еще большим энтузиазмом высказывается о мировом правительстве, когда, в частности, пишет: «Я буду и впредь выполнять

¹ Колеман Д. Комитет 300. Тайны Мирового Правительства. 6-е изд. М.: Витязь, 2012. С. 4.

свою задачу, пока наконец не сорву полностью маску с тайного параллельного правительства, действующего на высшем уровне, которое управляет Великобританией и Соединенными Штатами... Единое Мировое Правительство существует уже сотни лет. Новый Мировой Порядок не нов, он существовал и развивался в том или ином облики уже давно, но он тем не менее воспринимается как программа БУДУЩЕГО РАЗВИТИЯ, что не соответствует действительности; Новый Мировой Порядок — это ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ. Вот почему выше я писал, что более правильным следует считать название “Единое Мировое Правительство”»¹.

В таком же духе высказывается и известный западный журналист Д. Эстулин, который в своей книге «Кто правит миром?», рассуждая о «подчинении людей» «властителям вселенной», говорит: «Битва разворачивается именно в этот момент, и глобальная диктатура — *Единое мировое правительство* — постепенно побеждает... Конечная цель этого кошмара — будущее, которое превратит Землю в планету-тюрьму посредством единого глобального рынка, находящегося под властью Единого мирового правительства и под надзором единой мировой армии...»².

Остроту дискуссии о мировом правительстве хорошо подтверждает другое прямо противоположное мнение на этот счет, которое высказывает И.А. Гобозов. Современный мир, говорит он, «представляет собой единое, взаимосвязанное целое. Поэтому заговорили о мировом правительстве. Однако понятие мирового правительства есть абстракция и не более того. Это пустая абстракция, лишенная всякого смысла»³. Относительно таких абстракций высказывался еще Гегель: «Возможно, — писал он, — что сегодня вечером упадет луна на землю, ибо луна есть тело, отделенное от земли, и может поэтому также упасть вниз, как камень, брошенный в воздух... Чем необразованнее

¹ Колеман Д. Комитет 300. Тайны Мирового Правительства. 6-е изд. М.: Витязь, 2012. С. 8, 26.

² Эстулин Д. Кто правит миром? Или вся правда о Бильдербергском клубе. 2-е изд. Минск: Попурри, 2009. С. 10, 15.

³ Гобозов И.А. Государство и национальная идентичность: Глобализация или интернационализация? М.: Книжный дом «Либком», 2013. С. 183–184.

человек, тем менее известны ему определенные отношения предметов, которые он намерен рассматривать, тем больше он склонен распространяться о всякого рода пустых возможностях, как это, например, бывает в политической области с так называемыми политиками пивных»¹.

Еще одно высказывание касательно эфемерности идеи мирового правительства также заслуживает внимания, поскольку оно является обобщающим выводом из значительного количества специальной литературы, которая была проанализирована С.Я. Веселовским в реферативном сборнике ИНИОН, где он, в частности, пишет: «Разумеется, теоретически можно допустить, что когда-нибудь в туманном будущем, когда будет сформировано некое мировое социально ориентированное правительство и к нему перейдут в том числе функции поддержания единого социального пространства и универсальных социальных стандартов в глобальном масштабе, потребность в национальном государстве благосостояния отомрет. Но подобная перспектива, похоже, принадлежит к числу тех социальных миражей, которыми столь богата история человечества, и потому даже самыми ревностными сторонниками глобализации социальной функции не рассматривается как реальная»². По существу такой же позиции придерживается и А.В. Торкунов, когда высказывается относительно идеи мирового правительства, прообразом которого якобы является ООН. По его мнению, «ООН разветвленной системой напоминает не столько модель глобального правительства, сколько прообраз — пока еще бесконечно далекий от идеала — гражданского общества»³.

Рассматривая доводы «за» и «против» возможности существования мирового правительства, отметим в то же время, что теперь, когда в силу многоаспектной глобализации мировое общество все больше трансформируется в единую планетарную

¹ *Гобозов И.А.* Государство и национальная идентичность: Глобализация или интернационализация? М.: Книжный дом «Либком», 2013. С. 284.

² Глобализация и социальная политика развитых стран: Сб. обзоров и рефератов / РАН. М.: ИНИОН, 2008. С. 28.

³ *Торкунов А.В.* Российская модель демократии и современное глобальное управление // Международные процессы. 2006. Т. 4. № 10. С. 27.

систему, управление этой мегаструктурой становится велением времени и важнейшей теоретической задачей. Но имеются ли сегодня условия или хотя бы предпосылки для осуществления глобального управления? Предположим, что у этой задачи есть решение. В этом случае, определяя подходы к такому решению, и учитывая богатый опыт, накопленный человечеством в этой области, логично было бы заключить, что в основу глобального управления следует положить исторически оправдавший себя принцип разделения властей на *законодательную, исполнительную и судебную*.

Но тогда нужно говорить уже не просто и не только о *Мировом правительстве* (исполнительной власти), как это обычно делается, а также и о *Мировом парламенте* (законодательной власти), и о *Глобальной правовой системе* (судебной власти)¹. Однако ничего этого в современном мире нет. Более того, для появления названных трех ветвей власти, как и в целом для формирования эффективной системы управления на планетарном уровне, должны быть созданы соответствующие условия, важнейшими из которых являются *мораль* и *право*. Именно эти два фактора (две стороны) общественной жизни играют ключевую роль в воздействии на общественное сознание и поведение людей. Необходимо также отметить *идеологию, политику, экономику, финансы, культуру* и т.п., посредством которых прямо или косвенно также осуществляется управление общественными системами. Однако в ряду всех этих факторов *мораль* и *право*, безусловно, доминируют, так как буквально пронизывают и скрепляют между собою все остальные сферы общественной жизни, которые так или иначе подчинены действию нравственных и правовых норм, положений, законов.

Если говорить о *морали* в данном контексте, то она должна быть общезначимой для всех народов мира и соотноситься с признаваемыми всеми ценностями. Иными словами, чтобы осуществлять управление на планетарном уровне, необходимо иметь общечеловеческие ценности и действенную общечеловеческую мораль, которые бы не подменяли, а до-

¹ См.: Чумаков А. Н. Глобальный мир: проблема управления // Век глобализации. 2010. № 2. С. 3–15.

полняли и развивали мораль и ценности различных народов. Но, *в реальности ничего этого нет*, и можно говорить лишь об элементах, предпосылках формирования глобальной нравственности.

Представляется, что Всеобщая декларация прав человека, уравнивающая всех людей в их праве на *жизнь, свободу и собственность*, может и должна быть отправной точкой формирования такой морали. В частности, уже сегодня можно говорить об элементах глобального сознания в планетарном масштабе, в основе которого лежат общие для всех ценности и нормы поведения. При этом важно подчеркнуть, что глобальный взгляд на мир вовсе не противоречит локальным интересам и частному образу мыслей. На это указывает, например, японский философ Наоши Ямоаки, который в этой связи пишет: «...глобальные и местные представления следует рассматривать как взаимосвязанные, а их особенности, универсальность нужно расценивать как неотделимые друг от друга... Космополит воспринимает себя в качестве жителя Земли, то есть космоса, в котором живет все человечество. Но при этом нужно отметить, что люди характеризуются культурно-историческими различиями и особенностями, делающими каждого человека многомерным. Поэтому человек космополитических взглядов должен стремиться к тому, чтобы понять других, которые живут в иных культурах»¹.

По существу, мы имеем дело сегодня с тем взглядом на мир, который зародился еще в античности и уже тогда был назван «космополитическим». Однако между прошлым и настоящим в этом вопросе имеется большая разница. Так, если с древних времен, начиная от киников, которые первыми объявили себя гражданами мира, и до середины XX в. космополитические взгляды были уделом лишь незначительной части масштабно мыслящих людей, а у абсолютного большинства населения они вызывали в лучшем случае иронию, то теперь глобальный взгляд на мир и ощущение принадлежности ко всему человечеству получают все более широкое распространение. Например, на

¹ Yamawaki N. 2008. The Idea of Glocal Public Philosophy and Cosmopolitanism. XXII World Congress of Philosophy. «Rethinking Philosophy Today». July 30 — August 5, 2008. Seoul: Seoul National University. 2008. P. 31.

международной конференции, железнодорожном вокзале или на борту авиалайнера все люди, независимо от их статуса, места жительства, национальной, конфессиональной или расовой принадлежности ведут себя в принципе одинаково, подчиняясь общей этике и логике поведения. Вопросы добра и зла, справедливости и несправедливости, наконец, приличия и неприличия здесь не вызывают особых разногласий и дискуссий. Общее благополучие, безопасность и уважение человеческого достоинства в этих ситуациях всеми воспринимаются как бесспорные ценности в силу их очевидности.

Таким образом, применительно к современному миру вполне правомерно говорить о некоторых элементах и тенденциях проявления глобального сознания, в основе которого лежат как общие для всех ценности и нормы поведения, так и признаваемые другими национальные и культурные особенности различных народов. Но все ли способны мыслить глобальными категориями? Да и насколько общественное сознание, которое под влиянием многоаспектной глобализации явно трансформируется в сторону общечеловеческого феномена, способно стать таковым на самом деле? Это вопросы философского свойства и ответы на них далеко не очевидны. К тому же, как показывает реальная практика, данная тенденция встречает явное и все нарастающее сопротивление со стороны усиливающегося под влиянием глобализации национализма и движения за сохранение национальной идентичности отдельных народов. Когда наступит равновесие (или перевес в какую-то сторону) во взаимодействии этих противоположных сил, также вопрос открытый.

В этой связи важно подчеркнуть, что для выстраивания системы глобального управления сказанное относительно глобальной этики, даже если бы оно имело однозначное и положительное решение, является условием необходимым, но вовсе не достаточным.

Другим обязательным условием глобального управления являются *единое правовое поле* и система как принятия, так и исполнения в планетарном масштабе правовых норм, единых для всех стран и народов. Эту проблему в ее основе хорошо понимал уже И. Кант, когда писал, что «... природа неодолимо *хочет*,

чтобы право получило в конце концов верховную власть»¹. Заметим, что речь идет не о международном праве, которое уже относительно неплохо развито на межгосударственном и региональном уровнях, а о *праве глобальном*, которое действительно было бы всеобщим. Такое право вовсе не предполагает отмены правовых систем отдельных государств или региональных структур, международных правовых актов и институтов. Важно только, чтобы последние были приведены в соответствие с правовыми нормами более высокого порядка (глобальным правом) и не противоречили им.

Как уже отмечалось, сложившееся к настоящему времени *международное право* — это относительно эффективный инструмент *регулирования* международных отношений, но оно не годится для *управления* международными отношениями, тем более, на глобальном уровне. Для *управления* общественными отношениями такого масштаба, не говоря уже о мировом сообществе в целом, требуется адекватное ему *глобальное право*, которое принципиально отличается от *международного* тем, что обязательно для всех субъектов международных отношений без исключения. К тому же оно должно содержать (включать в себя) все необходимые элементы правовой системы: от нормотворчества до неукоснительного исполнения вступивших в законную силу нормативных актов. Но какова перспектива построения такой правовой системы? Юристы пока только подступаются к рассмотрению данной проблемы. Так, например, обсуждая данную тему, К.А. Бекашев пишет: «Современный мир становится все более сложным, а международные отношения приобретают многомерный характер, что обуславливает необходимость усиления роли международного права в эпоху глобализации и совершенствования ряда его отраслей и институтов... на вопрос “Сможет ли глобализация изменить международное право”, я решительно отвечаю “Да!”»².

Разумеется, международное право в условиях глобализации, делающей все более тесными связи и отношения разных стран

¹ Кант И. К вечному миру. Соч.: в 6 т. Т. 6. М.: Мысль, 1966. С. 286.

² Бекашев К.А. Сможет ли глобализация изменить международное право // Вестник университета им. О.Е. Кутафина. 2015. № 6. С. 53.

и народов, не может не изменяться. Но может ли процесс трансформации международного права привести к созданию права глобального, универсального, обязательного для всех? Опираясь на сказанное выше, можно вполне определенно утверждать, что сегодня для этого отсутствуют даже необходимые предпосылки, которые, заметим, выходили бы за рамки правовых отношений и касались бы не только экономики политики или культуры, но и таких, далеко не очевидных вопросов, как уровень развития гражданского общества.

Еще одной и, пожалуй, главной причиной того, что глобального права нет и не предвидится, во всяком случае, в обозримой перспективе, является отсутствие соответствующих мировых структур и необходимых процедур, призванных обеспечить выработку, принятие и неукоснительное исполнение правовых норм, которые были бы обязательными для всех стран и народов. Вне системы глобального управления эта задача не может быть решена в принципе. Но и глобальное управление без правового обеспечения невозможно. Отсюда и процесс становления глобального права и формирование глобального управления, если допустить возможность их осуществления, должны были бы протекать одновременно.

Итак, разговор о глобальном управлении, равно как и о мировом правительстве не может быть содержательным вне контекста глобальной этики и глобального (универсального) права, которые в настоящее время не только отсутствуют, но и не обнаруживают серьезных тенденций к их формированию и укреплению. Но это еще не все, что должно приниматься во внимание при обсуждении данной темы. Так, мировое правительство, если предположить возможность его появления, при осуществлении *глобального управления* должно было бы решать, как минимум, ряд принципиальных задач, связанных, прежде всего, с принятием и реализацией решений, направленных на эффективное функционирование различных сфер общественной жизни всего мирового сообщества. Иными словами, это и обеспечение устойчивого и сбалансированного мирового социально-экономического развития, и финансовое регулирование, а также решение в планетарном масштабе вопросов здравоохранения, образования, экологии и природопользования, борьба с между-

народной преступностью, предотвращение вооруженных конфликтов и т.п. При этом первоочередной задачей, несомненно, должно быть преодоление *социально-экономической отсталости* значительной части мирового сообщества и огромного разрыва между избыточным богатством и нищетой в планетарном масштабе. Но такая задача сегодня не может быть решена в силу отсутствия механизмов не то что управления, но даже и координации как глобального социально-экономического развития, так и планетарной системы финансового регулирования.

Современные достижения научно-технического прогресса и определенные результаты многоаспектной глобализации могут породить иллюзию, что если не теперь, то в перспективе такая задача может иметь решение на пути создания мирового правительства. И в самом деле, среди уже обозначившихся предпосылок, необходимых для осуществления глобального управления, можно выделить, например, достаточно развитую в планетарном масштабе сеть транспортных коммуникаций, позволяющих перемещаться в масштабах земного шара за считанные часы не только политической и деловой элите, но и значительной части активного населения Земли. Также можно указать на единое информационное пространство, сложившееся на базе современных телекоммуникационных технологий вкуче с космическими системами связи и мониторинга, а также современные средства массовой информации, которые позволяют каждому жителю планеты в режиме реального времени виртуально присутствовать в любой точке планеты. Все это открывает новые возможности для оперативного принятия решений и даже осуществления определенной степени контроля за их выполнением в режиме реального времени независимо от расстояний, без чего глобальное управление невозможно.

Принимая во внимание сказанное выше, зададимся другим вопросом — а какие теоретические подходы к решению данной проблемы, в том числе, и с позиции философии просматриваются уже сегодня? При этом, поскольку сложившиеся нормы поведения, привычки, верования, традиции консервативны, а общественные системы и структуры хотя и могут трансформироваться, но не могут быть просто элиминированы, следует посмотреть на то, какие международные структуры и орга-

низации (из тех, что уже существуют) соответствуют или при определенном реформировании могли бы соответствовать сути и принципам глобального управления.

В этой связи отметим, что современные национальные государства, являясь наиболее крупными устойчивыми и вполне управляемыми социальными системами, в своей совокупности образуют целостную структуру, которой и представлено все человечество. Принимая также во внимание стремление современных политических элит к самодостаточности и независимости, приходим к выводу, что безусловной альтернативы этим системам сегодня нет. По существу об этом же пишет и Г. Остхоф-Мюнникс, поддерживающая кантианскую позицию, согласно которой «длительный мир во всем мире должен быть основан на открытых и публичных международных соглашениях, подписанных разумно действующими государствами. Распространение идеи мирового правительства с возможностью силового навязывания международного права основано на гоббсианском политическом реализме, который постулирует, что лишь более могущественная сила может затушить непримиримые межнациональные конфликты. С этой точки зрения миру нужен Левиафан, чтобы его сохранять. Впрочем, как считал Кант, эта теория предполагает также, что в отсутствие силы, сдерживающей “Левиафана”, такое мировое правительство само становится подавляющим гегемоном, действующим в интересах тех политических и коммерческих групп, которые могут оказывать на него влияние. Тогда будет казаться, что мировое правление, сфокусированное вокруг учреждений глобальной юрисдикции, будет политически опасно. Базовый либеральный принцип, устанавливающий, что права человека защищены оптимальным образом, когда правительство построено по принципу разделения властей, реализован в существующем мире лучше, нежели был бы в мире с единым правительством. В соответствии с этим большая часть космополитических мыслителей продолжает поддерживать идею национального государства как формы правления»¹. Разделяя эту

¹ *Остхоф-Мюнникс Г.* Мировое правительство: потребности и реальность // Век глобализации. 2013. № 1. С. 38.

точку зрения, приходим к выводу, что наиболее оптимальной формой организации общественной жизни, пригодной для глобального управления на обозримую перспективу, могла бы быть *конфедерация национальных государств*, где был бы обеспечен разумный компромисс между глобальными и национальными интересами. Непростой, но в целом позитивный опыт Европейского союза дает некоторые основания для определенного оптимизма в решении этого вопроса.

Поскольку при такой логике развития событий встает вопрос о Всемирной конституции, то в ее основу могла бы быть положена Всеобщая декларация прав человека, которая, хотя и далеко не безупречна, с точки зрения различных культур и традиций, но уже вполне доказала свою гуманную направленность, востребованность и жизнеспособность. Вполне очевидно также, что *религиозная толерантность и отделение церкви (религиозных институтов) от институтов и структур управления гражданского общества* необходимы в качестве важнейшего условия мирного сосуществования и конструктивного взаимодействия различных людей независимо от их религиозных убеждений или отсутствия таковых.

Исходя из принципа разделения властей (на законодательную, исполнительную и судебную), на роль *законодательной власти*, то есть Мирового парламента, могла бы претендовать ООН. Однако потребовалось бы серьезное реформирование этой организации, чтобы придать ей функции законодательной власти. Поскольку здесь должны приниматься законы и законодательные акты, обязательные для всех стран и народов, важно предусмотреть их справедливое представительство в этом законодательном органе глобального управления. Очевидно, процедура формирования Мирового парламента должна будет пройти определенную эволюцию — от представительства отдельных стран до прямых выборов. Опыт создания и эволюция, например, Европейского парламента мог бы послужить определенным примером в решении этой задачи.

Структуру *исполнительной власти* пришлось бы формировать по существу на равном месте. В какой-то мере форматы «Большой семерки» и «Большой двадцатки», со временем могли бы стать прообразом структуры исполнительной власти, где

адекватно были бы представлены все страны и народы. Однако это слишком долгая и плохо просматриваемая перспектива, что делает реализацию такого сценария на фоне обостряющихся глобальных проблем практически неосуществимой. Вероятно, серьезные противоречия, с которыми человечество неизбежно столкнется в обозримой перспективе, откроют новые возможности и подходы к решению этой проблемы.

Судебная власть, непосредственно связанная с формированием глобального права, если и будет когда-то создана, то не иначе как в контексте всей структуры глобального управления и также практически с нуля. Какой-то опыт в этой области у мирового сообщества уже имеется, и он может быть положен в основу будущего Мирового суда, зачатки которого просматриваются в Нюрнбергском процессе, Гаагском международном суде и Европейском суде по правам человека.

К сказанному следует добавить и то, что абсолютное большинство современных государств функционируют на основе принципов, сформировавшихся в условиях, когда человечество было еще фрагментарным и не проявляло себя как единое целое. Вопреки изменившимся обстоятельствам, которые требуют системного, глобального взгляда на мир, правящие элиты различных субъектов международных отношений, в силу объективных причин вынужденные встраиваться в систему сложившихся связей и отношений, продолжают и сегодня мыслить фрагментарно, частными категориями. С этих позиций они продуцируют и поддерживают необоснованные страхи относительно глобализации и утраты в результате становления глобального мира самобытной культуры отдельных народов, потери национальной идентичности и т.п. Упорно отстаивая позицию независимости и национального суверенитета, проводя активную политику патриотизма и национализма, они не готовы сегодня поделиться даже незначительной частью своих полномочий в пользу наднациональных структур, тогда как речь идет о достаточно серьезных полномочиях, которые потребовалось бы передать мировому правительству и другим структурам глобального управления, будь они сформированы.

При этом важно подчеркнуть, что решения о выстраивании глобальной системы управления должны приниматься, несо-

менно, на планетарном уровне. С теоретической точки зрения, в качестве первого шага это могла бы быть Всемирная конференция или Всемирный саммит глав всех государств, где были бы согласованы принципиальные подходы к формированию планетарной конфедерации всех стран и отдельных территорий мира. В дальнейшем оперативные тактические и стратегические решения все больше переходили бы к вновь создаваемым структурам. Однако предпосылки для такого развития событий в обозримой перспективе, в силу указанных выше причин, явно не просматриваются. И тем не менее, можно и нужно говорить об ответственности за *формирование безопасной и стабильной системы глобального общежития*, которая лежит, в первую очередь на мировой научной, политической и деловой элите, то есть на тех людях, которые имеют соответствующее мировоззрение, обладают необходимыми знаниями, наделены наибольшими властными полномочиями и материальными ресурсами. С другой стороны, авангардом в деле формирования такой системы могут и должны быть наиболее развитые и влиятельные в мировом обществе страны. Они же должны взять на себя и наибольший груз ответственности за финансовое обеспечение реформирования современных международных отношений, что вовсе не означает, что на планете должны быть страны или народы, которые вовсе будут освобождены от такой ответственности или соответствующей доли вклада в общие затраты и усилия.

Можно усомниться в правильности предлагаемых подходов к решению проблемы глобального управления или хотя бы эффективного регулирования, и это было бы вполне оправданно, поскольку дело касается темы, не имеющей аналогов в человеческой истории. Но именно поэтому так важно с разных сторон посмотреть на возможность глобального управления, в том числе и с позиции философии, которая в отличие от науки нацелена не столько на поиск конкретных, выверенных решений, требующих неременной реализации теоретических выводов, сколько на расширение горизонта возможных подходов к решению проблемы. Ценность такого философского анализа особенно возрастает тогда, когда точные научные методы еще не выработаны, а ситуация все настойчивее требует своего ре-

шения. Проблема управления современным глобальным миром как раз таковой и является.

Итак, вполне очевидно, что на пути создания мирового правительства и построения системы глобального управления стоит множество препятствий, которые (с учетом даже уже рассмотренных выше обстоятельств) делают решение сформулированной таким образом задачи явно невыполнимым; во всяком случае, в обозримой перспективе и при тех обстоятельствах и тенденциях мирового развития, которые сегодня имеются.

5.9. Сетевое управление в свете новейших технологий

Современное мировое сообщество, как вытекает из сказанного выше, — это общественный конгломерат, гетерогенный сплав всевозможных социальных систем, состоящий, прежде всего, из полностью или относительно независимых суверенных государств, которые не имеют и не стремятся к тому, чтобы иметь хоть какую бы то ни было централизованную власть, стоящую над ними. Поэтому то, что именуется человечеством, никак не структурировано, не имеет какой бы то ни было иерархии или упорядоченности, тем более единого центра или полюса, как об этом часто и неправоммерно говорят (справедливости ради следует отметить, что не столько в научных, сколько в политических и журналистских кругах). В то же время многоаспектная глобализация и все новые вызовы планетарного масштаба делают особенно актуальной потребность в объединении коллективных усилий на международном уровне как для противодействия транснациональным угрозам, так и в деле обеспечения стабильного социально-экономического развития мировой социосистемы. А поскольку, как мы уже выяснили, идея мирового правительства или какого бы то ни было единого центра принятия решений на глобальном уровне не имеет шансов на реализацию, во всяком случае, традиционными методами, основанными на иерархических принципах организации, то следует обратить внимание на иные, более соответствующие современным реалиям подходы, в частности, на сетевой принцип управления сложными системами.

Эта технология заключается в том, что за основу управления сложными и масштабными структурами берется не иерархический, а сетевой принцип организации и функционирования системы, предполагающий полицентричность и участие в управлении всех составляющих данную систему элементов. Применительно к современному полицентричному глобальному миру это означает, что при принятии и исполнении решений в таком мире, когда эти решения не противоречили бы общим принципам и интересам абсолютного большинства мирового сообщества, должно быть обеспечено участие не только государств и различных межгосударственных структур, но и других субъектов международных отношений. Перспективность такого подхода заключается в том, что сфера международных отношений хорошо коррелируется с сетевыми идеями.

Появление технологии сетевого планирования и управления непосредственно связано с информационно-технологической революцией, поскольку ее применение предполагает осуществление сложнейших расчетов касательно организационных и контрольных мероприятий, учет множества факторов функционирования соответствующей системы и оперативную обработку больших объемов информации. Реальные возможности проводить такую работу появились на рубеже 1950–1960-х гг., когда были созданы хотя еще и весьма громоздкие, но уже достаточно эффективные электронно-вычислительные машины (ЭВМ). Так, в конце 1950-х гг. сотрудник американской фирмы «Дюпон» М. Уолкер использовал такую машину для составления планов-графиков крупных комплексов работ по модернизации заводов фирмы «Дюпон», создав в итоге простой и рациональный метод описания проекта с использованием ЭВМ. Это открыло новые возможности для управления сложными системами, поскольку в отличие от применения линейного календарного графика осуществления работ, при использовании системы сетевых моделей, можно анализировать график работы в режиме реального времени, оперативно выявлять наиболее оптимальные действия и резервы, что создает условия для эффективного принятия и исполнения решений.

В дальнейшем, по мере совершенствования компьютерной техники и поступательного развития информационно-техноло-

гической революции, сетевые методы планирования и управления стали активно применяться в различных сферах общественной жизни. Так, например, в экономике сетевой принцип организации производства характеризуется тем, что множество относительно автономных экономических структур с помощью Интернет технологий эффективно взаимодействуют в едином производственном цикле, специализируясь на производстве тех или иных конкретных деталей некоего сложного конечного совместного продукта.

По сетевому принципу функционирует, например, гражданское общество, в котором его различные самодостаточные и автономные структурные элементы (отдельные граждане, общественные организации, объединения, институты, творческие союзы и т.п.), не имея единого центра управления или координации, функционируют, тем не менее, как единое целое, подчиняясь вполне определенным принципам организации общественной жизни и соответствующим нормам поведения. В то же время отдельные элементы гражданского общества сами могут быть построены и функционировать по сетевому принципу. Конкретным примером такого сетевого управления научной общественной организацией может служить, в частности, Российское философское общество (РФО), сетевую структуру которого образуют различные объединения членов Общества, включая и индивидуальное членство. Списочный состав Общества всегда точно определен и ежегодно обновляется, поскольку членом РФО является только тот, кто уплатил ежегодный членский взнос и на этом основании внесен в соответствующий список на текущий год¹. Творческая деятельность и управление этой общественной организацией построены таким образом, что все первичные структуры, отделения, секции и аффилированные с РФО региональные Философские общества² объединены

¹ По состоянию на 31 декабря 2016 г. численность Российского философского общества составляла 3950 человек. См.: Вестник РФО. 2016. № 4(80). С. 155–165.

² В России и за ее пределами таковых по состоянию на 31 декабря 2016 г. насчитывалось 184 структурных подразделения РФО. См.: Вестник РФО. 2016. № 3(79). С. 144–156.

между собой лишь Уставом этой общественной организации, в котором сформулированы общие принципы деятельности, цели и задачи, а также пути и способы их достижения. С центральным органом — Президиумом РФО они связаны уплатой фиксированной суммы ежегодных членских взносов, совместным изданием главного печатного органа организации — «Вестника РФО» и проведением не реже 1 раза в 4 года Российского философского конгресса и Общего собрания, где каждый член этой общественной организации может принять участие в решении общих организационных вопросов. Во всем остальном все структурные подразделения Общества сами определяют формы и содержание своей деятельности, отчитываясь только перед членами РФО, состоящими в данных подразделениях. Таким образом, возможные сбои или нарушения в работе той или иной местной или региональной структуры, равно как и появление новых подразделений или прекращение работы некоторых из них никак не могут сказаться на деятельности всех остальных, ни по отдельности, ни относительно всей сетевой структуры Общества в целом.

Зарождение идей сетевого управления применительно к планетарному уровню следует отнести к первой половине 1970-х гг., когда перед мировым сообществом впервые открылись реальные угрозы со стороны глобальных проблем современности, и начались активные поиски путей их преодоления. Научное сообщество отреагировало на это множеством теоретических конференций, специальных публикаций, книг и т.п., среди которых в контексте нашего разговора особого внимания заслуживает статья Р. Кеохэйна и Дж. Найя, которую они опубликовали в 1974 г., где поднимали вопросы управления и осуществления власти на мировой арене в условиях глобализации и информационной революции. И хотя тогда, концентрируя внимание на проблемах теоретического осмысления международных отношений, они еще не употребляли термин «сеть», тем не менее, по существу уже обозначили контуры использования сетевого подхода в этой сфере. Большие надежды они связывали с так называемым трансправительственным сотрудничеством, которое определяли как «множество прямых взаимодействий между составными частями различных правительств, не находящимися

под непосредственным контролем кабинетов и их глав и напрямую не руководствующимися проводимой ими политикой»¹. Позже эти идеи послужили основанием для введения Дж. Наем специального и очень важного в технологии сетевого управления термина — «мягкая сила», которым обозначается политика воздействия на те или иные субъекты отношений, минуя применение военной силы или иных форм непосредственного вмешательства и грубого принуждения.

По существу о сетевом управлении во все более усложняющемся мире, говорил и Э. Фромм, который в 1976 г. в своей работе «Иметь или быть», в частности, писал: «Одно из необходимых условий создания гуманистического общества состоит в том, чтобы остановить процесс централизации и начать широкую децентрализацию... Функции управления следует передать не государству, которое тоже становится огромным конгломератом, а сравнительно небольшим районам, где люди знают друг друга и могут судить друг о друге, а значит, могут активно участвовать в управлении делами своего собственного сообщества»². Следующий шаг в развитии данной темы был сделан Дж. Модельски, который, исследуя в 1980-е гг. проблему «длинных циклов лидерства» в рамках глобальных эволюционных процессов³, пришел к выводу, что следующей ступенью такой эволюции «станет *постепенный переход от неформального глобального лидерства к более или менее формальным сетям в рамках возникающей глобальной организации федеративного типа* — процесс, который по его расчетам, должен начаться к концу первой четверти XXI века»⁴.

В дальнейшем заметный вклад в развитие идеи сетевого управления на глобальном уровне внесла А.М. Слоттер⁵. Она

¹ Keohane Robert O., Nye Joseph S. Transgovernmental Relations and International Organizations // World Politics. 1974. Vol. 27. № 1. P. 43.

² Фромм Э. Иметь или быть? М.: Прогресс, 1986. С. 206–207.

³ См.: Modelski G. Long Circles in World Politics. L., 1987.

⁴ Баталов Э.Я. Начало XXI века: мир без полюсов, мир без глобального лидера // Лидерство и конкуренция в мировой системе: Россия и США / отв. ред. А.Д. Багатуров, Т.А. Шаклеина. М.: КРАСАНД, 2010. С. 53.

⁵ Slaughter A.-M. Sovereignty and Power in a Networked World Order // Stanford Journal of International Law. 2004. Vol. 40 № 1. P. 285.

проанализировала официальные правительственные сети множества стран мира и установила, что сотрудники этих структур активно участвуют во все возрастающем реальном и виртуальном взаимодействии как друг с другом, так и с различными неправительственными организациями. Складывающаяся таким образом международная сеть связей и отношений представляет собою, по ее мнению, «сложное сочетание относительно стабильных, децентрализованных, неиерархических, зачастую неформальных отношений, посредством которых их участники быстро обмениваются информацией и согласуют свою деятельность с целью принятия эффективных мер для решения общих проблем глобального масштаба в политической, экономической, социальной областях и в сфере безопасности. Правительственные чиновники, представляющие различные органы государственной власти, участвуя в подобных сетях, создают плотные сетевые формы сотрудничества, переступающие национальные границы, а также границы между национальными и наднациональными институтами. Таким образом, не возникает необходимости в учреждении централизованного высшего правительства, довлеющего над национальными государствами»¹.

Итак, в отличие от традиционных способов управления общественными системами, построенных, как правило, на иерархии отношений и вертикали власти, когда верхние и нижние властные структуры находятся в ситуации строго регламентированных взаимоотношений, сетевая технология управления на международном уровне обеспечивает большую степень свободы и полномочий субъектам международных отношений в принятии и реализации управленческих решений. Такой подход предполагает сохранение национального суверенитета и существенной автономии при одновременной передаче национальными правительствами части своих полномочий наднациональным структурам и международным организациям. Как отмечает Г. Остхоф-Мюнникс: «Если большинство граждан государств по всему миру пожелают перейти к новой форме глобального

¹ Глобальное управление. Материал из Википедии — свободной энциклопедии. URL: <https://ru.wikipedia.org>

правления, именно государства должны будут войти в необходимые соглашения и отдать соответствующий объем власти глобальной структуре. И даже после этого государства не исчезнут. Они станут просто одним из уровней правительства, подобно муниципальным советам или областным правительствам. Эти новые государства лишатся определенных прерогатив суверенитета, но у них останутся соответствующие формы правовой власти над своими территориями... То, что мы в итоге получим, будет своего рода кантианской федерацией государств. Любая федерация государств, управляется она вооруженной властью или же держится только на совместных соглашениях, будет означать некоторое снижение суверенных прав национального государства. Государство сниженного суверенитета также едва ли будет склонно агрессивно преследовать свои интересы по отношению к соседям. Такое государство будет идеологически объединено не замкнутым национализмом, а чувством мирового гражданства, которое согласуется с космополитическим идеалом»¹.

Рассматривая возможные варианты будущего мирового устройства, необходимо учесть еще и активное использование новейших достижений информационно-технологической революции, что уже сегодня позволяет получать все более высокое качество и скорость передачи информации, а также вовлекать в процесс организации общественной жизни и принятия решений на международном уровне помимо государств и других заинтересованных субъектов международных отношений.

Новейшие технологии заслуживают особого внимания в контексте обсуждения данной темы, поскольку они способны кардинально преобразовать не только экономическую или финансовую сферы, но и в целом образ жизни и взаимоотношения людей, включая структуру и принципы управления общественными системами вплоть до глобального уровня. Прежде всего, они открывают принципиально новые, без преувеличения колоссальные возможности в обработке и использовании практически любых объемов информации. Актуальность реше-

¹ *Остхоф-Мюнникс Г.* Мировое правительство: потребности и реальность // Век глобализации. 2013. № 1. С. 39–40.

ния такой задачи абсолютно очевидна, поскольку современный человек каждый день сталкивается с все возрастающим потоком всевозможной информации, тогда как обработать огромные объемы данных для получения конкретных и нужных ему результатов с целью их дальнейшего эффективного применения, он уже не в состоянии. Проблема с каждым днем становится все более острой, поскольку мировой объем только оцифрованной информации растет по экспоненте. Так, «по данным компании IBS, к 2003 г. мир накопил 5 эксабайтов данных (1 ЭБ = 1 млрд гигабайтов). К 2008 г. этот объем вырос до 0,18 зеттабайта (1 ЗБ = 1024 эксабайта), к 2011 г. — до 1,76 зеттабайта, к 2013 г. — до 4,4 зеттабайта. В мае 2015 г. глобальное количество данных превысило 6,5 зеттабайта. К 2020 г., по прогнозам, человечество сформирует 40–44 зеттабайтов информации»¹.

Вся эта неоднородная и быстро поступающая информации уже не может быть обработана традиционными способами и имеющимися инструментами и требует иных подходов, основанных на цифровых технологиях. Одна из таких весьма перспективных технологий, активно развивающихся в последнее время, получила название «**Big data**» (*большие данные*) и призвана оптимизировать общественные отношения в различных сферах человеческой деятельности — от государственного управления, промышленного производства и телекоммуникаций до международных отношений и глобального управления. По существу она становится альтернативой традиционным системам управления данными, поскольку направлена на решение проблемы хранения и обработки фактически неограниченных объемов информации. Иными словами, технология *Big data* предназначена для того, чтобы на основе применения современных высокотехнологичных инструментов, подходов и методов обработки как структурированных, так и неструктурированных данных использовать их для решения конкретных задач и достижения поставленных целей, которые посредством традиционных технологий недостижимы. При этом важно подчеркнуть, что современные технологии, порождаемые информационно-

¹ Мир Big data в 8 терминах. 24 августа 2015. URL: <https://rb.ru/howto/big-data-in-8-terms/>

технологической революцией и обусловленные ею, во многом тесно переплетаются и взаимодополняют друг друга, что делает их объективным фактором и мощным средством происходящих и грядущих перемен в жизни как отдельных людей, так и всего человечества.

Технология *Big data* уже сегодня активно используются для сбора и обработки персональных данных практически в отношении каждого из нас без нашего на то согласия. В частности, подобного рода базами данных уже обладают, например, такие технические гиганты, как Google, Facebook, Instagram и т.п. Еще более показательным примером является политика Китая в этой области, где с 2014 г. уже работает пока добровольная (но в 2020 г. она станет обязательной) система индивидуально-го рейтинга граждан. Идея этого новшества состоит в том, что все дела, поступки и поведение каждого жителя страны будут под постоянным контролем, благодаря новейшим технологиям сбора и обработки информации, и каждый человек на основании этого будет иметь свой личный рейтинг. Система устроена так, что «у людей с низким рейтингом будет медленнее работать интернет, они не смогут посещать некоторые рестораны, клубы и прочие заведения. Им запретят свободно выезжать за границу. Рейтинг будет влиять на возможность взять что-либо в аренду, получить кредит и даже социальные льготы. Граждане с низким рейтингом не смогут устроиться на определенные должности, например, в государственных органах, СМИ или юриспруденции, где надежность, разумеется, является обязательным критерием. Если у вас низкий рейтинг, то вы не сможете получить образование в частных учебных заведениях или отдать туда своих детей... Система социального рейтинга позволит надежным гражданам свободно гулять под солнцем, ненадежные же едва ли смогут сделать шаг»¹. Как отмечает автор данной публикации, «мы уже живем в мире, где алгоритмы могут определить, представляем мы угрозу или нет и даже оценить уровень нашей надежности. Мы приближаемся к китайской системе, и скоро кредитные баллы превратятся в гражданские, а мы сами этого

¹ Елкина В. Как в Китае вводят индивидуальный рейтинг граждан // FAST SALT TIMES. 30.10.2017. URL: <http://fastsalttimes.com/sections/obzor/1603.html>

не заметим... Сегодня подобное происходит в Китае, а завтра — рядом с вами. И главные вопросы о будущем касаются не технологий и экономики, они касаются этики»¹.

В последнее время все большее значение приобретают и такие новации, как *цифровая (электронная, веб, интернет) экономика*, которая не ограничивается только электронной торговлей, а затрагивает банковскую систему, образование, здравоохранение и другие сферы общественной жизни. Появление электронных денег (криптовалюты, биткойна), в совокупности с уникальной технологией *блокчейн (block chain)*, когда задействованы всего две стороны, без привлечения посредников для проведения сделок любого типа, уже в ближайшем будущем может стать событием сопоставимым по своим революционным последствиям с появлением и развитием Интернета. Уникальность технологии *блокчейн* заключается в том, что информация о блоках, объединенных в единую цепь, хранится на компьютерах множества равноправных пользователей. Входя в сеть, они подключаются ко всем остальным компьютерам, сеть которых не привязана к географии. Данная технология не имеет единого регулятора и представляет собою четко структурированную базу данных с определенными правилами построения цепочек транзакций и доступа к информации, которую после записи уже нельзя изменить, что исключает кражу данных, нарушение имущественных прав, мошенничество и т.п., а потому ее можно использовать везде (от финансовых операций в банковской сфере до торговых и производственных отношений), где возникает недоверие между участниками.

Такие новации заслуживают особого внимания, поскольку введение *общей платежной единицы* стало уже велением времени, что наглядно продемонстрировал и мировой финансовый кризис 2008 г. Сегодня роль мировых денег в известной степени выполняет доллар, но он не снимает проблему в принципе, так как является национальной валютой, решения по поводу которой принимаются одним государством — США, тогда как мировая валюта в качестве всеобщего платежного средства должна быть равноудалена от отдельных субъектов международных

¹ Елкина В. Указ. соч.

отношений, важнейшими из которых являются национальные государства. Криптовалюта, в частности, *биткойн*, который был создан в 2009 г., на основе технологии *блокчейн*, как раз и является одним из возможных вариантов решения данной проблемы, поскольку цифровые деньги — это скорость, безопасность и анонимность. Это также децентрализованная равноправная сеть, доступ к которой есть у всех и, которая может изменить международный рынок, так как она предоставляет максимум экономической свободы, тогда как устранить ее можно только прекратив работу Интернета.

Еще одним примером такого рода технологий является метод краудсорсинга (от англ. *crowd* — толпа и *sourcin* — использование ресурсов), который основан на том, что для решения задач, возникающих в бизнесе, государстве и обществе на добровольной основе с помощью информационных технологий привлекаются значительные людские ресурсы, которым передается часть производственных функций и решение тех или иных задач. Этот современный инструмент организации совместной работы, тесно связанный с развитием информационных и социальных сетей, позволяет привлечь к решению конкретной задачи наиболее способные к этому кадры со всего мира, что не только повышает качество и сокращает сроки получения конкретного результата, но и дает экономию финансовых средств за счет сокращения маркетинговых расходов, оптимизации оплаты труда и т.п.

Все это аргументы в пользу того, что уже в ближайшем будущем нас ждут серьезные перемены, основанные на применении новейших информационных технологий, которые затронут далеко не только экономическую или финансовую сферы. При этом важно подчеркнуть, что дело касается как официальных, законных, так и теневых сторон жизни общества, ибо новейшие интернет-технологии открывают все новые возможности не только для позитивных перемен и решения многих сложных проблем, но и для расширения преступной деятельности, которая становится все более изощренной в осуществлении, например, кибератак, незаконных финансовых операций, теневой торговли оружием, наркоторговли и т.п. И, тем не менее, новые возможности, которые открываются с развитием современных технологий, а также применение

таких инструментов глобальной политики как «мягкая сила», «санкции», построение планетарного гражданского общества и т.п., о которых будет отдельный разговор в следующей главе, — это то, что, с одной стороны, нельзя проигнорировать, а с другой стороны, можно и нужно максимально использовать в интересах построения более безопасного и стабильного будущего. И в первую очередь нужно обратить внимание на то, что новейшие информационные и интернет-технологии делают сетевой подход к глобальному управлению перспективным средством преодоления современной ситуации «войны всех против всех», а разговор о мировом правительстве переводят в конструктивное русло, когда вместо него ставится задача построения эффективно функционирующей сети различных субъектов международных отношений.

Выводы

1. Сложившийся в современном мире порядок, основанный на Вестфальской системе международных отношений, вошел в острое противоречие с глобально устроенным миром, где различные сферы общественной жизни вышли далеко за рамки национальных границ и стали определяющим фактором в развитии глобальных процессов. В этой связи остро стоит проблема формирования нового мирового порядка, где суверенитет и права национальных государств адекватно соотносились бы с соответствующими международными нормами и обязательствами отдельных государств перед международным сообществом.
2. В условиях многоаспектной глобализации мировое сообщество впервые в своей истории сформировалось в структуру нового типа — закрытую систему, которая характеризуется тем, что общественное развитие достигло пределов своего территориального расширения, а внешняя среда, уходящая за пределы ближнего космоса, стала той оболочкой, в рамках которой все человечество пребывает теперь, образно говоря, в собственной колыбели.
3. Одной из наиболее важных и злободневных забот современности стала проблема глобального управления. Принципиальное значение имеет разница между *регулированием* и *управлением*, в особенности, когда дело касается общественных систем и процессов. В отличие от *регулирования*, *управление* естественным путем не возникает и стихийно не происходит. *Управление* с не-

обходимостью предполагает *регулирование*, тогда как регулирование может осуществляться и без управления.

4. В отличие от управления техническими и биологическими системами, управление в социальной сфере многократно усложняется, поскольку в качестве объекта управления здесь выступают отдельные люди, коллективы и различные сообщества, вплоть до всего человечества, которые постоянно привносят элемент неопределенности своим поведением и реакцией на управленческие решения. Самой сложной по своей структуре общественной системой, которой человек научился управлять, является *государство*. Социальные системы более высокого уровня организации функционируют на основе регулирования, и, лишь в лучшем случае, с элементами управления.
5. По мере перехода от локального уровня на региональный и далее до глобального степень сложности организации общественной жизни увеличивается. При этом управлять сложными системами удается до тех пор, пока уровень сложности управляемой системы не переходит черту, за которой управляющая система оказывается недостаточно совершенной, чтобы справиться со своей задачей. После этого управление становится невозможным, тогда как какое-то время еще сохраняется возможность регулирования данной системой, хотя и здесь имеются объективные ограничения, связанные с возрастанием сложности системы. Относительно общественных структур возможность управления сохраняется вплоть до государственного уровня, а далее, в силу нарастания сложности управляемой системы, нарастают и проблемы, которые сводят эффект управления, в конечном счете, к нулю.
6. На фоне обострения международных отношений становится все более очевидным, что управлять мировой глобальной системой даже в одной сфере (например, экономической) из одного центра, каким бы значительным он ни был, не представляется возможным. Мировое сообщество, представленное национальными государствами всегда было и теперь являет собою многополярную систему, в которой необходимо находить консенсус по принципиальным вопросам, касающимся управления данной системой. Отсюда даже тот, кто доминирует в тот или иной момент времени, не может уповать только на грубую силу, как основное средство своего влияния. В краткосрочный период это еще возможно, но, в конечном счете, требуется иной подход, основанный

на комбинации нескольких инструментов, когда сочетались бы силовое принуждение и «мягкая сила», применяемые с учетом сложившейся международной правовой, политической и экономической системы.

7. Сегодня уже вполне очевидно, что глобальное мировоззрение и планетарно ориентированное сознание все больше становятся объективной необходимостью, тогда как общечеловеческая мораль и глобальное право еще не стали реальными факторами общественной жизни мирового сообщества. При этом если на пути формирования всеобщих моральных принципов препятствия лежат в национальных культурах и их ориентации на собственные ценности, то трудности установления глобального права объясняются отсутствием не столько соответствующих правовых актов, сколько механизмов приведения их в исполнение и обеспечения неотвратимости наказания в случае не соблюдения законов.
8. Идея мирового правительства – не более чем иллюзия, не имеющая объективных оснований для своей реализации уже хотя бы по причине отсутствия общечеловеческой морали и единой системы ценностей, а также глобального права.
9. Сетевое управление общественными процессами, основанное на новейших технологиях, открывает новые возможности для эффективного решения вопросов в области международных отношений.

Глава 6

В ПОИСКАХ АДЕКВАТНЫХ РЕШЕНИЙ

Невозможно решить проблему на том же уровне, на котором она возникла. Нужно стать выше этой проблемы, поднявшись на следующий уровень.

Альберт Эйнштейн

Основные термины:

«Мягкая сила» — совокупность принципов и подходов во взаимоотношении сторон, когда позиция (поведение) одной из них испытывает серьезное влияние другой стороны в силу привлекательности или большей прагматики позиции (предложений) последней.

Полицентризм — ситуация во взаимодействии элементов сложной системы, когда ни один из этих элементов, даже занимая какое-то время доминирующее положение в системе, не может стать единственным и безусловным для всех остальных элементов центром (полюсом) влияния, притяжения, объединения и т.п.

Проблема — теоретическое или практическое препятствие (задача, вопрос, ситуация, трудность,), вызывающее беспокойство, напряжение, или представляющее определенную угрозу, и потому требующее разрешения, преодоления, изучения, исследования.

Санкции — в условиях глобально взаимозависимого мира мера экономического, политического и культурного воздействия одних субъектов международных отношений на другие с целью принудить их следовать ранее принятым ими обязательствам, неким общепризнанным нормам или воле инициировавшей санкции стороны.

Фон общего опыта — совокупность совпадающих мировоззренческих, ценностных, культурных, исторических и т.п. параметров, присущих взаимодействующим субъектам, на базе которых выстраиваются их отношения. Чем больше фон общего опыта взаимодействующих сторон, тем более конструктивным будет диалог и взаимопонимание, а взаимодействие более результативным.

6.1. Формы и способы разрешения противоречий в глобальном мире

*Стратегия необходима,
поскольку будущее непредсказуемо.*

Р. Уотерман

Современные международные отношения, обусловленные глобальными процессами, буквально сотканы из всевозможных противоречий. И это не какая-то особая, экстраординарная ситуация или характерная черта нашего времени. Противоречия вообще и общественные, в частности — это та объективная реальность, с которой человек сталкивается с первых и до последних дней своей жизни, и с которой он не может не считаться. На этот счет немало рассуждали уже древние греки, в частности, Гераклит, полагавший, что весь мир пребывает в бесчисленном множестве противоположностей, противоречий, противоборствующих сил и тенденций. «Возникновение одного есть уничтожение другого, — утверждал он, — а уничтожение одного — возникновение другого не только в отношении души..., но и в отношении тела»¹. В истории философской мысли найдем множество концепций, развивавших такого рода идеи, но наиболее яркие из них принадлежат, несомненно, Г.В.Ф. Гегелю. Положение о противоречии как внутреннем источнике движения и развития составляет главное в гегелевском учении о диалектике. «Противоречие — вот что на самом деле движет миром, и смешно говорить, что противоречие нельзя мыслить»² — утверждал он. Противоречие является «принци-

¹ Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. М.: Наука, 1989. С. 230.

² Гегель Г.В.Ф. Соч.: в 14 т. Т. 1. М.; Л., 1929. С. 206.

пом всякого самодвижения», а наличие его в любом явлении свидетельствует о его развитии, говорил Гегель. При этом «конечные вещи в своем безразличном многообразии вообще таковы, что они противоречивы в себе самих, *надломлены внутри себя и возвращаются в свое основание...* Нечто жизненно, только если оно содержит в себе противоречие»,¹ — подчеркивал философ.

Итак, принимая во внимание противоречивый характер любого развития, отметим, что общественные противоречия, являясь продолжением и составной частью закономерных противоречий живой природы, намного превосходят их по своему разнообразию, остроте, драматизму и накалу, поскольку непосредственно связаны одновременно и с запрограммированной естественной, и с непредсказуемой субъективной природой человека, креативные способности которого практически безграничны. Отсюда мы имеем дело обычно не только с созидательными планами и достижениями, но и с разрушительными итогами, негативными последствиями, проистекающими как из преднамеренной, так и непреднамеренной человеческой деятельности.

Масштабы этой деятельности, как и ее результаты, прошли ту же эволюцию, что и человечество в целом: от локального уровня до регионального и, наконец, до глобального; а в известной мере и до космического. В итоге, мы имеем теперь «слоеный пирог» бесчисленного множества всевозможных противоречий, которые в полной мере вышли на глобальный уровень и наиболее ярко проявились в XX в. Квинтэссенцией их стали глобальные проблемы современности, порожденные как противоречивой природой самого человека и общественного развития в целом, так и поступательным развитием техногенной цивилизации. Предельно тесная взаимосвязь и кумулятивное действие этих проблем стали беспрецедентной угрозой и наиболее серьезным вызовом всему человечеству, которое оказалось совершенно неподготовленным к такому повороту событий. В этой связи встают вопросы принципиальной важности. В достаточной ли степени осознаются истинная природа, острота и масштабы современных проблем? Как избежать саморазру-

¹ Гегель Г.В.Ф. Наука логики: в 3 т. Т. 2. М.: Мысль, 1971. С. 66, 69.

шения формирующейся мировой культурно-цивилизационной системы и какие ресурсы необходимо для этого задействовать? На какие общественные силы можно рассчитывать в поддержании мира и конструктивного сотрудничества? Наконец, что представляют собою современные противоречия и можно ли преодолеть их в принципе?

Уточнение понятия «*противоречие*» в данном случае имеет принципиальное значение, поскольку оно не только многозначно, разнопланово, но и динамично, ибо выступает «источником самодвижения и развития объективного мира и познания»¹. При этом важно подчеркнуть, что любое противоречие возникает на стыке тех или иных противоположностей. Иными словами, оно неразрывно связано с наличием лежащих в его основе *противоположных* начал, выявление которых во многом помогает раскрыть суть соответствующего противоречия. Отношения противоположностей являются наиболее существенной характеристикой объективного и субъективного мира, поскольку выражают собою противостояние двух полюсов, сопряженных друг с другом и составляющих в рамках некоторого единства две противостоящие и взаимоисключающие стороны (сущности). Примерами такого рода противоположностей, имеющих место на разных уровнях бытия (неживой, живой и социальной природы), будут: *светлое — темное, горячее — холодное, жизнь — смерть, оптимизм — пессимизм, добро — зло, правда — ложь, хорошее — плохое, любовь — ненависть* и т.п.

Суть отношений между такого рода противоположностями, выражает один из основных законов диалектики, именуемый «законом единства и борьбы противоположностей»², который охватывает не только сферу бытия, но и познания, поскольку познавательный процесс являет собою также единство противоположностей: *чувственного и рационального, абстрактного и конкретного, теории и практики*. Вступая в отношения, обусловленные их различием, противоположности оказываются в состоянии противоречия, которое усиливаясь, может дости-

¹ Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия. 1983. С. 545.

² Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль. С. 19–20.

гать острой фазы, именуемой конфликтом, когда столкновение противоположных тенденций, интересов, взглядов, позиций взаимодействующих сторон становится неизбежным. В этом случае каждая из сторон ведет борьбу с целью преодоления (разрешения, устранения) противоречия посредством своей победы, выигрыша, достижения доминирующего положения или превосходства над противоположной стороной. При этом противоречия, которые обуславливают такую борьбу, по сути своей могут быть самыми разными: *основными — неосновными, главными — неглавными, существенными (принципиальными) — несущественными (непринципиальными), внутренними — внешними, явными — неявными, антагонистическими — неантагонистическими* и т.п.

С точки зрения характера протекания (проявления) процессов противоречия могут быть *явные, скрытые, острые, вялотекущие* и т.п.

В зависимости от сферы общественной жизни, где они возникают, противоречия делятся на *экономические, политические, идеологические, социальные, культурные, религиозные, правовые* и т.п.

Если исходить из формы организации общественной жизни, то следует указать на такие противоречия, как *семейные, клановые, корпоративные, ведомственные, этнические, национальные, межнациональные, международные, общечеловеческие* и др.

Наконец, с точки зрения масштаба проявления, т.е. охвата территории, на которой происходит противостояние сторон, противоречия следует разделить на: *локальные (местные, частные), региональные и глобальные (мировые, всеобщие)*.

Выделение различных типов противоречий можно было бы продолжить, но для данного исследования сказанного вполне достаточно, поскольку нас интересуют, в первую очередь, противоречия *глобальные (мировые, всеобщие)*.

Поскольку противоречия имеют универсальный характер, лежат в основе любого развития и являются неотъемлемой составляющей всех форм жизни в целом, то устранить их из своей жизни человек, пока он живет, не может в принципе. Это касается как личной жизни, так и отношений в обществе, а так-

же взаимодействия человека с естественной и искусственной средой обитания. И, тем не менее, противоречия необходимо решать, так как они создают напряжения, порождают трудности, проблемы, кризисы.

Способов разрешения противоречий так же много, как и форм их проявления. Причем в каждом конкретном случае всегда имеется своя специфика подходов и методов к решению таких задач. Касательно глобального уровня следует выделить в первую очередь такие способы разрешения противоречий, как *мирные, военные* и нечто среднее между ними — *агрессивно-наступательные*.

К мирным относятся: компромиссы, договоренности, соглашения, договоры и т.п., в основе которых лежат взаимные интересы, стремление к взаимопониманию и поискам компромисса, посредством переговоров, диалога и обмена мнениями. При этом, чем более высокий уровень цивилизационного развития у противостоящих сторон, и фон общего опыта, тем более высокие шансы принятия компромиссных решений.

Военные способы разрешения противоречий сопряжены с вооруженными конфликтами, боевыми столкновениями и полномасштабными войнами, которые основаны на применении военной силы и грубом принуждении противника к капитуляции. Такие силовые действия могут быть локальными, региональными или глобальными (мировыми). Военные столкновения начинаются, как правило, когда возможности для мирного решения противоречий исчерпываются или одна из сторон приходит к уверенности в своем превосходстве над противником и возможности одоления его посредством военных действий.

В решении противоречий современного мира значительное место занимают такие виды противоборства сторон, которые по внешним признакам протекают относительно мирно, а по сути своей являются войнами. Это войны особого рода, поскольку ведутся без применения непосредственного вооруженного насилия. Они возникают в результате такого развития событий, когда мирные способы разрешения противоречий исчерпаны или по каким-то причинам не устраивают хотя бы одну из сторон, но и военное столкновение также не устраивает ни одну

из сторон. Такие войны хотя и характеризуются *агрессивно-наступательной* стратегией и тактикой, тем не менее, в отличие от «горячих» военных конфликтов не сопровождаются стрельбой, бомбежками и наступательными операциями, ведущими к физическому уничтожению материальной базы и живой силы противника. Но и мирными они не являются в полной мере, поскольку в них используется, как правило, весь арсенал доступных правовых и внеправовых средств, за исключением разве что непосредственного вооруженного столкновения. Примерами такого рода противоборства являются экономические, торговые, информационные, политические, идеологические и т.п. войны.

Особое место в этом ряду занимают «холодные войны», когда непримиримая, порою ожесточенная борьба между противостоящими сторонами разворачивается буквально на грани войны и мира уже не в той или иной сфере жизни общества, а по всему фронту общественных отношений и, прежде всего, в сфере идеологии. В таких войнах широко используется такая форма снятия напряжения и преодоления конфликтов, как «мягкая сила» — косвенное принуждение, о чем еще будет отдельный разговор ниже.

6.2. Кризис — сигнал о нерешенности насущных проблем

Нет проблем, есть только неприятные решения.

Эрик Берн

В своей повседневной жизни, равно как в теоретической и практической деятельности человек постоянно решает множество *вопросов и задач*, стремится к определенным *целям и результатам*, преодолевая при этом *трудности и препятствия*, сталкиваясь с *проблемами, кризисам, коллапсами и катастрофами*, а то и вовсе с *крахом*. И хорошо еще, если дело касается только какого-то замысла, плана, идеи... Однако мало кто задумывается над тем, что все эти слова и стоящие за ними сущности, явления тесно взаимосвязаны, непосредственно взаимообусловлены, а смысл, который в них вкладывается, в значительной

степени предопределяет реальную жизнь, если и вовсе не судьбу людей. В этой связи обычно и больше всего говорят о различных **проблемах**, поскольку это та реальность, с которой все люди повседневно так или иначе, прямо или косвенно сталкиваются. Более того, проблемы — это то, с чем человек всегда имел и непременно будет иметь дело независимо от его желания, возраста, пола, расы, национальности, места проживания или эпохи, в которую ему довелось жить.

При этом важно подчеркнуть, что всевозможные проблемы, вопреки распространенному мнению, не возникают в силу лишь объективных, независящих от человека причин, а инициируются, порождаются, создаются самими людьми в результате их теоретической и практической деятельности и сами по себе, вне человеческого бытия, не существуют. И более того, проблемы не только вырастают на почве различных конфликтов, нерешенных задач и незакрытых вопросов, но и, в случае, если они не получают решения, то становятся источником и причиной последующих, еще более неприятных ситуаций для человека.

Таким образом, как будет показано ниже, *нерешенность стоящих перед человеком актуальных вопросов и задач*, ведет к **проблемам**. Нерешенность *проблем* — порождает **кризис**. Непреодоленный *кризис* перерастает в **коллапс**. Неадекватная реакция на *коллапс* приводит к **катастрофе**. Неспособность справиться с *катастрофой* — заканчивается **крахом**. Отсутствие адекватной реакции на *крах* — означает **конец**.

Итак, осуществление всевозможной деятельности, направленной на решение бесконечного множества **вопросов** и **задач**, выполнение различных видов работ, реализация творческих планов и т.п. — все это лежит в основе человеческого бытия, составляет базис его повседневной жизни. Но человек — не абсолютное совершенство. Чему-то он уделяет большее внимание, чему-то меньшее. Что-то считает главным, важным, а что-то несущественным, второстепенным. При этом он не только принимает правильные решения, но и допускает ошибки, не только познает реальное положение вещей, но и заблуждается, наконец, в достижении своих целей может быть движим как высокими и благородными помыслами, так и злым умыслом, корыстными интересами. В итоге, неудовлетворительное ре-

шение или его отсутствие, а то и вовсе игнорирование текущих задач и обычных вопросов повышает их актуализацию, ведет к обострению того, что требовало своевременной и адекватной реакции и, как следствие, к появлению *проблем*.

Обращаясь к определению данного понятия, которое в различных вариациях приводится в специальной литературе, не трудно заметить, что оно концентрирует внимание, как правило, на том, что **проблема**, это «сложный вопрос, задача, требующие разрешения, исследования»¹. В другой интерпретации — это «неразрешенная задача или вопросы, подготовленные к разрешению»². Проблему понимают также как «теоретический или практический вопрос, требующий решения, преодоления, изучения, исследования»³.

В Новой философской энциклопедии *проблема* определяется как «объективно возникающий в ходе развития познания вопрос или целостный комплекс вопросов, решение которых представляет существенный практический или теоретический интерес»⁴. В данном случае хотя и подчеркивается объективный характер вопросов, лежащих в основе проблемы, тем не менее, суть самой проблемы непосредственно связывается с познавательной деятельностью человека. Однако все многообразие проблем, с которыми сталкивается современный человек и общество в целом, только к познавательной деятельности не сводится. Многочисленные проблемы возникают также в быту, в повседневной жизни людей, в результате преодоления какой-то помехи, препятствия; выполнения той или иной конкретной работы, разрешения противоречий и т.п. Иными словами, все мы живем в мире разнообразных и нескончаемых проблем, т.е. буквально погружены в проблемное поле, в котором преодоление одних сопряжено с появлением все новых и новых проблем.

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. 13-е изд. испр. М.: Русский язык, 1981. С. 537.

² Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 1997. С. 366.

³ Глобалистика: Энциклопедия / гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков; Центр научных и прикладных программ «Диалог». М.: Радуга, 2003. С. 854.

⁴ Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 2001. С. 356.

Такое положение дел должно было бы сопровождаться особым интересом к данной теме. Но, как ни парадоксально, всевозможные проблемы (как предмет исследований) остаются без должного внимания даже касательно тех сфер общественной жизни, в которых они, казалось бы, никак не могут быть проигнорированы (*политика, юриспруденция, социальная сфера, экология, наконец, сам человек и его бытие*). Но это именно так, и подтверждением тому является полное отсутствие как самого понятия «проблема», так и его производных в таких фундаментальных справочных изданиях, посвященных отдельным сферам общественной жизни, как «Социологическая энциклопедия», «Энциклопедия власти», «Юридическая энциклопедия», «Экологический энциклопедический словарь», «Человек: энциклопедический словарь»¹ и др.

Уточняя и конкретизируя понятие «проблема», следует указать на греческие корни его происхождения (от греч. *problema* — задача, задание, трудность, преграда), а также важно подчеркнуть, что дело непременно касается любой деятельности человека, в результате которой возникает ситуация или вопрос, вызывающие затруднение, беспокойство, неудобство, напряжение или представляющие определенную угрозу, а потому требующие принятия определенных мер для их изучения, разрешения, и по возможности преодоления.

Так, например, практическая деятельность, связанная с решением прикладных задач, сталкивается, как правило, с такого рода проблемами, как появление непредвиденных обстоятельств, препятствующих достижению поставленных целей, загрязнение окружающей среды, отказ в работе техники, поломка оборудования и т.п.

В творческой деятельности, в частности, в науке проблемой является спорная задача, неудовлетворительное решение актуального вопроса или противоречивая ситуация, характери-

¹ См.: Социологическая энциклопедия: в 2 т. М.: Мысль, 2003; Халипов В.Ф. Энциклопедия власти. М.: Академический проект, Культура, 2005; Юридическая энциклопедия. М.: Юрист, 2001; Экологический энциклопедический словарь. М.: ИД Ноосфера, 2000; Волков Ю.Г., Поликарпов В.С. Человек: энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 1999; Словарь философских терминов. М.: ИНФРА-М, 2004.

зующиеся своей неоднозначностью в объяснении каких-либо явлений, объектов, процессов и выступающие в виде несовпадающих, противоположных позиций отдельных ученых или научных сообществ, предлагающих различные теории и подходы для разрешения соответствующей ситуации.

Проблема обычно возникает как результат неудовлетворенности существующим положением дел на стыке познанного и непознанного, возможного и действительного, желаемого и сущего. В отличие от псевдопроблемы, которая обладает лишь кажущейся значимостью, реальная проблема всегда содержательна, имеет конструктивный характер и сопряжена с интересами людей. В ходе поступательного исторического развития и усложнения социально-экономических, политических отношений, культурного, научного и технического прогресса множились и всевозможные проблемы. Захватывая все новые области познания и практики, они также становились более сложными, комплексными, междисциплинарными.

В глобалистике «проблема» является одним из центральных понятий, так как правильное определение и корректное формулирование проблемы имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение. Глобализирующийся мир поставил перед человечеством принципиально новые, никогда прежде не существовавшие *глобальные проблемы*, преодоление которых является условием выживания всего мирового сообщества и сохранения биологического разнообразия на планете¹. Но человечество в целом, как и отдельные социальные системы постоянно и непременно сталкиваются с огромным количеством и других всевозможных проблем, решение которых требует соответствующих затрат: времени, средств, ресурсов, усилий, энергии и т.п. Последние же, как правило, ограничены и распределяются в зависимости от отношения людей к той или иной проблеме, понимания ее важности, значимости, опасности, срочности решения и актуальности.

В этой связи, в зависимости от конкретных целей и задач, выделяются различные уровни проблем: *частные, локальные, региональные и глобальные (мировые)*, где основанием деления

¹ См.: Чумаков А.Н. Философия глобальных проблем. М.: Знание, 1994.

выступает территориальная значимость проблемы. По другому критерию, когда имеют в виду количество стран и народов, вовлеченных в ту или иную проблему, выделяют: *общечеловеческие, межнациональные, национальные, местные* проблемы. Если за основание деления принимаются различные сферы общественной жизни, то речь идет о проблемах *экономических, социальных, политических, идеологических, культурных, конфессиональных, экологических и т.п.* При иных основаниях можно выделить множество и других проблем, которые в реальной жизни явно или неявно выстраиваются, как правило, в определенную шкалу приоритетов и в зависимости от этого получают или не получают соответствующего решения.

С субъективной точки зрения проблема всегда воспринимается в негативном аспекте, хотя для такой оценки нет достаточных оснований, ибо это лишь результат нерешенных ранее вопросов, а появление проблемы есть только напоминание об этом и требование заняться все-таки решением того, чему следовало бы уделить должное внимание раньше. Иными словами, в природе (изначально) проблем нет. Мы их создаем сами, поскольку своевременно не реагируем на вопросы и задачи, требующие соответствующего отношения к себе. Конечно, рассуждая теоретически, можно предположить жизнь человека без проблем. Но в реальности так не получается, поскольку никто не в состоянии предусмотреть все до мелочей, просчитать и так выверить свои поступки и действия, чтобы своевременно отреагировать на все, что требует соответствующего внимания и таким образом исключить появление проблем.

Отсюда следует, *что наилучший способ справиться с проблемами заключается не в том, чтобы полностью избавиться от всех проблем, исключить саму возможность их появления, а в том, чтобы предпринимая необходимые усилия для их преодоления, научиться в то же время жить с ними, принимать их как должное и стремиться к тому, чтобы не порождать их там, где этого можно избежать.* Данное утверждение имеет принципиальное значение, поскольку несоблюдение этого положения (правила поведения) чревато такими последствиями как *отсутствие (недостижение) ожидаемого результата*, а то и вовсе *усугубление проблемы, потеря времени и средств*, нако-

нец, уныние, разочарование и утрата веры в собственные силы и возможности. История с окончательно провалившимися многочисленными попытками преодолеть глобальные проблемы современности, полностью устранить, элиминировать их из жизни общества, как это ставилось в качестве главной задачи перед человечеством в 70–80-е гг. XX в., когда только приступили к решению «открывшихся» тогда глобальных проблем, лишь подтверждает сказанное. В итоге, лишь спустя десятилетия, когда вскрылась истинная природа глобальных проблем, порождаемых процессами глобализации, стало понятно, что у глобального человечества, вступившего в эпоху глобализации, по определению не может не быть глобальных проблем и «преодолеть их полностью», «устранить из жизни общества» можно лишь ценою уничтожения самого человечества.

Важно также понимать, что дело касается динамичных процессов, т.е. проблемы эволюционируют: иногда (даже сами по себе) ослабевая, но обычно усиливаясь и возрастая¹. При этом, не получая своевременного и должного решения, они проявляют, как правило, тенденцию к их усугублению и обострению, приобретая новое качественное состояние, именуемое *кризисом*. Обычно этот переход проблемы из одного состояния в другое проходит через ситуацию предкризисного состояния, когда посредством целенаправленных и адекватных действий еще можно исправить положение дел без серьезных и непоправимых последствий. В этом случае важную роль играет фактор времени, упустив которое, кардинально исправить ситуацию практически уже не получится, поскольку непреодоленная предкризисная ситуация с необходимостью переходит в начальную фазу реального кризиса.

¹ Следует заметить, что на локальном уровне при изменении ситуации или обстоятельств, породивших ту или иную относительно несложную проблему, она может самопроизвольно потерять свою актуальность, а то и вовсе перестать существовать. На региональном же уровне, тем более, на глобальном такого не происходит (в лучшем случае, может произойти некоторое ослабление актуальности), поскольку проблемы таких масштабов являются следствием множества разноплановых, как правило, исторически обусловленных причин и имеют весьма сложный, комплексный характер.

Кризис (от греч. *krisis* — поворотный пункт, исход) — «резкий, крутой перелом в чем либо, тяжелое переходное состояние..; острое затруднение с чем-либо..; тяжелое положение»¹. В различных сферах общественной жизни кризисы имеют свою специфику и проявляются по-разному. Так, в *политической* сфере кризисом именуют такое положение дел, когда «верхи» уже не могут управлять, а «низы» не хотят жить по-старому, что порождает «революционную ситуацию»². Ярким примером масштабного *экономического* кризиса является Великая депрессия 1930-х гг., охватившая практически весь мир (за исключением СССР). Тогда начавшаяся биржевая лихорадка привела к обвалу сложившейся финансово-экономической системы, что повлекло катастрофические последствия для многих стран и народов. Так, только в США к 1932 г. производство упало почти в 2 раза по сравнению с 1929 г.

В области *науки*, в частности, в Новой философской энциклопедии кризис определяется как «ситуация, в которой научное сообщество ставит под сомнение концептуальные и методологические основания парадигмы научного исследования. В ситуации кризиса разрушаются устойчивые стереотипы восприятия научных данных, стандарты оценок, допустимых объяснений, размываются границы научной рациональности»³. Применительно к *демографической* сфере кризис рассматривается как «глубокое нарушение воспроизводства населения, угрожающее существованию самого населения»⁴. В последние годы все возрастающее беспокойство вызывают различных масштабов *экологические кризисы*, которые представляют собой «напряженное состояние взаимоотношений между человечеством и природой, характеризующееся несоответствием развития производительных сил и производственных отноше-

¹ Советский энциклопедический словарь. 4-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1988. С. 654.

² Ленин В. И. Маевка революционного пролетариата // ПСС. Т. 23. 5-е изд. М.: Политиздат, 1973. С. 300.

³ Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т.3. М.: Мысль, 2001. С. 321.

⁴ Демографический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1985. С. 212.

ний в человеческом обществе экологическим возможностям биосферы»¹.

Итак, если рассматривать данное явление не только с позиции того, чем оно является, но и с точки зрения его происхождения, то вполне очевидно, что кризис — это тоже проблема, но особого рода. Точнее — это такой уровень, степень развития проблемы, когда она становится предельно актуальной, выступая на первый план и отодвигая, затмевая собою другие проблемы, а ее негативные (нежелательные) последствия становятся *необратимыми*². Последнее обстоятельство является принципиально важным, поскольку, в отличие от преодоления проблем, когда их негативные последствия могут быть полностью устранены, преодоление кризиса всегда сопровождается остаточными явлениями негативного свойства, а цена преодоления кризиса всегда больше цены решения породившей его проблемы. Иными словами, не предпринимая необходимых действий для решения той или иной проблемы, получают, как правило, кризис, для преодоления которого требуется уже гораздо больше средств и усилий. А изыскивать средства и прилагать значительные усилия приходится уже по необходимости, поскольку опять-таки, в отличие от проблем, с которыми все так или иначе могут жить и живут, с кризисом жить весьма дискомфортно, а главное, опасно, тем более, продолжительное время.

Так, например, *политический, экономический, финансовый или экологический* кризисы, которые периодически случаются на всех уровнях — от локальных до глобального, значительно дестабилизируют общественную жизнь и привлекают к себе пристальное внимание до тех пор, пока с ними не удастся справиться. При этом если на локальном уровне кризисы затрагивают лишь отдельные относительно незначительные территории и проживающих там людей, а на региональном уровне они охватывают те или иные страны и континенты и могут быть уже

¹ Экологический энциклопедический словарь. М.: ИД Ноосфера, 2000. С. 764.

² См.: Глобалистика: Международный междисциплинарный энциклопедический словарь / гл. ред.: И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. М.; СПб.; Н.-Й.: ИЦ «ЕЛИМА», ИД «Питер», 2006. С. 459.

системными, т.е. захватывать одновременно несколько сфер общественной жизни, то на глобальном уровне кризис проявляется как планетарное явление и имеет, как правило, системный характер.

Но можно ли избежать кризисов? В принципе можно, но для этого необходимо своевременно предпринимать соответствующие меры по решению предшествующих им проблем. Появление кризисной ситуации в той или иной сфере общественной жизни, а то и в определенной социальной системе в целом происходит не случайно и является важным сигналом того, что положение дел в данной области резко обострилось, поскольку актуальные проблемы не решаются. Иными словами, кризис — это серьезное «естественное» предупреждение о неблагоприятном положении дел, когда откладывать занятия этими делами больше нельзя. К тому же, кризисы также как и проблемы динамичны и сами по себе, в отличие от последних, пройти не могут. Их можно ослабить, но, в конечном счете, нужно как можно скорее преодолевать, поскольку иначе они будут обостряться, усугубляться, перерастать в еще более серьезную фазу. Кризис — это последнее серьезное предупреждение о необходимости предпринять срочные, безотлагательные меры по реформированию и сохранению системы (по сути прежнего, но обновленного порядка вещей), когда «точка невозврата» еще не пройдена, и ситуация может быть исправлена.

В противном случае, наступает **коллапс** за которым практически с неизбежностью следует *катастрофа*. Разница между этими двумя понятиями не слишком большая, но она есть. Их разделяет настолько тонкий переход, что нередко *коллапс* и *катастрофа* употребляются как синонимы. Однако в контексте данного разговора эта разница имеет значение, так как коллапс — еще не настоящая катастрофа, а скорее предвестник, переходная фаза, начальная стадия ее и последний сигнал того, что достигнута «точка невозврата». И, тем не менее, в состоянии коллапса еще остается, хотя и минимальная, но все-таки реальная возможность сохранения системы в качестве ее некой былой целостности.

Термин «*коллапс*» (от лат. *collapsus* — упавший) употребляется по большей части в области медицины для описания угро-

жающего жизни состояния, характеризующегося «падением кровяного давления и ухудшением кровоснабжения жизненно важных органов»¹. Коллапс — это очень тяжелое патологическое состояние пациента, требующее немедленного медицинского вмешательства. Вместе с тем, данный термин активно используется и в других сферах теории и практики для обозначения состояния или процесса разрушения какой-либо структуры под влиянием системного кризиса.

Так, например, коллапсы имеют место в *политической* сфере, когда назревающий кризис власти не получает своевременного и адекватного решения и, как следствие, политические элиты и властные структуры теряют управление обществом. Это и есть состояние коллапса, достижение «точки невозврата», проходя которую, события становятся необратимыми, перерастая в социальную революцию со всеми характерными для нее революционными последствиями и кардинальными преобразованиями. Коллапс может случиться также в сфере *экономики*, если не будет преодолен экономический кризис, и произойдет разрушение баланса между спросом и предложением на товары и услуги, вызванное резким спадом экономического производства, массовыми банкротствами и параличом устоявшихся производственных связей и отношений. В последние десятилетия огромные мегаполисы все больше сталкиваются с так называемым «*транспортным коллапсом*», когда возникают колоссальные дорожные заторы, при которых то или иное непредвиденное нарушение предельно плотного движения автотранспорта приводит к полной блокировке транспортных средств.

Коллапс не может продолжаться слишком долго, поскольку в отсутствие принятия оперативных и адекватных действий, он достаточно быстро перерастает в *катастрофу*, которая зачастую представляется как неожиданное явление, поскольку возможность ее наступления игнорировалась или в силу объективных причин не замечалась, а разрушительные и болезненные последствия ее резко меняют ход событий и затрагивают практически каждого, кто оказался в зоне ее действия. Природные

¹ Советский энциклопедический словарь. 4-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1988. С. 601.

катастрофы тем более оказываются неожиданными, так как практически непредсказуемы и развиваются по большей части стремительно.

Катастрофа (греч. *katastrophe* — поворот, переворот) — «внезапное бедствие, событие, влекущее за собой тяжелые последствия»¹; «скачкообразное структурно-функциональное изменение в системе, приводящее к значительному нарушению режима ее функционирования или разрушению системы»². Относительно общественных систем катастрофы — это всегда несчастье, бедствие, трагедия, крайне опасные события с трагическими последствиями, которые уже невозможно проигнорировать ни при каких обстоятельствах. В общественной жизни они возникают, как правило, в результате полной потери контроля над ходом событий и сопровождаются гибелью людей, а также непоправимыми последствиями, сопряженными с разрушением и уничтожением объектов инфраструктуры и материальных ценностей в значительных размерах. Катастрофы могут быть также результатом природных аномалий, катаклизмов, стихийных бедствий или чрезвычайных техногенных ситуаций, крупных аварий и т.п., и приводят обычно к серьезному ущербу для окружающей природной среды.

В зависимости от характера изначальных причин, породивших те или иные катаклизмы, катастрофы бывают *естественные* (природные) и *антропогенные*, а в зависимости от их масштаба они могут быть *локальными*, *региональными* и *глобальными* (планетарными, общечеловеческими).

Естественные катастрофы периодически происходят в результате разрушительного действия стихийных сил природы, таких как мощные и масштабные землетрясения, цунами, ураганы, наводнения, извержения вулканов и т.п. Их нельзя предотвратить и все, что может сделать человек — это заблаговременно проявить должную предусмотрительность и быть

¹ Словарь иностранных слов. 7-е изд., перераб. М.: Русский язык, 1980. С. 225.

² Глобалистика: Международный междисциплинарный энциклопедический словарь / гл. ред.: И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. М.; СПб.; Н.-Й.: ИЦ «ЕЛИМА», ИД «Питер», 2006. С. 398.

максимально готовым противостоять стихии, устраняя затем с минимально возможными потерями ее негативные последствия.

Антропогенные же катастрофы, обусловленные деятельностью человека, можно с определенной долей условности подразделить на *социальные, техногенные* (промышленные) и *социоприродные*. Социальной катастрофой на локальном уровне стало, например, правление во второй половине 1970-х гг. режима Пол Пота в Камбодже, сопровождавшееся массовыми репрессиями и голодом, что привело к гибели, по разным оценкам, от 1 до 3 млн человек. Примером такого же рода, является и геноцид 1994 г. в Руанде, считающийся одним из самых страшных преступлений против человечности XX в. На региональном уровне примерами социальных катастроф могут быть современные события на Ближнем Востоке, скоротечные разрушения империй или, например, социалистической системы на рубеже 1980–1990-х гг. Наконец, глобальными (общечеловеческими) социальными катастрофами были, несомненно, Первая и Вторая мировые войны.

Техногенные катастрофы локального масштаба периодически происходят на строительных объектах, сооружениях, предприятиях, как то случилось, например, на химическом заводе в индийском городе Бхопал в 1984 г., в результате чего погибло более 18 тысяч человек. Таковыми же являются и масштабные разливы нефти вблизи берегов после крушения нефтеналивных судов. Региональный масштаб техногенная катастрофа приобретает тогда, когда она распространяется на обширные территории и непосредственно затрагивает многие страны и народы. Подобное событие случилось, например, в 1986 г., когда разрушилась Чернобыльская атомная станция, радиационное загрязнение от которой, непреодоленное и до настоящего времени, нанесло колоссальный ущерб миллионам людей во многих странах Европы. В 2010 г. в Мексиканском заливе произошла также региональная техногенная катастрофа, когда в результате масштабной аварии на нефтяной платформе, повлекшей человеческие жертвы, в воды залива вылилось порядка 5 млн баррелей нефти, а площадь нефтяного пятна составила 75 тыс. км². В итоге всей акватории Мексиканского залива был

нанесен колоссальный экологический ущерб. На глобальном уровне техногенных катастроф еще не было, но потенциально человечество уже вплотную приблизилось к осуществлению такого рода сценария, который может стать реальностью, если, например, в силу тех или иных причин в различных частях планеты одновременно произойдут события, аналогичные Чернобыльской трагедии.

Наконец, *социоприродные катастрофы* обусловлены взаимодействием общества с природой и имеют, как правило, экологическую направленность. Такого рода катастрофы именуются экологическими и по своим масштабам могут быть любого уровня (от локального до глобального) и представлять как реальную, так и потенциальную угрозу. В специальной литературе экологическая катастрофа определяется как «явление, характеризующееся разрушительным воздействием на окружающую среду какого-либо региона или местности, в том числе и на все живое, обитающее в пределах этого пространства, включая и людей. Такие катастрофы могут быть связаны как с аномальными природными явлениями, так и с антропогенным влиянием, включая и технические аварии крупного масштаба»¹. Вполне реальной экологической катастрофой стало, например, практическое исчезновение Аральского моря, в считанные десятилетия высохшего до размеров озера в результате нарушения законов рационального природопользования. Потенциальной катастрофой являются климатические изменения планеты, связанные с антропогенным воздействием на атмосферу Земли.

И все-таки катастрофа — еще не окончательный приговор судьбы. В принципе даже ее еще можно пережить, приложив максимум усилий для сохранения жизнеспособности системы и смирившись с огромными потерями и издержками, абсолютно неизбежными в таких случаях.

И уж только когда не удастся пережить катастрофу, то после этого наступает **крах** (от нем. *krach*) — «разорение, банкротство,

¹ Глобалистика: Энциклопедия / гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков; Центр научных и прикладных программ «Диалог». М.: Радуга, 2003. С. 432.

полная неудача, провал»¹, т.е. крушение, деструкция, окончательное фиаско (касается ли это идей, проектов, замыслов, тех или иных структур, организаций, объектов, систем и т.п.), после чего остаются только разруха и руины и, разве что, *надежда*, которая, как известно, умирает последней.

А вот когда умирает и надежда, то наступает **конец** (*смерть, гибель, финал*), и тогда остается уже только *память*, да и то, в лучшем случае, если есть кому ее хранить...

Итак, возвращаясь к реалиям, в которых живет как отдельный человек, так и любая общественная система, следует подчеркнуть, что никто не может рассчитывать на беспроблемную жизнь. Проблемы это то, чего нельзя избежать, хотя и нужно стремиться к их недопущению. А вот все, что следует после них (кризис, коллапс, катастрофа, крах), — это уже ответственность самого человека или общественной системы, если только такого рода катаклизмы не являются результатом естественных (природных) стихий. К тому же важно подчеркнуть, что спектр возможностей для действия, чтобы преодолеть ситуацию постоянно сужается...

Отсюда вопрос принципиальной важности, — где та черта, граница, где тот предел, до которого проблемное поле можно считать приемлемым? В контексте сказанного выше в ряду негативных явлений еще допустимым и даже вполне приемлемым вариантом развития событий следует считать **кризис**, поскольку, как уже отмечалось, человек не может не совершать ошибок и просчетов, но может и должен нести за них ответственность, в частности, платя более высокую цену за преодоление кризиса, если упустил шанс справиться с предшествовавшей ему проблемой. А вот дальнейший ход событий (за «точкой невозврата») губителен и должен предотвращаться всеми силами и средствами.

Иными словами, кризиса, если уж до этого дошло дело, бояться не надо. Он не столько наказание, сколько предупреждение о допущенных ошибках и просчетах, которые требуют исправления. Кризис не только разрушает старое, отжившее, плохо работающее, но и требует новых подходов, нацеливает на

¹ Словарь иностранных слов. 7-е изд., перераб. М.: Русский язык, 1980. С. 265.

нестандартные решения. Кризис — это новые возможности! Это шанс выстроить все заново, сохранив лучшее, жизнеспособное и отказавшись от устаревшего, неэффективного, а то и вовсе уже непригодного.

Особый интерес в этой связи представляет обращение к рыночной экономике, где кризисы являются закономерным явлением, поскольку спрос и предложение, из-за несоответствия которых и возникают кризисы, регулируются естественным путем на основе свободной конкуренции. С точки зрения классической политэкономии, берущей начало еще от Адама Смита, кризисы — это вполне нормальное состояние саморегулирующейся экономики, когда происходит естественный отбор, и в бизнесе остаются только лучшие фирмы и эффективные производители.

Аналогичное отношение к кризисам следовало бы практиковать и в других сферах общественной жизни. И в самом деле, кризисы возникают не вдруг и не сразу. Они являются результатом соответствующей политики, экономических отношений, образа жизни, наконец, определенного мировоззрения людей, и потому их наступление становится, как правило, лишь делом времени. Когда уже не хватает сил и разума контролировать противоестественный ход событий, где верх берут человеческие пороки (жадность, тщеславие, амбиции, невежество), на помощь в борьбе со стихией общественных отношений и человеческой глупостью приходит, причем вопреки воле и желанию кого бы то ни было, Его Величество Кризис. Разрушая порочный порядок вещей и расчищая место для появления новых структур и других отношений, он оказывается меньшим злом, нежели сохранение отжившего, и становится, в конечном счете, благом и спасением, если, конечно, адекватно оценивается ситуация и делаются правильные выводы.

Сказанное становится все более актуальным применительно к положению дел в современном мире, где под воздействием процессов глобализации, усиливаются и обостряются кризисные явления и тенденции. В первую очередь они обусловлены тем, что по всем основным параметрам общественной жизни глобальный мир уже практически полностью стал целостной системой, тогда как механизмов управления этим новым и ка-

чественно изменившимся миром до сих пор не создано. И нет оснований ожидать появления таких механизмов, во всяком случае, в обозримой перспективе, поскольку мировое сообщество, пребывающее своими составными частями в «национальных квартирах», т.е. разделенное на почти две сотни суверенных национальных государств и замкнувшееся в них, не принимает совместных согласованных и адекватных мер для решения такой задачи. Однако без этого мировое сообщество ждет серьезные испытания и вряд ли благополучное будущее. Выходит, что очередного системного планетарного кризиса не миновать; и остается только надеяться, что он не выйдет за рамки хотя бы относительно мирного формата.

Как иронично заметил в этой связи сатирик М. Жванецкий: «От кризиса я жду только хорошего!.. Деньги станут подлинными, жизнь будет реальной»¹. И это действительно так. Точнее, почти так, ибо то, что в результате кризисов лопаются финансовые «мыльные пузыри», банкротятся многие предприятия, скукоживаются показная роскошь и избыточное богатство — очевидно. Такие ситуации обычно сопровождаются ростом напряжения в социальной, политической, идеологической сферах с плохо предсказуемыми последствиями. Но это далеко не все, что сулит грядущий мировой системный кризис, поскольку современный мир принципиально отличается от всех предшествующих состояний и даже от того, каким он был еще четверть века тому назад. Главное, что произошло за это время — на фоне беспрецедентных результатов информационно-технологической революции и вкуче с нею глобализация окончательно стала многоаспектной, плотно и бесповоротно завязав тугой узел взаимосвязей и взаимоотношений всех без исключения стран и народов.

В этой связи слабой стороной многих «аналитиков», рассуждающих о скором или отдаленном выходе из разрастающегося кризиса является то, что они затрагивают, как правило, проблемы той или иной страны и даже регионов, рассматривают отдельные аспекты общественной жизни, но не мыслят катего-

¹ *Жванецкий М.* Я жду от кризиса только хорошего! // Еженедельник Аргументы и факты. 24.12.2008. № 52.

риями целого. Еще меньше доверия заслуживают политики и их прогнозы. Реагируя на настроение избирателей, они говорят все, что тем угодно, лишь бы делать все, что им угодно. Остается наука и философия. И хотя они, конечно же, не всемогущи, лучших способов познания и рационального преобразования мира у людей нет. Но, если с наукой принято считаться, то к философии обращаются, как заметил еще Сенека, тогда, когда становится совсем уж плохо. А без нее, без должного понимания диалектики и дедукции справиться с мировой проблематикой не представляется возможным, ибо решение региональных, государственных, да и национальных проблем теперь по большей части нужно вписывать в мировой контекст, соизмеряя их с общечеловеческим масштабом и общей логикой глобальных тенденций.

При этом не стоит обманываться, проводя аналогии или исторические параллели между нарастающим современным кризисом и теми, что уже имели место в истории. Нередко ссылаются в этой связи, например, на опыт преодоления Великой депрессии 1930-х годов. Но современные процессы имеют по сути своей иную природу и другой масштаб. Тогда кризис при всем его размахе был *региональный*, поскольку значительной части планеты (СССР) он не затронул, и принципиальных усилий по сути одного государства (США), в конечном счете, оказалось достаточно, чтобы его преодолеть. Теперь же, и это впервые в истории человечества, речь идет о кризисе *глобальном*, к тому же, системном, т.е. затрагивающим не отдельные стороны, а всю архитектуру мирового устройства, когда многоаспектная глобализация лишает возможности любую страну и любой народ безучастно наблюдать со стороны за происходящими событиями. В то же время ни одна страна и даже группа стран не в состоянии взять на себя функцию не то что управления, но даже координации мировыми процессами, ибо у государства вообще и любого конкретного государства, в частности, свои, принципиально иные задачи. Это одна из причин того, что сегодня никто не готов к кардинальной перестройке международных отношений, чтобы создать систему хотя бы регулирования, как минимум, мировым хозяйством (не говоря уже обо всех важнейших сферах общественной жизни). Решение такой

задачи не под силу ни одному государству и может быть делом только абсолютного большинства человечества.

Какой и когда будет найден выход из этой пока что патовой ситуации — покажет время, но что вполне очевидно уже сейчас, так это то, что сама собой складывающаяся ситуация окончательно не разрешится и потребуются немало оригинальных идей и нестандартных решений. А если таковые вовремя не последуют, то будучи саморегулирующейся системой, живая оболочка Земли (биосфера, природа) незамедлительноотреагирует, еще больше «закручивая гайки» все тем же проверенным, простым и безотказно действующим способом — кризисом, только еще более сильным. Эмоции и сострадания ей не ведомы и рассчитывать человеку остается только на себя, точнее, на свою голову, в которой, собственно, все кризисы и начинаются, но (что несколько обнадеживает) с ее же помощью, в конечном счете, и преодолеваются. Вот почему при кризисах, когда только и разговоры о том, «где дно?», «как низко упадет производство в результате кризиса?», следовало бы искать не дно кризиса, а вершину, с которой его можно было бы увидеть!

6.3. «Мягкая сила» как фактор влияния и способ реализации своих интересов

Понятие «мягкая сила» хотя и появилось совсем недавно, отражает оно явление столь же древнее, как и человеческие отношения. Сила эта так же естественна и неотделима от повседневной жизни людей, как и их извечная борьба за существование, стремление к лучшим условиям жизни, наконец, как противостояние различных мнений, интересов и позиций в решении всевозможных вопросов и достижении тех или иных целей. Среди множества приемов, методов и средств, применяемых для решения такого рода задач как отдельными людьми, так и различными общественными группами, организациями, структурами и системами, *сила* вообще и «мягкая», в частности, занимает ключевое положение.

Обычно в справочной литературе понятие «сила» определяется как *физическая величина*, являющаяся мерой воздействия на то или иное тело со стороны других тел или как

«способность проявления какой-нибудь деятельности, состояния, отличающаяся определенной степенью напряженности, устремленности»¹. В такой интерпретации термин широко употребляется по отношению как к живой и неживой природе, так и к сфере духа. В этой связи говорят, например, о силе ветра, шторма или землетрясения; о сильной политике, производительных силах или сильном государстве; наконец, о силе слова, духа, искусства и т.п. При этом сила может быть как *непосредственной, явной*, так и *скрытой, незаметной, косвенной, опосредованной*, а также *жесткой, грубой, мягкой, слабой, незначительной*, наконец, *доброй и злой, полезной и вредной, светлой и темной*. В последнее время на волне все более активного использования санкций в качестве средства преодоления транснациональных противоречий следовало бы ввести еще одно понятие — «умеренная сила», о чем еще будет сказано ниже.

Что касается «*мягкой силы*», то выражение это метафорическое (как и другие качественные характеристики силы), поскольку в отличие от силы вообще, которая является векторной физической величиной и имеет конкретные измерения², *мягкая сила*, как и *жесткая, темная, злая* и т.п., выражает оценочное (субъективное) суждение, не имеющее количественных характеристик. Отсюда сфера применения данного термина ограничивается только общественными отношениями, поскольку в основе действия такой силы лежат взаимоотношения людей и социальных систем, обусловленные их целями, планами, помыслами и интересами.

Впервые термин «*мягкая сила*» (англ. *soft power*) был введен в оборот в 1990 г. американским политологом Джозефом Найем в его книге «Пределы лидерства: изменение природы американской мощи»³. Впоследствии он развил данное понятие в другой своей книге «Гибкая сила. Как добиться успеха

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. 13-е изд. испр. М.: Русский язык, 1981. С. 637.

² В теоретической физике сила измеряется в ньютонах; сила тока измеряется в амперах, ветра — в метрах в секунду, землетрясения — в баллах и т.п.

³ Nye J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books, 1990.

в мировой политике»¹, опубликованной в 2004 г., где сделал акцент на международные отношения и указывал на три составляющие термина «мягкая сила»: *культура, политические ценности и внешняя политика*. В соответствии с этим подходом «мягкая сила», в отличие от «жесткой силы», основанной на принуждении, *определяется* как способность получать желаемые результаты во взаимодействии с другими субъектами отношений за счет привлекательности собственной культуры, ценностей и внешней политики, без принуждения или непосредственного использования финансовых ресурсов. Иными словами, речь идет о способности формировать чужие предпочтения и побуждать других хотеть вполне конкретного результата, посредством культурной или идеологической притягательности того, кто является источником «мягкой силы». Иными словами, «мягкая сила» — это власть, «которая реализуется в форме определенного коммуникативного воздействия, в процессе которого диктуемое поведение воспринимается реципиентом как собственный свободный и добровольный выбор, приносящий, к тому же, подвластному субъекту радость и удовольствие»².

В последнее время активно используется также термин «умная сила» (*smart power*), который определяется как способность сочетать *жесткую* и *мягкую* силы, умение комбинировать и координировать возможности и ресурсы этих двух сил с целью достижения нужных результатов, когда «мягкая сила» используется для убеждения, притяжения и сотрудничества, а «жесткая сила» — для принуждения и оказания давления. Как отмечает в этой связи Д. Най: «Каждый хорошо знаком с жесткой властью. Мы знаем, что военная или экономическая сила может заставить других изменить свою позицию. Жесткая сила может основываться на побуждении или угрозах. Однако иногда вы можете добиться желаемых результатов и без осязаемых угроз

¹ Nye J. *Soft Power. The Means to Success in World Politics*. N. Y.: Public Affairs, 2004.

² *Soft power: теория ресурсы, дискурс* / под ред. О.Ф. Русаковой. Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи», 2015. С. 7.

или выплат»¹. По существу вся история человеческих отношений выстроена на основе использования именно такого подхода, что соответствует известному выражению в русском языке: «политика кнута и пряника», т.е. достижение определенного результата посредством умелого сочетания наказания и поощрения, принуждения и заинтересованности.

Идея добиваться желаемых результатов на основе почитания, учтивости, добровольного участия, симпатии и привлекательности или, как сказали бы теперь, идея использования «мягкой силы» для достижения своих целей и установления гармонии во взаимоотношениях, вовсе не нова и достаточно хорошо просматривается уже с античности. Так, например, древнекитайский философ Лао-Цзы, живший в VI в. до н. э., отмечал, что в мире нет предмета, который был бы слабее и нежнее воды, но она может разрушить самый твердый предмет. «Твердое ломается, острое тупится, — говорил он. — ...Тот, кто, зная свою силу, сохраняет при этом свою слабость, тот становится руслом [продвижением] Поднебесной»². Аналогичных взглядов придерживался и другой знаменитый философ Древнего Китая Конфуций, который также отдавал предпочтение «мягкой силе», утверждая, что «народ можно принудить к послушанию, его нельзя принудить к знанию»³. А в наставлениях ученикам подчеркивал: «Когда ведешь себя правильно, то за тобой пойдут и без приказа; когда же ведешь себя неправильно, то не послушают, хоть и прикажешь»⁴.

По существу о том же говорится и в притче древнегреческого мудреца Эзопа. «Солнце и Ветер поспорили, кто сильнее, и Ветер сказал: “Я докажу, что сильнее. Видишь, там старик в плаще? Бьюсь об заклад, что смогу заставить его снять плащ быстрее, чем ты”. Солнце спряталось за тучу, а Ветер начал дуть все сильнее и сильнее, пока не превратился почти в ура-

¹ Nye J. *Soft Power. The Means to Success in World Politics*. N. Y.: Public Affairs, 2004. P. 47.

² Древнекитайская философия. Собр. текстов: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1972. С. 291.

³ Конфуций. Уроки мудрости: Соч. М.; Харьков: Эксмо; Фолио, 2005. С. 55.

⁴ Там же. С. 82.

ган. Но чем сильнее он дул, тем крепче закутывался старик в свой плащ. Наконец Ветер стих и прекратился; и тогда Солнце выглянуло из-за тучи и ласково улыбнулось путнику. Путник согрелся под жаркими лучами солнца, повеселел и снял плащ. И Солнце сказало Ветру, что ласка и дружелюбие всегда сильнее ярости и силы»¹. Ярким примером, подчеркивающим особую значимость «мягкой силы», является знаменитое выражение Ф. Бэкона — «знание — сила», а также известное высказывание К. Маркса о том, что «оружие критики не может, конечно, заменить критики оружием, материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой, но теория становится материальной силой, как только она овладевает массами»².

По мере нарастания глобальных процессов и усиления взаимозависимости различных стран и народов, возникало и все больше идей, предшествовавших появлению концепции «мягкой силы». Достаточно вспомнить в этой связи философию ненасилия идеолога национально-освободительного движения Индии Махатмы Ганди, учение которого в первой половине XX в. оказало большое влияние на движение сторонников перемен посредством ненасильственных действий. В 1930–1940-х гг. итальянский философ Антонио Грамши в своей работе «Тюремные тетради»³ разработал концепцию «культурно-идеологической гегемонии», которая получила широкую известность и распространение в европейских и американских научных и деловых кругах. Примерно об этом же в 70-х гг. прошлого века писал, в частности, и австралийский ученый, известный специалист по международным отношениям Х. Булл, рассуждавший о защите национальных интересов посредством минимального физического насилия и максимального акцента на альтернативных методах политического, правового и гуманитарного

¹ Лучшие легенды и притчи // Livejournal. 09.09.2009. URL: <http://inoskaz.livejournal.com/7925.html>

² Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. I. М.: Политиздат, 1955. С. 422.

³ Грамши А. Тюремные тетради. Ч. I. М.: Изд-во политической литературы, 1991.

свойства¹. Наконец, противостояние двух общественно-политических систем в XX в. также сопровождалось широким использованием приемов и методов, относимых теперь к «мягкой силе», среди которых центральное место занимала активная пропаганда ценностей капитализма, с одной стороны, и идей социализма, с другой стороны.

Таким образом, когда в конце XX в. после разрушения двуполярного мира и формирования новой геополитической реальности Дж. Най и другие исследователи вкупе с теоретиками и практиками международной политики активно занялись анализом феномена «мягкой силы», они имели уже неплохо подготовленную почву для построения достаточно обоснованной концепции «мягкого» воздействия на общественное сознание и поведение субъектов международных отношений. По существу они обратили внимание на особое «оружие» массового воздействия, которое в условиях информационно-технологической революции и новейших социально-политических технологий не уступает современным военным средствам, именуемым «жесткой» силой. При этом они первые стали рассматривать «мягкую силу» как важнейший инструмент влияния в глобальном мире, предоставляющем для этого массу новых возможностей, а также как ключевой элемент лидерства и такую притягательную силу, которая заставляет других хотеть того, чего хочет обладатель «мягкой силы» и действовать в интересах, совпадающих с его интересами.

На международном уровне в качестве инструментов, посредством которых осуществляется реализация «мягкой силы», выступают в первую очередь, *культурные ценности (литература, музыка, искусство, кино, радио, телевидение); политические ценности и институты (права человека, верховенство закона, демократия, многопартийность); эффективная социальная политика (наука, образование, медицина), потребительские предпочтения (известные бренды напитков, модной одежды, высококачественной техники) и т.п.* Все это дает эффект и приносит определенные результаты, если сопровождается каждодневной

¹ Bull H. The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. N.Y.: Macmillan, 1977.

работой, направленной на выстраивание долгосрочных доверительных отношений как с правительствами, так и с населением других стран.

Важно подчеркнуть при этом, что «мягкой силой» могут обладать также и негосударственные, в том числе и криминальные структуры, которые могут использовать ее в своих интересах с негативными последствиями, пропагандируя, например, религиозный экстремизм, национальную рознь и т.п. Тенденции такого рода заметно усилились в последние годы вследствие развития сетевых коммуникаций и современных информационных технологий. Проблемы в процессе реализации «мягкой силы» могут возникнуть и по другой причине, в частности, когда недостаточно учитываются глобальные перемены и мировые тенденции, а также значительная разница в культурно-цивилизационном развитии отдельных стран и народов. Это может обернуться неожиданными последствиями, как то произошло, например, с Европейскими странами, где стремление поддерживать репутацию социального государства, доброжелательно-го к иностранцам, породило ряд острых социальных проблем, когда значительный поток беженцев с Ближнего Востока в конце 2015 — начале 2016 гг. устремился в Европу. Европейский уровень и образ жизни достаточно привлекательны для переселенцев, однако жить по нормам и правилам Западного мира они оказались не готовы.

Фактически с этой же проблемой, только в несколько ином аспекте, столкнулись в свое время и СССР (в Афганистане), и США со своими союзниками (в Ираке, Афганистане, Ливии), когда пытались без учета принципиальной разницы в культурно-цивилизационном развитии привнести извне на иную почву (в страны, где для этого не было соответствующих условий) идеи социализма или демократии. Попытки (тогда еще не очень продуманные и несистемные) сочетать, как сказали бы теперь, «мягкую» и «жесткую» силы во всех этих случаях обернулись в итоге тотальным применением «жесткой» силы и не достигли тех результатов, на которые изначально делался расчет. Именно эти неудачи в немалой степени повлияли на формирование особого интереса к разработке целостной концепции «мягкой

силы» и ее применению в решении международных проблем, начиная с 1990-х годов.

Сегодня, в условиях жесткого противостояния различных общественно-политических систем, многие из которых обладают оружием массового поражения и фактически ничем не ограничены в его применении, у них остается только один путь избежать военного столкновения — всемерно использовать мягкую силу в отношениях с другими странами и народами. Если же смотреть с точки зрения дальнейшего развития событий, т.е. перспективы взаимовыгодного сотрудничества и обеспечения мирного сосуществования различных стран и народов, то использование «мягкой силы» в решении локальных и региональных конфликтов оказывается к тому же и самым гуманным, и наиболее эффективным способом достижения таких целей. При этом важно подчеркнуть, что применение «мягкой силы» дает наибольший эффект, пожалуй, в области культурных отношений. Почему именно гуманитарная сфера оказывается наиболее важной для применения такой технологии? Прежде всего потому, что «в современном мире глобальных отношений и острой конкуренции беспспорные преимущества получают те общества, которые оперативно и основательно становятся на путь инновационной и проектной деятельности в различных сферах общественной жизни... Выстоять в этом жестком конкурентном противостоянии, а тем более задавать тон, быть на первых позициях, впереди — значит уделить первостепенное внимание воспитанию и образованию подрастающего поколения. Без основательной гуманитарной подготовки такая задача не имеет решения»¹.

Осознание данного обстоятельства в качестве важнейшего элемента «мягкой силы» и развитие системы образования с учетом этого обстоятельства, прежде всего, в западных странах, сделало их особо привлекательными для студенческой молодежи всего мира. Теперь, в условиях единого информационного

¹ Эскиндаров М.А. Интеллектуальный капитал как важнейший фактор экономического развития // Век глобализации. 2010. № 1. С. 40.

пространства и беспрецедентно возросшей мобильности, западные университеты, являясь крупными научными объединениями и наиболее престижными учебными заведениями, стали основными центрами подготовки наиболее высококвалифицированных кадров практически для всех стран и народов¹. Тем самым они выступают важнейшими инструментами реализации «мягкой силы» соответствующих культурно-цивилизационных систем, т.е. являются проводниками интересов и ценностей тех стран, которые предлагают образовательные услуги будущей элите и потенциальным руководителям многих государств.

Важно отметить в этой связи, что для привлечения в свои университеты иностранных студентов недостаточно развивать только систему образования и науку. Значительную роль при этом играет язык, на котором ведется обучение, а также привлекательность страны с точки зрения ее истории, культурного достояния, социальной стабильности и экономического развития. Показательным примером в этом отношении является Великобритания, которая опирается на мощные традиции связей со своими бывшими колониями. Они и сегодня активно поддерживаются через Британское содружество наций и его союзников в разных частях света. «Мягкую силу» Британии во многом составляют также «английский язык, университеты мирового уровня, исторические здания, институты (например, “Вестминстерская” система демократии), а также идеи — парламент, монархия, “Магна Карта”, правовая система, ББС, фильмы о Джеймсе Бонде и “звездных войнах”, музыка Битлз и других прославленных рок-музыкантов, литература, начиная с Шекспира и кончая Гарри Поттером и т.д.»².

¹ В других странах, где также хорошо осознается важность этой проблемы, например, в Китае, Южной Корее, Сингапуре, в последние годы на науку и образование выделяются очень большие средства и, как следствие, их университеты и научные центры быстро развиваются, занимая все более высокие позиции в соответствующих рейтингах и системах оценок качества высшего образования и подготовки научных кадров.

² *Алексеева Т.А.* «Мягкая сила» в теории и практике международных отношений // Крымское эхо. 01.06.2016. URL: <http://c-eho.info/diskussiya/item/2575-myagkaya-sila-v-teorii-i-praktike>

Другим примером активного стремления к использованию «мягкой силы» в последнее время все больше становится Китай. С усилением его влияния на международной арене китайское руководство все активнее поднимает вопрос о «мягкой силе» страны. В частности, ставится задача «укреплять комплексную силу культуры Китая. Продвигать китайскую культуру, еще лучше выходить в мир, повышать ее международное влияние»¹. В итоге Китай стал вкладывать значительные средства в различные программы развития и помощи зарубежным странам, а также укрепления своего имиджа в сфере образования, науки, традиционной медицины и т.п. Конкретными результатами такой политики являются, например, создание за рубежом множества центров по продвижению китайского языка и культуры, получивших название Институтов Конфуция; впервые проведенные в этой стране в 2007 г. Олимпийские игры, а также предстоящий XXIV Всемирный философский конгресс, который также впервые за всю их более чем столетнюю историю пройдет в Пекине в 2018 г.

С учетом сказанного, а также в целом, с точки зрения эффективности использования мягкой силы, интересными представляются данные ряда агентств, таких, например, как «Портленд», которое составило список из десяти стран, добившихся наибольшего успеха на этом поприще. Возглавила список данного агентства Великобритания. Затем следует Германия, США, Франция и т.д. вплоть до Финляндии, причем упомянуты были только «западные» государства. Ни Китая, ни России в этом списке не оказалось. А вот по данным другого агентства «Монокль», лидеры поменялись местами: «США на первом месте, Германия — на втором, Великобритания — на третьем. Замыкает список из 15 стран азиатская страна Южная Корея (Япония заняла четвертое место)... Агентство “Элькано” также составило свой список из 15 стран, отдав приоритет Европейскому союзу, затем США, Великобритании, Германии. И завершив список Швецией. В этом списке не только появилась Турция (впрочем, на предпоследнем месте), но, наконец-то

¹ Китинов Б.У. Китай: религиозно-духовный дискурс цивилизационного ресурса государства // Мир и политика. 2011. № 10. С. 104–111.

нашлось место Китаю (шестое) и России (седьмое)»¹. Значительная разница по результатам при сопоставлении такого рода списков объясняется в первую очередь различными критериями и методологией, на которые опираются соответствующие агентства, поскольку, как уже отмечалось выше, количественных, т.е. достаточно четких параметров измерения «мягкой силы», не существует, что открывает широкие возможности для выражения субъективных мнений, предпочтений, оценочных суждений, и т.п.

6.4. Санкции — новый инструмент глобальной политики

Рост напряженности и обострение конфронтации в международных отношениях в последние годы являются вполне закономерным явлением, поскольку мировое сообщество, как уже отмечалось выше, на волне многоаспектной глобализации вступило в эпоху «войны всех против всех», тогда как не только механизмов управления, но даже эффективного сдерживания на этом уровне не существует. Отсюда возвращение к временам «холодной войны» уже не кажется чем-то случайным и неожиданным. В этих условиях явно и латентно противоборствующие стороны задействуют весь арсенал средств «мягкой» и «жесткой» силы, за исключением разве что средств массового поражения, несущих угрозу самоуничтожения или полной обструкции со стороны всего мирового сообщества. При этом в числе различных инструментов конфронтационной политики все более важное место отводится санкциям, как средству относительно мирного давления и принуждения к определенным действиям и поведению того или иного субъекта отношений, когда конфликтующие стороны не приходят к согласованным решениям. Таковую меру воздействия следует рассматривать как силу промежуточную между «мягкой» и «жесткой» силами, и было бы правильно именовать ее *«умеренной силой»*.

¹ *Алексеева Т.А.* «Мягкая сила» в теории и практике международных отношений // Крымское эхо. 01.06.2016. URL: [http://c-eho.info/diskussiya/item/2575-myagkaya-sila-v-teorii-i-praktike-](http://c-eho.info/diskussiya/item/2575-myagkaya-sila-v-teorii-i-praktike)

Как инструмент разрешения противоречий на локальном и региональном уровнях санкции — средство не новое. В истории мы найдем немало примеров и аналогий применению «умеренной силы» — разрыв дипломатических отношений, состояние «ни войны, ни мира», «Бостонское чаепитие» и т.п. С давних пор такие акции активно применяются и при взаимодействии различных хозяйствующих субъектов. Однако по мере нарастания и усиления процессов глобализации они приобретают особое значение именно в сфере международных отношений, где всевозможные связи и отношения между различными субъектами этого уровня сплетаются в тугую узел всеобщей взаимозависимости. Это обстоятельство как раз и делает использование санкций в современных условиях достаточно серьезным и относительно новым средством глобальной политики, тогда как еще каких-то полсотни лет тому назад, не говоря уже о предшествующих временах, в их применении на международном уровне не было бы большого смысла. И не только потому, что тесная взаимозависимость различных стран и народов многократно выросла именно за этот период времени, благодаря информационно-технологической революции и многоаспектной глобализации, но и потому, что разделение мира на две противоположные и практически автономные общественно-политические системы предоставляло достаточно возможностей, чтобы обойти любые санкции, не позволяя, к тому же, обеспечить жесткий контроль за их исполнением. После распада социалистической системы санкции стали более действенным инструментом международной политики, так как, с одной стороны, Запад получил новые возможности для объединения более широкого круга субъектов международного права, а с другой стороны, противодействие его санкционной политике заметно ослабло.

В качестве регулятора социальных отношений и средства ненасильственного решения проблем санкции тесно связаны с правовой стороной общественной жизни и, как уже было сказано, уходят далеко в историю, ко временам, когда появляется право. Это следует уже из самого определения данного понятия, которое имеет латинское происхождение (*sanction* —

строжайшее постановление) и в самом общем плане трактуется как «мероприятие против стороны, нарушившей соглашение, договор»¹. Иными словами, санкция — это мера воздействия принудительного характера, применяемая к правонарушителю и влекущая для него неблагоприятные последствия. Подобные меры получили нормативное закрепление в Средние века и стали именоваться «репрессалиями». Санкциями же их стали называться с тех пор, как впервые были упомянуты в таком качестве в Уставе Лиги Наций. Затем такие меры, именуемые санкциями, были закреплены в VII Разделе Устава Организации Объединенных Наций. К настоящему времени санкции получили широкое распространение и в зависимости от сферы деятельности, к которым они относятся, могут быть экономическими, политическими, финансовыми, административными и т.п. С точки зрения вовлеченности в такого рода отношения субъектов той или иной юрисдикции, они могут применяться как внутри государств, так и на международном уровне.

По мере усложнения системы международных отношений, интенсификации транснациональных связей и активного развития, в особенности в XX в., международного права, тема санкций на транснациональном уровне становилась все более популярной. В соответствии с современным международным правом, предусматривающем принцип ответственности государства, последнее обязано возместить ущерб, если таковой будет нанесен его противоправными действиями. *Международные санкции* как раз и применяются в ответ на такие действия и в специальной литературе определяются как «юридически обязательные негативные последствия, которые обязано претерпеть государство, нарушившее свое международное обязательство и тем самым совершившее международно-противоправное деяние»².

Такие санкции вводятся государствами или международными организациями и могут быть поддержаны другими субъектами международного права. Самыми масштабными являются санкции ООН, которые принимаются решением Совета Без-

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. 13-е изд. испр. М.: Русский язык, 1981. С. 620.

² Юридическая энциклопедия. М.: Юрист, 2001. С. 971.

опасности ООН в виде специальных резолюций и являются промежуточными мерами, которые оказываются более суровыми, чем словесное осуждение, но менее жесткими, чем применение силы. Основанием для применения санкций является отказ прекратить неправомерные действия (или исправить их последствия) и выполнить законные требования потерпевших субъектов, а целью — прекращение международного правонарушения, восстановление нарушенных прав и принуждение правонарушителя к добровольному выполнению обязательств, вытекающих из его ответственности. При этом санкции применяются, как правило, только в том случае, когда полностью отсутствуют возможности или исчерпаны все способы согласительного урегулирования конфликта. Формы же такого рода воздействия могут быть самыми разными: эмбарго, бойкот, замораживание вкладов, вывод капиталов из страны-нарушителя, а также разрыв или приостановление дипломатических и консульских отношений. Важно подчеркнуть к тому же, что поскольку основной целью санкций является защита и восстановление уже нарушенных прав субъектов международного права, то они не могут применяться в качестве превентивного действия. При этом ответные меры, являющиеся реакцией того или иного субъекта на введенные против него санкции, даже если они и совпадают по форме с таковыми, с правовой точки зрения, санкциями не являются.

Раскручивание международной санкционной политики, которая в последнее время все больше становится инструментом воздействия на отдельные страны и организации с целью вынудить их изменить свою линию поведения, является наиболее характерным выражением напряженного и нестабильного положения дел в современном мире. Другим ярким проявлением усилившейся нестабильности оказываются «цветные революции», ставшие отличительной чертой мирового порядка с конца XX в. При этом если революции вообще и «цветные» в частности обусловлены внутренними противоречиями того или иного государства и являются квинтэссенцией таких противоречий, острая фаза которых проходит, как правило, относительно быстро, то санкции касаются внешней сферы, то есть возникают

в области взаимоотношений субъектов международного права и могут длиться достаточно долго.

Теперь, когда мир вступил в стадию многоаспектной глобализации, санкции стали обычным явлением, и как бы ни показалось странным, их вполне можно отнести к относительно цивилизованным методам отстаивания своих интересов в международных делах глобального мира, построенного на перманентных противоречиях и противоборстве различных субъектов международного права. По существу, это применение силы, но «силы умеренной», когда урегулировать проблемы путем переговоров или на правовой основе не удастся, а от применения «жесткой силы» конфликтующие стороны по тем или иным причинам хотели бы воздержаться. Иными словами, санкции — это уже не «мягкая сила», но еще и не «жесткая», т.е. промежуточная, сопряженная не только с давлением, принуждением, навязыванием определенных условий, но и с сохранением путей к примирению, возможностью компромиссов.

Разумеется, санкции — это плохо. Это сворачивание торговых, деловых, финансовых и иных отношений, ухудшение экономического положения дел и снижение жизненного уровня, испытывая которые, та или иная сторона конфликта идет или не идет на уступки и соглашения. Однако, как показывает опыт, например, Северной Кореи, Кубы, Ирана, России и др., санкции могут игнорироваться достаточно долгое время без достижения конечных результатов, на которые они изначально рассчитываются. Возможными вариантами развития событий могут быть также либо обострение конфликта и продолжение выяснения отношений, но уже с помощью военной силы, либо уступки и последующее соблюдение достигнутых договоренностей. Примером первого рода является, в частности, Югославия, против которой в 1991 г. Советом Безопасности ООН были введены ограничительные политические, экономические, культурные и другие меры внешнего воздействия, которые были отменены только в 2001 г., после того как военные действия и бомбардировки НАТО этой страны в 1999 г. стали завершающей фазой окончательного развала Югославии.

Что касается конкретных уступок со стороны правонарушителей и значительных результатов от действия санкций, то при-

меров подобного рода наберется не так уж и много. Один из них связан с Южно-Африканской Республикой (ЮАР), международные санкции против которой стали самыми долгими в истории их применения. Они были введены ООН в 1962 г. в связи с действием в стране режима апартеида и длились до 1994 г., когда после крушения апартеида к власти пришло черное большинство, а президентом страны был избран Нельсон Мандела. И, тем не менее, даже этот пример показывает, что санкции имеют относительную эффективность, потому что находится немало способов обойти их. Так, и после введения официального эмбарго на поставки вооружения в ЮАР в 1977 г. многие страны поставляли продукцию собственных ВПК через третьи страны, а ЮАР в свою очередь отправляла им сырье и драгоценные металлы. Как показали исследования Швейцарского национального фонда, «фактически за 25 лет с момента введения санкций и до основных торговых запретов в 1984–1985 годов экономика ЮАР почти не реагировала на происходящее в стенах ООН... Европейские экономисты посчитали, что не санкции стали причиной смены политического курса, ...и что “даже если бы санкций не существовало, апартеид коллапсировал в результате экономических стрессов и нестабильности внутренней системы государства. Санкции ускорили этот процесс, но не были его движущей силой... Падение апартеида не было срежиссировано иностранцами”»¹.

Можно привести и другие аргументы в отношении того, что результативность санкций относительна. Так, «меры экономического воздействия, которыми пользуется Вашингтон для влияния на неудобные ему страны, работают далеко не всегда, пишет колумнист Time Айэн Бреммер. Проанализировав воздействие американских санкций, Бреммер заключил, что изолированные государства наподобие Северной Кореи или Кубы просто не ощущают эффект от санкций настолько, чтобы изменить свою политику, а Россия больше страдает не от действий Вашингтона, а от собственных экономических про-

¹ Апартеид в ЮАР: почему санкции Запада не помогли чернокожим // ruposters. 29.03.2017. URL: <https://ruposters.ru/news/29-03-2017/sankcii-zapreti-rezhim-uar>

блем... Северная Корея, находящаяся под санкциями со времен Корейской войны, практически никак не изменилась: страной по-прежнему правит династия Ким, и она не отказалась от своей ядерной программы»¹.

Итак, как показывает опыт применения международных санкций, сами по себе они не только не приводят к смене режимов в тех странах, против которых они направлены, но зачастую не достигают и даже вполне конкретных результатов, ради которых вводятся. Следствием же такого положения дел становится их постоянная пролонгация; и в этом заключается еще одна особенность санкций, которые вводятся значительно проще, чем отменяются. И в самом деле, пойти на отмену санкций без положительного решения проблем, из-за которых они были введены, можно только или «теряя лицо», или в силу каких-то особых и непредвиденных обстоятельств; тогда как их результативность, как уже отмечалось, имеет, как правило, да и то, в лучшем случае, относительный эффект. К тому же в ответ на санкции нередко следуют ответные меры, что еще больше обостряет отношения сторон, и еще туже затягивает узел противоречий.

И, тем не менее, важно подчеркнуть, что санкции, как односторонние, так и двухсторонние, — это не просто закономерное следствие нерешенных противоречий в международных отношениях, а достаточно эффективный способ выразить свое несогласие и мирно противодействовать другой стороне конфликта в условиях полного отсутствия глобального права, когда «мягкая сила» уже не работает, а ситуация, при которой все структурные элементы глобального мира находятся в тесной взаимозависимости, требует решения. В этих обстоятельствах альтернативой санкциям, при неумении или нежелании сторон договориться, может быть лишь непосредственное применение «жесткой силы» и развязывание военных действий. Здесь уместна аналогия с поссорившимися людьми, когда альтернативой кулаку и ожесточенной драке, выступает непожатие руки и прекращение отношений. Вот почему применение санкций как «умеренной силы»,

¹ Time: американские санкции не так уж часто оказываются эффективными // ИноТВ. 01.08.2017. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2017-08-01/Time-amerikanskie-sankcii-ne-tak>

когда она выступает в качестве альтернативы «жесткой силе», следует рассматривать не только как крайнюю меру, с точки зрения сохранения мира, но и как выбор между плохим и худшим, когда выбирая плохое, все-таки воздерживаются от худшего сценария, сохраняя при этом возможность возвращения к переговорам и достижения взаимоприемлемых договоренностей. Такой подход тем более оправдан, когда дело касается таких конфликтных ситуаций, в которых прямо или косвенно задействованы страны, с планетарной точки зрения, системообразующие, а тем более, обладающие ядерным оружием.

6.5. Конфликт интересов: возможности диалога в современном мире

*Наша жизнь есть то,
что мы о ней думаем.*

Марк Аврелий

Современный мир так быстро и динамично развивается, что мы — непосредственные участники и творцы этих перемен, едва успеваем замечать их, тем более, адекватно реагировать на них. На этом фоне интересы людей и различных социальных систем и без того не всегда осознаваемые, но лежащие в основе их отношений, становятся еще более разнообразными и менее очевидными, что порождает многочисленные противоречия и конфликтные ситуации, истинные корни которых оказываются по большей части за пределами внимания и рационального осмысления. Вполне очевидно, что преодоление таких конфликтов сопровождается, как правило, «методом проб и ошибок», тогда как истинная почва для разногласий не устраняется. Принимая во внимание также тесную взаимозависимость в глобальном мире и то, что говорилось выше об интересах вообще и всевозможных конфликтах, в частности, приходим к выводу, что мировое общество должно уметь *договариваться и находить согласованные решения*, чтобы не погрузиться в пучину хаоса и самоистребления. Как справедливо отмечает в этой связи В.Б. Кувалдин: «Нам суждено жить в глобальном мире, а вот каким будет это общежитие, зависит от нас. Конечно, мера ответственности за происходящее разная у глав государств и рядовых граждан, но

она всеобщая. Пути назад нет, точнее, он сопряжен с неприемлемыми издержками и потерями. Или мы научимся жить вместе, или нормальной жизни не будет ни у кого»¹.

Обращение к истории сполна подтверждает этот вывод. Пережив в XX в. две Мировые войны, а затем и «холодную войну», человечество и в новом столетии пребывает в разрозненном состоянии, фактически балансируя на грани войны и мира. И дело не только в том, что в разных концах планеты периодически вспыхивают военные конфликты, и не затухают горячие точки, а то и вовсе идут полномасштабные войны. По существу так было всегда. Однако в последние годы ситуация принципиально меняется в сторону усиления еще большей напряженности как внутри отдельных стран, так и между национальными государствами и их альянсами. При этом дело не сводится только к военному противостоянию. Все более острыми становятся конфликты интересов и в области экономики, политики, культуры. Характерным в этом отношении является экономическая война, которую США ведут с Китаем, о чем прямо заявил главный советник Президента США по стратегическим вопросам Стив Бэннон: «Для меня экономическая война с Китаем — это все. И мы должны быть маниакально сфокусированы на этом, — сказал он. — Если мы продолжим это упускать, через пять, может быть, десять лет может произойти перелом, после которого мы никогда уже не сможем восстановиться... Один из нас будет гегемоном через 25 или 30 лет, и это будут они, если мы продолжим идти этим же путем. По Корею они просто отвлекают нас. Это отвлекающий маневр», — заключил он².

Так что же лежит в основе всех этих конфликтов? Разумеется, в каждом конкретном случае имеет место свой особый набор причин и мотивов. Но неизменно одно и факт остается фактом — различные страны всегда преследовали, прежде всего, свои эгоистические цели и собственные интересы. Именно это они и продолжают делать; только теперь их локальные и регио-

¹ Кувалдин В.Б. Глобальный мир. Политика. Экономика. Социальные отношения. М.: Весь Мир, 2017. С. 8.

² Главный стратег Белого дома заявил об экономической войне США и Китая // Kommersant.ru. 17.08.2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3385797>

нальные интересы тесно переплетаются еще и с глобальными. А вот на этом уровне уже никто не может взять на себя роль «третьей стороны», т.е. нет никакой внешней силы, которая могла бы заставить действовать субъекты международных отношений с учетом интересов не только своих, но и других, а тем более, общих. Добавим к тому же, что мировое сообщество не имеет не только глобального права, но и единой системы ценностей, без которых отношения в любой социальной среде выстраиваются «по законам природы», т.е. с позиции силы. В итоге конфликт интересов не ослабевает. А поскольку мир полностью стал глобальным, то противостояние разворачивается уже не между отдельными людьми, как то было раньше, а между различными субъектами международных отношений и, прежде всего, между государствами и их альянсами.

Рост социальной активности и усиление политических, экономических и иных противоречий — это общая тенденция в современном мире, во многом обусловленная глобальными процессами, вступающими в конфликт с региональными, локальными и местными культурно-цивилизационными системами, где национальные культуры, традиции и образ жизни проявляют наибольшую чувствительность к глобальным переменам и внешнему воздействию. В наиболее острой форме этот конфликт проявляется сегодня в странах арабского мира, Северной Африки и Ближнего Востока, в Закавказье; существенным он является в Средней Азии, России и Восточной Европе, также в приглушенной и скрытой форме в Западной Европе и даже США. Однако самый масштабный и самый острый конфликт интересов, прежде всего, конфликт мировоззренческий, к тому же поистине планетарного масштаба, сформировался к настоящему времени между Западным и незападным мирами.

В отличие от относительно единого, базирующегося на общих цивилизационных принципах Западного мира, остальная часть человечества являет собою гетерогенную и весьма противоречивую структуру, которая состоит из отдельных государств, всевозможных их объединений, организаций и т.п., по-разному противостоящих Западу. Что касается стран Запада, где, как уже было показано во второй главе, есть своя «колыбель», «авангард», «форпосты» и «периферия», то их позиции по ряду ба-

зовых параметров общественной жизни, таких, например, как *права человека, верховенство закона, разделение властей, состояние гражданского общества, принципы демократии* и т.п., в целом совпадают, а по ключевым вопросам международной политики и военного сотрудничества они занимают в основном согласованную позицию.

Иначе обстоит дело со странами остального мира, поскольку между ними нет согласованной, стратегически выверенной и долгосрочной совместной политики, а есть лишь различные, заключенные не на мировоззренческой, а на прагматической основе союзы, альянсы или объединения типа Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Организации стран-экспортеров нефти (ОПЕК), Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), группы из пяти быстроразвивающихся стран (БРИКС) и др. Отдельные же страны, если рассматривать их по значимости и степени влияния в мировых делах, значительно отличаются друг от друга, как то следует из материала второй главы. При этом Россия и Китай по совокупности основных параметров значительно опережают другие страны и являются главными оппонентами, «противовесами» Западному миру, поскольку Россия в меньшей степени, а Китай в большей расходятся с ним по культурно-цивилизационным основаниям.

Однако западным стандартам не соответствует не только Россия и Китай. Есть еще Индия, Южная Америка, не говоря уже об Африке или, например, огромном исламском мире. Там несоответствий намного больше! К тому же не только Россия, но и ряд других незападных стран имеют сильные армии, обладают ядерным оружием, осваивают космос, Интернет-технологии и т.п. И это та реальность, с которой не считаться не может никто, в том числе и Запад, сколь сильным и развитым он бы ни был. Причем уже хотя бы потому, что теперь, в условиях многоаспектной глобализации все мы стали соседями в одной «маленькой деревне» по имени «Земля» и просто не можем уклониться от общения и взаимодействия.

При этом Россия и «колыбель», «ядро» Западного мира — Европа не просто соседи, а соседи ближайшие, которых связывает множество исторических событий, а также значительные куль-

турные и торгово-экономические интересы. И, тем не менее, они разные. На это есть множество указаний, как со стороны европейских, так и российских мыслителей. Достаточно сослаться в этой связи на О. Бисмарка, К. Клаузевица, Ш. Де Голя, Ф. Ницше, Ф. Рувельта и др., которые отмечали своеобразие России и ее отличие от Запада. В России же эта тема и вовсе уже не одно столетие является предметом острых дискуссий между так называемыми «славянофилами» и «западниками». Россия — не Запад и не Восток, а Востоко-Запад, осуществляющий прорыв в новую сферу духа, в новое состояние общества, подчеркивал известный русский философ Н.А. Бердяев. И с этим трудно не согласиться, потому что и сегодня Россию можно и нужно рассматривать как своеобразный гибрид Востока и Запада, а, следовательно, и как мостик между ними.

Отсюда важно иметь в виду и более широкий контекст, сопоставляя Запад не столько с Россией, сколько с Востоком. Об этом также очень много говорили, в частности, С. Вивекананда, М. Ганди, Н.К. Рерих или, например, Р. Киплинг, которому принадлежит известное выражение: «Восток есть Восток, Запад есть Запад, и они не сойдутся».

Можем ли мы теперь, глядя из XXI в., сказать, что глобализация стирает эти различия? Вполне очевидно, что нет. И нет оснований думать, что это произойдет в обозримой перспективе, поскольку все мы живем в разных, довольно консервативных культурно-цивилизационных системах. Если это не принимать во внимание, то невозможно понять глубинные основания современных межкультурных противоречий. Суть же дела, как уже было показано в предыдущем исследовании, заключается в том, что человечеству имманентно присуще, с одной стороны, *культурное разнообразие*, а с другой стороны, *цивилизационное единство*, что, собственно, и определяет то многообразие культурно-цивилизационных систем, которыми представлено все современное человечество¹.

Именно поэтому и следует рассматривать современные международные взаимоотношения, как и в целом глобальные

¹ Чумаков А. Н. Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст: монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: Проспект, 2017.

проблемы и противоречия, через призму культурно-цивилизационного взаимодействия, когда культурную составляющую фактически уже нельзя отделить от цивилизационной и наоборот. При этом следует подчеркнуть, что не существует объективных критериев, чтобы оценить различные культурно-цивилизационные системы с точки зрения «лучше» или «хуже». Однако, как показывает реальная практика, чем больше у различных народов обнаруживается культурно-цивилизационных совпадений, тем проще, легче, активнее складывается между ними атмосфера взаимопонимания и сотрудничества.

В этой связи еще раз подчеркнем, что поскольку у каждого народа культура оригинальная и неповторимая, а уровень цивилизационного развития разный, то и уровни развитости гражданского общества и демократических институтов значительно различаются. Именно поэтому существенно различаются также понимание свободы, основных прав человека, отношение к собственности и т.п. К тому же такие взгляды, обусловленные в каждом случае вполне конкретными культурно-историческими кодами, имеют весьма консервативный характер и быстро не изменяются, тем более, под давлением внешних обстоятельств, чужеродных влияний, или иных факторов внешнего воздействия.

Придают ли на Западе должное внимание этой их разнице с незападными странами? Если посмотреть хотя бы на то, как сегодня используется «мягкая» и «жесткая» сила, а также всевозможные санкции, то скорее «нет», чем «да». Тот факт, что страны Запада обладают самым мощным экономическим и военным потенциалом, а также самыми развитыми демократиями, решает многое, но далеко не все. Среди почти 200 государств мира, они находятся в явном меньшинстве. А наиболее развитых из них и того меньше — всего семь, которые составляют «G-7». На своем очередном — 43-м саммите, состоявшемся в мае 2017 г. в Италии, они рассматривали вопросы, актуальные для всего мира. Но как их решения повлияли на этот мир в целом? Практически никак. И все потому, что они смотрят на остальных, как и на все происходящее в глобальном мире с позиции собственных представлений и принимают решения, которые никто, кроме них, не обязан и не собирается выполнять. Конечно, G-7 играет важную роль в координации внешне-

политического курса семи наиболее развитых стран. Но их согласованная позиция нередко выражается одной фразой — «кто не с нами, тот против нас». Такой подход явно не способствует установлению взаимопонимания и лишь усиливает международную напряженность и конфронтацию со всеми остальными странами, которые в данном случае оказываются, в лучшем случае, сторонними наблюдателями.

Итак, вполне очевидно, что в Западном мире еще нет должного понимания принципиальной разности культурно-цивилизационных систем современного человечества, того, что люди Запада живут в другом культурно-цивилизационном измерении, принципиально отличном от западного. Не просматривается также соответствующее внимание к глобальным тенденциям и переменам, открывающим врата и двери национальных границ, как нет и признания того, что либерализм, толерантность и мультикультурализм при столкновении с другими культурно-цивилизационными системами оборачиваются против самого же Запада. Наиболее ярким примером такого положения дел является резко обострившаяся ситуация в Европе в связи с наплывом туда волны эмигрантов. Иными словами, на практике дело обстоит таким образом, что «политика мультикультурализма, выдвигающая на приоритетное место не единство, а различие, на деле означает признание (достоинства, “особости”) тех слоев, которые не включены в общественный договор и при этом неспособности решения их социальных проблем, т.е. достоинства признаются, но проблемы не решаются»¹.

Преодоление данного противоречия предполагает констатацию того факта, что все люди и общественные системы очень разные. И как бы не хотелось кому-то, чтобы во всем мире торжествовал закон, было четкое разделение властей, демократия и соблюдение прав человека, а вместо конфронтации была бы здоровая конкуренция, этого, во всяком случае, в обозримой перспективе не будет уже хотя бы в силу сказанного выше. Таким образом, в условиях, когда до «горячей» войны всего один шаг, остается уповать на здравый смысл, просвещенность и обновлен-

¹ Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. М.: Культурная революция, 2008. С. 411.

ный гуманизм. Необходимо переосмыслить и самих себя, и мир, в котором мы живем, направляя при этом свои усилия и ресурсы, прежде всего, не на борьбу, а на созидание. Как хорошо сказал Бакминстер Фуллер: «Вы никогда не измените порядок вещей, вступая в борьбу с существующей реальностью. Чтобы изменить что-то, создайте новую реальность, которая сделает то, что вам не нравится устаревшим, отжившим, вышедшим из моды»¹.

Но в мире, переполненном противоречиями, созидать, уклоняясь от борьбы там, где это возможно и оправдано, можно только на пути мирного сосуществования и конструктивного решения проблем и разногласий. Создание же таких условий может обеспечить лишь *культурно-цивилизационный диалог*, которому по существу нет альтернативы, и который должен быть нормой на всех уровнях общественного бытия. Но это в идеале; реальность же вносит свои коррективы: чем более высокий уровень общественных отношений, на который поднимается диалог, тем больше препятствий возникает на пути его продуктивного проведения. Отсюда диалог на глобальном уровне оказывается как самым сложным, так и наиболее значимым для судеб всего человечества.

Главным же препятствиям для такого диалога является отсутствие достаточно развитого и широко распространенного глобального сознания, в основе которого должны лежать как общие для всех ценности и нормы поведения, так и признаваемые другими национальные и культурные особенности различных стран и народов. Иными словами, для успешного и стабильного культурно-цивилизационного диалога в глобальном мире требуется *общезначимая для всех мораль*, т.е. в планетарном масштабе необходимо формирование общечеловеческих ценностей и общечеловеческой морали, которые бы не подменяли, а дополняли и развивали мораль и ценности различных народов. Очевидно, что именно Всеобщая декларация прав человека, уравнивающая всех людей в их праве на жизнь, свободу и ответственность может и должна быть отправной точкой в формировании такой морали.

¹ Make it Obsolete // pete michaud; 16.08.2017: <http://www.petermichaud.com/essays/make-it-obsolete>

Другим необходимым условием результативного диалога является единое правовое поле и общая система, как принятия, так и исполнения в планетарном масштабе правовых норм, единых для всех стран и народов. Заметим, что речь идет не о международном праве, которое уже относительно развито на межгосударственном и региональном уровнях, а о праве глобальном, которое действительно было бы всеобщим. Такое право вовсе не предполагает отмены правовых систем отдельных государств или региональных структур, международных правовых актов и институтов. Важно только чтобы последние были приведены в соответствие с правовыми нормами более высокого порядка — глобальным правом и не противоречили ему.

Важны также *религиозная толерантность и свобода совести*, которые необходимы в качестве важнейшего условия мирного сосуществования и конструктивного взаимодействия различных людей независимо от их религиозных убеждений или отсутствия таковых. Наконец, для эффективного диалога в глобальном мире принципиальное значение имеет также наличие единого языка общения, каковым к настоящему времени в силу ряда объективных причин все больше становится английский язык¹.

Сказанное является условием необходимым, но вовсе не достаточным для эффективного диалога на глобальном уровне. Среди других уже сформировавшихся предпосылок для такого диалога следует назвать также *единое информационное пространство*, сложившееся на базе современных телекоммуникационных технологий, вкуче с космическими системами связи. Это также и *современные средства массовой информации*, которые позволяют каждому человеку в режиме реального времени быть в курсе всех последних событий и обсуждать любые вопросы с кем бы то ни было, независимо от того, в каких точках планеты находятся собеседники.

Вместе с тем, в современном мире существует множество и других препятствий, стоящих на пути развития и укрепления продуктивного диалога. Так, например, абсолютное большинство современных государств функционируют на основе прин-

¹ См.: *Кристал Д.* Английский язык как глобальный / пер. с англ. Н. Кузнецовой. М.: Весь Мир, 2001.

ципов, сформировавшихся в условиях, когда человечество было еще фрагментарным и не проявляло себя как единое целое. Лидеры и правящие элиты различных субъектов международного права, органично вписавшиеся в систему сложившихся связей и отношений, продолжают и сегодня мыслить фрагментарно вопреки изменившимся обстоятельствам, которые все более настоятельно требуют целостного, системного, глобального взгляда на мир. По большей части игнорируя новые тенденции и реалии, они продуцируют и поддерживают необоснованные страхи относительно глобализации и якобы утраты самобытной культуры отдельных народов, потери национальной идентичности и т.п. Упорно отстаивая позицию независимости и национального суверенитета, проводя активную политику патриотизма и национализма, они, как правило, не готовы к открытому диалогу, если он таит для них угрозу поделиться даже незначительной частью своих полномочий в пользу наднациональных структур.

Так кто же может и должен взять на себя ответственность за обеспечение условий для продуктивного диалога в столь сложном и противоречивом мире? В первую очередь, такая ответственность ложится на мировую политическую, научную и деловую элиту, т.е. на тех людей, которые имеют соответствующее полномочия, обладают необходимыми знаниями, глобальным мышлением и широким мировоззрением¹. С другой стороны, ответственность за формирование необходимых условий и соответствующей атмосферы для конструктивного взаимодействия в глобальном мире лежит на наиболее развитых странах, что во все не снимает ответственности и со всех остальных. При этом, если мера ответственности политиков зависит от их должности, то уровень ответственности того или иного государства напрямую зависит от его роли в глобальной системе экономических, военных, политических и культурных отношений.

Суммируя, можно заключить, что сегодня практически не осталось альтернативы тому, чтобы признать очевидное, а имен-

¹ Глобалистика. Персоналии, организации, издания: Энциклопедический справочник / гл. ред., сост. И.В. Ильин, И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. М.: Альфа-М, 2012.

но то, что современное человечество, как целостная система, состоящая из различных культурно-цивилизационных подсистем, может поддерживать равновесие и устойчивое развитие, прежде всего, балансом интересов, достижение которого лежит преимущественно и, прежде всего, на пути диалога в глобальном мире. Как отмечает М.С. Горбачев: «Надо признать, что степень перегрева планеты от накопившихся противоречий, проблем и потрясений достигла ныне критической точки... Надо искать выход из этой ситуации — и не на путях применения силы, а диалога и сотрудничества»¹.

6.6. Полицентризм и перспективы глобального развития

Центр везде и нигде.

Н. Кузанский

Вопрос об устройстве современного мира является оборотной стороной его содержания, чему в значительной степени и были посвящены предыдущие разделы. Именно архитектоника мирового порядка и реальный расклад сил на планете во многом определяют итоги столкновения бесчисленного количества интересов, которые пытаются реализовать на глобальном уровне различные государства, их всевозможные объединения, а также огромное множество общественных структур, организаций, движений и иных легальных и нелегальных субъектов международных отношений. В этой связи принципиальным становится простой по форме, но предельно сложный по содержанию вопрос о том, как устроен и как должен быть устроен наш мир, чтобы с учетом несовершенства и всех противоречий, присущих не только ему, но и самому человеку, будущее мирового сообщества и нашей планеты в целом было бы, ну, хотя бы, как минимум, приемлемым? При этом подчеркнем еще раз, что «...человеку не нужно создавать рай на Земле. Он уже существует, ибо именно здесь, на нашей планете, и без креативного,

¹ Горбачев М.С. Нет проблемы важнее и задачи труднее, чем эта // Диалог цивилизаций. Повестка дня. М.: ИФ РАН, 2005.

преобразующего активизма человека есть абсолютно все, что нужно людям для их счастливой, полной радости жизни... И если этот мир становится для людей адом, то это уже проблема не природного свойства, а самого человека»¹. Отсюда ключевым становится положение, сформулированное М.С. Горбачевым: «Как научиться жить самим, давая жить «по-своему» другим — такова основная идея и проблема глобализации»².

Выше уже отмечалось, что диалог, нередко перемежающийся теперь с «мягкой силой», а то и с применением санкций, является в такой ситуации абсолютно необходимым и неизменным условием удержания общественных отношений в рамках не более чем умеренной конфронтации и цивилизационного развития. Но сам по себе диалог, тем более, санкции — это еще не решение проблем, а только средство, инструмент и путь к их разрешению. Максимальные же результаты, на которые можно рассчитывать в результате диалога, в значительной степени предопределяются условиями, в которых он протекает. Так, например, мировые события в XX в. проходили по большей части под знаком непримиримой борьбы двух общественно-политических систем — капитализма и социализма, что выразилось в противостоянии двух основных блоков или полюсов разнонаправленных сил, антагонистических по своей природе³. В таком по существу биполярном мире диалог между противоборствующими сторонами играл исключительную роль в деле сохранения мира и недопущения ядерной войны. И это было пределом возможностей мирного решения противоречий в тех условиях.

По существу относительно мирное окончание «холодной войны» стало результатом, в том числе, и напряженного диалога, который не прекращался практически все время противобор-

¹ Чумаков А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира: монография. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. С. 41.

² Горбачев М.С. Нет проблемы важнее и задачи труднее, чем эта // Диалог цивилизаций. Повестка дня. М.: ИФ РАН, 2005. С. 9.

³ Третий блок, представленный «неприсоединившимися» и другими развивающимися странами, был достаточно аморфным и не скрепленным какой-либо единой идеологической концепцией, что делало его в значительной степени объектом влияния со стороны двух основных блоков, а потому и нет достаточных оснований рассматривать его в качестве третьего полюса.

ства двух систем, т.е. противостояния двух полюсов идеологии и военной силы. Однако с распадом социалистического лагеря международное соотношение сил принципиально изменилось. Окончательно глобально сформировавшийся мир «переполносовался» и стал на какое-то время практически однополярным. Во всяком случае, так тогда казалось многим на Западе, что наиболее ярко отразилось в 1990-е гг. в работах таких известных политологов как Ф. Фукуяма, Дж. Чейс, Ч. Краутхаммер, З. Бжезинский и др. В частности, как писал Ф. Фукуяма в своей нашумевшей статье «Конец истории»: «Триумф Запада, западной идеи очевиден прежде всего потому, что у либерализма не осталось никаких жизнеспособных альтернатив... То, чему мы, вероятно, свидетели, не просто конец холодной войны или очередного периода послевоенной истории, но конец истории как таковой, завершение идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления»¹.

При этом в исторической миссии Запада особая и первостепенная роль безоговорочно отводилась Соединенным Штатам Америки. Российский политолог А.С. Панарин пояснял такое положение дел следующим образом: «Именно: чтобы оставаться внутри себя демократически открытым и процветающим обществом, подтверждающим ожидания морали успеха, США неизбежно предстоит превратиться в завоевательное империалистическое общество, готовое прибрать к рукам ресурсы остального мира, а сопротивление последнего подавить силой... Именно поэтому окончание холодной войны, вместо того чтобы стать основанием демилитаризации Америки и отказа от силовых методов в политике, стало отправной точкой глобального проекта овладения миром»².

Оставшийся практически без противовеса западный мир и США, в частности, стал восприниматься как единственный полюс и безальтернативный центр силы, только и способный поддерживать мировой порядок. Достаточно четко такую пози-

¹ Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134.

² Панарин А.С. Искушение глобализмом. М.: Русский Национальный Фонд, 2000. С. 106.

цию выразил Ч. Краутхаммер, который на пике заключительных событий в СССР заявил, что «в грядущие поколения, возможно, и появятся великие державы, равные Соединенным Штатам. Но им это не удастся. Не в эти десятилетия. Мы переживаем момент однополярности»¹.

Сохраняя практически такой же взгляд на роль и историческое предназначение США в мировых делах, другой известный американский политолог З. Бжезинский шестью годами позже еще более четко сформулировал суть такой позиции. «Америка, — сказал он, — стоит в центре взаимозависимой вселенной, такой, в которой власть осуществляется через постоянное маневрирование, диалог, диффузию и стремление к формальному консенсусу, хотя эта власть происходит в конце концов из единого источника, а именно: Вашингтон, округ Колумбия. И именно здесь должны вестись политические игры в сфере власти, причем по внутренним правилам Америки»². Вместе с тем, уже в этой книге обнаруживается поворот в понимании того, что представление об однополярном мире в перспективе не совсем будет соответствовать реальному положению дел. Так, рассуждая о всеобъемлющей и скоординированной геостратегии в отношении Евразии, З. Бжезинский подчеркивает, что такая стратегия «должна опираться на признание границ эффективного влияния Америки и неизбежное сужение с течением времени рамок этого влияния... И поскольку беспрецедентное влияние Америки с течением времени будет уменьшаться, приоритет должен быть отдан контролю за процессом усиления других региональных держав, с тем, чтобы он шел в направлении, не угрожающем главенствующей роли Америки в мире»³.

Еще более четкое переосмысление однополярности мира тогда же во второй половине 1990-х годов получило в широко известной работе С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций», где он, в частности, прямо высказался на этот счет:

¹ *Krauthammer Ch. The Unipolar Moment // Foreign Affairs, Summer 1991. P. 23–24.*

² *Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 1998. С. 40–41.*

³ Там же. С. 234.

«Политика в мире после “холодной войны” впервые в истории стала многополюсной, и полицивилизационной»¹. А постоянный представитель Японии в ООН Х. Овада и вовсе заявил, что «однополярный мир является опасным заблуждением; на самом деле порядок в мире не может диктоваться волей лишь одного полюса, каким бы могущественным ни был этот полюс в сравнительном плане»².

Таким образом, к началу XXI в., когда практически закончилось переформатирование мирового порядка с явным усилением позиции Запада, на фоне проявления негативных последствий войны в Ираке и, в особенности после массированной террористической атаки на США 11 сентября 2001 г., стало наиболее очевидно, что концепция однополярного мира не соответствует реальному положению дел на международной арене. Не только США, но и Западный мир в целом оказались не в состоянии выполнять роль мирового жандарма или арбитра, не говоря уже о результативном управлении мировыми делами. Конечно, у Запада значительно больше возможностей, чем у других отдельных стран или их объединений влиять на мировую политику, но далеко не достаточно, чтобы чувствовать себя полными хозяевами положения дел на планете. А потому некорректно говорить об «однополярном» мире, ибо каждый играет свою роль в зависимости от его места и положения в мировом сообществе, тогда как решающего голоса, «контрольного пакета акций» явно нет ни у кого. Конечно, по отдельным параметрам, например, по военной силе или по валовому национальному продукту, может быть явный приоритет одних стран над остальными, но по совокупности всех явных, неявных, материальных, духовных, реальных, потенциальных и т.п. составляющих, абсолютным, тем более, стабильным и долговременным преимуществом не обладает никто.

В этой связи все большего внимания заслуживает то обстоятельство, что новая архитектура мировых отношений соответствует скорее такому положению дел, которое было описано еще

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. С. 16.

² Owada H. The Problem of World Public Order // B. Boutros-Ghali *Amicorum Discipulorumque Liber*. Bruxelles, 1998. Vol. I. P. 556.

в XV в. Николаем Кузанским. Рассуждая о природе мироздания и бесконечности Бога, он, в частности, писал: «...Машина мира будет как бы иметь повсюду центр и нигде окружность. Ибо ее окружность и центр есть Бог, который повсюду и нигде»¹. Будучи бесконечным, Бог тем самым содержится в каждой конкретной вещи, а потому и мир является бесконечным, центр которого также «везде и нигде», говорил он.

Не так ли обстоят дела теперь и в современном глобально взаимозависимом мире, где нет неизменного постоянства в раскладе сил между субъектами международных отношений? Одни из них усиливаются, другие ослабевают; кто-то приобретает союзников, объединяется, кооперируется, кто-то теряет поддержку и расположение к себе, а иные занимают выжидательную позицию и готовы примкнуть к более сильной стороне в тот или иной выгодный для себя момент. В результате сложения таких разнонаправленных векторов поведения взаимодействующих субъектов, обусловленных их конкретными интересами и реальным положением в системе международных отношений, центров влияния и принятия решений в современном мире оказывается много. При этом картина их распределения постоянно меняется и, поскольку они взаимодействуют на условиях, варьирующих от тесной кооперации до жесткого противостояния, то нередко реальный центр принятия решений оказывается не там, где он афишируется или подразумевается. Иными словами, мы имеем дело с таким положением вещей, когда центр оказывается «везде и нигде», т.е. на самом деле имеет место многоцентричность (многополярность) глобального мира.

В этой связи важно подчеркнуть, что в таких условиях, к тому же, при все нарастающей глобальной взаимозависимости, когда человечество не преодолело прежней раздробленности и являет собою пеструю картину противоборствующих сил, абсолютное большинство субъектов международных отношений нацелено на решение в основном тактических задач локального и регионального масштаба. Стратегические же планы и амбиции глобального уровня могут позволить себе лишь единицы, и жесткая борьба за лидерство на этом уровне явно и неявно с использо-

¹ Кузанский Н. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1979. С. 134.

ванием всех возможностей и ресурсов ведется между несколькими центрами влияния, среди которых вполне определенно выделяются **четыре вектора силы**, четыре *основных глобальных тренда*. Они уже сегодня в наибольшей мере воздействуют на развитие мировых процессов и реально имеют серьезные возможности кардинально повлиять на облик мировой конструкции в будущем.

Речь идет о *Западе, Китае, Исламском мире и России*. Их место, роль и значение в мировых делах, как то было показано во второй главе и в п. 6 четвертой главы, бесспорно, имеют глобальное измерение¹.

При этом у *Запада и Китая* есть амбиции, соответствующие идеологии и реальные возможности стать мировым гегемоном, к чему они явно, как высокотехнологичный, «разветвленный», но по сути единый Запад или неявно, как перенаселенный и наращивающий экономический потенциал Китай, стремятся, выстраивая свои глобальные стратегии.

У *исламского мира* тоже есть соответствующая идеология и амбиции планетарного масштаба (максимальная исламизация планеты), но его глобальная стратегия ограничена объективными обстоятельствами, лишаящими его возможности для реализации данной идеи. Помимо серьезных разногласий внутри самого ислама, конфессиональные ниши в мировом обществе для экстенсивного распространения ислама практически отсутствуют. А поскольку у него нет перспектив решения такой задачи в принципе, то это толкает наиболее радикальные течения ислама на путь террора и насилия (в их стремлении найти применение своей нереализованной пассионарности). Аналогичное объяснение корней терроризма, с несколько иных позиций, находим у В.Г. Федотовой, которая, в частности, пи-

¹ См.: Табл. 1 (п. 6 гл. 4), где такие страны Запада, как США, Англия, Канада, Германия, Франция и Япония, в совокупности набрали 53,3% по критериям значимости и влияния среди 12 наиболее крупных стран мира, взятых за 100%. Китай с 14,37% занял второе место. На третьем месте Россия с 12,30%. А у наиболее значимой страны исламского мира (Ирана) — 3,32%, что при экстраполяции таких вычислений на остальные исламские страны, вполне позволяет рассматривать исламский культурно-цивилизационный конгломерат в числе четырех наиболее важных векторов сил мирового развития.

шет: «Приняв западный консьюмеризм, исламский мир не принял его социальных и культурных ценностей... такая позиция мусульман-террористов, получивших все от Америки, возникла из-за того, что они увидели, что у их народов нет шансов»¹.

Что касается *России*, то в силу сложившихся в постсоветский период объективных обстоятельств, у нее (в отличие от СССР) нет ни глобальных амбиций, ни соответствующей идеологии, а потому нет и глобальной стратегии, целенаправленно ориентированной на преобразование всего мира. Однако геополитическое положение, военно-промышленный потенциал, ядерный комплекс и космические программы, а также региональное влияние и роль России на постсоветском пространстве столь велики, что в условиях глобальной взаимозависимости ее внешнеполитическая деятельность является весьма серьезным фактором воздействия на ход мировых событий.

Принципиальным в этом раскладе основных четырех разнонаправленных векторов мирового взаимодействия является то, что ни один из них не может быть кардинально изменен в результате внешнего, тем более, исключительно силового воздействия. А это означает, что хотя множество других, менее значительных центров сил и принятия решений могут быть тем или иным путем принуждены к определенной линии поведения, в целом это глобальному миру стабильности не добавляет.

Иначе говоря, если задаться вопросом: как возможна принципиальная, снимающая антагонистические противоречия интеграция с Западом? Ответ будет однозначным — только на его платформе и на его условиях, поскольку он не может отказаться от своих принципов и ценностей, не утратив при этом своей сущности. А как возможна интеграция с Китаем? Точно так же — лишь на его платформе и на его условиях, ибо он тысячелетиями воспроизводит свою оригинальную культуру, ценности и традиции, об утрате которых не может быть и речи. Такой же ответ на поставленный вопрос будет и относительно исламского мира, поскольку его ценности и образ жизни, жестко детерминированные Кораном, лишь предлагаются другим в неизменном виде, но не предполагают собственных транс-

¹ Федотова В.Г. Хоршее общество. М.: Прогресс Традиция, 2005. С. 303.

формаций, тем более, под влиянием внешних обстоятельств. Наконец, кто и как мог бы основательно, на прочной и долговременной основе интегрироваться с Россией? После утраты обращенной ко всему миру коммунистической идеологии, у нее теперь нет такой концепции, которую она могла бы предложить всему человечеству в качестве перспективной модели исторического развития или хотя бы в виде привлекательной основы для всеобщего объединения.

Итак, хотя отдельные государства и мировое сообщество в целом, прежде всего усилиями ООН, предпринимают шаги к консолидации действий, апеллируя при этом к общности интересов, человеческим ценностям и единой судьбе всех народов, значительных результатов на этом пути как не было, так и нет. Главная же причина, как уже отмечалось, заключается в разрозненности мирового сообщества, когда каждый преследует в первую очередь свои собственные интересы. При этом равновесие сил на международной арене поддерживаться теперь не только, и даже не столько военной мощью и наличием ядерного оружия, сколько уровнем экономического развития противоборствующих сторон и степенью их интеграции в единую систему мирового хозяйства.

В этой связи, с точки зрения перспектив общественного развития, важнейшим является вопрос: может ли человечество стать единым не только по форме, но и по содержанию, т.е. сможет ли оно сформулировать и совместно отстаивать одни и те же приоритеты, преследовать единые цели и согласованно решать общие задачи? Утвердительный ответ на этот вопрос вовсе не очевиден. Серьезным препятствием на таком пути является национальный суверенитет, положенный в основу современных государств, и за сохранение которого они по этой причине активно выступают. Вместе с тем, как уже было показано в пятой главе, государственным формам организации жизни (как наиболее крупным общественным системам, поддающимся управлению), в лучшем случае, взаимодействующим на конфедеративной основе, в глобально выстроенном мире, альтернативы практически нет, во всяком случае, на обозримую перспективу. Концепция «золотого миллиарда», объясняющая невозможность достойного существования на Земле более одно-

го миллиарда человек, также закрывает путь к реальному единению всего ныне живущего и продолжающего увеличиваться уже более чем семи с половиной миллиардного населения планеты.

Отсюда диапазон возможных сценариев развития для мира в целом находится в пределах между плохим и худшим. Не будучи единым по сути своей, человечество, в контексте вышесказанного, может рассчитывать на согласованность действий лишь в отдельных случаях, приходя к этому путем многочисленных переговоров, согласований, сопоставления интересов и т.п. «Метод проб и ошибок» при этом не только не исключается, но и продолжает оставаться нормой. Также на обозримую перспективу остаются «нормой» внутривнутриполитические и международные конфликты с той лишь разницей, что революционные преобразования социально-экономических и политических систем не только не желательны, но и крайне опасны для международной стабильности. К тому же объективно они становятся менее возможными при сложившемся раскладе сил и появлении все более совершенных средств и технологий манипулирования общественным сознанием. В том числе и по этой же причине при сохранении статус-кво в условиях тесного транснационального взаимодействия не только в социально-экономической и политической областях, но и в духовной сфере, где остро стоит вопрос о новом гуманизме и пересмотре существующей системы ценностей, изменения, скорее всего, будут происходить хотя и с ускорением, но преимущественно эволюционным путем. К этому же ведут стремительные перемены и феноменальные результаты в области науки, техники и новейших технологий, так как влекут за собой развитие коммуникаций и глобальных информационных сетей, расширяя и укрепляя тем самым интеграцию и взаимозависимость всех сфер общественной жизни мирового сообщества и увеличивая скорость эволюционных процессов в этом направлении.

Итак, глобализация, ставшая отличительной чертой мирового развития с конца XX в., и с тех пор все больше принимающая форму глокализации, требует наряду с серьезной структурной перестройкой международных отношений, пристального внимания к процессам и проблемам локального и регионального уровня. Иными словами, лица, принимающие решения, миро-

вая элита и человечество в целом стоят перед необходимостью проявить особую ответственность в отношении региональной политики, в особенности там, где сходятся интересы многих государств с принципиально различными социально-политическими и экономическими укладами, культурой и религиозной ориентацией. Отсюда укоренение в общественном сознании определенных ценностных установок, мировоззренческих позиций, которые бы адекватно отражали целостность мира и единую судьбу человечества, с необходимостью должно опираться на региональную специфику и менталитет проживающих в этих регионах людей.

Но если формирование глобально ориентированного мировоззрения является велением времени и необходимым условием выживания мировой культурно-цивилизационной системы, то результативным оно может быть, как минимум, при условии учета национальных особенностей и культурного разнообразия живущих вместе или рядом народов. Такой подход, являющийся необходимым условием современного образования и воспитания, призван способствовать лучшему взаимопониманию и сближению людей, ориентации на диалог и взаимовыгодное сотрудничество. Тем более, это актуально для стран, которые переживают серьезные духовные трансформации и которым еще предстоит большая работа в области социально-экономических преобразований, в сфере политики, духа и определения своего достойного места в формирующейся единой мировой культурно-цивилизационной системе XXI в.

Заметим при этом, что в развитых странах (и это касается не только европейских государств) эпоха буржуазных преобразований была сопряжена с эпохой Просвещения, так как новые экономические реалии неизменно требовали и соответствующего мышления, новой ментальности, новых мировоззренческих принципов и адекватного им поведения. Важнейшей заслугой Просвещения было утверждение идеи суверенной личности, в формирование которой просветители внесли неопределимый вклад. Суверенная личность, ее место в обществе, проблемы свободы и ответственности — вот главные вопросы, которые занимали умы просветителей в первую очередь. Они решали одну из важнейших проблем своего времени, а, в конечном счете,

и всей современной цивилизации — как должно быть устроено общество, чтобы долг и ответственность, нормы и правила здравого смысла определяли суть общественных отношений? Как заставить государство стоять на страже гражданина и гарантировать соблюдение его прав?

Но Западная цивилизация и сформировавшиеся в ее недрах соответствующие ценности (теперь это уже все больше становится очевидным) не являются панацеей в решении множества специфических, в том числе, и глобальных проблем, с которыми человечество столкнулось во второй половине XX в. Восток, например, играющий все более заметную роль в мировых делах, не только не хочет, но и не может изменить свою сущность, приняв в том виде, как они навязываются, правила игры и систему ценностей Запада. Этого не может сделать также Африка, исламский мир и даже Россия, которая и исторически, и ментально значительно ближе к Западу, чем ее Восточные соседи. Поэтому, хотя того или нет, но западные страны должны будут искать на этом пути компромиссы и, в первую очередь, со странами Востока и с Россией, что однако, не освобождает и последних от поиска таких же компромиссов. В то же время, нравится это кому-то или нет, но следует признать, что общечеловеческие ценности, права и свобода личности, опирающиеся на институт частной собственности и составляющие основу гражданского общества — это не пропагандистские приемы Запада, а существенные характеристики и его образа жизни, и образа действий.

Конечно, экономические и политические интересы, равно как и культурные особенности, всегда будут лежать в основе разногласий, порою острейших, и здесь не должно быть иллюзий. Но отсутствие общих подходов и принципов, ценностных установок и взаимоприемлемого языка общения всегда будет непреодолимым препятствием на пути если уж не единения, то хотя бы взаимопонимания народов в условиях, когда от этого никто не может уклониться.

Таким образом, мировое сообщество стоит сегодня перед лицом острой необходимости серьезных и, прежде всего, мировоззренческих, ценностных, духовных перемен. Теперь как никогда прежде человечество нуждается в глобальной цивилизационной революции, которая стала бы мощным импульсом

формирования глобального гражданского общества, а в решении международных проблем запустила бы процесс перехода от «права силы» к «силе права». Именно таким образом человечество может рассчитывать на стабильную международную безопасность и построение нового мирового порядка, который бы отвечал современным реалиям и создавал условия для конструктивного сотрудничества на базе общих целей и принципов.

В особенности это важно иметь в виду, когда дело касается конкретной практики, причем не только на глобальном, но и на региональном, локальном уровнях, где продолжает актуально звучать выдвинутый в свое время еще Римским клубом принцип — «Мыслить глобально, а действовать локально!». Однако теперь, когда человечество окончательно вступило в эпоху многоаспектной глобализации и тотальной взаимозависимости, на уровне международных отношений следует руководствоваться уже несколько иным принципом — «мыслить — глобально, действовать — совместно!».

Выводы

1. Современный мир буквально пронизан бесчисленным множеством всевозможных противоречий, которые помимо локального и регионального уровня в XX в. появились уже и на глобальном уровне. Реальным выражением их стали глобальные проблемы современности, порожденные как противоречивой природой человека и общественных отношений в целом, так и поступательным развитием техногенной цивилизации. Наиболее тревожным в этой ситуации является то, что человечество, ставшее под влиянием многоаспектной глобализации целостной планетарной системой, противостоящей природе, оказалось совершенно неподготовленным к такому повороту событий и демонстрирует свое бессилие перед лицом глобальных проблем.
2. Любая социальная система, как и каждый отдельный человек живет в мире постоянно сопутствующих им проблем, которые каждый из них, по большей части, сам же и порождает. Такого рода проблемы становятся следствием несвоевременной и неадекватной реакции на возникающие перед человеком (обществом) актуальные вопросы, задачи, препятствия и т.п. Нерешенность *проблем* — порождает *кризис*. Непреодоленный кризис перерастает, как правило, в *коллапс*. Непринятие должных мер

при наступлении коллапса приводит к *катастрофе*. Неспособность справиться с катастрофой — заканчивается *крахом*. При отсутствии же адекватной реакции и на крах может последовать только одно — *конец*.

3. По мере нарастания глобальных процессов и усиления взаимозависимости различных стран и народов, а также появления все более совершенных средств массового поражения, становилось все более очевидным, что опора только на «жесткую силу» в решении международных проблем значительно увеличивает риски самоуничтожения человечества. Таким образом, появление «мягкой силы» стало объективной необходимостью и закономерным явлением международной политики со второй половины XX в. Основными инструментами реализации «мягкой силы» являются: *культурные и политические ценности и институты; эффективная социальная политика; высококачественная система образования; потребительские предпочтения* и т.п.
4. Ситуация глобальной взаимозависимости породила еще один способ давления и воздействия на другую сторону конфликта — *санкции*, которые применяются в условиях, когда «мягкая сила» не работает или не дает желаемых результатов, а от применения «жесткой силы» по тем или иным причинам воздерживаются. Опыт применения международных санкций показывает, что они тем более действенны, чем больше совпадают культурно-цивилизационные системы, чем активнее они вовлечены в глобальные процессы и, чем более тесными являются связи между ними, тогда как значительная разница между культурно-цивилизационными системами и отсутствие развитых отношений между ними делают санкции, как правило, малоэффективными.
5. Чем больше у тех или иных народов культурно-цивилизационных совпадений, т.е., чем больше у них фон общего опыта, тем проще и быстрее устанавливается между ними атмосфера взаимопонимания и сотрудничества. В современном мире явно выделяются четыре вектора силы (глобальных тренда), которые в наибольшей степени воздействуют на развитие мировых процессов и имеют реальные возможности кардинально повлиять на облик глобального человечества в будущем — это *Запад, Китай, Исламский мир и Россия*. Каждая из этих культурно-цивилизационных систем столь самодостаточна и независима, что принципиальная интеграция с любой из них возможна только на платформах и условиях каждой из них.

6. Формирование глобально ориентированного мировоззрения является велением времени и необходимым условием эффективного взаимодействия и, в конечном счете, выживания мировой культурно-цивилизационной системы. При этом результативным такое взаимодействие может быть только при условии учета национальных особенностей и культурного разнообразия живущих вместе или рядом народов. В целом же мировое сообщество сегодня стоит перед необходимостью серьезных и, прежде всего, мировоззренческих, ценностных, духовных перемен, которые должны стать результатом глобальной цивилизационной революции, направленной на формирование глобального гражданского общества и переход в международных отношениях от «права силы» к «силе права». В эпоху многоаспектной глобализации это абсолютно необходимое условие сохранения мира и реализации важнейшего принципа устойчивого развития планетарного человечества: «мыслить – глобально, действовать – совместно!»

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Предлагаемая книга посвящена столь сложной и многоплановой теме, что рассмотрение даже наиболее важных ее аспектов, при всем стремлении раскрыть их по возможности полно, не может рассматриваться как исчерпывающее, к тому же, завершённое. Более того, по мере нарастания и усиления глобальных процессов, да еще в отсутствие системы управления мировым сообществом, столкновение интересов всевозможных субъектов международных отношений, как следует из содержания книги, будет только усиливаться, обостряя прежние и порождая новые проблемы.

Как изменить ситуацию? *Об этом надо начать говорить*, как в таких случаях резонно замечают китайцы. Именно это и было одним из побудительных мотивов при написании книги, где первостепенное внимание уделялось постановке вопросов и определению наиболее оптимальных подходов к установлению природы современных проблем и противоречий, что является основой и необходимым условием поиска путей их преодоления. И в самом деле, «для корабля, который не знает куда ему плыть, ни один ветер не будет попутным». Так и в глобалистике, не определившись с ее основными понятиями, не выяснив истинную природу глобализации, закономерный характер ее позитивных и негативных последствий, не уделив должного внимания таким, тесно связанным с глобализацией явлениям, как *культура, цивилизация, научно-технический прогресс*, трудно адекватно оценить роль субъективного фактора в глобальных процессах.

А именно с субъективного фактора, «разоблачения коварных замыслов» и поиска виноватых в том, что мир стал глобальным и балансирует на грани самоуничтожения, начинают, как пра-

вило, те, кто на волне «модной» темы, берется на скорую руку высказаться о глобализации и ее последствиях. Еще сложнее без фундаментального погружения в естественноисторический процесс и холистического подхода исследовать трансформации общественных систем и отношений в глобальном мире. Но, если изначально не выявить объективные основания мировой динамики и «осевых поворотов» истории: от локальных до региональных и от региональных до глобальных форм и отношений общественной жизни, то легко утратить всякие ориентиры как в теории, так и на практике. Иными словами, автор этой заключительной части трилогии потому и отталкивается от содержания, основных положений и выводов предыдущих двух книг¹, чтобы не уподобиться тем, кто занимается поисками, образно говоря, «не там где потеряли, а там, где светло».

Таким образом, подводя общие итоги, важно подчеркнуть, что при обсуждении глобальной проблематики, а, тем более, осуществляя теоретические исследования в этой области, сегодня уже нельзя проигнорировать базовые принципы и положения сформулированные в глобалистике, которые хотя и могут иметь различные трактовки, тем не менее, по существу являются установившимися. Назову лишь некоторые из них, на мой взгляд, заслуживающие первостепенного внимания:

- Глобализация — это только один из естественных глобальных процессов, который, в отличие от всех остальных, протекает в триосфере. Иными словами, глобализация закономерно развивается в социосфере, имманентно связанной с геосферой и биосферой, а потому не может быть адекватно понята без учета ее связи с биосферными, атмосферными, гидросферными и другими природными глобальными процессами.
- Глобализация — это *тренд на века*, если не сказать больше — *навсегда*. Единожды начавшись, как только человечество в своем развитии реально вышло на глобальный уровень, она будет теперь сопровождать мировое сообщество столько, сколько мировой социум будет существовать именно в таком (планетарном) качестве. История сама по

¹ См.: Введение.

себе вспять не пойдет; но ее могут повернуть люди, причем не иначе, как свершив катастрофу, например, ядерную¹.

- Закономерным следствием и имманентными спутниками глобализации являются *глобальные проблемы*. У глобального человечества по определению не может не быть глобальных проблем, и все попытки решить их без учета этого обстоятельства, тем более, устранить их из жизни общества, будут безуспешными. Иными словами, полностью избавиться от глобальных проблем уже никогда не удастся, пока человечество будет планетарным явлением. И дело теперь заключается в том, чтобы научиться жить с такими проблемами, по возможности снижая их актуальность, как минимум, не обостряя, не усугубляя уже существующие и, не порождая, если это возможно, новых проблем мирового масштаба.
- Для решения глобальных проблем современности требуются глобальные инструменты; национальные же или наднациональные для этого не подходят. Также необходимы совместные усилия, как минимум, абсолютного большинства жителей всей планеты и практически всех субъектов международных отношений, а не спорадические попытки отдельных стран и народов улучшить ситуацию.
- Поскольку глобализация изначально и, прежде всего, — процесс исторического развития, то закономерно встает вопрос о роли субъективного фактора в этом процессе. Тема эта предельно актуальная, но практически еще не исследована². По мере решения такого рода задач в современной глобалистике постоянно появляются новые вопросы и проблемы, которые вызывают все большее

¹ Другие варианты поворота, а то и прекращения исторического развития, например, в результате извержения супервулкана, типа Йеллоустонского; падения на Землю огромного метеорита, астероида или появления иной угрозы неземного происхождения (что также не исключается), в данном случае оставим без внимания.

² В меру своих сил и понимания задачи автор стремился как можно более полно изложить собственные взгляды на данную проблему и возможные подходы к ее решению, разумеется, не претендуя на однозначность и безусловность своих суждений.

беспокойство, но еще не стали предметом пристального внимания, как они того заслуживают. Вот только некоторые из них:

- Современный мир слишком сложный, чтобы доверять его нескольким персонам, тем более, одному человеку, равно как и какому-то одному центру принятия решений. Он бесконечен в своих противоречиях и едва регулируется. Отсюда встает предельной важности, но еще плохо осознаваемый вопрос об управлении общественными системами вообще и глобальным социумом, в частности.
- Мы не должны гнаться за экономическим ростом, за сиюминутным благополучием в условиях, когда планета уже перенаселена, а антропогенное воздействие на окружающую среду превышает рекреационные возможности биосферы. В этих условиях состояние «войны всех против всех» не может продолжаться бесконечно долго, а мир не может навсегда оставаться поделенным на противостоящие блоки, с «ядерными дубинами» в руках. Это путь в никуда!
- Когда возникают общественные проблемы, то в условиях *дикости*, они решаются посредством грубой силы; в условиях *варварства* — в сражении на поле брани или коварством, а в *цивилизованном обществе* — в суде! Но где в современном мире мировой суд?! Да, есть международное право, но в глобально взаимодействующем мировом сообществе должно быть еще и универсальное, т.е. *глобальное право*. Если нет глобального права, какие законы будем соблюдать в планетарном масштабе? Какие права человека будем защищать, если в разных общественных системах они понимаются по-разному? Сильный не апеллирует к праву! В итоге имеем кризис международного права. И все та же *сила* (да страх перед самоуничтожением) остаются основным средством разрешения современных противоречий на международном уровне.
- Чем активнее разворачивается глобализация, тем больше люди уходят в свое национальное, локальное, частное, будируя вопросы этнического, культурно-исторического, политического и территориального самоопределения.

В этой связи актуализируется задача установления пределов: от вопросов управления общественными системами и их расширения (например, Европейского Союза на Восток), до влияния глобализации на локальные и региональные процессы. Выход Великобритании из Евросоюза, избрание Президентом США Д. Трампа, внушительные результаты М. Ле Пен на президентских выборах во Франции, стремление курдов создать свое государство, попытки Каталонии отделиться от Испании и т.п. — лишь фрагменты этой большой и предельно сложной проблемы. Однако вполне очевидно, что стены между народами (реальные и виртуальные) возводятся от безысходности. Но это паллиативы; здесь нет принципиального, стратегически оправданного и соответствующего глобальному миру решения. Поиск баланса и компромисса между национальными и общечеловеческими моралью и системой ценностей одна из самых актуальных задач современности.

- Попытки построить международные отношения и наладить взаимопонимание на межкультурной основе, опираясь на идеи мультикультурализма и межкультурного диалога не оправдали ожиданий. Основная проблема в том, что современный глобальный мир нельзя гармонизировать в расчете на межкультурные отношения, межкультурной диалог и т.п., поскольку *культура* обособляет людей, тогда как интегративную функцию выполняют цивилизационные принципы и цивилизационные основания общественной жизни. Вне *культурно-цивилизационного* подхода сущность многих актуальных проблем современности остается за пределами внимания. Пока мир не был глобальным, культурно-цивилизационную природу общественных систем можно было не принимать во внимание. Теперь это архиважно и предельно актуально!
- В глобальном мире, наряду с повседневной практикой решения теоретических и практических задач, необходимо мыслить также глобально, масштабно, общими категориями. Во всяком случае, должностные лица, принимающие значимые для всего человечества решения, должны об-

ладать именно таким мышлением. Но какая часть людей способна на это? И где тот механизм отбора соответствующих людей на соответствующие должности?!

Предвижу вполне справедливый вопрос относительно места и роли России в глобальном мире, на что остается только заметить, что эта тема, несомненно, заслуживает специального, к тому же, детального исследования. В данном же случае реализация такой задачи увела бы разговор далеко за рамки заявленной темы.

Предлагая эту книгу заинтересованному читателю, мне меньше всего хотелось бы, чтобы, читая текст, мне верили; куда важнее, чтобы люди думали сами и критически оценивали сказанное. При этом *слова*, хотя и заслуживают предельного внимания и корректного к себе отношения, тем не менее, не они должны быть в поле зрения, прежде всего, а *мысли, идеи*, которые с их помощью передаются. Слова легко заменить, даже отказаться от некоторых из них, если в том возникает потребность, но мысли и содержание текста следует менять, на мой взгляд, лишь при наличии весьма убедительных аргументов и бесспорного доказательства иной точки зрения, причем не *противоположной*, которая оставляет право на существование и иных решений, а *противоречащей*, т.е. безальтернативной.

Наконец, отдаю себе отчет в том, что касательно рассматривавшихся в книге проблем и вопросов имеется также множество иных идей, подходов и решений, тогда как истинную ценность всего сказанного определит лишь дальнейшее развитие глобалистики, практика реальной жизни и, конечно же, самый строгий и беспристрастный судья — время.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абрамова Н. Т. 250
Абылгазиев И. И. 8
Авани Г. 8
Августин Блаженный 336
Аврелий Марк 372, 453
Азаев А. 61
Акаев А. А. 207, 213
Акаева Б. А. 213
Александр III 47, 290
Александр VI (папа) 33, 310
Александр Македонский 335, 343,
344, 371
Александр Невский 257
Алексеева Т. А. 444, 445
Алешковский И. А. 8, 207, 210
Альберт М. 328
Антисери Д. 343
Ань Цинянь 8
Аристотель 181, 211, 247, 336, 343,
344
Атаманчук Г. В. 334
Ахамер Г. 8

Б

Багатуров А. Д. 402
Бажанов Е. 125
Байчунь Джан 8

Барабанов О. 381
Барановский В. Г. 127, 136, 324
Барлыбаев Х. А. 8
Бартон Д. 103
Баталов Р. 216
Баталов Э. Я. 402
Б. Бургос Гали 375
Бек У. 211, 212
Бекашев К. А. 391
Белл Д. 12
Беляков Е. 238
Бердяев Н. А. 258, 336, 457
Берн Э. 418
Берталанфи Л. 320
Билалов М. И. 248, 251
Бисмарк О. 456
Бжезинский З. 26, 71, 289, 290,
316, 465, 466
Блаш де ла В. 277
Борн М. 286
Бриджмен П. 286
Бреммер А. 451
Булгаков М. А. 28, 338, 339
Булл Х. 440
Бумедьен Х. 217
Буренков А. В. 5, 42, 282, 288
Бэкон Ф. 440
Бэннон С. 454

В

Вайль Л. 346
Валлерстайн И. 321
Валовой Д. В. 327
Вебер А. Б. 381, 382
Вернадский В. И. 29, 37, 228, 293,
376
Веселовский С. Я. 387
Вивекананда С. 457
Винер Н. 270-272
Волков Ю. Г. 421
Вольтер М. 106

Г

Гай В. 8
Гали Бутрос Б. 375
Ганди И. 47
Ганди М. 440, 457
Ганди Р. 47
Гапич А. 188
Гарске Дж. 338
Гассет 336
Гегель Г. В. 386, 413, 414
Геккель Э. 205
Гераклит 413
Гердер Г. 106
Геродот 280
Гидденс Э. 76
Гишинский Я. И. 44, 45
Гиппократ 280
Гитлер А. 284
Гоббс Т. 30, 31, 44, 106, 186, 248,
304, 336
Гобозов И. А. 8, 386
Гогенберг С. 47
Гомез Пин В. 8
Горбачев М. С. 463, 464

Горохов С. 140
Грамши А. 440
Гринин Л. Е. 8, 191, 196
Громыко А. А. 16–18
Громыко Ал. А. 330
Громыко Ан. А. 103, 104, 375
Гроций Г. 373
Гумилев Л. Н. 278, 280, 281
Гунаев З. С. 384

Д

Данилевский Н. Я. 293
Данилов-Данильян В. И. 58, 59
Данте А. 372
Де Голь Ш. 456
Демокрит 247
Джемс У. 226
Джефферсон Т. 106
Дидро Д. 6, 7, 106
Дионисий младший 341
Дионисий старший 341
Дудаев Д. 162
Дынкин А. А. 127, 136
Дэн Сяопин 125, 126, 221

Е

Елизавета Баварская 47
Елкина В. 406
Еремишин О. 380
Ефимова Л. М. 138, 139

Ж

Жванецкий М. 434
Жолио-Кюри Ф. 286

З

Загладин В. В. 206, 234
Замошкин Ю. А. 70, 71

Зигфрид А. 277

Зиновьев А. А. 334, 335

Зорькин В. Д. 317

И

Иванова Н. И. 324

Ивахнюк И. В. 204, 207, 208, 242

Иисус 47

Ильин И. В. 8, 38, 206, 231, 462

Иноземцев В. Л. 12

Инфельд Л. 286

Ионцев В. А. 202, 207, 210

К

Каган М. С. 252

Кагарлицкий Б. Ю. 188

Каддафи М. 157

Кампанелла Т. 372

Канова А. 47

Кант И. 20, 106, 293, 369, 373, 390,
394

Капица С. П. 206, 207, 218

Карно С. 47

Карпенко А. С. 254

Касавин И. Т. 248, 249, 252

Кастро Ф. 16, 17, 237

Кацура А. В. 8

Кеннеди Дж. 47

Кеннеди Р. 47

Кеохэйн Р. 401

Кинг М. Л. 47

Киплинг Р. 457

Кирилл (Митрополит) 257

Киссинджер Г. 318

Китинов Б. У. 445

Клаузевиц К. 456

Клочков И. Е. 5

Клэппер Д. 34, 35

Ключевский В. О. 69

Ковалев Н. 52, 53, 55

Козюлин В. 61

Кокшаров А. 130

Колеман Д. 382, 385

Колумб Х. 204, 229, 310, 311, 466

Колпаков В. А. 459

Константинов А. 169

Конфуций 130, 131, 340, 379, 380,
439, 445

Копнов А. 235

Королев А. Д. 8, 179, 283

Коротаев А. В. 196, 207

Корсгард О. 351

Котарбиньский Т. 380

Котова Е. 219

Красильщиков А. 69

Краутхаммер Ч. 465

Кристал Д. 384, 461

Кропоткин П. А.

Кувалдин В. Б. 118, 453

Кудинова Г. Э. 200

Кузанский Н. 463, 468

Кузнецова Н. 461

Кутовой Е. Г. 330

Кучуради И. 8

Л

Ладан Б. 50

Лао-Цзы 341, 439

Ларин А. М. 260

Ларина Е. 53, 54

Ласло Э. 8, 40, 70

Латса А. 200

Лебедев А. 51

Леви Стросс К. 98

Левин М. Б. 316
Лекторский В. А. 251
Ленин В. И. 154, 213, 264–266,
309, 312–314, 425
Ле Пен М. 224, 482
Ли Куан Ю. 116, 353
Лисеев И. К. 8, 283
Лишаев С. А. 253
Локк Дж. 106
Лукреций Кар 247
Лушников Д. 188
Лыков А. Ю. 382
Лю Яньдун 131

М

Магеллан Ф. 229
Мазур И. И. 34, 59, 64, 66, 196,
205, 206, 231, 234, 236, 277, 292,
313, 420, 426, 429, 431, 462
Макаренко А. С. 69
Макиавелли Н. 269, 336
Маккиндер Х. 278
Маккинли У. 47
Малинецкий Г. Г. 207
Малков С. Ю. 207
Мальтус Т. 206, 293
Мандела Н. 450
Мантатов В. В. 176
Марк Аврелий 372, 453
Маркс К. 182, 265, 268, 293, 336, 440
Мацура К. 177
Мельниченко А. 160
Мельниченко В. Е. 330
Мескон М. Х. 328
Мигунов Н. И. 126, 132
Мигунова О. В. 126, 132
Микешина Л. А. 248, 252, 253

Модельски Дж. 402
Моисеев Н. Н. 200
Монтень М. 372
Монтескье Ш. 280
Мор Т. 372
Моргенштерн О. 271
Моро А. 47
Московченко А. Д. 323
Мосс М. 98
Мьюн-Хьюн Ли 176
Мэхэн А. Т. 278

Н

Назаретян А. П. 211
Най Дж. 401, 437, 438, 441
Наринский М. М. 105
Наумкин В. В. 141
Нейман фон Д. 271
Нерсисян Л. 148
Нестеренко Н. Я. 5, 63
Никита Сиракузский 371
Никонов В. А. 184
Ницше Ф. 456
Нурсеитов А. А. 127

О

Обама Б. 77, 78
Обухов А. И. 257
Овада Х. 467
Ожегов С. И. 83, 249, 250, 326,
420, 437, 447
Оппенгеймер Р. 287
Ортега 336
Осипова Е. В. 263
Остхоф-Мюнникс Г. 382, 394, 403,
404
Оуэн Р. 269

П

Пальмерстон Г. 266
 Панарин А. С. 465
 Пан Ги Мун 317, 369, 370
 Панкратенко И. 129
 Парменид 247
 Пауэлл С. 286
 Петров А. М. 141
 Петровский В. Ф. 324
 Печчеи А. 6, 7, 227, 310
 Платон 20, 247, 251, 336, 341–343
 Пол Пот 430
 Поликарпов В. С. 421
 Полибий 280
 Понтий Пилат 247
 Поппер К. 20, 336
 Принцип Г. 47
 Прудон П. 46
 Пэйн Т. 106

Р

Райзберг Б. А. 328
 Рассел Б. 23, 285–287, 376, 377
 Ратцель Ф. 277
 Реале Д. 343
 Рерих Н. К. 457
 Робертсон Р. 8
 Рожников Л. Е. 9
 Розенберг Г. С. 200
 Розенсон Н. 316
 Роттердамский Э. 372
 Роулз Дж. 177
 Рузвельт Ф. 456
 Русакова О. Ф. 438
 Руссо Ж.-Ж. 106

С

Саид Э. 98
 Савельев В. С. 69
 Савицкий П. 278
 Садовничий В. А. 207
 Сакс Дж. 77
 Саямов Ю. Н. 8
 Свет Я. М. 310, 311
 Сенека Л. А. 7, 372, 435
 Сен-Пьер 373
 Сен-Симон К. А. 269
 Сергеев М. 8
 Сеун-Су Хан 176
 Си Цзиньпин 221, 225
 Скарантино Л. 8
 Слоттер А. М. 402
 Смит А. 433
 Сноуден Э. 55
 Сократ 247, 259, 336
 Солженицын А. И. 199, 200
 Соловин М. 276
 Соммервиль Дж. 23
 Спикмен Н. 278
 Сталин И. В. 284
 Степанов С. А. 200
 Степин В. С. 263
 Столович Л. Н. 252, 253
 Страбон 280
 Сухарева О. 225

Т

Таран П. 207
 Тертуллиан 372
 Тизард Г. 14
 Тинберген Я. 314
 Топорнин Б. Н. 261
 Тойнби А. 287

Торкунов А. В. 387

Трамп Д. 202, 224, 482

Трубецкой Н. 278

Ту Веймин 8

Тэ Кил Ким 176

Тюрго А. 280

У

Умберто I 47

Уолкер М. 399

Уотерман Р. 413

Урсул А. Д. 8, 38, 43, 382

Устьянцев В. Б. 76

Ушаков И. В. 132

Ф

Фатхутдинов Р. А. 328

Федотова В. Г. 142, 459, 469, 470

Федотова Н. Н. 459

Фердинанд Ф. 47

Филолай 71

Фролов И. Т. 206, 234, 263

Фромм Э. 360, 402

Фукуяма Ф. 69, 70, 289, 316, 465

Фуллер Б. 459

Фунтусов В. С. 176

Фурье Ш. 269

Х

Хабермас Ю. 179

Халь Кок 346, 352

Хантингтон С. 150, 200, 222, 289,
306, 316, 466, 467

Харенберг Б. 34

Хаусхофер К. 278

Хедоури Ф. 328

Ходаренко М. 57

Хусейн С. 156

Ц

Цицерон 372

Ч

Чейс Дж. 465

Чекмарева Е. 103

Челлен Р. 278

Черкасская М. 118

Чернышевский Н. Г. 76

Черчилль У. 269, 284, 285, 288, 364

Чжан Цзюнь 226

Чубайс А. Б. 224

Чумаков А. Н. 3–5, 8, 29, 34,
38, 59, 63, 76, 78, 85, 91, 93,
176, 179–181, 190, 191, 193,
195, 196, 205, 206, 214, 227, 231,
234, 236, 277, 281, 292, 313, 320,
382, 388, 420, 422, 426, 429, 431,
457, 462, 464**Ш**

Шаклеина Т. А. 402

Шахермайр Ф. 344

Шевченко В. Н. 283

Шекспир У. 444

Шермухамедов С. 177

Шермухамедова Н. 177

Шнайдер Б. 316

Шпенглер О. 293

Штирнер М. 46

Шумилов В. Н. 192

ЭЭйнштейн А. 10, 23, 276, 285, 286,
377, 412

Экфант 371

Энгельс Ф. 182, 265, 293, 440

Эпиктет 372
 Эпикур 247
 Эратосфен 371
 Эриугена 372
 Эскиндаров М. А. 443
 Эстулин Д. 382, 386

Ю

Юкава Х. 286
 Юнг К. 268, 269
 Юсуф аль-Карадави 217

Я

Яковлев А. Н. 123
 Ямоаки Н. 389
 Янковский С. 262
 Ясперс К. 282, 293, 371

* * *

Aleshkovski I. 202
 B. Boutros-Ghali. 324, 467
 Behrens W. 239
 Bull H. 440
 Chumakov A. 18, 206, 293, 350
 Collins R. 322
 Frank P. 377
 Huntington S. 307
 Gay W. 18, 206, 293, 350

Giarini O. 237
 Gorbachev M. 18, 206, 293
 Guernier M. 237
 Kapitza S. P. 207
 Keohane R. 402
 Kettani H. 141
 Kissinger H. 319
 Krauthammer Ch. 466
 Kwang Chun. 197
 Laszlo E. 293
 Mazour I. 18, 206, 293
 McFaul M. 189
 Meadows D. H. 239
 Meadows D. L. 239
 Mesarovic M. 236, 293
 Modelski G. 402
 Nye J. 402, 437, 438
 Owada H. 467
 Pestel E. 236, 293
 Petrovski V. 324
 Randers J. 239
 Russell B. 377
 Schaffnit-Chatterjee C. 149
 Slaughter A.-M. 402
 Tinbergen J. 236, 314
 Yamawaki N. 389
 Wallerstein I. 321
 Wilkinson D. 32

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Акаев А. А., Кортаев А. В., Малинецкий Г. Г., Малков С. Ю.* (ред.). Проекты и риски будущего: Концепции, модели, инструменты, прогнозы. М.: КРАСАНД, 2011.
2. *Акаев А.А.* От эпохи Великой дивергенции к эпохе Великой конвергенции: математическое моделирование и прогнозирование долгосрочного технологического и экономического развития мировой динамики. М.: ЛЕНАНД, 2015.
3. *Аксюмов Б.В.* Конфликт цивилизаций в контексте современных глобальных процессов. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2008.
4. Антиглобализм и глобальное управление: Доклады, дискуссии, справочные материалы. М.: МГИМО (У) МИД России, 2006.
5. *Атаманчук Г.В.* Управление — фактор развития (размышления об управленческой деятельности). М., 2002.
6. *Барлыбаев Х.А.* Солидарология. Философия солидарности. Уфа.: Китап, 2016.
7. *Бек У.* Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001.
8. *Бел Д., Иноземцев В. Л.* Эпоха разобщенности: Размышления о мире XXI века. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2007.
9. *Бердяев Н.А.* Истина и откровение. Прологомены к критике Откровения. СПб., 1996.
10. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 1998.
11. *Бжезинский З.* Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство. М.: Международные отношения, 2005.
12. *Бьюкенен П.Дж.* Смерть Запада: пер. с англ. А. Башкирова. М.: АСТ, 2004.
13. *Вебер А.Б.* Рынок и общество: экономическое и социальное в общественных процессах. М.: Либроком, 2012.
14. *Вебер А.Б.* Устойчивое развитие как социальная проблема (глобальный контекст и российская ситуация). М.: Изд-во Ин-т социол. РАН, 1999.
15. *Вернадский В.И.* Несколько слов о ноосфере // Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988.
16. *Винер Н.* Кибернетика. М., 1968.

17. *Гапич А., Лушиков Д.* Технологии цветных революций. М.: Риор, 2010.
18. *Гидденс Э.* Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь Мир, 2004.
19. *Гилинский Я.* Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб., 2004.
20. Глобализация и современная Россия / под ред. В.Ю. Бельского, А.И. Сацуты. М., 2014.
21. Глобализация и социальная политика развитых стран: сб. обзоров и рефератов / РАН. М.: ИНИОН, 2008.
22. Глобализация как фактор социальных перемен в современном мире: сб. обзоров и реф. / РАН. М.: ИНИОН, 2012.
23. Глобалистика: Энциклопедия / гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков; Центр научных и прикладных программ «Диалог». М.: Радуга, 2003.
24. Глобалистика: Международный междисциплинарный энциклопедический словарь / гл. ред.: И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. М.; СПб.; Н.-Й.: ИЦ «ЕЛИМА», ИД «Питер», 2006.
25. Глобалистика. Персоналии, организации, труды. Энциклопедический справочник / гл. ред.: И.В. Ильин, И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. М.: Альфа-М, 2012.
26. Глобалистика. Персоналии, организации, труды. Энциклопедический справочник / гл. ред., сост. И.В. Ильин, И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. 2-е изд., стер. М.: Кнорус, 2016.
27. Глобальная геополитика / под ред. И.И. Абылгазиева, И.В. Ильина, И.Ф. Кефели. М., 2017.
28. Глобальное управление в XXI в.: инновационные подходы / под ред. Ал. А. Громыко. ДИЕ РАН № 291. М.: Институт Европы РАН, 2013.
29. Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. М.: ООО «Издательство МБА», 2013.
30. Глобальное управление: возможности и риски / отв. ред. В. Г. Барановский, Н. И. Иванова. М.: ИМЭМО РАН, 2015.
31. Глобальные тенденции развития мира: Материалы Всеросс. науч. конф., 14 июня 2012 г. / Центр проблемного анализа и гос. управл. проектирования. М.: Научный эксперт, 2013.
32. *Гоббс Т.* Избранные произведения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1965.
33. *Гобзов И.А.* Государство и национальная идентичность: Глобализация или интернационализация? М.: Книжный дом «Либком», 2013.
34. *Горбачев М.С.* и др. Грани глобализации: трудные вопросы современного развития. М.: Альпина Паблишер, 2003.
35. Государство, миграция и культурный плюрализм в современном мире: материалы междунар. научн. конф. / под ред. В.С. Малахова, В.А. Тишкова, А.Ф. Яковлевой. М.: ИКАР, 2011

36. Государство. Общество. Управление: сб. статей. М.: Альпина Паблшер, 2013.
37. *Грамиш А.* Тюремные тетради. Ч. 1. М.: Изд-во политической литературы, 1991.
38. *Гранин Ю. Д.* Национальное государство в глобализирующемся мире. Социально-философский анализ. М.: РУСНИКА, 2014.
39. *Григорьева Т. П.* Китай, Россия и Всечеловек. М.: Новый Акрополь, 2011.
40. *Громыко А.А.* Памятное. Испытание временем: в 2 кн. М.: Изд-во Центрполиграф, 2015.
41. *Громыко Ан. А.* Метаморфозы нашего времени. Избранное. М.: Весь Мир, 2012.
42. *Громыко Ан.А.* Уроки мировой политики: порядок или правопорядок? М.; СПб.: Нестор-История, 2016.
43. *Гумилев Л.Н.* Из истории Евразии. М., 1993.
44. *Гусейнов А. А.* Философия — мысль и поступок: статьи, доклады, лекции, интервью. СПб.: СПбГУП, 2012.
45. Демократия и суверенитет. Многообразие исторического опыта: сб. ст. / отв. ред.: И.К. Пантин, М.М. Федорова. М.: Идея-Пресс, 2010.
46. *Джульетто Кьеза, Пино Кабрас.* Глобальная матрица. М.: ИД «Трибуна», 2012.
47. Диалог культур в условиях глобализации: материалы Бакинского форума, посвященного памяти Гейдара Алиева. М., 2012.
48. Диалог цивилизаций. Повестка дня. М.: ИФ РАН, 2005.
49. Динамика взаимодействия внутренних и внешних факторов и вектор развития российского общества / отв. ред. В.Н. Шевченко. М.: ИФ РАН, 2013.
50. *Джемс У.* Зависимость веры от воли. СПб., 1904.
51. *Загладин В.В., Фролов И. Т.* Глобальные проблемы современности: научный и социальный аспекты. М., 1981.
52. *Ильин И.В., Урсул А. Д.* Глобальные исследования и эволюционный подход. М., 2013.
53. *Ильин И. В., Лось В. А., Урсул А. Д.* Устойчивое развитие и глобальные процессы. М.: Изд-во МГУ, 2015.
54. *Ильин И.В., Урсул А. Д.* Эволюционная глобалистика (концепция эволюции глобальных процессов). М.: Изд-во МГУ, 2009.
55. *Ионцев В.А.* Международная миграция: теория и история изучения. Научная серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир». Вып. 3. М.: Диалог-МГУ, 1999.
56. *Исмаилов Э., Папава В.* Центральная Евразия: геополитическое переосмысление. Стокгольм: ИД «СА СС PRESS», 2019.
57. *Каган М.С.* Философская теория ценности. СПб., 1997.
58. *Кант И.* К вечному миру. Соч.: в 6 т. Т. 6. М.: Мысль, 1966.

59. *Капица С.П.* Общая теория роста человечества. М.: Наука, 1999.
60. *Капустин Б.Г.* Гражданство и гражданское общество. М.: ГУ-ВШЭ, 2011.
61. *Кастро Фидель.* Экономический и социальный кризис мира. Его последствия для развивающихся стран, его мрачные перспективы и необходимость бороться, если мы хотим выжить. Доклад, представленный VII Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран. Гавана, Отдел публикаций Государственного совета. 1983.
62. *Кацура А. В., Мазур И. И., Чумаков А. Н.* Планетарное человечество: на краю пропасти. М.: Проспект, 2016.
63. *Кефели И.Ф.* Геополитика Евразии. СПб.: Петрополис, 2010.
64. *Колеман Д.* Комитет 300. Тайны Мирового Правительства. 6-е изд. М.: Витязь, 2012.
65. *Колодко Гжегож В.* Глобализация, трансформация, кризис — что дальше? М.: Магистр, 2011.
66. *Колодко Гжегож В.* Глобализация и перспективы развития постсоциалистических стран. Минск: ЕГУ, 2002.
67. *Колодко Гжегож В.* Мир в движении. М.: Магистр, 2009.
68. *Конфуций.* Уроки мудрости: Соч. М.; Харьков: Эксмо; Фолио, 2005.
69. *Корсгард Ове.* Борьба за просвещение. Образование взрослых в Дании. Опыт пяти столетий. М., ООО «Фантера», 2000.
70. *Котарбинский Т.* Трактат о хорошей работе. М.: Экономика, 1975.
71. *Кристал Д.* Английский язык как глобальный / пер. с англ. Н. Кузнецова. М.: Весь Мир. 2001.
72. *Кувалдин В.Б.* Глобальный мир. Политика. Экономика. Социальные отношения. М.: Весь Мир, 2017.
73. Куда движется век глобализации? / под ред. А. Н. Чумакова, Л. Е. Гринина. Волгоград: Учитель, 2014.
74. Культура в условиях глобализации взгляд из России: монография / коллектив авторов; под ред. А.Н. Чумакова. М.: КНОРУС, 2017.
75. Культурная политика России: актуальные аспекты. Коллективная монография / под ред. А.Н. Чумакова. М.: Проспект, 2015.
76. *Ласло Э.* Макросдвиг. К устойчивости мира курсом перемен. М.: Тайдекс Ко, 2004.
77. *Ленин В.И.* Империализм, как высшая стадия капитализма // В.И. Ленин. Полное собр. соч. 5-е изд. Т. 27. М., 1962.
78. *Лесков Л.В.* Примет ли нас XXI век? Предвидение в диалогах. М.: МИСК, 2009.
79. Лидерство и конкуренция в мировой системе: Россия и США / отв. ред. А.Д. Багатуров, Т.А. Шаклеина. М.: КРАСАНД, 2010.
80. *Лисичкин В. А. Шелепин Л. А.* Глобальная империя зла. М.: Крымский мост, 2001.
81. *Лыков А.Ю.* Мировое государство как будущее международного общества: монография. М.: Проспект, 2013.

82. *Макиавелли Н.* Избранные сочинения. М.: Худож. лит., 1982.
83. *Меняющаяся социальность: контуры будущего* / отв. ред. В.Г. Федотова. М.: ИФ РАН, 2012.
84. *Меняющиеся ценности в современном мире: сб. науч. тр.* / под ред. А.Н. Чумакова, Т.М. Махаматова. М.: Вузовский учебник; ИНФРА-М, 2016.
85. *Мескон М. Х., Альберт М., Хедоури Ф.* Основы менеджмента. / пер. с англ. М., 1992.
86. *Митчелл Дин.* Правительность: власть и правление в современных обществах. М.: Дело, 2016.
87. *Моисеев Н. Н.* Судьба цивилизации. Путь разума. М.: МНЭПУ, 1998.
88. *Моисеев Н.Н.* Универсум. Информация. Общество. М.: Устойчивый мир, 2001.
89. *Моисеев Н. Н.* Быть или не быть... человечеству? М., 1999.
90. *Моисеев Н. Н.* Человек во Вселенной и на Земле // Наука, общество, человек. М., 2004.
91. *Мотрошилова Н.В.* Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. М.: Канон+, 2010.
92. *Назаретян А.П.* Нелинейное будущее. Мегаисторические, синергетические и культурно-психологические предпосылки глобального прогнозирования. М.: Изд-во МБА, 2013.
93. *Назаретян А. П.* Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории (Синергетика — психология — прогнозирование): 2-е изд. М.: Мир, 2004.
94. *На пути к открытому обществу. Идеи Карла Поппера и современная Россия* / отв. ред. А.Н. Чумаков. М.: Весь Мир, 1998.
95. *Нефть и газ. Мировая история.* М.: ИД «Земля и человек XXI век», ИЦ «Елима», 2004.
96. *Никонов В. А.* Современный мир и его истоки. М.: МГУ, 2015.
97. *Нравственные ограничения войны: Проблемы и примеры.* М.: Гардарики, 2002.
98. *Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010).* М.: Весь Мир, 2011.
99. *Овчинский В.С.* XXI век против мафии: Криминальная глобализация и Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности. М.: ИНФРА-М, 2001.
100. *Один мир для всех: Контурсы глобального сознания* / пер. с нем. М.: Прогресс, 1990.
101. *Олейников Ю.В.* Зрелое общество: проблемы, реальность, перспективы. М.: Перспектива, 2010.
102. *О причинах русской революции* / отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, С.Ю. Малков. М.: Изд-во ЛКИ, 2010.

103. *Панарин А.С.* Искушение глобализмом. М.: Русский Национальный Фонд, 2000.
104. *Пантин В.И., Лапкин В.В.* Историческое прогнозирование в XXI в.: Циклы Кондратьева, эволюционные циклы и перспективы мирового развития. Дубна: Феникс+, 2014.
105. *Печчеи А.* Человеческие качества. М.: Прогресс, 1980.
106. Политические стратегии российского государства как философская проблема / отв. ред. В.Н.Шевченко. М.: ИФ РАН, 2011.
107. *Поппер К.* Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. М.: Феникс, 1992.
108. Проблемы языка в глобальном мире: монография / под ред. Е.В. Ганиной, А.Н. Чумакова. М.: Проспект, 2016.
109. *Райзберг Б.А., Фатхутдинов Р. А.* Управление экономикой. М., 1999.
110. *Розенсон Н., Шнайдер Б.* К лучшему мировому порядку: Послание из Куала-Лумпур. Мадрид: Фонд BBV, 1993.
111. *Розин В.М., Голубкова Л.Г.* Управление в мировом и российских трендах. М.: URSS, 2012.
112. Россия в диалоге культур / редкол.: А.А. Гусейнов, А.В. Смирнов, Б.О. Николаичев. М.: Наука, 2010.
113. Россия и мир: 2015. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / рук. проекта: А.А. Дынкин, В.Г. Барановский. М.: ИМЭМО РАН, 2014.
114. Русский мир как цивилизационное пространство / под ред.: А.А. Гусейнова, А.А. Кара-Мурзы, А.Ф. Яковлевой. М.: ИФ РАН, 2011.
115. *Сайид Муджтаба Рукни Мусави Лари.* Западная цивилизация глазами мусульманина. Баку: Иршад, 1994.
116. Современные глобальные вызовы и национальные интересы: XVI Международные Лихачевские научные чтения, 19–21 мая 2016 г. СПб.: СПбГУП, 2016.
117. *Соколов К. Н.* Духовные основания геополитической борьбы. М.: Поколение, 2009.
118. Солдаты Холодной войны: хроники оборонного предприятия «Гидромонтаж» (1955–1991 гг.) / под ред. А.В. Буренкова. М.: ИнфоВелт, 2016.
119. Социальные конфликты в контексте процессов глобализации и регионализации. М.: ЛЕНАНД, 2005.
120. Soft power: теория ресурсы, дискурс / под ред. О.Ф. Русаковой. Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи», 2015.
121. *Степин В.С.* Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011.
122. Судьба государства в современную эпоху / отв. ред. В.Н. Шевченко. М.: ИФ РАН, 2005.
123. *Тарко А.М.* О настоящем и будущем России и мира. Тула: Пром-Пилот, 2016.

124. *Тренин Д.* Верные друзья? Как Россия и Китай воспринимают друг друга / Центр европейских реформ; Московский Центр Карнеги. М., 2012.
125. *Устьянцев В. Б.* и др. Общество: пространство, риски, ценности: монография / под ред. А. Н. Чумакова; Саратовский гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского, Саратовское региональное отделение Российского филос. о-ва. Саратов, 2012.
126. *Уткин А.И.* Новый мировой порядок. М.: Алгоритм, 2006.
127. *Уткин А.И.* Подъем и падение Запада. М.: АСТ, 2008.
128. *Ушаков И.В.* Экологический лабиринт. Социально-экономические аспекты природопользования в Китае. М.: ИД «ФОРУМ», 2008.
129. *Федотова В.Г., Колпаков В. А., Федотова Н. Н.* Глобальный капитализм: три великие трансформации. М.: Культурная революция, 2008.
130. *Федотова В.Г.* Модернизация и культура. М.: Прогресс-Традиция, 2016.
131. *Федотова В. Г.* Хорошее общество. М.: Прогресс Традиция, 2005.
132. Феномен глобализации в контексте диалога культур / отв. ред.: И.К. Лисеев, Р.С. Сейфулаев, А.А. Гизалов. М.: Канон+, 2010.
133. *Философия войны и мира. К 70-летию Великой Победы: материалы Всероссийской науч.-практ. конференции 28–29 апреля 2015 г.* Москва, Институт философии РАН / редколл.: В.Н. Шевченко, А.Д. Королев, И.К. Лисеев и др. М.: РФО, ООО «СиДиПрессАрт», 2016.
134. *Философия управления: методологические проблемы и проекты / отв. ред.: В.И. Аршинов, В.М. Розин.* М.: ИФ РАН, 2013.
135. *Философия управления: пробл. и стратегии / отв. ред. В.М.Розин.* М.: ИФ РАН, 2010.
136. *Фромм Э.* Иметь или быть? М.: Прогресс, 1986.
137. *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек; пер. с англ. М. Б. Левина. М.: АСТ, 2007.
138. *Фукуяма Ф.* Великий разрыв; пер. с англ. М.: АСТ; ЗАО НПП «Ермак», 2004.
139. *Халь Кок.* Что такое демократия? / пер. с дат. Л. Вайль. Датский институт культуры. Копенгаген: Изд-во Систайм, 1993.
140. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.
141. *Хардт М., Негри А.* Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006.
142. *Харенберг Б.* Хроника человечества. М.: Слово, 2000.
143. *Хаттон У.* Мир, в котором мы живем. М.: Ладомир, 2004.
144. *Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Д.* Глобальные трансформации. Политика, экономика и культура. М.: Праксис, 2004.
145. *Челлен Р.* Государство как форма жизни. М.: Изд-во Российская политическая энциклопедия, 2008.

146. Что догоняет догоняющее развитие: сб. статей / отв. ред. и сост. А.М. Петров. М.: Институт востоковедения РАН, 2011.
147. *Чумаков А. Н.* Глобализация. Контуры целостного мира: монография. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017.
148. *Чумаков А. Н.* Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст: монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: Проспект, 2017.
149. *Чумаков А.Н., Иоселиани А. Д.* Философские проблемы глобализации / А.Н. Чумаков, А. Д. Иоселиани М.: Логос, 2015.
150. *Чумаков А.Н., Нестеренко Н. Я.* История одного техникума. Хадзыженский нефтяной. М.: Проспект, 2014.
151. *Чумаков А.Н.* Философия глобальных проблем. М.: Знание, 1994.
152. *Шевченко В. Н.* Интеграционные и дезинтеграционные процессы в истории российского государства: социально-философские аспекты / Рос. акад. наук, Ин-т философии; В.Н. Шевченко, В.И. Спиридонова, Р.И. Соколова, В.Г. Буров; отв. ред.: В.Н. Шевченко, В.И. Спиридонова. М.: ИФ РАН, 2015.
153. Эволюция: Дискуссионные аспекты глобальных эволюционных процессов / отв. ред. Л.Е. Гринин, И.В. Ильин, А.В. Коротаев, А.В. Марков. М.: Книжный дом «Либроком», 2011.
154. *Эстулин Д.* Кто правит миром? Или вся правда о Бильдербергском клубе. 2-е изд. Минск: Попурри, 2009.
155. *Яковец Ю. В.* Глобализация и взаимодействие цивилизаций. М.: Экономика, 2003.
156. *Яковлев А.Н.* Омут памяти. М.: Вагриус, 2001.
157. *Яснерс К.* Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991.
158. *Between Global Violence and the Ethics of Peace: Philosophical Perspectives* Ed. by Edward Demenchonok. Oxford: Wiley-Blackwell, 2009.
159. *Bull H.* The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. N.Y.: Macmillan, 1977.
160. *Chomsky N.* Power Systems. N.Y., Penguin Books, 2013.
161. *Chumakov A. N.* Philosophy of Globalization. Selected articles. 2nd revised and expanded edition. М.: Moscow University Press, 2015.
162. *Chumakov A. N., and Gay W. C.* (eds), *Between Past Orthodoxies and the Future of Globalization: Contemporary Philosophical Problems* (Leiden, Boston: Brill-Rodopi, 2016).
163. *Donella H. Meadows, Jorgen R., Dennis L. Meadows, William W. Behrens.* The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind. Universe Books, 1972.
164. *Einstein A.* Letters to Solovine. Philosophical Library, Inc. N.Y., 1987.
165. *Encyclopedia of Global Studies / Editors Helmut K. Anheier, Mark Juergensmeyer.* SAGE Publications, Inc. California, USA, 2012.

166. *G7 & Philosophy. A Philosophical Review of the Political Agenda of the G 7 Summit in Taormina, Italy, 2017.* Edited by Stephan C. Roh. Rome: Link Campus University, 2017.
167. *Giarini Orio.* Dialogue on Wealth and Welfare, Pergamon Press. Oxford, 1980.
168. *Global Culture: Consciousness and Connectivity.* Ed. by R. Robertson and D. Buhari-Gulmez. — Surrey, England: Ashgate, 2016.
169. *Global Studies Encyclopedia / Edited by I.I.Mazour, A.N.Chumakov, W.C.Gay; TsNPP “Dialog”.* M.: Raduga Publishers, 2003.
170. *Global Studies Encyclopedic Dictionary / ed. by A.N. Chumakov, I.I. Mazour, W.C. Gay.* Amsterdam; N.Y., 2014.
171. *Global Studies Directory: People, Organizations, Publications / ed. by A. N. Chumakov, I. V. Ilyin, I. I. Mazour.* Leiden; Boston: Brill, 2017.
172. *Guernier Mourice.* Tiers-Monde: Trois Quart du Monde, Dunod. Paris, 1980.
173. *Human Rights 60 Years After the Universal Declaration: Dignity and Justice for All of Us / ed. by I. Kuchuradi.* Istanbul: Maltepe University, 2011.
174. *Kapitza S. P.* Global Population Blow up and After. The demographic revolution and information society. A Report to the Club of Rome. M.; Hamburg: Tolleranza, 2007.
175. *Kiss E.* The Dialectics of Modernity — Recognizing Globalization. Budapest: Arisztotelesz Kiado, 2014.
176. *Kung H.* A Global Ethic for Global Politics and Economics. London: SCM Press Ltd, 1997.
177. *Laszlo Ervin and al.* Goals for Mankind, Dutton. N.Y., 1977.
178. *Lee Kuan Yew.* The Singapore Story: 1965–2000. From third world to first. HarperCollins Publishers, N.Y., USA, 2000.
179. *Martin G. T.* World Revolution Through World Law. Sun City, USA, Institute for Economic Democracy Publisher, 2005.
180. *McFaul M.* Importing Revolution: Internal and External Factors in Ukraine's 2004 Democratic Breakthrough. CDDRL Working Papers, May 2006.
181. *Mesarovic M., Pestel E.* Mankind at the Turning Point, Dutton. N.Y., 1974.
182. *Modolski G.* Long Circles in World Politics. L., 1987.
183. *Naoshi Yamawaki.* 2008. The Idea of Glocal Public Philosophy and Cosmopolitanism. XXII World Congress of Philosophy. «Rethinking Philosophy Today». July 30 — August 5, 2008. Seoul: Seoul National University. 2008.
184. *Nye J.* Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. N.Y.: Basic Books, 1990.
185. *Nye J.* Soft Power. The Means to Success in World Politics. N.Y.: Public Affairs, 2004.
186. *Nye Joseph S.* Soft Power. The Means to Success in World Politics. N.Y.: Public Affairs, 2004.
187. *Owada H.* The Problem of World Public Order // B. Boutros-Ghali Amicorum Discipulorumque Liber. Bruxelles, 1998. Vol. I.

188. *Petrovski V.* Good Global Governance and the U. N. // B. Boutros-Ghali *Amicorum Discipulorumque Liber — Paix, Developpement, Democratie*, vol. II, Bruxelles, Bruylant, 1998.
189. *Slaughter A.-M.* A New World Order. Princeton and London, 2004.
190. *Tinbergen Jan* (coordinator). RIO-Reshaping the International Order, Dutton. New York, 1976.
191. The Challenges of Globalization: Rethinking Nature, Culture, and Freedom / ed. by S. Hicks and D. Shannon. Singapore: Blackwell Publishing Ltd. 2007.
192. The Dialectics of Modernity — Recognizing Globalization. Studies on the Theoretical Perspectives of Globalization / ed. by Endre Kiss. Budapest: Arisztotelesz Kiado, 2014.
193. This Globalizing World / ed. by A.N. Chumakov and L. E. Grinin. Volgograd: 'Uchitel' Publishing House, 2015.
194. *Wallerstein I.* The Modern World-System. 3 vols. N.Y.: Academic Press, 1988.
195. World Revolution Through World Law. Basic Documents of the Emerging Earth Federation / ed. with an introduction and other writings by Glen T. Martin. Sun City, IED, 2005.

Alexander N. CHUMAKOV

GLOBAL WORLD: CLASH OF INTERESTS

Summary

This book is the final part of a trilogy dedicated to the general theory of globalization, which the author has been actively researching during the last two decades. In the previous two volumes, globalization is presented as a natural historical process; the global world is seen as an objective reality, with the global humankind being part of it. While the first volume¹ analyzes the origins of global processes and the main stages of their development in the different spheres of social life, the second one² views globalization as if from within a society, when globalization is presented in unbreakable connection with the cultural and civilizational development of separate social systems, formatting, thus, the global humankind as a whole as a single cultural-cum-civilizational system.

Now, leaning on the initial research, the author's aim is to demonstrate the structure and the dynamics of changes in the global world from the point of view of how it evolves as a holistic, spontaneously regulated and completely uncontrollable cultural-cum-civilizational system. The author also examines the most likely ways and scenarios of further development for the global world.

¹ *Chumakov A.N.* Globalizatsiya. Kontury tselostnogo mira. 3rd edition. M.: Prospekt, 2017. 448 p.

² *Chumakov A.N.* Metafizika globalizatsii. Kultuno-tsilivizatsionnyi kontekst. 2nd edition. M.: Prospekt, 2017. 496 p.

The study begins with identifying geopolitical realities of the twenty-first century and analyzing interactions of the major actors on the world stage, which are supposed to be an integral part of the global world and to determine that, first and foremost, the nature of contemporary international relations. On this subject there are many various studies and publications, yet none of them is based on the holistic vision of the modern world and of the humanity, which, together with the geosphere and the biosphere makes the triosphere of the Earth¹. But now time has come for this sort of analysis. Moreover, everything rapidly changes not only under the influence of the increasing multifaceted globalization, but due to the increase in the information and technological revolution. Newer and better technologies, media tools and communication transform not only nations and peoples but also all inhabitants of the planet into a single community, a holistic system. As a result, competition on the world stage is increasing, confrontation grows, struggle for dominance and for the best economic, political, cultural, and ideological positions becomes more acute. Such problems, referred to as “global” since the time of their “discovery” in the second half of the twentieth century, can not be solved without a theoretical understanding of their nature, essence and caused, as well as without joint efforts and concerted action of the absolute majority of the inhabitants of the Earth. Details and separated facts of the positive or negative interaction of the various parties in the course of overcoming our common problems are not of fundamental importance, because our task is to find fundamental solutions for a prosperous future of the humanity, which is already planetary.

This book was originally conceived not only to transmit some vital message or specific information, but also mostly to summarize and generalize the results of many years of creative work. It was born in the course of reflecting about the contemporary world and the author’s biography, which in this particular historical period was closely intertwined with the life of the author’s home country, and of the humankind in general.

¹ See: *Chumakov A.N.* Globalizatsiya. Kontury tselostnogo mira. 2nd edition. M.: Prospekt, 2014. P. 171–172.

The main purpose of this book is not to offer ready-made solutions, suitable to be used and applied already “here and now”; it is to encourage reflection on the past, present and future both of the whole humankind, and of the individual cultural-cum-civilizational systems, including Russia. The book also aims at initiating reflection on the most optimal ways of solving the topical problems of modernity, caused by globalization.

Another words, this book is not for easy and quick reading. It raises difficult and important issues that mostly form the basis of our everyday life and shape the future of social development. Researching this theme involves using certain methods, principles and approaches, well known and proven to be effective, as well as groundbreaking and having special importance in this or that particular context.

It is also important to stress that the proposed topic and the issues in question require maximum concentration on what is the main, essential, and fundamental in the life of society and individuals. Correct assessment of activities of the objective forces and trends, as well of the subjective factors is of particular importance in the consideration of social processes and phenomena. All this determined the content and style of presentation in this book, which is aimed to make the language of presentation as easy as possible, “but not simpler than possible”, as it was rightly pointed out by Einstein. In this regard, like earlier, at the beginning of each chapter the key concepts are identified to make the author's position as clear as possible, and to make the text more understandable and easy to read. Partly for this reason, the main conclusions, arising from the content of the chapter, are summarized at the end of each chapter. All that is also intended to attract additional readers, meaning not only narrow specialists, but also a wider range of people, to contribute into researching this difficult topic.

All conclusions and generalizations presented in this book are based on earlier research, as well as on analysis of various facts and specific data, links to which are given only in the cases where it is clearly needed. Today, under conditions of information overload and easy access to informational resources, it makes no sense to overload the contents of the book with concrete figures, facts, graphs, diagrams, tables, etc., which, in case of need, can be easily obtained via the Internet and other sources of information. Besides, this kind of data

is quickly updated, changed, or become obsolete in the course of the rapid information flow.

In some cases, statements are presented in the form of expert assessments and opinions, and are mostly philosophical in nature, reflecting the ideological and professional position of the author. The value of such findings, based to a large extent on intuition, is that this sort of creative work can only be completed by a human being, since this kind of activity cannot be digitalized. Moreover, it is important not only how accurate those forecasts are, but also how the global development trends that determine our future look from the viewpoint of view of an expert with a specific and clearly expressed vision of the world.

It also needs to be emphasized that there are judgments and starting points in this study, on which the reasoning and conclusions of the author are based, without additional explanations. It happens, when it comes to such topics as, for example, “culture”, “civilization”, “globalization”, “triosphere”, “cultural-cum-civilizational systems”, “paradise on Earth”, etc., which have already been specifically addressed in the two previous books by the author. The present volume makes a single whole with them, and its content is based primarily on the results of the conclusions and the findings of the previous monographs on the theory of globalization. In this work, in the course of the narration, there will be references to the previously achieved results and conclusions. Another words, in case of need for clarification of the position of the author, the content of previous volumes is to be referred to.

This book offers a certain historical scheme, highlighting various stages, periods, turning points, etc. It should be borne in mind that it is an attempt is made to reconstruct, to systematize, to organize, or to correlate historical events that can be considered from another point of view, from a different perspective, with a focus on other circumstances. Then the historic periods would look different; opportunities would emerge to resolve new tasks without addressing the initial ones. As D. Bell rightly pointed out, the scale and diversity of our world is different from the previous one; and any attempt to construct a scheme that would adequately describe the past and the present will inevitably break upon this distinction . Thus, any scheme should be treated with a certain degree of conditionality,

of simplification. We should understand that the living historical process is actually much more complex phenomenon than it can be represented schematically. Nevertheless, the use of such techniques is justified because it allows concentrating ourselves on what is essential, in each case paying less attention to the unimportant and secondary.

Finally, discussing social problems, when multiple interests, opinions, viewpoints and positions collide, we should have in mind two immutable rules (two eternal laws), which, anyway, are valid for all societies:

1. In the history of mankind has never been a drivel or hopeless stupidity done or invented, which would not find at least one supporter.
2. In the history of mankind has never been any completely obvious truth expressed or discovered, which would not find at least one opponent.

CONTENTS

Introduction	3
Methodological remarks	10
Chapter 1. Geopolitical realities of the XXI century	14
1.1. Showcases and backyards of the global world.....	15
1.2. Origins and nature of contemporary conflicts	28
1.3. Global problems: the main threats of the XXI century	36
1.4. Natural resources as a factor of world politics	62
1.5. National and universal: conflict of interest.....	68
1.6. Risks and consequences of inadequate perception of the global world	75
Summary.....	79
Chapter 2. Architectonics of global humanity	81
2.1. Contemporary contours of the world community	82
2.2. Unity and diversity of the global world	85
2.3. Structural elements of the planetary sociosystem	91
2.4. West-East — Third world	95
2.5. Cradle of the Western world	104
2.6. Vanguard of the Western world.....	107
2.7. Outposts of the Western world.....	110
2.8. Eurasian Leviathan	117
2.9. The Rising dragon.....	123
2.10. The main oecumene of the modern world	134
2.11. Islamic conglomerate.....	138
2.12. Significant regional sociosystem	142
2.13. "Patchwork quilt" of the planetary society.....	150
2.14. Zones of instability and "hot spots" of the planet.....	152
Summary.....	163

Chapter 3. Planetary changes in the global social system	165
3.1. On the threshold of fundamental transformations.....	165
3.2. Modern world is in the philosophical dimension.....	171
3.3. Cultural-civilizational differences as a source of confrontation.....	181
3.4. Sociocultural faults of global humanity.....	186
3.5. Great migration of peoples as a reality.....	202
3.6. Western values under the press of a demographic shift.....	215
3.7. Easterly winds of global change.....	219
3.8. Megatrends and threats to the global world.....	227
Summary.....	343
Chapter 4. In the mazes of confrontation	245
4.1. In the struggle for truth: through delusion to truth.....	245
4.2. Interest as a determining factor of social relations.....	262
4.3. The nature of social existence: the struggle for survival.....	267
4.4. Geopolitical confrontation and the lessons of the cold war.....	276
4.5. The international community: inequality of opportunity.....	291
4.6. The capacity of countries according to the basic criteria.....	294
4.7. Alliances and realities of the modern world.....	303
Summary.....	307
Chapter 5. Global world: the problem of management	309
5.1. New world order – the imperative of our time.....	310
5.2. Global world as a system a reality.....	319
5.3. Theoretical aspects of management.....	323
5.4. Features of management of social systems.....	332
5.5. Types of social systems and forms of government.....	340
5.6. Local and regional aspects of management.....	353
5.7. The management of the global world as the actual problem.....	367
5.8. World government and governance limits.....	381

5.9. Network management in the light of the latest technologies	398
Summary	409
Chapter 6. In search of adequate solutions.....	412
6.1. Forms and ways to resolve contradictions in the global world.....	413
6.2. Crisis is a signal about the unresolved problems.....	418
6.3. "Soft power" as a factor of influence and a way of realizing one's interests.....	436
6.4. Sanctions: a new tool for global policy.....	446
6.5. Conflict of interests: opportunities for dialogue in the modern world.....	453
6.6. Polycentrism and global development prospects.....	463
Summary	475
Instead of a conclusion	478
Index	484
Bibliography	491
Summary	501
Contents	506

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Методологические замечания	10
Глава 1. Геополитические реалии XXI века	14
1.1. Витрины и задворки глобального мира.....	15
1.2. Истоки и природа современных конфликтов.....	28
1.3. Глобальные проблемы современности: основные угрозы XXI века	36
1.4. Природные ресурсы как фактор мировой политики	62
1.5. Национальное и общечеловеческое: конфликт интересов.....	68
1.6. Риски и последствия неадекватного восприятия глобального мира	75
Выводы	79
Глава 2. Архитектоника глобального человечества	81
2.1. Современные контуры мирового сообщества.....	82
2.2. Единство и многообразие глобального мира	85
2.3. Структурные элементы планетарной социосистемы.....	91
2.4. Запад – Восток — Третий мир	95
2.5. Колыбель Западного мира	104
2.6. Авангард Западного мира.....	107
2.7. Форпосты Западного мира.....	110
2.8. Евразийский левиафан	117
2.9. Взлетающий дракон	123
2.10. Реперные ойкумены современного мира	134

2.11. Исламский конгломерат	138
2.12. Значительные региональные социосистемы	142
2.13. «Лоскутное одеяло» планетарного социума.....	150
2.14. Зоны нестабильности и «горячие точки» планеты	152
Выводы	163
Глава 3. Макросдвиги в мировой социосистеме	165
3.1. На пороге фундаментальных трансформаций	165
3.2. Современный мир в философском измерении	171
3.3. Культурно-цивилизационные различия как источник конфронтации	181
3.4. Социокультурные разломы глобального человечества	186
3.5. Великое переселение народов как реальность	202
3.6. Западные ценности под натиском демографического сдвига.....	215
3.7. Восточные ветры глобальных перемен.....	219
3.8. Мегатренды и угрозы глобального мира	227
Выводы	243
Глава 4. В лабиринтах конфронтации	245
4.1. В борьбе за правду: через заблуждения к истине.....	245
4.2. Интерес как определяющий фактор общественных отношений	262
4.3. Природа социального бытия: борьба на выживание	267
4.4. Геополитическое противоборство и уроки холодной войны	276
4.5. Международное сообщество: неравенство возможностей	291
4.6. Потенциалы стран по базовым критериям	294
4.7. Альянсы и реалии современного мира.....	303
Выводы	307

Глава 5. Глобальный мир: проблема управления	309
5.1. Новый мировой порядок — велеие времени	310
5.2. Глобальный мир как системная реальность	319
5.3. Теоретические аспекты управления	323
5.4. Особенности управления общественными системами	332
5.5. Типы общественных систем и формы правления	340
5.6. Локальные и региональные аспекты управления	353
5.7. Управление глобальным миром как актуальная проблема	367
5.8. Мировое правительство и пределы управления	381
5.9. Сетевое управление в свете новейших технологий	398
Выводы	409
Глава 6. В поисках адекватных решений	412
6.1. Формы и способы разрешения противоречий в глобальном мире	413
6.2. Кризис — сигнал о нерешенности насуцных проблем	418
6.3. «Мягкая сила» как фактор влияния и способ реализации своих интересов	436
6.4. Санкции — новый инструмент глобальной политики	446
6.5. Конфликт интересов: возможности диалога в современном мире	453
6.6. Полицентризм и перспективы глобального развития	463
Выводы	475
Вместо заключения	478
Именной указатель	484
Библиография	491
Summary	501
Contents	506